СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Р. А. ФАДѢЕВА.

16483

ТОМЪ III.

ЧАСТЬ I.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ и БУДУЩЕМЪ.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ЧАСТЬ 2.

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РОССІИ.

Библіотека Генеральнаго Штаба

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова. Невскій пр., д. № 138—140.

1889

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЪ

НАСТОЯЩЕМЪ и БУДУЩЕМЪ

(Чѣмъ намъ быть?)

Рядъ статей подъ этимъ заглавіемъ вначалѣ появился въ „Русскомъ Мірѣ“. При первомъ изданіи ихъ отдѣльною книгою въ 1874 г. авторъ предпослалъ имъ слѣдующее краткое предисловіе: „Издавая книгою статьи, напечатанныя въ „Русскомъ Мирѣ“ подъ заглавіемъ „Чѣмъ намъ быть“ я далъ имъ, для удобства читателей, иное раздѣленіе—на главы, соединяя статьи однороднаго содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе дополнено и развито съ большою опредѣленностью, для избѣжанія недоразумѣній, возникшихъ въ обществѣ при чтеніи спѣшно написанныхъ газетныхъ статей. Тѣмъ не менѣе я долженъ просить читателей помнить, что представляемая имъ книга—собственно не книга, отъ которой можно было бы требовать систематической полноты предмета, а рядъ исправленныхъ журнальныхъ статей, соединенныхъ въ одно цѣлое только по формѣ“.

ГЛАВА I.

Наше современное общество.

Любопытно поставить передъ нашимъ обществомъ слѣдующій вопросъ: существуетъ ли для нынѣ живущихъ русскихъ людей, изъ безчисленнаго ряда задачъ, предлагаемыхъ настоящему поколѣнію общественною жизнью, такая задача, которая могла бы быть рѣшена и установлена на дѣлѣ внѣ спора несомнѣннымъ большинствомъ голосовъ, о которой можно было бы сказать, что въ этомъ отношеніи въ Россіи существуетъ твердое мнѣніе? Представимъ себѣ сонъ: намъ снится, что всѣ *частные* русскіе люди, семьдесятъ девять съ половиною милліоновъ изъ осьмидесяти, перенесены мгновенно на другую планету и имъ приходится устраивать свой общественный бытъ безъ помощи готовой правительственной склейки, которою у насъ все держится; этимъ частнымъ людямъ надобно сложиться въ общество и государство одною силою своей исторической закваски и современныхъ убѣжденій. Можетъ ли даже присниться, чтобы, при такой крайности, въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ нашлось достаточное большинство, правильнѣе сказать—достаточная нравственная сила, для твердаго и скораго установленія не только соотвѣтствующихъ формъ,—мы объ нихъ уже не говоримъ,—но даже самыхъ коренныхъ основъ? Слово *большинство* необходимо замѣнить въ этомъ случаѣ словомъ *нравственная сила*, потому что въ нынѣшнемъ состояніи свѣта не всѣ еще люди одинаково люди; подъ развитыми общественными слоями лежатъ слои, представляющіе почти допотопный человѣческій бытъ, которые даже въ случайныхъ проявленіяхъ своей силы движутся не собственными замыслами, а руководятся вожаками изъ исторически созрѣвшихъ верхушекъ,—все равно, на парижскихъ ли

баррикадахъ, предводительствуемыхъ живописцами безъ заказовъ и журнальными сотрудниками безъ работы, на французскомъ ли и нѣмецкомъ всенародномъ голосованіи, выжимаемомъ изъ страны давленіемъ высшихъ слоевъ, или въ рѣшеніяхъ русскихъ гласныхъ отъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ. Явленіе возмутившихся сицилійскихъ рабовъ, избравшихъ своимъ начальникомъ римскаго гражданина, представляетъ и будетъ представлять еще на неизмѣримое время въ будущемъ явленіе неизбѣжное. Мы можемъ поэтому ограничиться въ нашемъ разсужденіи однимъ обществомъ. Хотя русская народная масса и не оставалась бездѣйственною въ рѣшительные часы нашей государственной жизни, какъ, напримѣръ, въ 1612 году (въ чемъ заключается одно изъ великихъ нашихъ преимуществъ), но ея сочувствіе имѣло лишь то значеніе, что доставляло перевѣсъ одной изъ партій, возникавшихъ въ исторически-воспитанномъ общественномъ слоѣ—иначе и быть не могло. Но существуетъ ли въ современномъ русскомъ обществѣ какое либо мнѣніе съ такимъ большинствомъ, или, говоря иначе, существуетъ ли такая группа единомысленныхъ людей, которая въ предполагаемомъ нами снѣ могла бы обратить свою волю въ обязательный законъ, безъ чего новой планетѣ пришлось бы быть свидѣтельницей сумятицы и даже полнаго разложенія, еще невиданныхъ на нашемъ свѣтѣ? Вопросъ этотъ сводится на слѣдующій: оказываются ли въ обновленномъ русскомъ обществѣ хотя бы только завязки самостоятельной и сознательной народной жизни, безъ которой мы можемъ быть расой, можемъ быть государствомъ, но не можемъ стать живою, развивающеюся націей, идущею впередъ по *своему* пути? Ходить же постоянно по чужимъ путямъ значитъ лишиться въ историческомъ смыслѣ права на самостоятельное бытіе, обратиться въ обезличенную толпу, въ матеріалъ, и подвергнуться опасности, раньше или позже, очутиться подъ рукой тѣхъ, у кого есть *свой* путь. Несомнѣнно, что всякій изъ большихъ европейскихъ народовъ, поставленный въ положеніе, о которомъ мы говоримъ, не находился бы долго въ затрудненіи: онъ возсоздался бы по своему историческому складу. У англичанъ не возобновилось бы, вѣроятно, одно пэрство, но управленіе осталось бы на новой планетѣ въ нынѣшнихъ же привычныхъ рукахъ. Между французами не обошлось бы безъ рѣзни, такъ какъ у нихъ лишь рѣзнею устанавливается законность всякаго новаго

правительства; но одна изъ *готовыхъ* партій очень скоро захватила бы власть и снова опеленала бы народъ административною паутиной; французамъ опять пришлось бы платонически увлекаться пристрастіемъ къ той или другой формѣ верховной власти, оставаясь подъ тою же самою ежечасною и мелочною опекой чиновниковъ, назначаемыхъ всякимъ ихъ правительствомъ почти изъ тѣхъ же людей. Нечего и говорить объ американцахъ: почва новой планеты никакъ не показалась бы имъ въ политическомъ отношеніи мудренѣе почвы Новаго Свѣта. То же сравненіе, приблизительно, можно распространить и на нѣмцевъ и на итальянцевъ. Но что дѣлали бы въ такомъ положеніи мы, русскіе? Одна сторона вопроса, вѣроятно, рѣшилась бы скоро. Судя по понятіямъ всей массы нашего народа, признающаго законною властью одну только царскую власть, безъ всякаго ея опредѣленія, мы должны были бы снова прибѣгнуть къ самодержавію, хотя подобное возстановленіе не обошлось бы безъ большой смуты: нашъ народъ вѣритъ не столько въ отвлеченный принципъ, какъ въ освященный родъ. Но вопросъ этимъ не кончается. Самодержавіе все же есть только принципъ, какъ народовластіе въ республикѣ, принципъ, способный облекаться въ самыя разнообразныя формы въ приложеніи къ дѣлу, въ управленіи государствомъ и областями, какъ достаточно доказано нашею собственною исторіей. Но какой монархъ можетъ взяться за устройство управленія, не зная, въ чемъ состоятъ условія и потребности даннаго народа? А кто же, какое мнѣніе, какая группа единомышленниковъ—могли бы указать у насъ, при возсозданіи общественнаго порядка, наши потребности, — указать такимъ образомъ, чтобы голосъ ихъ покрылъ тысячи другихъ голосовъ, настоящую кошачью музыку, которая поднялась бы по этому поводу? Можно сказать съ достаточною вѣроятностью лишь одно: большинство русскихъ голосовъ не захотѣло бы возобновленія бюрократическаго управленія посредствомъ столоначальниковъ, внѣ необходимыхъ размѣровъ. Но чѣмъ замѣнить столоначальниковъ? Кто сказалъ бы это на новой планетѣ съ такимъ авторитетомъ, чтобы въ немъ можно было узнать голосъ страны, по крайней мѣрѣ голосъ нравственной силы, первенствующій въ странѣ, что одно и то же? Можно думать, однако же, что, даже не переѣзжая на другую планету, мы находимся и на этой землѣ въ положеніи довольно близкомъ къ вышеописанному, за однимъ

исключеніемъ — за исключеніемъ прочности верховной власти, безъ которой все у насъ разсыпалось бы прахомъ. Конечно, существованіе твердой власти есть спасительный фактъ, обезпечивающій наше настоящее и близкое будущее въ государственномъ смыслѣ; но само по себѣ оно не предрѣшаетъ формъ общественнаго устройства, соотвѣтствующихъ нашему складу, росту и потребностямъ. Правительство состоитъ не изъ волшебниковъ, которые могли бы знать то, чего не знаетъ самъ народъ; у насъ же не существуетъ покуда никакого связнаго мнѣнія (возможнаго только при связности людей), въ которомъ выражалось бы хотя приблизительно направленіе большинства русскаго общества.

Двадцать лѣтъ тому назадъ нельзя было предложить подобнаго вопроса, не только по стѣсненію слова, но потому, что онъ не имѣлъ бы смысла. Во-первыхъ, нѣкоторое сосредоточеніе мнѣнія и органы для его выраженія тогда существовали, хотя въ очень одностороннемъ и бездѣйственномъ видѣ. Во-вторыхъ, — и это главное, — подобный вопросъ не могъ тогда возбудиться, такъ какъ въ немъ не настояло надобности. Пока продолжался воспитательный періодъ нашей исторіи, открытый Петромъ Великимъ и законченный нынѣшнимъ царствованіемъ, верховная власть относилась у насъ къ народу, вмѣстѣ взятому, не только какъ власть, но какъ наставникъ: и сама она, и русское общество, послѣ страдательнаго противодѣйствія первыхъ годовъ, признали особую просвѣтительную миссію сверху, не постоянную, а временную, отрицавшую по своей сущности самостоятельность сужденія и гражданской дѣятельности у просвѣщаемыхъ. Извѣстное дѣло, что отъ ученика требуютъ только прилежанія и послушанія, а не мнѣнія. Прожитый нами полуторавѣковой воспитательный періодъ былъ запечатлѣнъ исключительнымъ, чисто-искусственнымъ и подражательнымъ характеромъ, рѣзко отличающимъ его и отъ предшествующаго, и надо думать, отъ наступившаго уже времени, отъ минувшихъ и отъ грядущихъ вѣковъ самодѣльнаго народнаго развитія. Настоящее царствованіе упразднило этотъ воспитательный періодъ, вызвавъ общество къ гражданской дѣятельности, и открыло новую эпоху русской исторіи, можно надѣяться — эпоху зрѣлости, въ отношеніи къ которой всѣ предшествующія были только пріуготовительными. Мы выдержали выпускной экзаменъ, такъ, впрочемъ, какъ его обыкновенно выдерживаютъ

на Руси, благодаря снисхожденію экзаменаторовъ, болѣе чѣмъ собственнымъ знаніямъ; тѣмъ не менѣе мы теперь уже должны стоять на своихъ ногахъ и жить своимъ умомъ. Вопросъ объ опредѣленности и твердости общественнаго мнѣнія и о связности сословныхъ пластовъ и группъ, способныхъ взращать и выражать его, становится изъ празднаго, какимъ онъ былъ еще недавно, неотложнымъ. Покуда же мы, русскіе, встающіе со школьной скамьи воспитательнаго вѣка своей исторіи, связываемся между собою не какою либо общностью мнѣнія, свойственною всякой сложившейся націи, а лишь нѣкоторымъ единствомъ народнаго чувства; это чувство есть не иное что, какъ отголосокъ, постепенно выдыхающійся отъ времени, однородности и сосредоточенія національныхъ взглядовъ, когда-то у насъ существовавшихъ. Потому, мы покуда только государство, а не общество. Очевидно, крѣпость государственнаго сложенія обезпечиваетъ намъ переходный срокъ, въ теченіи котораго мы можемъ сростись въ общество; но тѣмъ не менѣе срокъ этотъ, едва ли растяжимый произвольно, долженъ окончательно рѣшить, что намъ предстоитъ впереди: быть ли живымъ народомъ, или политическимъ сборомъ безсвязныхъ единицъ. На днѣ вопроса, поставленнаго такимъ образомъ, лежитъ ключъ нашего будущаго.

Въ современной Россіи видно во всемъ отсутствіе сложившихся мнѣній и общественныхъ органовъ, способныхъ установить взгляды большинства и выражать ихъ съ достаточнымъ вѣсомъ. Одно связано съ другимъ неразрывно: разбродъ мнѣній всегда доказываетъ, между прочимъ, разбродъ людей. Ниже мы постараемся изслѣдовать причины такого необычайнаго явленія—тысячелѣтняго историческаго общества съ неустоявшимися понятіями; покуда же можно удовольствоваться признаніемъ самаго факта: путаница нашихъ понятій бросается въ глаза. Мы всѣ знаемъ, что русскій народъ чрезвычайно даровитъ, что умныхъ людей у насъ едва ли не больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Достаточно проѣхать нѣсколько сотъ верстъ по нашимъ и по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ, разговаривая съ случайными сосѣдями, чтобы неотразимо придти къ двумъ заключеніямъ: первое—что въ сужденіи большинства русскихъ людей гораздо болѣе мѣткости и независимости; второе — что въ самыхъ обыденныхъ предметахъ, къ которымъ европеецъ подходитъ совершенно развязно, какъ къ своему дому, зная

всѣ входы и выходы, русскому приходится какъ будто открывать Америку; вы видите, что нашъ землякъ подступаетъ къ предмету какъ бы въ первый разъ и притомъ въ одиночку, не чувствуя за собою никакой опоры сложившагося мнѣнія. Даже въ противоположныхъ взглядахъ двухъ европейцевъ на какой либо предметъ замѣтно, что сужденія ихъ исходятъ изъ одного общаго основанія и расходятся только въ личныхъ заключеніяхъ; но даже въ согласіи двухъ русскихъ чувствуется, что мнѣнія ихъ вытекаютъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія и сходятся только въ практическомъ выводѣ. Подъ нашими взглядами нѣтъ общей подкладки, выработанной совокупною жизнью. Оттого средній русскій человѣкъ изъ фрачныхъ слоевъ или крайне нерѣшителенъ въ своихъ заключеніяхъ, не довѣряетъ себѣ, или же дерзокъ до безобразія, до безсмыслія. И нерѣшительность, и дерзость происходятъ изъ одного источника—изъ того, что онъ долженъ до всего добираться самъ, что онъ не знаетъ, что и кто за него, что и кто противъ него; онъ разсуждаетъ въ одиночку. И наша робость, и наша смѣлость не сознательны. Оттого русскіе люди, даже вполнѣ зрѣлые и нравственно сильные, которые принесли бы честь всякой странѣ, мало полезны обществу. Какъ имѣть вліяніе на общество, когда оно не представляетъ ни сборныхъ мнѣній, ни общихъ интересовъ, ни сложившихся группъ, на которыя можно было бы дѣйствовать; вліять же на людей поодиночкѣ значило бы черпать море ложкою. Недостатокъ гражданской доблести, вялость въ исполненіи своихъ обязанностей и равнодушіе къ общему дѣлу, въ которыхъ мы постоянно себя упрекаемъ, происходятъ, въ сущности, отъ безсвязности между людьми. Немудрено быть гражданиномъ тамъ, гдѣ человѣкъ видитъ передъ собою возможность осуществить всякое хорошее намѣреніе; но нужна непомѣрная, чрезвычайно рѣдкая энергія, чтобы тратить силы при малой надеждѣ на успѣхъ. Это чувство одиночества, дѣйствующее очень долго, повліяло, конечно, и на складъ русскаго человѣка, сдѣлало его относительно-равнодушнымъ къ общественному дѣлу, лишило вѣры въ себя, вытравило изъ насъ отчасти то, что называется индивидуализмомъ. Невозможно вылѣчиться отъ равнодушія, пока продолжается обстановка, его создавшая.

Въ русской литературѣ то же самое, что въ русской жизни. И здѣсь нѣтъ недостатка въ умныхъ и ученыхъ книгахъ или

журнальныхъ статьяхъ, заносимыхъ въ періодическія изданія изъ самаго общества; но подъ зрѣлыми русскими книгами такъ же точно не оказывается почвы, какъ и подъ зрѣлыми русскими людьми: онѣ мало входятъ въ народное сознаніе, между ними и общимъ уровнемъ остается пустой промежутокъ. Въ другихъ странахъ никакое личное выраженіе сильной мысли не пропадаетъ даромъ: оно подхватывается и разносится въ обществѣ періодическою печатью, оно, можно сказать, размѣнивается ею на мелочь для всеобщаго употребленія. У насъ же, между серьезными трудами со стороны, которые печатаютъ случайно газеты или журналы, и собственными ихъ передовыми статьями или обозрѣніями не оказывается никакой связи; въ печати, какъ и въ жизни, зрѣлые люди остаются одинокими, мыслятъ про себя, а печать (даже изданія, служащія имъ органомъ, за весьма малымъ исключеніемъ) продолжаетъ угощать публику тою же уличною философіею и политикою. Даже въ дѣлѣ рецензіи и ознакомленія общества съ замѣчательными отечественными произведеніями, составляющихъ прямое дѣло періодической печати, всякій трудъ, переростающій общій уровень, всякое произведеніе мысли сколько нибудь сильной—остаются чужды русской критикѣ; развѣ случайно вздумается умному и ученому адвокату написать разборъ новаго сочиненія по соціологіи, или «неизвѣстному» представить очеркъ такъ-называемыхъ «запрещенныхъ духовныхъ книгъ». Безъ такихъ случайностей, довольно рѣдкихъ, одиночныя верхушки русской мысли оказываются не подъ силу нашей критикѣ, даже не затрогиваются ею. Удивительно развѣ то, что многіе люди все-таки добираются до этихъ произведеній собственнымъ чутьемъ, безъ всякаго указанія, что репутація нашихъ дѣятелей и писателей въ обществѣ держится совершенно независимо отъ ея огласки печатью; этотъ фактъ болѣе всего остальнаго доказываетъ великія нравственныя силы, скрытыя въ нѣдрахъ русскаго общества, несмотря на слабость внѣшнихъ его проявленій. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, наша періодическая печать оказывала несомнѣнное вліяніе на общество, но въ итогѣ вліяніе пустозвонное и не хорошее, и утратила его по своей винѣ *). Теперь она не руководитъ рѣши-

*) Мы не считаемъ нужнымъ оговаривать всѣмъ извѣстныхъ исключеній—объ изданіяхъ, оказавшихъ въ свое время несомнѣнную услугу русской мысли

тельно ничѣмъ, остается совершенно безплодною для развитія мнѣнія русскихъ людей, тѣхъ по крайней мѣрѣ, у которыхъ выросла уже борода. Особенно должно сказать это о нашей печати газетной, наиболѣе привлекающей читателей средняго уровня; она исключительно живетъ фельетономъ, обращеннымъ въ потѣху для публики, принявшемъ всѣ свойства стариннаго помѣщичьяго увесселенія съ шутами и скоморохами. Наши нигилистскіе журналы издаются для гимназистовъ; такъ-называемыя серьезныя газеты, во всемъ, что онѣ говорятъ отъ своего имени,—ровно ни для кого: читатели ищутъ въ нихъ шутокъ, телеграммъ, извѣстій изъ областей, городской хроники, иногда останавливаются на случайномъ словѣ кого нибудь изъ читателей же, рѣшившагося высказаться — и только.

Явленіе само по себѣ совершенно понятное. Въ нашей періодической печати не выражается, кромѣ рѣдкихъ исключеній, никакихъ *сборныхъ* мнѣній, у нея нѣтъ союза со *сборными* интересами, такъ какъ страна почти не обнаруживаетъ ихъ; за печатью не стоитъ никто, она не внушается никакою живою дѣйствительностью, она рѣшаетъ все на свѣтѣ съ точки зрѣнія какихъ-то *общечеловѣчныхъ принциповъ*, замѣняющихъ недостатокъ положительнаго дѣла; однимъ словомъ, она выражаетъ собою только самое себя, понятія своихъ сотрудниковъ. Кому же они могутъ быть любопытны? Нельзя сказать притомъ, чтобы въ нашихъ журнальныхъ редакціяхъ не было даровитыхъ людей: они есть; но у этихъ людей нѣтъ дѣла, они проникнуты тѣмъ же характеромъ, находятся въ тѣхъ же условіяхъ, какъ наши даровитые собесѣдники на желѣзныхъ дорогахъ. Едва можно назвать двѣ или три редакціи, стоящія выше этой среды; но и онѣ точно также вращаются въ пустотѣ. Свыше, очевидно, относятся къ вліянію такой печати гораздо серьезнѣе, чѣмъ относится къ ней само общество—лучшій судья въ этомъ вопросѣ.

Тѣмъ не менѣе дѣло идетъ о предметѣ первой важности. Современное состояніе дважды обновленнаго русскаго общества, во всякомъ проявленіи его, до какого не коснись—до жизни высшихъ и низшихъ слоевъ, до земскаго управленія,

---

и русскому дѣлу по текущимъ случайнымъ вопросамъ; исключеніе только одтверждаетъ правило.

до церковнаго причта, до школы свѣтской и духовной, до печати, до войска, до семейнаго быта,—доказываетъ совершенный разбродъ людей и понятій, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Этой бѣдѣ не поможетъ ни классическое, ни реальное образованіе, когда вокругъ юношей, выходящихъ изъ школы, общественная жизнь разсыпается на первобытные атомы. Никуда не годится объяснять наше внутреннее безсиліе (можно сказать даже—оскудѣніе, потому что въ извѣстномъ отношеніи мы спустились ниже, чѣмъ стояли недавно) одною молодостью тысячелѣтней Россіи; нечего ждать естественнаго наступленія возмужалости. При нынѣшнемъ ходѣ дѣла, эта возмужалость никогда ни придетъ сама собою. Съ каждымъ годомъ мы будемъ скорѣе разсыпаться, чѣмъ складываться, а въ настоящемъ положеніи свѣта, сросшись съ Европой такъ тѣсно, какъ мы съ нею срослись, намъ некогда уже подростать потихоньку. Глиняный горшокъ не спутникъ желѣзному.

Прежде чѣмъ искать выхода изъ нашей безсвязности, надобно хорошенько въ ней оглядѣться. Не только въ русской общественной жизни нѣтъ ни средоточія общаго, ни средоточій мѣстныхъ, его нѣтъ также точно и въ русской мысли. Справа налѣво, во всемъ туманномъ облакѣ расплывающихся русскихъ мнѣній, изъ которыхъ ни одно не очерчено ясно, отъ бывшихъ славянофиловъ до крайнихъ нигилистовъ, непримѣтно до сихъ поръ ни одной точки, въ которой можно было бы предполагать будущій центръ тяготѣнія нашей національной мысли, направленіе будущаго большинства. Этой точки нельзя даже подозрѣвать, потому что у насъ обрисовались сколько-нибудь лишь крайнія, совершенно несогласимыя мнѣнія; а въ промежуткѣ между ними, гдѣ обыкновенно помѣщается центръ, тянется умственная пустота, въ которой вращается вихрь осколковъ—даже не мыслей, а осколковъ фразъ и словъ, надерганныхъ наудачу изъ обѣихъ оконечностей, больше, впрочемъ, съ лѣвой, чѣмъ съ правой; выводы послѣдней, и то безъ яснаго понятія объ ихъ источникѣ, стали только недавно входить въ общее сознаніе. Этотъ вихрь самородныхъ осколковъ недавно зародившейся русской мысли перемѣшанъ вдобавокъ съ роемъ другихъ мысленныхъ осколковъ, внесенныхъ гуртомъ въ наши понятія только-что прожитымъ подражательнымъ періодомъ русской исторіи. Наше

образованное общество воспитывалось на иностранной жизни, то-есть на иностранныхъ литературахъ, и огуломъ почерпало изъ нихъ не столько мысли, какъ названія съ подведенными подъ нихъ заключеніями, а потомъ, не задумываясь, примѣняло эти названія и заключенія къ своему домашнему быту, къ явленіямъ русской жизни, имѣющимъ совсѣмъ иное содержаніе. Эта переноска названій и готовыхъ выводовъ на неподходящіе къ нимъ предметы спутала наши понятія до хаоса. Мы не замѣтили въ началѣ своего подражательнаго вѣка, что явленія нашей общественной и государственной жизни, окрещиваемыя иностранными именами, подразумѣваютъ совсѣмъ не то, что слова эти означаютъ на западѣ: что русская верховная власть стоитъ на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, чѣмъ феодальная европейская монархія; что русское дворянство не имѣетъ ничего общаго съ дворянствомъ западнымъ ни по происхожденію, ни по отношенію къ народу и представляетъ совсѣмъ иную функцію общественной жизни; что примѣненіе къ намъ европейскихъ понятій о среднемъ сословіи составляетъ безсмыслицу, потому что въ Россіи всего только два пласта людей—пластъ, созрѣвшій исторически, постоянно подновляемый притокомъ новыхъ силъ снизу, и пластъ стихійный—простой народъ; что православное духовенство, какъ общественной органъ, не можетъ быть ни съ какой стороны прировнено къ клиру католическому или церковному наставничеству протестантскому; что православная церковь, охраняющая свое единство въ чисто-духовномъ смыслѣ, составляетъ учрежденіе *не* политическое, чѣмъ обусловливается внутреннее направленіе нашей исторіи, кромѣ случайныхъ, совершенно личныхъ отклоненій, а потому у насъ невозможно мѣрить отношенія церкви къ государству заграничнымъ аршиномъ; что въ Россіи нѣтъ черни, волнующей съ нѣкотораго времени Западную Европу, а есть только осѣдлый народъ, не разрывающій связи съ родною деревнею, даже при долголѣтнемъ жительствѣ на сторонѣ; что завистливыя отношенія низшихъ *народныхъ* слоевъ къ высшимъ, образованнымъ, рѣшительно у насъ не существуютъ, вслѣдствіе чего первые не требуютъ себѣ никакого трибунства, никакого огражденія отъ послѣднихъ; что нашъ народъ привыкъ управляться міромъ только въ хозяйственномъ отношеніи—дѣлить общинную землю и подати, а полицейское самоуправленіе на швейцарскій ладъ ему

невѣдомо,—и такъ далѣе безъ конца. Можно было бы выслѣдить во всемъ объемѣ образованной русской жизни фальшь, происходящую изъ занесенныхъ къ намъ чужихъ названій и выводимыхъ изъ нихъ неподходящихъ заключеній. Проглядѣвъ въ первомъ жару образовательнаго увлеченія это коренное различіе между вновь заучиваемыми словами и своею родною дѣйствительностью, мы сбили себя съ толку на полтора, можетъ быть, на два столѣтія. Мы уподобились всѣ львенкамъ басни, отданнымъ на воспитаніе орлу и воспылавшимъ, по возвращеніи домой, рвеніемъ обучать звѣрей искусству вить гнѣзда. Отсюда всѣ промахи нашего воспитательнаго періода сверху и снизу вплоть до новѣйшаго нигилизма, прямаго и неизбѣжнаго его послѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ самаго неподходящаго и безсмысленнѣйшаго изъ русскихъ подражаній. Изъ общества, вмѣстѣ съ людьми, эта привычная подстановка чуждыхъ названій и выводовъ подъ русскую дѣйствительность перешла и въ офиціальные круги—кто же наполнялъ эти круги, какъ не тѣ же люди образованнаго русскаго слоя?—и отразилась на безконечномъ рядѣ правительственныхъ мѣръ прошлаго времени; въ послѣдній разъ она отозвалась, и отозвалась сильно, на громадныхъ преобразованіяхъ шестидесятыхъ годовъ. Въ обществѣ это полуторавѣковое qui pro quo дѣйствуетъ до сихъ поръ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ личный взглядъ человѣка ближе подходитъ къ лѣвой сторонѣ русскихъ направленій, то-есть чѣмъ меньше самостоятельности въ его мысли. Какой нибудь журналъ пишетъ статью о народномъ образованіи въ Россіи: онъ считаетъ просвѣщеннымъ дѣломъ выговорить, по западному образцу, огражденіе образованія отъ клерикализма, даже не подозрѣвая того, что, безпокоясь о нашемъ клерикализмѣ, онъ говоритъ французскимъ языкомъ уѣздной барышни, которая называетъ содержателя постоялаго двора—по народному, дворника—le portier; а щи—la soupe au choux.

Одно съ другимъ—переплетеніе крайнихъ взглядовъ, выросшихъ на русской почвѣ, съ хаосомъ неподходящихъ, чуждыхъ нашей жизни выводовъ и заключеній—не могли не сбиться въ настоящую кашу въ русской головѣ средней силы. При нѣкоторой связности общественной жизни, этотъ хаосъ пришелъ бы самъ собою въ порядокъ, по крайней мѣрѣ распредѣлился бы по группамъ; значеніе господствующихъ направленій можно

было сосчитать, если не взвѣсить; мы знали бы приблизительно, въ чемъ у насъ сила и куда мы идемъ. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣла, при полной безсвязности людей, умственный хаосъ обращается въ нашъ хроническій недугъ. Нельзя не замѣтить, однакожъ, что механическая смѣсь противоположныхъ или, что еще хуже, несоизмѣримыхъ взглядовъ можетъ уживаться только въ частной жизни нетребовательныхъ личностей, для которыхъ мнѣнія составляютъ нѣчто вродѣ умственнаго упражненія на досугѣ; но съ нею не уживается стройная общественная жизнь, требующая прежде всего извѣстнаго соотвѣтствія началъ и цѣлей въ людяхъ, дѣйствующихъ сообща.

Единственная серьезная работа русской мысли надъ самой собою дана намъ группою, наименѣе у насъ популярною, бывшими славянофилами—не въ ихъ теоріи и не въ ихъ практическихъ заключеніяхъ, но въ анализѣ, совершенномъ ими надъ русскими понятіями конца воспитательнаго періода, въ изобличеніи вопіющей фальши чуждыхъ названій и подведенныхъ къ нимъ готовыхъ заключеній чужеземной жизни въ отношеніи къ русской дѣйствительности, въ точномъ опредѣленіи нашего рода и вида между націями, въ общественномъ и духовномъ смыслѣ. Безъ этого труда, не вполнѣ еще вошедшаго въ общественное сознаніе, но тѣмъ не менѣе проникающаго его понемногу со всѣхъ сторонъ, мы находились бы до сихъ поръ въ смутномъ положеніи образованнаго русскаго слоя двадцатыхъ годовъ, стремившагося всею душою, чистосердечно, къ перенесенію на нашу почву французскихъ порядковъ и французскихъ политическихъ заключеній,—въ положеніи русскихъ барынь, обращаемыхъ де-Местромъ въ ультрамонтанство,—въ понятіяхъ того времени, когда Бѣлинскій видѣлъ въ турецкомъ пашѣ и австрійскомъ жандармѣ просвѣтительное начало для славянъ. О школѣ славянофиловъ можно говорить уже въ прошломъ; она отжила свое время и высказала все, что имѣла сказать. Теорія ея создала принципъ слишкомъ цѣльный, чтобы онъ могъ примѣниться къ условному общественному быту; въ практическихъ заключеніяхъ она не принесла плода. Поставивши ясно вопросъ, независимые и либеральные умы, работавшіе въ этомъ направленіи, не умѣли свести его на жизненную почву; такая задача оказалась не подъ силу ихъ времени. Они пришли на дѣлѣ почти къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ позднѣйшіе либералы съ чужихъ словъ: искали спасенія въ

сокровищахъ стихійной мудрости русскаго простонародья. Съ общаго голоса всѣхъ направленій опытъ былъ предпринятъ. Оказалось, какъ и должно было оказаться, что стихійныя народныя сокровища (дѣйствительныя, какъ доказывается русскою исторіей) уподобляются минеральнымъ сокровищамъ горы Благодати: лежатъ подъ спудомъ и безъ пользы, покуда образованные инженеры не станутъ извлекать ихъ по частямъ и отливать въ опредѣленную форму.

Нечего говорить о несуществующей пока срединѣ русскихъ мнѣній, о томъ, что называется на Западѣ правымъ и лѣвомъ центрами, всегда составляющими большинство: она высказывается по временамъ лишь въ добрыхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ практическимъ предметамъ, выражаетъ преимущественно личное настроеніе и не выработала себѣ никакихъ общихъ началъ. Да какъ и выработать? Мы вынуждены перешагнуть прямо къ вавилонскому смѣшенію языковъ, названному недавно лѣвою стороной русскихъ мнѣній.

Наши лѣвыя мнѣнія прозвали себя либеральными. Это прилагательное удержалось за ними въ разговорномъ языкѣ, не какъ сужденіе общества, но какъ кличка. Что значитъ въ ихъ смыслѣ слово либерализмъ, — можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія.

Славянофилы, нынѣ уже отжившіе, были не только либералами, но либералами-утопистами, насколько русскіе люди могли стать ими, не отрываясь совершенно отъ почвы. Они такъ глубоко вѣрили въ сокровенную духовную мощь русскаго народа, что считали возможнымъ осуществленіе самыхъ широкихъ идеаловъ жизни почти безъ всякихъ обезпеченій со стороны власти и закона, на началахъ одного полюбовнаго соглашенія: они вѣрили въ народную правду, то-есть въ разумное сельское самоуправленіе съ общиной и круговою порукой; вѣрили въ самое широкое самоуправленіе областное и государственное (земскіе соборы, какъ совѣщательное собраніе); вѣрили въ полную свободу слова, служащаго само себѣ противовѣсомъ; вѣрили въ безъизъятную свободу совѣсти и духовную вселенскую церковь, стоящую исключительно на единодушіи вѣрующихъ, внѣ всякой охраны со стороны государства; они признавали судъ присяжныхъ (справедливо или нѣтъ—все равно) за коренное славянское учрежденіе; ограничивали въ своей теоріи дѣйствіе администраціи одною внѣшнею, фактическою

стороной жизни; были противниками всякихъ предупредительныхъ стѣсненій; свято (хотя, конечно, не слѣпо) чтили науку,— и такъ далѣе. Если такія мнѣнія — не самый полный, почти радикальный, даже увлекающійся либерализмъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ современному общественному состоянію Россіи,—то что же онѣ такое? Не даромъ Герценъ называлъ славянофиловъ своими братьями по свободомыслію. Противъ нихъ можно было спорить во многомъ, даже почти во всемъ, вслѣдствіе слишкомъ теоретической постановки, которую они давали своимъ положеніямъ; можно было опровергать ихъ пріемы; можно было доказать имъ, что такого свободнаго общества, о какомъ они мечтали, еще не существовало на свѣтѣ, — но никакъ нельзя было не признавать ихъ самыми свободомыслящими людьми. Между тѣмъ, наши такъ-называемые либералы всегда считали и именовали группу славянофиловъ консервативною, *нелиберальною*. Такъ выражались даже почтенные, совсѣмъ не-нигилистскіе, сохраняющіе благопристойность органы лѣваго направленія; подонки же этой стороны литературы, настоящіе нигилистскіе листки, величали мнѣнія славянофиловъ «понятіями московской просвирни». Теперь спрашивается: если стремленіе къ широчайшему самоуправленію, къ свободѣ слова и совѣсти, къ независимой не политической церкви, къ народному суду, къ вольной наукѣ и т. д. составляютъ въ нынѣшнемъ положеніи нашего отечества партію консервативную, то въ чемъ же заключаются гражданскія стремленія нашей партіи прогрессивной?

Читатель ждетъ ужасовъ. Можно думать, что идеалъ людей, для которыхъ всѣ вышесказанныя стремленія составляютъ не болѣе какъ чистый консерватизмъ, долженъ бить, по крайней мѣрѣ, на какой нибудь соціальный переворотъ! Нѣтъ, ничего подобнаго наши либералы не имѣютъ въ виду. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ у насъ дѣйствительно развилось-было, подъ давленіемъ долгаго застоя, заграничной пропаганды и тяжелаго впечатлѣнія крымской неудачи, направленіе поголовно отрицательное, сильно проникнутое бреднями соціализма и космополитизма—нашъ знаменитый нигилизмъ; но онъ никогда не былъ сознательнымъ убѣжденіемъ чьимъ бы то ни было, кромѣ нѣсколькихъ недокроенныхъ природою личностей,—онъ былъ только модою, на которую всегда податливы люди, не чувствующіе подъ собою почвы. Первое соприкосновеніе рус-

скаго общества съ дѣйствительностью, въ видѣ польскаго возстанія, снесло его какъ утренній туманъ. Остатки нигилизма укрылись въ литературныхъ подпольяхъ, откуда они продолжаютъ дѣйствовать понемногу на разныхъ юношей, такъ что нынѣшніе русскіе нигилисты составляютъ не какую либо группу людей, связанную общими убѣжденіями, а только извѣстный возрастъ. Какъ Аѳины подъ управленіемъ геронтократіи (аристократіи старцевъ), Россія подѣлилась на партію людей брадатыхъ и партію безбородыхъ; стало быть, нынѣшній нигилизмъ въ сущности составляетъ довольно невинную забаву. Съ тѣмъ вмѣстѣ вершины, даже средній уровень либеральной печати и публики, почти совершенно очистились, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи, отъ нигилистскихъ началъ, то-есть отъ фантазіи отрицанія всего историческаго подлуннаго міра, хотя множество отдѣльныхъ повѣрій той полосы времени удержались еще, какъ лужи послѣ наводненія. Но хотя въ настоящее время наши грамотные либералы уже не нигилисты, тѣмъ не менѣе они признаютъ за собою стремленіе къ такимъ возвышеннымъ цѣлямъ, въ сравненіи съ которыми утопическія цѣли славянофиловъ ничто иное, какъ консерватизмъ. Мы полагали бы, что на свѣтѣ не существуетъ покуда политическаго идеала, который могъ бы относиться къ полной свободѣ самоуправленія, слова, церкви и проч., какъ прогессъ къ застою; американцы такого идеала не знаютъ: честь изобрѣтенія его принадлежитъ русской лѣвой сторонѣ. Но въ чемъ же состоитъ, наконецъ, этотъ недостижимый для другихъ народовъ идеалъ? Увы, это можно сказать въ двухъ словахъ. Онъ состоитъ *ни въ чемъ*, все содержаніе его не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ либеральныхъ общихъ мѣстъ, занесенныхъ къ намъ краснорѣчіемъ европейскихъ политическихъ партій. Для нашихъ либераловъ важны слова и названія, а не дѣло.

Перенесеніе въ нашъ домашній бытъ названій и заключеній, выработанныхъ чужою жизнью, о которомъ мы говорили, усложнилось еще особымъ, временнымъ характеромъ—теоретическимъ крайне-либеральнымъ оттѣнкомъ въ самомъ неопредѣленномъ значеніи этого слова. Европейскія понятія стали проникать въ русское общество только въ послѣдніе годы Екатерины, одновременно со взрывомъ резолюціи; до тѣхъ поръ мы заимствовали военно-техническія знанія, шитые кам-

золы и менуэтъ; еще Рюльеръ говорилъ объ насъ: «une nation barbare armée de tous les arts de la guerre». Въ ту пору именно вся Европа увлекалась царствомъ разума и правами человѣка; понятно, что это увлеченіе, въ теоріи, не осталось чуждымъ и русскому образованному обществу. Но съ тѣхъ поръ между Европою и нами легла слѣдующая разница: Европа выстрадала послѣдствія своихъ увлеченій и научилась жестокимъ опытомъ отличать слова отъ дѣла; по крайней мѣрѣ культурные слои ея научились этому искусству. Мы же заимствовали изъ ея пира только цвѣтки безъ ягодокъ и позволяемъ себѣ роскошно упиваться ихъ ароматомъ, не разбирая между цѣлебными и ядовитыми. При такомъ золотомъ настроеніи, владычество пышныхъ словъ хотя и не умно, но понятно. Слова эти, несмотря на свою обветшалость, стали у насъ для многихъ такими же кумирами, такими же метафизическими существами, по выраженію Огюста Конта, какими были они для французовъ 1788 года—въ меньшей степени конечно, такъ какъ тамъ кумиры были самородные, у насъ же они заносные.

Въ этихъ метафизическихъ либеральныхъ словахъ заключается вся сущность нашей лѣвой стороны, всѣхъ изданій и мнѣній, выросшихъ первоначально на смутной почвѣ конца пятидесятыхъ годовъ, несмотря на видимыя усилія многихъ изъ нихъ высвободиться изъ-подъ такихъ воспоминаній. Кумиропоклоненіе предъ словами выказывается на этой сторонѣ всякій разъ безъ исключенія, какъ только подымается у насъ какой нибудь общественный вопросъ. Достаточно указать на выдержку нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ. Каждый такой примѣръ, какъ каждое отдѣльное существо въ природѣ, представляетъ собою цѣлый микрокосмъ, въ которомъ отражается все общественное состояніе съ своими оттѣнками.

Вотъ случай съ госпожею Энкенъ. Приговоръ мироваго суда, учрежденнаго для разбора дѣлъ по обычаю страны, противорѣчилъ не только русскому обычаю, но обычаю всѣхъ странъ въ свѣтѣ; онъ былъ бы несообразнымъ даже въ демократической Америкѣ. Еслибъ такіе приговоры вошли въ привычку, еслибъ русскій человѣкъ не могъ прогнать во всякое время слугу, ругающаго его въ глаза,—существованіе культурныхъ слоевъ стало бы у насъ невозможнымъ; отъ министра до послѣдняго технолога всѣмъ людямъ образованныхъ слоевъ пришлось бы бросить умственный трудъ и заняться

чорною работой, мести свою комнату и чистить сапоги, по невозможности держать прислугу. Ни мировые судьи, изрекшіе знаменитый приговоръ, ни защитники ихъ въ печати не потерпѣли бы у себя, въ своемъ личномъ дѣлѣ, ничего подобнаго. И тѣ и другіе знали отлично, знали несомнѣнно, что этотъ приговоръ выражаетъ произвольную ложь въ общественныхъ отношеніяхъ; что ни въ одной странѣ, имѣющей привычку къ самоуправленію, онъ не былъ бы допущенъ; что распространеніе подобныхъ взглядовъ мироваго суда имѣло бы послѣдствіемъ переворотъ всѣхъ общественныхъ отношеній, нѣчто въ родѣ соціальной революціи—чего не хочетъ ни правительство, ни общество, чего въ дѣйствительности не хотятъ даже эти судьи и ихъ литературные защитники. Всякому извѣстно, что общія начала или принципы, на которыхъ подобный приговоръ могъ бы основаться, годятся развѣ для самаго плохаго нигилистскаго листка. Никакой европеецъ не пойметъ возможности защитить московскій приговоръ; значительная же часть нашей такъ-называемой либеральной печати защищала его. Если защищала, стало быть надѣялась на одобреніе многихъ читателей, изъ которыхъ ни одинъ, навѣрное не поступилъ бы въ подобномъ случаѣ снисходительнѣе г-жи Енкенъ, а большинство поступило бы гораздо суровѣе. Что же означаетъ подобное явленіе, если не ребяческое кумиропоклоненіе предъ общими мѣстами либерализма, неимѣющими никакого значенія въ жизни. Общее либеральное мѣсто въ данномъ случаѣ—это три завѣтныя слова: святость суда, выборное начало и равенство передъ закономъ. Но святы лишь вѣра и отечество, отецъ и мать; судъ вовсе не святъ самъ по себѣ: онъ есть общественная потребность и годится, въ данномъ ему устройствѣ, только до тѣхъ поръ, пока удовлетворяетъ этой потребности, а не противорѣчитъ ей; выборное начало есть средство, а не цѣль,—средство, не соотвѣтствующее многимъ отправленіямъ общественной жизни; равенство имѣетъ значеніе между гражданами, которыхъ самъ же законъ ставитъ въ равное положеніе, а не между солдатомъ и офицеромъ, не между наемнымъ слугою и его господиномъ, не говоря уже о томъ, что всякій выгонитъ изъ дому не только низшее, но и равное, но и высшее себя лицо, если оно начнетъ дѣлать дерзости. Либеральные защитники московскаго приговора знаютъ это такъ же хорошо, какъ мы; ихъ практиче-

скія дѣйствія совершенно сходны съ нашими, но на бумагѣ они—рабы извѣстныхъ словъ фетишей, они отрекаются предъ ними отъ своего личнаго сужденія.

Возьмемъ другой случай. Рѣчь идетъ о присяжныхъ, просящихъ милостыни между засѣданіями и крадущихъ другъ у друга полушубки на скамьѣ суда. Сказать мимоходомъ, мы вовсе не противъ присяжныхъ изъ крестьянъ, — они оказываются лучше столичныхъ, — но всему есть мѣра. Лѣвая, то-есть либеральная печать возстаетъ на защиту существующаго порядка на томъ основаніи, что законъ есть дѣло вѣковое и священное; что въ Англіи даже сомнительные законы испытываются цѣлыми столѣтіями прежде, чѣмъ рѣшаются ихъ измѣнить. Защитники прошенія милостыни присяжными, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, хорошо знаютъ, что въ Англіи святые законы складывались вѣковымъ обычаемъ и мнѣніемъ, прежде чѣмъ устанавливались обязательно; они также знаютъ, что наши недавнія учрежденія, по самой новизнѣ своей и теоретичности составляютъ какъ-бы пробу, требующую дальнѣйшаго указанія опыта, что въ ихъ подробностяхъ такой-то параграфъ выработанъ вчернѣ такимъ то начальникомъ отдѣленія, котораго мы хорошо знаемъ въ домашнемъ быту, не признавая за нимъ никакой святости. Они все это знаютъ; но тутъ замѣшано слово: «присяжные отъ крестьянъ», и они уже не могутъ судить своимъ умомъ, они—рабы либеральнаго слова, для оправданія котораго подыскиваютъ совершенно неподходящій примѣръ Англіи.

Идетъ рѣчь о всѣсословной волости, неотложномъ вопросѣ текущаго времени. Наша либеральная печать, также какъ и прочіе ея оттѣнки, признаетъ эту необходимость; но она соглашается на нее только подъ условіемъ, чтобы въ новой волости помѣщики сравнялись съ мужиками, а всѣ должности оплачивались, т. е. демократизировались, хотя главная потребность этого учрежденія состоитъ именно въ томъ, чтобы высвободить русскій народъ изъ-подъ мужичьяго управленія, становящагося для него нестерпимымъ. Тщетно г. Марковъ и столько другихъ, стоящихъ въ прямомъ прикосновеніи съ народомъ, высказываютъ несомнѣнную истину, что у насъ между крестьянствомъ и господами нѣтъ розни, что наши крестьяне въ своего брата не вѣрятъ, что они полагаются больше на правду господъ, а господиномъ считаютъ не какого либо за-

бредшаго на ихъ сторону студента, а своего мѣстнаго, кореннаго помѣщика; что извращеніе закономъ естественныхъ, вросшихъ въ нравы отношеній можетъ не устроить, а только еще болѣе разстроить общество, и безъ того почти разсыпающееся. Что за дѣло нашимъ присяжнымъ либераламъ, хорошо или худо будетъ русскимъ крестьянамъ, хорошо или худо пойдутъ дѣла въ уѣздахъ? Они ихъ и не увидятъ. Принципъ равенства на бумагѣ,—вотъ что важно. Не мѣнять же тона петербургской редакціи изъ-за мѣстныхъ дѣлъ какого нибудь далекаго уѣзда.

Вотъ вопросъ о пьянствѣ, возросшемъ до крайнихъ предѣловъ и составляющемъ язву нынѣшней Россіи. Различіе во взглядахъ на средства къ пресѣченію зла очень понятно; но какое же различіе могло бы обнаружиться, кажется, въ сужденіи о *необходимости* какихъ либо мѣръ для этой цѣли. Извѣстно, что чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ болѣе оно заботится о народной нравственности, чѣмъ либералъ искреннѣе, тѣмъ онъ ближе принимаетъ къ сердцу народное благосостояніе, въ корнѣ подсѣкаемое пьянствомъ. Тутъ то именно, на почвѣ питейнаго вопроса, слѣдовало ожидать единодушія всѣхъ либеральныхъ органовъ печати. Да, но только не русскихъ. Для русской либеральной печати существуютъ одни отвлеченные права человѣка, а не потребности дѣйствительнаго лица. Во имя этихъ правъ большинство ея ополчилось за свободу пьянства противъ мѣръ къ его пресѣченію.

Довольно примѣровъ. Пусть укажутъ намъ единый случай, единый общественный вопросъ, въ которомъ наша такъ-именуемая либеральная сторона сохранила бы практическую самостоятельность сужденія и не оказалась бы крѣпостною лелѣемыхъ ею модныхъ (въ кругу ея публики) словъ. Она сохраняетъ цѣликомъ старинную миѳологію метафизическихъ существъ, либеральныхъ отвлеченностей, избираемыхъ, разумѣется, по собственному вкусу, и поклоняется ей по-язычески. Немудрено, что предъ ея идеаломъ даже славянофилы оказываются тугими консерваторами; идеалъ ея — не какая либо дѣйствительность, а либерально-аллегорическій Олимпъ. Какая быль можетъ поравняться съ сказочною аллегоріей?

Эта миѳологія имѣла на первыхъ порахъ сильное вліяніе на русское общество, потрясенное въ своихъ обычныхъ вѣрованіяхъ разочарованіемъ, послѣдовавшимъ временно за крымскою войною, но тутъ было главнѣйше вліяніе новизны, разле-

тѣвшееся само собою. Привычная робость передъ громкими словами удержалась у насъ въ нѣкоторой степени и до сихъ поръ; она должна удержаться, покуда сложившаяся общественная жизнь не распредѣлитъ ихъ по достоинству, не дастъ сомнительнымъ изъ нихъ достаточный, видный для всѣхъ отпоръ. Но громадное большинство, не рѣшающееся покуда, по своей безсвязности, возстать явно противъ навязываемыхъ ему призраковъ, уже не вѣритъ имъ,—въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, выѣзжающій за петербургскую заставу. Понятно, что при такомъ настроеніи большинства наша метафизическая либеральная печать утратила всякое значеніе; но понятно также, что въ головахъ этого общественнаго большинства, изъ которыхъ еще прежде безсодержательный либерализмъ, нынѣ испаряющійся самъ собою, вытѣснилъ большую часть отеческихъ завѣтовъ, остались только пустота и равнодушіе ко всему.

Легко выразить въ двухъ словахъ сущность мнѣній нынѣшней лѣвой стороны, откидывая, конечно, ея крайнюю оконечность: еслибъ ихъ можно было выпаривать въ котлѣ, общія мѣста улетучились бы и на днѣ осталось бы: нѣкоторое количество добрыхъ намѣреній, не мало личныхъ дарованій, очень много спекуляціи и смутная, нынѣ почти уже безсознательная закваска, сохранившаяся отъ разлива нигилизма пятидесятыхъ годовъ.

Эту закваску, сохранившуюся и до сихъ поръ въ довольночистомъ видѣ, хотя въ микроскопическихъ размѣрахъ, стоитъ разобрать особо. Какъ общественная группа, она ничтожна, ограничиваясь преимущественно несовершеннолѣтними; какъ признакъ общественнаго состоянія, она имѣетъ свое значеніе. Надобно принять въ соображеніе и ее, чтобы окончательно оглядѣться въ туманѣ современныхъ русскихъ мнѣній.

ГЛАВА II.

Европейская революція и русскіе ея почитатели.

Какъ извѣстно, въ настоящее время наша крайняя лѣвая сторона очень похожа своею постановкой на учебное заведеніе: взрослые числятся въ ней только въ должностяхъ учителей и наставниковъ, слушатели—всѣ дѣти.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ было иначе: тогда русскія уши разныхъ возрастовъ увлекались новыми словами. Но проповѣдь нигилизма, внѣ литературныхъ кружковъ, никогда не шла далѣе ушей, и соблазнъ ея не простирался далѣе «новыхъ словъ». Первый опытъ доказалъ это съ несомнѣнною убѣдительностью. Нынѣ живущее поколѣніе хорошо помнитъ время польскаго возстанія, когда при встрѣчѣ на почтовыхъ станціяхъ (желѣзныхъ дорогъ тогда еще было мало) приписные русскіе нигилисты обмѣнивались словами: «а вѣдь Герценъ, котораго мы считали такимъ патріотомъ, оказался измѣнникомъ! кто бы этого могъ ожидать?»

Со времени этого великаго опыта русскіе нигилисты и не нигилисты распредѣлились по возрасту. Говорятъ, что у насъ существуетъ одинъ крайне либеральный журналъ, постоянно твердящій о молодомъ поколѣніи, изъ котораго сотрудники, достигающіе 21 года — возраста гражданскаго совершеннолѣтія — исключаются поголовно по подозрѣнію въ консерватизмѣ. Этотъ журналъ, очевидно, умнѣе чѣмъ думаютъ. Стало быть, въ политическомъ отношеніи можно смотрѣть равнодушно на остатки русскаго нигилизма, такъ какъ ничто, даже новый всемірный потопъ, не можетъ измѣнить того закона, по которому двадцалѣтніе люди находятся подъ властью сорокалѣтнихъ. Но въ другихъ отношеніяхъ это не совсѣмъ такъ. Намъ, поколѣнію отцовъ, не все равно, что происходитъ съ нашими

дѣтьми до двадцати одного года, когда, по мнѣнію умнаго нигилистскаго журнала, у нихъ впервые является склонность въ консерватизму: этого срока весьма достаточно, чтобы сгубить себя. Кромѣ того, имъ приходится наверстывать отъ двадцати до тридцати лѣтъ время, которое они тратятъ на бредни отъ десяти до двадцати; такимъ образомъ Россія никогда не догонитъ своихъ сосѣдей, оставаясь навѣчно десятью годами моложе ихъ. Наконецъ, эта черезчуръ распространенная юношеская шалость оказывается дурнымъ признакомъ въ нравственномъ состояніи отцовъ: какъ имъ складывать общественный бытъ своихъ зрѣлыхъ согражданъ, когда они не могутъ сладить съ собственными дѣтьми? Вслѣдствіе этихъ соображеній, несмотря на ничтожность остатковъ русскаго нигилизма, какъ общественной группы, стоитъ разсмотрѣть это явленіе пристальнѣе.

Полнаго выраженія мнѣній нашей крайней лѣвой надобно искать въ русской заграничной печати. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ она и дома высказывалась достаточно откровенно и писала между строкъ то же самое, что наши бѣглые печатали въявь въ Лондонѣ и Женевѣ; но то время прошло. Съ окончаніемъ повѣтрія и моды на этотъ родъ рѣчи, нашъ свойскій, домашній нигилизмъ не могъ бы договариваться до конца, еслибъ ему была даже предоставлена полная свобода слова. Въ глаза людямъ нельзя говорить басень, легко сходящихъ за глаза. Довольно мудрено увѣрить въ пріятности фаланстеріи (коммунистской казармы) сосѣда, съ которымъ не можешь ужиться на одной квартирѣ; убѣдить хозяина, отъ котораго кабакъ сманиваетъ рабочихъ, нанимаемыхъ за высокую плату, въ усердіи этихъ же самыхъ рабочихъ, трудящихся безплатно, изъ соревнованія, для пользы общины; доказать невмѣняемость преступленія крестьянамъ, гибнущимъ отъ конокрадства; проповѣдывать федеративно-соціальную республику уѣзднымъ земствамъ, которыя до сихъ поръ не могутъ справиться съ мѣстными мостами. Но за границей, въ кружкѣ десятка русскихъ, затерянныхъ въ многолюдномъ Лондонѣ, или въ обществѣ русскихъ цюрихскихъ барышень, высокія мысли зрѣютъ безпрепятственно. Оттого русская заграничная печать отличается драгоцѣнною откровенностью; въ ней, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, отражается не только лицевая сторона, но даже изнанка нашихъ передовыхъ мнѣній.

Собравъ все, что писали наши эмигранты, вышло бы нѣсколько сотъ томовъ; но—замѣчательное дѣло—во всей этой библіотекѣ нѣтъ единаго слова проповѣди, сочиненнаго отъ себя, за исключеніемъ, конечно, личныхъ воспоминаній и перебранки: до послѣдней мысли, все заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ, переведено или кое-какъ передано своими словами. За нашими независимыми мыслителями оказывается только способность переписывать. Единственная довольно крупная личность, являвшаяся между ними, былъ Герценъ, обладавшій дарованіемъ исключительно литературнымъ, лучше даже сказать—фельетоннымъ, безъ тѣни какой либо обобщенной мысли или политическаго чутья; въ библіотекѣ было бы смѣшно поставить сочиненія этого талантливаго писателя въ иной отдѣлъ, кромѣ беллетристики. Созданная имъ заграничная русская печать процвѣла на короткое время, а затѣмъ, какъ извѣстно, забрела въ польскій лагерь и пала по недостатку читателей, надѣлавъ много шума, но не высказавъ ни одной мысли, которая пригодилась бы для какого нибудь дѣла.

Кажется, урокъ былъ достаточный. Россійскіе *крайніе* могли бы понять, что имъ несравненно выгоднѣе писать подъ цензурой, ничего не договаривая до конца: такой пріемъ—самый удобный для людей, которымъ нечего сказать, кромѣ общихъ мѣстъ, вычитанныхъ въ чужихъ книжкахъ. Но самолюбіе всегда растетъ вмѣстѣ съ несостоятельностью. И вотъ, въ 1873 году снова появилось въ Цюрихѣ русское красное изданіе, подъ заглавіемъ «Впередъ». Изданіе это можетъ служить не только отличнымъ мѣриломъ внутренняго содержанія осадковъ бывшаго нигилизма послѣднихъ русскихъ революціонеровъ (правильнѣе сказать — русскихъ читателей иностранныхъ революціонныхъ книгъ, такъ какъ своего у нихъ нѣтъ ни іоты), но вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ умственнаго состоянія многихъ нашихъ людей, по природѣ не совсѣмъ бездарныхъ. Будетъ не лишнимъ познакомить общество—въ видѣ отдѣльной вставки—съ этимъ новымъ цвѣткомъ забытаго было нигилизма, выросшимъ хотя не на русской почвѣ, но несомнѣнно изъ русскихъ сѣмянъ.

Мы считаемъ себя обязанными высказать по этому поводу полнѣйшее несогласіе съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати: такія книги слѣдуетъ не запрещать, а напротивъ, перепечатывать на казенный счетъ и разсылать въ видѣ подарка

во всѣ уѣзды; онѣ могли бы служить отличнымъ предохранительнымъ маякомъ для русскихъ людей, такъ легко переходящихъ, смотря по полосѣ времени, отъ самодурства въ жизни къ самодурству въ мысли. Очевидно, наши цюрихскіе обновители человѣчества ошиблись въ разсчетѣ времени: имъ кололъ глаза временный успѣхъ Герцена, но они забыли, въ чемъ состояла суть этого успѣха; мы же это хорошо помнимъ. Было, дѣйствительно, время, когда русскіе люди, самые враждебные по образу мыслей и складу всей жизни безсвязной революціонной проповѣди Герцена, трепетали какимъ-то смутно-радостнымъ чувствомъ, видя въ печати, въ первый разъ послѣ признанія Рюрика съ братьями, совершенно свободное русское слово. Но это время прошло: насъ теперь уже не удивишь никакою нецензурною выходкой; наши уши достаточно вянутъ отъ своей домашней печати, чтобы мы стали гоняться за заграничною болтовней. Безъ какого-нибудь достоинства мысли или слога, самая дерзкая рѣчь не имѣетъ уже для насъ цѣны, а потому спекуляція нашихъ цюрихскихъ соотечественниковъ едва ли имъ удастся.

Между тѣмъ они были бы достойны лучшей участи. Это—самыя наивныя души, самые глубоко-вѣрующіе люди, какихъ мы когда-нибудь знали. Они не вѣрятъ только въ Бога, государство, народность, собственность и полицію, но за то вѣрятъ во все остальное,—вѣрятъ простодушно, горячо—во всякій безсмысленный вздоръ, вычитанный въ какой-нибудь соціалистской книжкѣ: вѣрятъ въ добровольное смѣшеніе національностей (напримѣръ, французовъ и нѣмцевъ); въ безмятежный миръ нѣсколькихъ тысячъ самостоятельныхъ общинъ, на которыя они желаютъ подѣлить Европу и Америку; въ разумное устройство, которое сочинитъ себѣ простой народъ, выбившись изъ-подъ опеки культурныхъ слоевъ; въ прочное сохраненіе свободы городскою чернью, минутно захватившею власть; въ обширное владѣніе всѣми имуществами, основанное на безкорыстномъ соревнованіи каждаго въ трудѣ; въ правильную регламентацію всемірнаго промышленнаго производства посредствомъ международныхъ съѣздовъ. Мало всего этого: они вѣрятъ даже въ успѣхъ своей проповѣди и въ тотъ исходъ ея, что имъ же, нашимъ цюрихскимъ проповѣдникамъ, предстоитъ управлять судьбами обновленнаго человѣчества, по крайней мѣрѣ его русскимъ отдѣломъ; на этотъ конецъ они пишутъ даже инструк-

ціи другъ другу и бранятся между собою по поводу пріемовъ управленія. Но слѣдуетъ разсказать содержаніе этой любопытной книги подробнѣе.

Изданіе—анонимъ; въ немъ нѣтъ собственныхъ именъ. Какъ редакторъ не подписался, то литературное приличіе не позволяетъ намъ его называть. Ясно одно: этотъ человѣкъ, больной загнаннымъ внутрь самолюбіемъ, проклялъ своихъ соотечественниковъ, не умѣвшихъ оцѣнить его достоинствъ, и возымѣлъ намѣреніе перевернуть вверхъ дномъ современную Россію посредствомъ изданія въ Цюрихѣ неперіодическаго обозрѣнія «Впередъ». Сотрудники обозрѣнія очевидно принадлежатъ къ русской безбородой партіи; это видно изъ того, что въ сообщеніяхъ изъ Россіи лица, мѣста, событія перепутаны именно такимъ образомъ, какъ обыкновенно происходитъ въ политическихъ разговорахъ между гимназистами. Отдѣлъ этотъ совсѣмъ ребяческій; да и во всемъ первомъ томѣ стоитъ прочтенія только одна статья о рабочемъ движеніи въ Германіи, написанная не дурно, хотя, разумѣется, съ соціалистской точки зрѣнія. Не лишенъ интереса отчасти и отчетъ объ интернаціоналѣ, довольно забавный, конечно противъ желанія автора; онъ повѣствуетъ, какъ интернаціоналы, отложивъ покуда ниспроверженіе всемірнаго порядка, схватились за волоса между собою, что, очевидно, гораздо удобнѣе. Обѣ эти статьи—домашняя исторія почтеннаго союза всемірныхъ бѣглецовъ. Но вотъ философія и политика.

Какъ читатель, вѣроятно, догадывается, цюрихскіе нигилисты пишутъ Богъ чрезъ маленькое *б*; это извѣстно ужъ изъ «Рабагаса» Сарду. Они говорятъ: «религіозный элементъ намъ безусловно враждебенъ»... Объявивъ себя такимъ образомъ противъ всемірной власти въ природѣ, они переходятъ, въ частности, къ ниспроверженію силъ и порядковъ планеты земли, т. е. государства, народности, собственности, суда и образованныхъ классовъ. Они объявляютъ слѣдующую программу: сначала освободить простой русскій народъ изъ-подъ всякихъ общественныхъ формъ, а потомъ предоставить ему рѣшить, чего онъ хочетъ—нисколько не заботясь притомъ (такая безпечность!) о затрудненіи бѣднаго русскаго народа, которому придется разомъ, съ утра до вечера, покончить съ этимъ запутаннымъ вопросомъ. Они хотятъ того же самаго въ цѣломъ свѣтѣ и называютъ эту операцію: вступленіемъ во власть чет-

вертаго сословія, т. е., собственно, фабричныхъ рабочихъ. Но какъ невѣжественная толпа не можетъ же вовсе остаться безъ руководителей, то они великодушно предлагаютъ ей въ руководители себя—не насильно конечно: о, нѣтъ,—не такіе они люди, чтобы стали насиловать народъ,—а по добровольному соглашенію. По этому случаю между ними даже происходитъ споръ въ перепискѣ, озаглавленной «Революція и знаніе»: одни утверждаютъ, что истиннымъ народнымъ предводителямъ не нужно ничего знать—чѣмъ безграмотнѣе, тѣмъ лучше; другіе опровергаютъ ихъ во имя *науки*. Мы думаемъ однако жъ, что окончательно возьмутъ верхъ сторонники безграмотности: на ихъ сторонѣ громадное большинство между нашими нигилистами. Но, грамотные и неграмотные, всѣ имѣютъ одну цѣль: покроить міръ, устраняя обветшалое дѣленіе національное, на нѣсколько тысячъ самостоятельныхъ коммунистскихъ общинъ, которыя затѣмъ станутъ жить въ трогательномъ мирѣ и согласіи. Въ этихъ общинахъ не будетъ суда: несостоятельность этого учрежденія доказана въ статьѣ «Фикціи судебной правды»; къ этой статьѣ приложены еще разсужденія о драконовскихъ дѣйствіяхъ русскихъ военно-окружныхъ судовъ и о безчеловѣчной дисциплинѣ нашей нынѣшней арміи (вотъ, кто бы подумалъ!). Въ обозрѣніи есть также статья — размышленія о замѣчательномъ 1773 г., въ теченіе котораго совпало объявленіе американской независимости съ появленіемъ русской пугачевщины. Изъ статьи читатель узнаетъ, что первое событіе, то-есть отдѣленіе Соединенныхъ Штатовъ Америки отъ Англіи, оказалось событіемъ безплоднымъ, а въ пугачевщинѣ, напротивъ, заключается залогъ будущаго обновленія человѣчества. Хотя наши проповѣдники и прикидываются космополитами, но все же ихъ русскому сердцу пріятно такое превосходство отечественной исторіи надъ европейскою. Только въ концѣ обозрѣнія почтенная редакція какъ будто задумывается надъ вопросомъ: похоже ли положеніе русскаго крестьянства на положеніе западнаго городскаго пролетаріата? можно ли устраивать ихъ по одному коммунистскому плану? Но, къ счастію, она находитъ разрѣшеніе и этого затрудненія: нельзя отдѣлить судьбу русскаго народа отъ судьбы всего свѣта. Не нужно говорить, что цюрихскіе обновители обращаютъ свою рѣчь почти исключительно къ молодежи: это слово «молодежь» повторяется на ихъ страницахъ нѣсколько сотъ разъ; они вѣрятъ только ей одной.

Надо полагать, что, достигнувъ величія, они послѣдуютъ примѣру упомянутаго нами нигилистскаго журнала и станутъ увольнять въ отставку изъ государственныхъ должностей всѣхъ, кому стукнулъ 21 годъ, возрастъ консерватизма. Въ заключеніе, цюрихская компанія объявляетъ свое снисхожденіе въ *послѣдній разъ* русскимъ писателямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ нею, а затѣмъ уже не станетъ ихъ щадить. Неизвѣстно только, когда разразится ея безпощадность: тогда ли, когда она подѣлитъ Россію на полторы тысячи независимыхъ соціалистскихъ государствъ, или немедленно, посредствомъ своего журнала? Но для того, чтобы преслѣдовать кого-нибудь словомъ, надобно прежде всего умѣть порядочно писать по-русски, что не подъ силу ни одному изъ этихъ господъ.

Читатели не ждутъ, конечно, чтобы мы завели серьезную рѣчь съ цюрихскими революціонерами; но есть возраженія, которыя даже имъ могутъ быть удобопонятны. Мы обойдемъ ихъ «безусловно-враждебное отношеніе къ религіозному элементу». Громадному большинству людей совершенно ясно опредѣленіе, данное Катрфажемъ человѣку, какъ отдѣльному классу природы, по его кореннымъ признакамъ—«существа нравственно-религіознаго». Безъ этого внутренняго содержанія лица, на свѣтѣ не было бы ни исторіи, ни общества; но есть исключительныя натуры, обрывающіяся на извѣстномъ звенѣ понятій, безсильныя идти дальше. Увѣряютъ, что собака, у которой пять щенятъ, видимо горюетъ, когда похитятъ одного изъ нихъ, но не замѣчаетъ пропажи шестаго щенка: у нея счетъ кончаются пятью; число *шесть* недоступно ея пониманію—ну, недоступно и только, такова отпущенная ей мѣра. Можно замѣтить также, что хотя не всѣ соціалисты поголовно, то по крайней мѣрѣ всѣ главныя соціалистскія школы свили себѣ гнѣздо на атеизмѣ, по необходимости: нельзя сочинять произвольный, небывалый міръ и небывалое человѣчество, когда надъ ними стоитъ всевластное Провидѣніе, давшее имъ извѣстный образъ и неизвѣстныя намъ цѣли; безъ революціи противъ этого высшаго самодержавія дѣло не пойдетъ: или бунтуй, или клади шпагу. Но въ политическихъ соображеніяхъ наши революціонеры не могутъ прикрываться даже такою отговоркой. Что они дѣлаютъ, когда увѣреннымъ тономъ предсказываютъ царство четвертаго сословія, т. е. фабричныхъ рабочихъ, не въ силу постепеннаго ихъ развитія, не вслѣдствіе

надежды, что они доростутъ когда нибудь до полнаго политическаго сознанія, а потому, что возьмутъ его грубой силой? Будто въ самомъ дѣлѣ наши соціалисты не знаютъ, что третье сословіе захватило власть въ 1789 году потому, что умственно давно сравнялось съ дворянствомъ; что царствующая, непоколебимая въ исторіи сила—есть разумъ и просвѣщеніе, а не число; что выписываемая ими изъ соціалистскихъ книжонокъ механическая теорія развитія человѣчества годится только для людей, не достигшихъ 21 года. Сами же они признаютъ, что народная толпа не можетъ оставаться безъ образованныхъ руководителей, и великодушно предлагаютъ ей въ руководители—себя, такъ что сущность поднимаемаго ими вопроса заключается собственно въ томъ, чтобы нынѣшніе правители государствъ замѣнились сотрудниками цюрихскаго журнала «Впередъ» съ братіей. Наивность этихъ людей объясняется только келейнымъ заключеніемъ ихъ въ средѣ себѣ подобныхъ. А что они дѣлаютъ, когда съ важностью объявляютъ: «много ли насъ, мало ли насъ, сосчитаете во время настоящей борьбы»: какую няньку хотятъ они пугать числомъ своихъ несовершеннолѣтнихъ приверженцевъ? Кто же не знаетъ, что первое слово ихъ проповѣди, обращенное къ русскому простолюдину, было бы для него вмѣстѣ и оскорбленіемъ самыхъ завѣтныхъ его чувствъ и ничтожнѣйшею болтовнею ребятишекъ, которыхъ онъ превосходитъ во сто разъ пониманіемъ настоящаго дѣла. А какія чувства выказываютъ они, когда смѣются (то есть стараются смѣяться на сколько умѣютъ) надъ каждымъ, принимающимъ къ сердцу благо живыхъ и дѣйствительныхъ русскихъ людей, заботящагося объ улучшеніи народнаго быта школами, больницами, примѣромъ правильнаго хозяйства и прочее,—что они совѣтуютъ бросить, какъ вредныя мѣры, затрудняющія революцію, вмѣсто того, чтобы ей содѣйствовать? Къ чему они пишутъ весь этотъ вздоръ? Вѣдь не всѣ же сотрудники цюрихскаго журнала въ самомъ дѣлѣ дѣти; между ними найдется порядочное число взрослыхъ нигилистовъ, которыхъ покойный Герценъ, довольно изучившій ихъ на практикѣ, называлъ «старинными русскими подъячими, вывороченными на изнанку». Эти вывороченные взрослые имѣютъ только одно извиненіе—то, что ихъ революціонное обозрѣніе есть не что иное, какъ попытка книжной спекуляціи на пропитаніе.

Мы сказали выше, что вводимъ рѣчь о нашихъ заграниц-

ныхъ нигилистахъ лишь въ видѣ вставки, какъ любопытный образчикъ русскаго шатанія. Дѣло не въ нихъ, а въ состояніи общества, дающемъ мѣсто подобному явленію—исковерканному подражанію чужой пѣсни, хотя бы въ микроскопическомъ размѣрѣ,—тѣмъ болѣе, что всѣ мы хорошо помнимъ время, когда размѣры этого явленія были вовсе не микроскопическіе. За границей революція и соціализмъ, баррикадные вожаки и теоретики—приписали себя къ рабочему движенію, хотя въ сущности не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Но за границей рабочее движеніе, само по себѣ независимое отъ выросшихъ на немъ ядовитыхъ паразитовъ, имѣетъ корни въ исторіи и нѣкоторый смыслъ въ современной жизни. За нимъ пока нѣтъ никакого смысла у насъ. Можно, стало быть, поставить вопросъ: отчего же нѣкоторые русскіе люди, а недавно еще довольно большое число людей, бросались и бросаются въ эту безобразную, совершенно чуждую нашей жизни крайность? Рѣшеніе этого вопроса заключаетъ также одну изъ разгадокъ нашего современнаго общественнаго состоянія.

Говорятъ, что рыбы кидаются исключительно на красныя вещи, потому что въ водѣ не довольно свѣтло и болѣе нѣжные цвѣта тускнутъ въ общемъ отсвѣтѣ. Этимъ способомъ ловятъ тупоумныхъ акулъ. Мы думаемъ, что та же самая причина влечетъ иныхъ русскихъ людей, совершенно безцѣльно къ краснымъ европейскимъ партіямъ. Въ нашемъ обществѣ не довольно свѣтло, совокупной жизни нѣтъ, люди разбились изъ естественныхъ группъ на единицы, взгляды ихъ не сложены. Только опытъ учитъ людей цѣнить промежуточные практическіе оттѣнки; неруководимыя такимъ опытомъ, ни своимъ личнымъ, ни сборнымъ, русскія акулы съ ихъ невинными рыбками спутниками (всегда сопровождающими акулъ) кидаются не разобравши, на все яркое.

Нигилизмъ, какъ всякій понимаетъ, былъ у насъ неизбѣжнымъ явленіемъ и долженъ было проявиться съ первымъ проблескомъ свободы слова; онъ начало протискиваться даже сквозь цензуру въ концѣ прошлаго царствованія. Проживъ полтора столѣтія исключительно подражательною умственною жизнью, примѣривъ на себѣ (въ воображеніи конечно, а не на дѣлѣ) всѣ европейскіе идеалы, русское общество не могло подойти къ такому крупному современному явленію, какъ революціонное отрицаніе, безъ того чтобы за нимъ не потянулся

цѣлый хвостъ сторонниковъ. Можно сказать что каждый изъ этихъ чужеземныхъ идеаловъ былъ какъ неводъ, ловившій въ русскомъ морѣ рыбъ одного рода, смотря по тому, на какой глубинѣ черпалъ. Въ сѣть нигилизма попались первоначально всѣ рыбки, плавающія на поверхности, никогда не заглядывающія въ глубь; но гнилая сѣть не выдержала и лопнула. Теперь мода на это направленіе прошла, остались послѣдніе могиканы и недоросли, хотя все еще въ изрядномъ количествѣ. Въ русскомъ нигилизмѣ оказалось своего—только каррикатурное преувеличеніе, удивлявшее даже иностранныхъ отрицателей, а потому въ немъ нечего искать содержанія; но стоитъ взглянуть пристальнѣе на его европейскіе корни. Подъ ними лежитъ не мало уроковъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости обсуждать теоретически, въ примѣненіи къ своему домашнему быту, нѣкоторыя стороны дѣла, достаточно уже уясненныя чуждымъ опытомъ. Читатели не посѣтуютъ на насъ за это отступленіе, облегчающее послѣдующій трудъ.

Очевидно, европейское революціонное движеніе не выработало себѣ до сихъ поръ никакой ясной и опредѣленной цѣли; оно мѣняло свои идеалы такъ же часто, какъ русское общество, и переходило отъ «свободы, равенства и братства» 1793 года къ «дешовому правительству» 1830 года, къ странноприимнымъ мастерскимъ на казенный счетъ 1848 года и приклеилось нынѣ къ международному союзу рабочихъ (интернаціоналу). Несомнѣнно также, что въ современномъ революціонномъ движеніи идутъ рядомъ два разнородныя теченія: одно, не лишенное практическаго значенія — артельное устройство промышленнаго производства; другое, чисто фантастическое — стремленіе къ осуществленію земнаго рая въ сей юдоли плача и смерти, недостижимое даже въ вещественномъ отношеніи, пока академіи не откроютъ средства приготовлять страсбургскіе пироги изъ простыхъ химическихъ элементовъ. Вожаки, поддерживающіе такія надежды, имѣютъ еще свои маленькія личныя цѣли — повластвовать и пожить на чужой счетъ хотя бы короткій срокъ, въ часы суматохи. Стремленіе къ артельному производству, само по себѣ, независимо отъ навязавшихся ему руководителей, не содержитъ ничего роволюціоннаго. Можетъ быть въ обществахъ чисто-буржуазныхъ и сильно промышленныхъ оно и встрѣчаетъ чисто-эгоистическій отпоръ со стороны владычествующей среды, боящейся соперничества;

если правительство находится въ рукахъ этой среды то и оно будетъ стоять за одно съ нею; но для всякаго правительства, свободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, трудолюбивая артель рабочихъ, на сколько она осуществима, не только не страшна, но даже желательна, обезпечивая благосостояніе многимъ подданнымъ, вмѣсто одного. Въ Россіи, напримѣръ, гдѣ артель существуетъ издавна и была задержана въ своемъ развитіи лишь гнетомъ крѣпостнаго права, какая причина правительству—не только препятствовать, но даже не покровительствовать по возможности всякому спокойному и благоустроенному товариществу рабочихъ? Съ какой стати польза какого нибудь разбогатѣвшаго кулака-фабриканта была бы для русской верховной власти дороже пользъ нѣсколькихъ тысячъ преданныхъ ей людей? Развѣ неодинаково желательно и правительству, и обществу сохранить нынѣшнюю твердую связь русскаго народа съ почвой и избѣжать, на сколько возможно, скопленія и обѣднѣнія разнороднаго бездомнаго люда, неизбѣжно вызываемаго исключительнымъ преобладаніемъ капитала въ промышленности, на европейскій ладъ? Недавно зашла у насъ рѣчь объ устройствѣ обширнаго кредита для крестьянскаго земледѣлія; если на русской почвѣ начнетъ развиваться промышленное товарищество, и опытъ докажетъ его состоятельность, то, безъ всякаго сомнѣнія, правительство отнесется къ нему такъ же благосклонно, какъ относится нынѣ къ земледѣльческой общинѣ. Потому, въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ даже эта стародавняя община поддерживается теперь главнѣйше правительственными мѣрами, соціалистическая проповѣдь составляетъ безсмысленнѣйшее повтореніе чужихъ споровъ. Но даже въ Западной Европѣ, гдѣ рабочее движеніе встрѣчаетъ отчасти прямой отпоръ со стороны иного, уже сложившагося порядка дѣлъ, правительства не относились бы къ нему непріязненно, еслибъ оно оставалось на чисто-экономической почвѣ, не попало бы подъ руководство революціонеровъ, извратившихъ его смыслъ; нынѣшняя международка стремится не къ основанію промышленныхъ общинъ, а къ явному грабежу чужого имущества. Стало быть, въ сущности, рабочее движеніе надобно вычеркнуть изъ революціонной программы, изъ обѣщаній извѣстныхъ *друзей народа*; оно только предлогъ, и предлогъ до такой степени наглый, что парижскіе коммунисты, напримѣръ, не обинуясь, называютъ крестьянъ-собствен-

никовъ, то есть двѣ трети французскаго народа, уже обезпечившихъ свое благосостояніе, главнымъ препятствіемъ къ осуществленію *спасительнаго для народа* преобразованія. Нынѣшніе баррикадные вожаки, которымъ нужна только смута, примкнули къ соціализму, потому что онъ сильно распространился между уличною чернью; распространился же онъ потому, что нравственная сторона человѣческой природы не позволяетъ жечь и грабить сосѣда безъ предлога, безъ какого либо общаго оправдательнаго ученія. Не соціалисты поддерживаютъ революціонное движеніе; они сочинили свою теорію для готовой, объявившейся уже революціи. Ихъ ученіе, безцеремонно жертвующее всѣмъ родомъ человѣческимъ, даже массою земледѣльческаго населенія, воображаемой пользѣ фабричныхъ рабочихъ, противорѣчащее даже прямымъ цѣлямъ артельнаго товарищества, требующимъ прежде всего свободы въ выборѣ членовъ—такъ же призрачно и непримѣнимо къ дѣйствительности, какъ всѣ смѣнявшіеся донынѣ лозунги революціоннаго движенія. Несомнѣнно, что европейская революція, которой скоро придется праздновать свой столѣтній юбилей, пребываетъ въ такомъ же безформенномъ видѣ, какъ въ первый день, что она не выработала и не имѣетъ надежды выработать никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, на осуществленіи которыхъ могла бы успокоиться.

Но если исключить изъ европейскаго революціоннаго движенія, какъ требуетъ дѣятельная его оцѣнка, планъ рабочей артели, которому оно только мѣшаетъ, также какъ всѣ прошлые его лозунги, поголовно оказавшіеся несостоятельными—то, что же въ немъ останется, кромѣ безсознательнаго стремленія къ недостижимому земному раю, въ которомъ всѣмъ было бы одинаково хорошо? Культурные слои, даже низшіе, которымъ не всегда жилось отлично, никогда не обнаруживали такого стремленія: они достаточно воспитаны исторіею, чтобы умѣть отличать возможное отъ невозможнаго. Иногда отдѣльныя личности ударялись въ фантазію, но сословія, сколько нибудь образованныя и сложившіяся, желали и желаютъ только постепенныхъ улучшеній, а не переворота, не баснословнаго обновленія человѣчества. Стремленіе къ этому призраку явилось съ появленіемъ на европейской политической сценѣ стихійной силы, уличной черни, массы, не жившей исторически, не понимающей, вслѣдствіе того, условій совокупной человѣ-

ческой жизни. На пиръ этой новой силы явились блюдолизы изъ культурныхъ слоевъ и стали сочинять угодныя ей теоріи, какъ прежде сочиняли оды къ обѣду откупщика. Не говоря о причинахъ переворота, созрѣвавшихъ въ мысли и жизни самихъ образованныхъ сословій, въ чисто-политическомъ отношеніи современная революціонная смута, губящая на нашихъ глазахъ народы, истекаетъ изъ одной причины—изъ прорыва культурныхъ слоевъ стихійною массою, чуждой историческаго быта. Этимъ объясняется все—сытовыя рѣки и кисельные берега соціализма, такъ же какъ безсодержательность революціонныхъ попытокъ, длящихся почти цѣлое столѣтіе. Европейскія націи уцѣлѣли, выгородили свое будущее, даже обезпечили постепенное развитіе рабочаго народа на столько лишь, на сколько ихъ культурные слои оказались устойчивыми противъ напора снизу. Слои эти, въ совокупности, никогда и нигдѣ, на памяти исторіи, не были побѣждены толпою, такъ же точно, какъ милліонныя варварскія ополченія не побѣждали малочисленныхъ благоустроенныхъ армій; но съ конца прошлаго столѣтія, сами они часто въ своихъ раздорахъ призывали на помощь толпу и становились ея жертвою, а вмѣстѣ съ тѣмъ губили отечество. Можно, стало быть, сказать положительно, что устой современныхъ государствъ и мѣра надежды ихъ на будущее зависятъ исключительно отъ связности ихъ культурныхъ слоевъ.

Опытъ на лицо. Отъ одного конца государственной лѣстницы до другого, отъ Франціи до Англіи и Америки, чрезъ всѣ промежуточныя ступени, онъ несомнѣнно доказалъ эту истину. Ожесточенный раздоръ между среднимъ сословіемъ и дворянствомъ Франціи широко открылъ ворота уличной революціи; съ тѣхъ поръ она свила тамъ гнѣздо и оттуда періодически угрожаетъ спокойствію Европы: какъ извѣстно, всѣ взрывы на нашемъ материкѣ были только подраженіемъ взрывамъ французскимъ. Кратковременный раздоръ между сословіями Германіи впустилъ революцію и въ эту страну. Хотя ее угомонили довольно скоро, такъ что самая типа не успѣла подняться на поверхность (вслѣдствіе чего германскія правительства сохранили гораздо болѣе прочности, чѣмъ послѣ-революціонныя правительства Франціи и Испаніи), но тѣмъ не менѣе язва осталась въ странѣ и воспоминаніе о минутномъ торжествѣ баррикадъ 1848 года поддерживаетъ до сихъ поръ, бу-

детъ поддерживать и въ будущемъ надежды возмутителей, придаетъ и будетъ придавать революціонной проповѣди нѣкоторый оттѣнокъ сбыточности. Государство, какъ женщина, теряетъ свою неприкосновенность только одинъ разъ и навсегда. Надо думать, что правительство Германской имперіи охотно отказалось бы въ прошломъ отъ славы побѣдъ 1870 года, чтобы стереть воспоминанія 1848 года. Но французскія бури не коснулись странъ, гдѣ не оказалось разрыва въ образованныхъ слояхъ; въ Англіи и Америкѣ соціальная революція даже не пикнула. Надобно посмотрѣть, съ какою наивностью интернаціоналы жалуются на идолопоклонническое уваженіе милліона англійскихъ фабричныхъ рабочихъ въ законности. Положимъ, законность законностію. Немудрено, что въ странѣ, воспитанной вѣками правомѣрной свободы, даже невѣжественные люди уважаютъ законность; но дѣло не въ одномъ уваженіи. Въ 1848 году сто тысячъ англійскихъ хартистовъ, подзадоренныхъ парижскимъ взрывомъ, рѣшились собраться процессіей и представить парламенту прошеніе о вольностяхъ въ своемъ вкусѣ; уваженіе къ праву сборищъ не позволяло препятствовать ихъ намѣренію, но по такому же праву достаточное число тысячъ вооруженныхъ избирателей, представляющихъ культурный слой Англіи, обязались между собою явиться на защиту спокойствія города. Хартистамъ оставалось только молча представить прошеніе, что не вело ни къ чему; они предпочли вовсе отказаться отъ заявленія. Англія не боится революціи, потому что весь ея культурный слой, отъ пэра до послѣдняго лавочника-избирателя, не смотря на множество общественныхъ перегородокъ, составляетъ одно политическое сословіе, раздѣляющееся на партіи лишь въ отношеніи къ практическимъ вопросамъ, а не къ общественнымъ началамъ. Всѣ видѣли, какъ послѣднее расширеніе избирательныхъ правъ привело въ выводѣ къ торійскому министерству. Англійское политическое сословіе выростало постепенно и вслѣдствіе того сросталось въ одно цѣлое; оно сбиралось около ядра, состоявшаго первоначально изъ дворянства и богатыхъ горожанъ, проникаясь ихъ духомъ. Нынѣ, уже забывъ о своемъ происхожденіи, оно тѣмъ не менѣе образуетъ по привычкѣ и собственному сознанію, органическое сословіе государственныхъ избирателей, тѣсно сплоченное съ высшими классами страны,—въ противоположность безсвязной цензовой буржуазіи, властвовавшей во

Франціи съ 1814 по 1848 годъ. Хотя англійскій простой народъ, совершенно обезземеленный и бездомный, казался бы опаснѣе всякаго другого, тѣмъ не менѣе всѣ теченія снизу только постепенно утолщаютъ англійскій культурный слой, но не могутъ его прорвать; революція безсильна противъ его связности, а потому развитіе впередъ идетъ безбоязненно и безостановочно. Тѣ же начала англичане перенесли съ собою на почву Новаго Свѣта. Съ окончаніемъ войны за независимость, разбившей старинныя формы законности, новосозданный американскій народъ обнаружилъ было анархическія стремленія, не уступавшія французскимъ 1793 года. Участь Соединенныхъ Штатовъ висѣла на волоскѣ—они легко могли ниспасть въ состояніе нынѣшней испанской Америки; но культурный слой, взросшій на англійской закваскѣ, нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы положить конецъ броженію и подъ предводительствомъ Вашингтона, далъ странѣ непоколебимое устройство. Не смотря на всеобщую подачу голосовъ и ежегодный приливъ европейскихъ пролетаріевъ, столь опасныхъ на родинѣ, порядокъ стоитъ въ Америкѣ незыблемо, уличная толпа не смѣетъ шевельнуться передъ законностью,—значитъ руководящіе слои общества не утратили своей наслѣдственной крѣпости. Дѣйствительно, великая американская республика осталась тою же Англіей, съ тою же строгою и связною сословностью въ нравахъ, только безъ старыхъ названій; нигдѣ общественное положеніе не раздѣляетъ людей въ существенномъ ихъ значеніи такъ рѣзко, какъ тамъ, и нигдѣ не найдется политическихъ группъ болѣе единодушныхъ и устойчивыхъ. Оттого стихійная сила не врывается въ Америкѣ въ государственное управленіе, и рабочій Альбертъ, попавшій прямо съ кузницы въ верховное правительство Франціи, также какъ всѣ Ферре и Груссе, составляютъ за океаномъ явленіе немыслимое. Можно обойтись безъ законнаго распредѣленія людей по качеству тамъ, но только тамъ, гдѣ законъ замѣняется самимъ дѣломъ,—обычаемъ, вросшимъ въ нравы. Но безсословность, въ законѣ и на дѣлѣ вмѣстѣ, порожденная революціей на европейской почвѣ принесла съ собой всюду одно разрушеніе и подчинила, въ значительной степени, самые сложные вопросы XIX-го столѣтія сужденію людей каменнаго вѣка.

Не говоря о непонятной Испаніи, послѣднюю ступень этого неисправимаго паденія представляетъ современная Фран-

ція. Задержанная два столѣтія въ своемъ общественномъ развитіи, она захотѣла воротить все потерянное въ одинъ день, причемъ ея исторически-воспитанныя сословія стали на ножи одно противъ другого. Въ открывшійся между ними промежутокъ ворвалась парижская чернь, напоминающая не людей каменнаго вѣка, но нѣчто худшее—городское населеніе цезарскаго Рима; чернь достаточно развитая, чтобы увлекаться громкими словами, но недостаточно зрѣлая, чтобы ихъ взвѣшивать, а вмѣстѣ съ тѣмъ развращенная и ежечасно соблазняемая зрѣлищемъ недоступной для нея роскоши. Толпа, разумѣется, не могла захватить власть въ собственныя руки, но передала ее послѣднимъ отребьямъ образованнаго слоя, ставшимъ ея льстецами; то же самое повторилось и въ 1848, и въ 1871 годахъ. Мѣсто въ общественномъ организмѣ, чрезъ которое произошло вторженіе городской черни, осталось не задѣланнымъ, а только замазаннымъ, и теперь уступаетъ первому напору, такъ что прорывы повторяются и будутъ еще повторяться, заставляя націю тратить силы не на посѣвы будущаго, а на расчистку заносовъ, оставляемыхъ этими періодическими наводненіями. Но главная бѣда Франціи еще не въ этомъ, а въ безсиліи ея культурнаго слоя, растолченнаго первою революціею въ порошокъ, въ пустое названіе, въ статистическую численность безсвязныхъ единицъ. Попытка возстановитъ связь образованныхъ сословій въ видѣ цензовыхъ избирателей, продолжавшаяся 34 года, дала Франціи періодъ процвѣтанія, политической свободы и довольно высокаго значенія въ глазахъ свѣта, въ концѣ концовъ оказалась несостоятельною. Законное отграниченіе культурныхъ слоевъ общества отъ стихійныхъ въ политическихъ правахъ можно сохранять, слѣдуетъ даже возстановлять, пока существуетъ еще и признается народомъ сословное ядро, около котораго первые могутъ сомкнуться, но его невозможно сочинить, придать ему дѣйствительность и прочность, когда такого ядра не существуетъ. Во Франціи же, послѣ революціи, ядра уже не было. Дворянство, значительная часть котораго сражалась противъ своего отечества въ рядахъ его заклятыхъ враговъ, было не только непопулярно,—оно внушало страхъ всѣмъ поживившимся его добромъ, то-есть почти всей странѣ; съ своей стороны феодальное французское дворянство продолжало ставить между собою и согражданами кастовое различіе бѣлой и черной кости,

продолжало смотрѣть на нихъ глазами своихъ предковъ, франковъ-завоевателей. Буржуазія, разведенная наплывомъ стольких[ъ] тысячъ новыхъ людей, созданныхъ революціей, не была в[ъ] состояніи образовать безъ дворянства что нибудь цѣльное, [вн]ушающее почтеніе народу; нововведенный ценсъ былъ только наружнымъ признакомъ и не могъ склеить эти разнородные осколки въ политическое сословіе. Ценсовый культурный классъ оказался способнымъ охранять страну лишь противъ мелкихъ покушеній во время общаго затишья и безсильнымъ противъ бури. Несостоятельность его изумила Европу въ 1848 году, когда милліонъ слишкомъ вооруженной французской буржуазіи, желавшей сохраненія порядка, ненавидѣвшей самое имя соціальной республики, сложилъ оружіе молча, хотя съ отчаяніемъ въ душѣ, передъ пятьюдесятью вожаками баррикадъ. Всѣ увидѣли, что этотъ классъ составлялъ только численный списокъ, а не политическое сословіе, что одинъ ценсъ безсиленъ создать подобное сословіе, требующее органической сердцевины. Съ той поры Франція впала въ полную безсословность, ея образованное общество распалось на безсвязныя единицы, занятыя исключительно своими личными дѣлами, а потому стало въ итогѣ, съ началомъ второй имперіи, совершенно чуждымъ престолу и всякому виду верховной власти, а вслѣдствіе того почти чуждымъ общему дѣлу. При затишьѣ это образованное общество имѣетъ видъ чего-то живого; но первая смута стушевываетъ его до такой степени, какъ будто его никогда не было. Тогда французская нація представляется только двумя оконечностями общественной лѣстницы—государственными чиновниками съ одной стороны и уличною чернью съ другой, то входящими въ соглашеніе посредствомъ плебисцитовъ, то взаимно разстрѣливающими другъ друга. Культурная сила, скоплявшаяся въ странѣ тысячу лѣтъ, пропала для нея даромъ. Крайняя степень усилій разрозненнаго историческаго слоя Франціи, подымающагося поголовно для собственнаго спасенія, оказывается достаточною для того только, чтобы передать государство военной диктатурѣ; о разумномъ управленіи собственными силами не можетъ быть рѣчи. Будущность Франціи начинаетъ очерчиваться ясно: впереди мелькаетъ только поочередная смѣна трехмѣсячной анархіи съ пятнадцати-лѣтнимъ владычествомъ штыковъ, пока не потянется непрерывный рядъ случайныхъ Каракаллъ, объявляющихъ беззастѣн-

чиво: «я считаюсь только со мнѣніемъ легіоновъ». Общественное разстройство отразилось неизбѣжно и на общественномъ разумѣ; надобно послушать, какъ свободнѣйшіе умы стражи начинаютъ жаловаться на чувствительный уже нынѣ упадокъ просвѣщенія и науки. Передѣлать это состояніе, обратить хаосъ въ организмъ, теперь невозможно безъ какого нибудь чуда; понятно, почему передовые люди Франціи, всѣхъ оттѣнковъ мнѣнія, отъ Гизо до Ренана, ищутъ своихъ идеаловъ уже не въ будущемъ, а въ прошломъ. Нація начинаетъ скатываться по обратному склону. Если кому нибудь въ Европѣ нравится эта будущность—обращеніе живого общественнаго организма въ безразличный студень,—періодически потрясаемый народными взрывами—пусть подражаетъ добровольно; только пусть не забываетъ при этомъ, что Франція не даромъ называлась великою націей, кто она дѣйствительно шла въ головѣ Европы и что если даже она утратила такіе великіе залоги, утопивъ свои культурные слои въ стихійныхъ, то на пустыряхъ, гдѣ только еще появляются кой-какіе всходы, при какомъ бы то не было богатствѣ почвы, конечно ничего не выростетъ при этомъ условіи.

Мы видѣли, что въ европейскихъ корняхъ русскаго нигилизма и даже нынѣшняго фразернаго либерализма, враждебнаго либерализму дѣла, какъ вода огню, лежитъ дѣйствительно не мало полезныхъ уроковъ, что многія стороны современныхъ русскихъ вопросовъ обсуждены уже чужимъ опытомъ. Теперь мы можемъ воротиться къ нашему домашнему дѣлу.

ГЛАВА III.

Наши историческія силы.

Переходя отъ чужихъ, хотя тѣмъ не менѣе внушительныхъ для каждаго народа примѣровъ, къ своему домашнему дѣлу, нельзя не остановиться прежде всего на очевидномъ фактѣ—на нашей современной, нравственной и общественной безсвязности, послѣдствія которой не высказываются вполнѣ благодаря лишь исключительной въ исторіи твердости нашихъ государственныхъ началъ, не дающихъ намъ разсыпаться. Едва ли найдется въ обширной Россіи хотя одинъ человѣкъ, сомнѣвающійся въ наглядной истинѣ—что мы живемъ въ состояніи чисто переходномъ, отставши отъ одного берега и не приставши еще къ другому; что этотъ новый берегъ даже не очертился ясно передъ нами; что, покуда, сборное русское мнѣніе не сознаетъ опредѣленно не только того—что намъ дѣлать, но даже того—чего намъ желать. Наше современное общественное состояніе походитъ очень близко на эпоху общаго недоумѣнія, однажды уже пережитую нами, на эпоху послѣдовавшую за смертію Петра Великаго, когда не было уже старой и не оказывалось еще новой Россіи, когда обще-признаваемыя руководящія начала замѣнились на долгое время—и для общества и для отдѣльныхъ лицъ—полусознанными мнѣніями, до крайности шаткими по своей смутности. Но между двумя переходными полосами нашей исторіи—послѣ петровской и нынѣшней, существуетъ та огромная разница, что недоумѣніе первой относилось болѣе къ вопросамъ государственнымъ и воспитательнымъ, легче поддающимся прямому руководству власти, чѣмъ вопросы общественные, ставшіе нынѣ на очереди; въ томъ также, что первая наша нравственная смута соотвѣтствовала времени общаго европейскаго затишья, общей установленности взгля-

довъ и мнѣній, господствовавшей въ промежуткѣ между послѣдними раскатами бури, поднятой реформаціей, и первымъ взрывомъ соціальныхъ революцій; въ наше же время вопросъ идетъ не только о примѣненіи какихъ либо началъ, но о самыхъ началахъ — отчего онъ сталъ гораздо сложнѣе. Тѣмъ не менѣе обѣ эпохи русскаго раздумья схожи въ той основной чертѣ, что наше будущее—самыя крупныя явленія и формы нашего будущаго—зависятъ въ значительной степени, теперь, также какъ тогда, отъ мѣръ, важность которыхъ недостаточно осязательна для современниковъ, и которыя, по тому самому, оцѣниваются часто съ точки зрѣнія минутной ихъ пригодности, подводятся подъ личные виды и удобства нѣкоторыхъ людей и интересовъ, не заглядывая впередъ. Какъ линіи, выходящія изъ общаго центра, близкія одна къ другой вначалѣ, могутъ разбѣжаться на неизмѣримое разстояніе въ пространствѣ, такъ и подобныя мѣры, принятыя въ переходномъ состоянія общества, могутъ опредѣлить весьма различнымъ образомъ его будущее. Такъ, напримѣръ, направленіе и окончательный исходъ петровскаго преобразованія были рѣшены въ первыя пятнадцать лѣтъ, послѣдовавшія за смертію преобразователя, людьми, никогда не задававшимися историческимъ вопросомъ, примѣнявшими государственныя мѣропріятія къ однимъ мелкимъ потребностямъ текущаго времени, вслѣдствіе чего реформа, столь дорого купленная, устояла лишь случайно и дала едва ли не столько же отрицательныхъ, какъ и положительныхъ послѣдствій. Современная намъ, вторая эпоха русскаго раздумья затруднительнѣе послѣпетровской, по сложности подымаемыхъ ею задачъ, но у нея есть два подспорья, которыхъ первая не имѣла — богатство накопленнаго въ теченіе полутора вѣка умственнаго капитала, и вмѣстѣ съ тѣмъ, близость общественныхъ вопросовъ (поставленныхъ на мѣсто отвлеченно-государственныхъ) къ личному пониманію и опыту каждаго; эти два условія допускаютъ самодѣятельное участіе современнаго поколѣнія въ устройствѣ нашей судьбы, чего не могло быть въ первой половинѣ 18-го вѣка. Теперь все дѣло въ томъ, чтобъ наше сборное мнѣніе могло организоваться и правильно выразиться.

Покуда это еще невозложно. Двадцать лѣтъ тому назадъ, до крымской войны, всѣ мы понимали тогдашнюю Россію и самихъ себя, знали что думаемъ и въ нѣкоторой степени даже

то—чего желаемъ. Теперь мы этого не знаемъ и покуда даже не можемъ знать, хотя безъ такого сознанія не можемъ также ступить шагу ни въ какую сторону. Нельзя выработать сознаніе безъ связности между людьми, разрѣшающейся въ связность мнѣній. Поэтому, полагаемъ, задача текущаго времени заключается для насъ преимущественно въ осуществленіи связности общественныхъ группъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ эти группы, можно сказать, не существуютъ въ русской дѣйствительности. Онѣ замѣнены внѣшнимъ учрежденіемъ — земскимъ самоуправленіемъ. Надежда на будущую, необходимую намъ связность, содержится, стало быть, покуда, исключительно въ этомъ самоуправленіи и въ степени развитія, къ которому оно способно.

Извѣстно, что наше земское самоуправленіе, въ его нынѣшней формѣ, не есть учрежденіе государственное въ точномъ смыслѣ слова; оно не входитъ въ кругъ государственнаго дѣйствія, не составляетъ посредствующаго звена между верховною властію и землею, не завѣдываетъ порядкомъ и безопасностію населеній, не исполняетъ никакихъ правительственныхъ задачъ и отчитывается въ своихъ дѣйствіяхъ только самому себѣ. Наше самоуправленіе есть нѣчто въ родѣ частнаго общества, разрѣшеннаго земству для завѣдыванія его сборными экономическими нуждами. При условіяхъ, выпрошенныхъ печатью и общимъ голосомъ тѣхъ годовъ, въ которые рѣшалось это учрежденіе, правительство не могло дать ему иныхъ основаній—опытъ былъ слишкомъ теоретиченъ и новъ. Поэтому нынѣшнее наше самоуправленіе можно разсматривать только съ точки зрѣнія способности, обнаруженной всесословнымъ земствомъ для веденія своихъ частныхъ дѣлъ. Силъ, достаточныхъ на такой кругъ дѣятельности, можетъ не стать на кругъ болѣе обширный, но никакъ не наоборотъ. Каковы же эти силы?

Мы не будемъ вдаваться въ подробности современнаго положенія, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныя—о новомъ соотношеніи нашихъ экономическихъ силъ, о положеніи крестьянскаго самоуправленія, о ходѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ и мировыхъ судахъ и прочее. Въ послѣднее время появились достаточно убѣдительные труды и сообщенія по этимъ предметамъ, не допускающіе излишняго оптимизма. Въ житейскихъ дѣлахъ личные взгляды бываютъ, конечно, различны и про-

тивоположны, даже болѣе чѣмъ въ области мысли; тѣмъ не менѣе нынѣ можно уже сказать утвердительно, не опасаясь обвиненія въ односторонности, что большинство опытныхъ русскихъ людей, принимающихъ прямое участіе въ мѣстной земской жизни, каковы бы ни были ихъ общія убѣжденія, согласны въ одномъ: что покуда еще земское дѣло не принялось на нашей почвѣ,—не вслѣдствіе тѣхъ или другихъ подробностей учрежденія, или новизны, не давшей людямъ времени спѣться, но по той простой и вмѣстѣ мудреной причинѣ, что съ самаго начала оно *не пошло*; многіе даже называютъ наши новыя льготы, не смотря на ихъ очевидную искренность и либеральность, мертворожденными. Въ нихъ какъ-будто оказывается какой-то органическій недостатокъ, или, напротивъ, чувствуется отсутствіе какой-то органической силы, мѣшающей имъ стать живымъ дѣломъ. Иные ищутъ до сихъ поръ причины ихъ неудовлетворительности въ частностяхъ; но такой частности, измѣненіе которой могло бы исправить дѣло, очевидно, не существуетъ: иначе она давно уже была бы указана общимъ мнѣніемъ. Полагаемъ, мы въ правѣ повторить съ голоса большаго числа знающихъ людей, что мѣстное самоуправленіе (губернское, уѣздное и крестьянское, вмѣстѣ съ мировымъ судомъ), дарованное намъ правительствомъ съ полною искренностью, совершенно согласно общественному настроенію той полосы времени, когда учрежденіе вырабатывалось, представляетъ мало надежды къ дальнѣйшему развитію на нынѣшнихъ началахъ. Каковы бы ни были взгляды *нѣкоторыхъ*, относящихся болѣе благопріятно къ нашему земству, но голосъ *столькихъ* людей, на мнѣніи которыхъ мы основываемся, заслуживаетъ же какого нибудь вниманія; во всякомъ случаѣ онъ не допускаетъ безмятежной увѣренности, что все обстоитъ наилучшимъ образомъ въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Между тѣмъ земское самоуправленіе, это хозяйство, самосудъ и школа всего русскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сельская полиція и администрація, то-есть единственное обезпеченіе порядка у девяти десятыхъ населенія, между которыми правительственная власть не присутствуетъ прямо: въ этомъ самоуправленіи—корни всякаго народнаго и общественнаго преуспѣянія. Съ передачею такихъ правъ земству, отвѣтственность за нихъ перешла съ правительства на него. При бездѣйствіи или неудовлетворительности этихъ основ-

ныхъ функцій народной жизни, самая мудрая, самая дѣятельная государственная власть остается безсильною для добра, трудится въ пустомъ пространствѣ, не можетъ даже предупредить зарожденія анархіи въ странѣ, еслибъ что либо обусловливало такое явленіе. Подобное положеніе дѣла въ самой почвѣ, на которой зиждется государство, въ соединеніи съ разрозненностью, невыдержанностью и крайностію нашихъ мнѣній въ обществѣ и печати, представляетъ весьма мало залоговъ самостоятельности, и именно въ такое время, когда для насъ пришла необходимость стоять на своихъ ногахъ, желаемъ ли мы того или не желаемъ. Не смотря на довольно распространенное, хотя поверхностное, несросшееся еще съ личностью, образованіе и на либеральныя мѣстныя учрежденія, въ современной Россіи, за исключеніемъ администраціи, оказывается полное отсутствіе органовъ, пригодныхъ къ почину, общественныхъ группъ, способныхъ выработать въ себѣ какое либо совокупное мнѣніе, провести въ жизнь какое либо совокупное дѣло. Вопреки явному желанію верховной воли воззвать страну къ жизни, вопреки буквѣ закона объ общественныхъ группахъ, т. е. о сословіяхъ, Россія оказывается больною общею разъединенностью, происходящею, конечно, не отъ сословности и даже не отъ всесословности, но отъ безсословности, удавшейся до сихъ поръ одной Америкѣ, и удавшейся вслѣдствіе того именно, что безсословность существуетъ тамъ, наоборотъ, только въ законѣ, а не на дѣлѣ. Въ итогѣ, государство, населенное восьмьюдесятью милліонами безсвязныхъ единицъ, представляетъ для общественной дѣятельности не болѣе силы, чѣмъ сколько ея заключается въ каждой отдѣльной единицѣ. Какъ за 15 лѣтъ назадъ, во времена споровъ бывшихъ славянофиловъ съ бывшими западниками, намъ приходится и теперь возложить упованіе только на *сокровенную внутреннюю мощь русскаго народа*, т. е. на общее мѣсто, лишенное всякаго значенія въ дѣйствительной жизни.

Наша либеральная печать, до которой безпрестанно доходятъ вопли, вызываемые такимъ положеніемъ, не разъ уже пробовала утѣшать насъ гласностью, заключающею въ себѣ, по ея мнѣнію, противоядіе отъ всевозможныхъ золъ. Печать наша еще вѣритъ спасительному дѣйствію гласности въ коренныхъ общественныхъ вопросахъ; остальной свѣтъ знаетъ что гласность полезна лишь для ихъ обсужденія, а принести

дѣйствительную практическую помощь она можетъ только въ частныхъ случаяхъ, подобныхъ случаю г-жи Энкенъ. Кажется порядочные люди Франціи не скупились на гласность для проповѣдыванія своимъ непорядочнымъ соотечественникамъ о послѣдствіяхъ баррикадъ, революцій и общественнаго разлада, доведшихъ Францію до ея нынѣшняго состоянія; но не только гласность, а самые жестокіе уроки дѣйствительности, тяжело отзывающіеся почти на каждомъ французѣ, нисколько не исправили самодурства людей. Пока сознательные слои французской націи будутъ оказываться безсильными, по своей безсвязности, для стойкаго и разумнаго управленія народомъ, — что теперь уже почти неисправимо,—до тѣхъ поръ люди, которымъ смута выгодна, не перестанутъ губить отечество. Наше современное общественное состояніе (конечно, не государственное) подходитъ довольно близко къ французскому и не проявило еще всѣхъ своихъ послѣдствій, выказывается только по мелочамъ, потому, во-первыхъ, что эти послѣдствія сдерживаются незыблемою высшею властью, а во-вторыхъ, потому, что мнѣнія и обычаи большинства нынѣ живущаго поколѣнія вылились изъ прежняго, а не изъ настоящаго бытового склада. Въ людяхъ же, взросшихъ на нынѣшней, не переполотой какъ слѣдуетъ почвѣ, окажется иное: очень многіе изъ нихъ станутъ дѣйствительно похожими, даже по мнованіи 21 года, на идеалъ молодого поколѣнія, о которомъ твердятъ нигилистскіе журналы.

Стало быть, къ слабости нашей духовной выработки и къ разрозненности нашихъ мнѣній присоединяется еще на практикѣ отсутствіе какихъ либо общественныхъ органовъ, способныхъ къ совокупной дѣятельности. Кромѣ того, въ русскихъ областяхъ оказался внезапно полнѣйшій недостатокъ въ личностяхъ, удовлетворяющихъ условіямъ земскаго дѣла; образованные люди, которыхъ всѣ мы знали по всякимъ захолустьямъ до призыва ихъ къ самодѣятельности, съ тѣхъ поръ разсыпались въ стороны, исчезли неизвѣстно куда. Какимъ образомъ тысячелѣтнее національное бытіе привело насъ къ такому безформенному, первобытному состоянію мысли и дѣла?

Это—вопросъ историческій, требующій для полнаго разъясненія томовъ, а не газетныхъ статей; но нѣтъ также возможности хорошо понимать сегодняшній день, отрывая его отъ вчерашняго. Поэтому мы вынуждены еще къ одному отступленію, чтобы обнажить, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, корни ны-

нѣшняго нашего положенія; корни его лежатъ въ только-что прожитомъ нами воспитательномъ періодѣ, съ наслѣдствомъ котораго мы вступили въ новую эпоху. Взглянувъ назадъ, намъ станетъ виднѣе, воспользовались мы или не воспользовались, и въ какой мѣрѣ воспользовались этимъ наслѣдствомъ?

При разрозненности русскихъ взглядовъ во всемъ, было бы удивительнымъ чудомъ, если бы мы оказались согласными во взглядѣ на нашу исторію, даже на ея коренную основу, какъ другіе народы. Когда установится общепринятое сужденіе о ближайшихъ къ намъ столѣтіяхъ русской жизни, оно будетъ первымъ признакомъ зрѣлости, первымъ доказательствомъ нашей способности стоять на своихъ ногахъ. До тѣхъ поръ каждому приходится поневолѣ смотрѣть на дѣло съ своей точки зрѣнія.

Мы считаемъ неоспоримою истиною, что петровскій или воспитательный періодъ, заключенный послѣднею нашею реформою, которому до сихъ поръ еще многіе придаютъ баснословный, совершенно невозможный въ людскихъ дѣлахъ характеръ преобразованія народныхъ основъ однимъ человѣкомъ, былъ вовсе не новымъ началомъ и не преобразованіемъ основъ, а только вводнымъ эпизодомъ русской исторіи, и что мы стоимъ въ 1874 году несравненно ближе къ московской Руси, чѣмъ стояли въ 1854, какъ выразились уже наши старообрядцы; что послѣ долгаго и поголовнаго отвлеченія отъ общаго дѣла для личнаго образованія, намъ приходится продолжать свое общественное развитіе съ той самой точки, на которой оно стояло въ 1688 году, съ двумя только, правда, очень крупными измѣненіями: 1) съ отмѣной (давно уже состоявшейся) военной диктатуры на всемъ пространствѣ государства, неизбѣжной въ московской Руси, постоянно находившейся на осадномъ положеніи, ежечасно ожидавшей вторженія на каждомъ изъ своихъ предѣловъ, и 2) съ превращеніемъ, совершоннымъ Петромъ (въ чемъ и состоитъ главная черта его реформы), прежняго, почти кастоваго дворянства въ русскій культурный слой, тѣсно связанный между собою и съ престоломъ и открытый снизу всякой созрѣвающей силѣ, даже не крупной, въ чемъ бы она ни заключалась. Эти двѣ перемѣны придаютъ дѣйствительно новыя стороны каждому изъ нашихъ общественныхъ вопросовъ, замерзшихъ въ зародышѣ въ 1688 году и оттаявшихъ только въ 1861, не измѣ-

ныя, однако же, ихъ сущности. Воспитательный періодъ только обучалъ русскихъ людей и не могъ допускать общественныхъ вопросовъ между школьниками. Власти этого вставнаго историческаго эпизода держались своего правила крѣпко, хотя едва ли вполнѣ сознательно, и въ сущности были правы. Надѣлали бы мы дѣлъ, принимаясь вдругъ за самоуправленіе съ тѣми понятіями о Россіи, Западѣ и пригодныхъ намъ цѣляхъ, которыя обращались въ нашемъ обществѣ даже во времена Александра I. Мы считаемъ очевиднымъ, что нашъ воспитательный періодъ не разорвалъ русскую исторію пополамъ, какъ долго повторялось, а только придалъ ей временно особый, чуждый нашему народному складу оттѣнокъ, выразившійся и въ *исключительныхъ отношеніяхъ верховной власти* къ первовоспитываемому обществу, и въ шаткости русскаго мнѣнія, внезапно погруженнаго въ незнакомую ему среду. Съ устраненіемъ этого оттѣнка и сопряженной съ нимъ чрезвычайной просвѣтительной миссіи сверху, мы становимся на прежнія основанія, съ двумя вышесказанными дополненіями. Эти повороты нашей исторіи обозначены такъ явно, что верховная власть, относившаяся къ московской Руси съ полнѣйшимъ довѣріемъ, совѣщавшаяся съ своимъ народомъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, но потомъ уединившаяся на полтора вѣка, снова воззвала къ народу, какъ только кончилась ея временная задача. Конечно, въ этихъ поворотахъ нельзя искать полной сознательности цѣлей; исторія ведетъ людей еще болѣе, чѣмъ люди складываютъ исторію; но наши переломы говорятъ сами за себя.

Скажемъ мимоходомъ: верховная власть московскихъ временъ не имѣла того простора дѣйствій, какъ нынѣ. Она была прежде всего военною диктатурой, необходимою для спасенія русской самостоятельности, чѣмъ и обусловливалась главная ея цѣль. Московскій царь былъ верховнымъ вождемъ русскихъ силъ еще болѣе чѣмъ монархомъ. Царская военная диктатура создала Россію изъ погибавшихъ обломковъ, твердо установила пути къ достиженію національныхъ цѣлей, довершенныхъ Екатериною II, и передала петербургскому періоду могучую и сосредоточенную Русь, которую оставалось только отшлифовать. Передъ глазами свѣта стоитъ фактъ: изъ столькихъ славянскихъ государствъ, бросившихъ немало блеска во время своего процвѣтанія, стоявшихъ въ условіяхъ гораздо болѣе

благопріятныхъ чѣмъ мы, уцѣлѣла одна Россія; самое имя славянской породы спаслось въ ней одной, благодаря чутью народа, стоявшаго прежде всего и болѣе всего за цѣлость и независимость, умѣвшему жертвовать государственному единству привольемъ послѣдовательныхъ поколѣній и сплотившемуся около престола не только какъ народъ, но почти какъ войско, всегда готовое встать поголовно по его призыву. Только этою жертвою Россія откупилась отъ зарока насильственной смерти, наложеннаго, какъ проклятіе, на всѣ славянскія племена. Намъ теперь легко судить на льготѣ, изъ-за ограды крупповскихъ пушекъ, о московской эпохѣ; но ей некогда было тратить много времени на общественные вопросы: всѣ силы ея были поглощены вопросомъ о бытіи Россіи; ей было невозможно установить настоящее земское самоуправленіе, по необходимости сосредоточивать военную и гражданскую власть на всякой точкѣ государства, такъ какъ тогда не было ни единой точки, вполнѣ безопасной отъ поляковъ, шведовъ, татаръ, черемисъ и собственныхъ казаковъ. Безъ мѣстнаго самоуправленія земскіе соборы не достигали цѣли вполнѣ; но тѣмъ не менѣе верховная власть относилась къ народу, въ лицѣ его выработанныхъ слоевъ, съ полнѣйшимъ довѣріемъ, обращалась къ нему за совѣтомъ при каждомъ важномъ вопросѣ. Взаимное сближеніе постепенно учащалось; съ обезпеченіемъ безопасности областей, устранявшимъ необходимость военной диктатуры, изъ такого сближенія непремѣнно развился бы живой государственный строй.

Петербургскій періодъ прервалъ эти отношенія, возстановленныя только нынѣшнимъ царствованіемъ,—прервалъ по необходимости,—ставъ передъ народомъ въ положеніе учителя и наставника, взявшагося просвѣтить его хотя бы силою, обязаннаго подгонять лѣнивыхъ; какъ же при этомъ выслушивать ихъ мнѣніе? Сообразно потребности эпохъ, приходившихъ на смѣну одна другой, верховная власть приняла у насъ въ отношеніяхъ къ народу новый оттѣнокъ—просвѣтительный, замѣнившій московскій оттѣнокъ военной диктатуры, но еще менѣе согласимый съ развитіемъ земскаго самоуправленія. Выборное начало, введенное Екатериной II въ губернское устройство, не опровергло, а напротивъ явно доказало эту несогласимость. Оно было лишь либеральною формальностью. Коронные чиновники продолжали управлять; земскіе же дѣя-

тели только помогали имъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей: выборные изъ дворянъ, безгласные по неимѣнію на своей сторонѣ большинства, плыли по теченію времени и сами становились чиновниками или по возможности устранялись отъ дѣла; выборные отъ мѣщанъ топили печи въ присутствіи, выборные отъ крестьянъ мели дворъ. Серьезная задача воспитательнаго періода была совсѣмъ иная: онъ положилъ конецъ прежней сословной замкнутости и вызвалъ изъ нѣдръ русскаго народа, безъ различія званія и рожденія, всѣхъ, кто хотѣлъ слѣдовать за нимъ къ поставленной имъ цѣли — стать русскимъ европейцемъ. Подъ названіемъ дворянства онъ создалъ нашъ культурный слой, связный и отграниченный отъ массы, но открытый снизу всякой созрѣвающей личности,—слой, способный пользоваться политическими правами и вмѣстѣ съ тѣмъ не замкнутый въ себялюбивое сословіе, не чуждый народу, постоянно обновлявшему и укрѣплявшему его притокомъ новыхъ силъ. Было бы, вѣроятно, лучше, если бы культурный слой создавался медленнѣе, не отрываясь отъ почвы; но случилось такъ, а не иначе. Съ этою отборною частью народа петербургская эпоха совершила всѣ свои начинанія—внутреннія и внѣшнія; она не могла только одного: дать созданному ею новому дворянству политическаго воспитанія, по несогласимости широкаго земскаго самоуправленія съ существеннымъ характеромъ воспитательнаго періода. Задача эта стояла впереди и требовала, чтобы временная просвѣтительная миссія сверху была признана законченною. Можно думать, что часъ этотъ насталъ для насъ нравственно именно въ половинѣ текущаго столѣтія. Около этого времени выяснились уже во мнѣніи, хотя еще не вполнѣ вошли въ общее сознаніе, опредѣленныя понятія о нашемъ родѣ и видѣ между народами, о точкахъ соприкосновенія и отличія русскаго племени, русской жизни и русской исторіи съ западно-европейскими. Нѣсколько ранѣе наши понятія въ этомъ отношеніи были еще очень сбивчивы. Въ этотъ разъ, какъ и прежде, съ самаго начала московскаго государства, судьба намъ явно благопріятствовала; нашей исторіи не пришлось дожидаться: поворотъ на дѣлѣ соотвѣтствовалъ немедленно нравственной потребности.

За исключеніемъ великой и сознательной задачи—созданія русскаго культурнаго слоя, петровскому періоду жилось легко; на долю его не выпало не только десятой, но даже сотой доли

трудовъ, подъятыхъ московскими временами. Онъ приводилъ въ порядокъ готовыя матеріалы. Во внутреннихъ дѣлахъ ему досталось въ наслѣдство цѣльное государство, сросшенное во всѣхъ своихъ частяхъ, съ сильною централизаціею, до сущности которой правительство этого періода никогда не касалось; оно только переименовывало дьяковъ въ секретарей, приказы въ коллегіи и министерства, а боярскую думу въ правительствующій сенатъ или государственный совѣтъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ Москва завѣщала Петербургу завершеніе вопросовъ, въ основаніи уже порѣшенныхъ ею: объ изгнаніи остатковъ мусульманскаго владычества изъ естественныхъ предѣловъ Европейской Россіи и о преобладаніи надъ Польшею; одно только завоеваніе балтійскаго прибрежья, котораго московскіе цари никакъ не могли добиться, принадлежитъ въ собственность петербургскому періоду.

Въ полномъ значеніи слова, нисколько не играя выраженіями, должно сказать, что мы, русскіе, какъ нація, только вчера доросли до нравственной независимости, до такого состоянія, въ которомъ намъ не приходится уже жертвовать роковой необходимости драгоцѣннѣйшими условіями развитой общественной жизни; только вчера мы выбрались на широкую дорогу. Предшествовавшія времена не располагали достаточною для того свободою дѣйствій. Московской эпохѣ было некогда: она боролась за право существованія Россіи; но и петербургскому періоду было нельзя, потому что онъ шелъ къ другой задачѣ. Вѣроятно, въ будущемъ ожидаетъ насъ еще много внѣшнихъ бурь; но при нашей государственной окрѣплости, онѣ уже не остановятъ народнаго роста. Теперь только пришло намъ время жить и обнаружить свои внутреннія силы.

Мы вступаемъ въ пятую эпоху своей исторіи съ крупнымъ, но единственнымъ наслѣдствомъ, оставшимся намъ отъ воспитательнаго періода—съ нашимъ культурнымъ слоемъ, который Петръ Великій назвалъ русскимъ дворянствомъ, приравнявъ его къ старинному высшему сословію. Внѣ петровскаго дворянства у насъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ богато-одареннаго природою, твердо сомкнутаго въ смыслѣ народности, но совершенно стихійнаго русскаго простонародья. Вся умственная сила Россіи, вся наша способность къ созданію созидательной общественной дѣятельности — заключается въ дворянствѣ, въ томъ именно видѣ дворянства, какимъ создалъ его Петръ —

связномъ и доступномъ снизу. Россія купила свою нравственную силу дорогою цѣною—пріостановкою общественнаго развитія на полтора вѣка. Наше будущее зависитъ отъ умѣнья пользоваться этою силою. Современное положеніе Россіи объясняется все, безъ остатка, внутреннимъ содержаніемъ, степенью зрѣлости нашего культурнаго слоя—дворянства, и мѣрою участія его въ общественныхъ дѣлахъ.

Мы всѣ знаемъ про себя, что всесословный русскій народъ дѣлится, въ дѣйствительности, только на два сословія—на господъ и на простолюдиновъ, то-есть на людей, ставшихъ и вновь становящихся образованными европейцами, и на людей, не выбившихся еще изъ стихійнаго быта. Купцы не въ счетъ: по степени богатства они примыкаютъ или къ первымъ, или ко вторымъ, не говоря о почетныхъ гражданахъ, давно пользующихся многими дворянскими правами. Развитые люди низшихъ слоевъ, не добившіеся дворянства (о которыхъ надобно еще спросить, въ какомъ смыслѣ они развиты?), составляютъ у насъ единичныя явленія и никогда не сложатся въ сословіе. Странно было бы даже ставить вопросъ о внезапномъ появленіи въ девятнадцатомъ столѣтіи сословія, о которомъ никогда не слыхала тысячелѣтняя Русь! При бытовыхъ условіяхъ русской жизни, давно уже опредѣлившихся, такому сословію положительно нѣтъ у насъ мѣста. Наши города совсѣмъ не похожи на европейскіе, а потому не могли и не могутъ создать отдѣльнаго класса горожанъ; они—не промышленные центры, а административныя средоточія, въ которыхъ живутъ тѣ же господа и мѣщане, ничѣмъ не отличающіеся отъ крестьянъ: въ мелкихъ городахъ мѣщане пашутъ землю и и сами не знаютъ, почему они переименованы въ новое званіе; наша промышленность въ большинствѣ пріютилась по селамъ. Условія русской производительности не выдвинули людей средняго состоянія какъ цѣльное сословіе; отдѣльныя же семейства, выроставшія изъ народнаго уровня, вступали послѣ Петра Великаго въ ряды дворянства, или прямо, или черезъ нѣкоторый срокъ, если могли продержаться два-три поколѣнія выше толпы (купеческіе роды); въ противномъ же случаѣ опять растворялись въ народѣ. Учрежденіе нашего высшаго сословія, открытаго снизу, не допускло скопленія подъ нимъ непривилегированнаго образованнаго слоя. До послѣдней реформы дворянство считало себя сословіемъ исключительно служилымъ и

не занималось никакимъ техническимъ дѣломъ, развѣ рѣдко и неохотно; вслѣдствіе того, въ теченіе нынѣшняго столѣтія подъ высшимъ классомъ стало появляться—не сословіе, конечно, но довольно большое число полуобразованныхъ техниковъ разнаго рода, на половину иностранцевъ. Теперь же, какъ извѣстно, такъ называемыя либеральныя профессіи наполняются сильнымъ притокомъ дворянства; оно признало *своею* всю область умственныхъ занятій. Первоначальная мысль Петра Великаго, положившаго основаніе новому дворянству какъ *связному сословію русскихъ образованныхъ людей*, дожила до своего практическаго приложенія. Конечно, Петръ собиралъ это сословіе только для государственной службы, но исторія извлекла изъ его началъ послѣдствія, далеко превосходящія человѣческое предвидѣніе. Въ настоящее время наши инженеры, ученые техники, профессора—всѣ господа, а дѣти каждаго изъ нихъ, лично возвысившагося изъ толпы, сколько-нибудь путные, уже навѣрное станутъ дворянами; о нашихъ писателяхъ еще Пушкинъ сказалъ, что имъ не нужны меценаты сверху, такъ какъ сами они господа. Какая же умственная сила существуетъ еще въ Россіи внѣ дворянства и богатаго купечества, кромѣ отдѣльныхъ и разсѣянныхъ личностей да нѣмцевъ-аптекарей, которыхъ было бы смѣшно класть на вѣсы, когда рѣчь идетъ о закладкѣ государственнаго строя? Подъ высшимъ русскимъ слоемъ лежитъ особымъ пластомъ, но все же не сословіемъ, только наше потомственное духовенство, неизвѣстное ни старой Россіи, ни другимъ православнымъ странамъ; изъ этого пласта выходятъ ежегодно—не въ церковь, а въ свѣтъ тысячи молодыхъ, полуобразованныхъ людей, стучащихъ въ двери культурнаго общества. Съ ихъ-то стороны и раздаются главнѣйше вопли о демократическомъ равенствѣ и всесловности, непризнаваемыхъ русскимъ народомъ. Вопросъ о кастовомъ духовенствѣ—вопросъ очень великій, отъ котораго также въ значительной степени зависитъ наше будущее, но потому именно его нельзя касаться мимоходомъ. Но вѣдь и наши семинаристы не скопляются въ какую-нибудь промышленную буржуазію: они почти поголовно идутъ въ чиновники. Страшный недостатокъ въ техническихъ школахъ заставляетъ у насъ каждаго подростка, скинувшаго зипунъ,—подростка, который могъ бы стать хорошимъ машинистомъ на желѣзной дорогѣ и быть первымъ между своими,—голодать всю жизнь, но лѣзть въ господа:

у него нѣтъ другаго средства обезпечить свое существованіе. Эти машинисты и всякіе техники низшаго разряда не сложатся также, сколько-бъ ихъ ни было впослѣдствіи, ни въ какое сословіе; въ глазахъ русскаго народа они—тѣ же рабочіе, какъ и другіе, только зажиточные. Русская жизнь сложила лишь два пласта людей—привилегированный и непривилегированный, отличающіеся между собою въ сущности не столько привилегіей, какъ тѣмъ кореннымъ отличіемъ, что они выражаютъ, каждое, различную эпоху исторіи: высшее сословіе — 19-й вѣкъ, нисшее—9-й вѣкъ нашей эры. Въ каждомъ изъ этихъ пластовъ, раздѣленныхъ тысячелѣтіемъ, хотя живущихъ рядомъ, есть свои верхи и свои низы, своя аристократія и демократія; но въ серединѣ между ними нѣтъ ничего и не мелькаетъ даже зародыша чего-нибудь для будущаго; только съ теченіемъ времени верхній слой будетъ постоянно утолщаться. Такова форма, данная нашей жизни исторіей; а исторію никто не сочиняетъ. Теперь еще не пора судить объ относительномъ достоинствѣ этой формы; можетъ быть такъ выйдетъ лучше; но крайней мѣрѣ у насъ не произойдетъ никогда разрыва между культурными слоями, сливающимися въ одинъ общій слой. Но, во всякомъ случаѣ, откидывая чуждыя сравнительныя названія, занесенныя къ намъ изъ иностранной жизни воспитательнымъ періодомъ, и общія мѣста либерализма, происходящія изъ того же источника, невозможно не признать, что русскій культурный слой содержится почти исключительно въ русскомъ дворянствѣ и богатомъ купечествѣ, не только по факту, но по принципу, и что внѣ дворянства у насъ не существуетъ никакой развитой умственной силы, кромѣ очень рѣдкихъ исключеній. Слѣдовательно, сознательная сила русской націи равняется тому ея количеству, которое заключается въ дворянствѣ.

Каково же наше дворянство? За этимъ вопросомъ остается только относительное значеніе, потому что, хорошо оно или дурно, замѣнить его нечѣмъ. Но безъ уясненія вопроса нельзя ничего понять въ нашемъ современномъ положеніи.

Въ предшествующихъ главахъ мы очертили, по своему убѣжденію, нынѣшнее состояніе русской мысли и русскаго общественнаго дѣла; думаемъ, по личному опыту, что большинство образованныхъ людей раздѣляютъ наши взгляды на самый фактъ. Состояніе это оказывается далеко не утѣшительнымъ:

оно проникнуто какимъ-то слабосиліемъ, не допускающимъ даже зрѣлыхъ лицъ, которыхъ у насъ не мало, соединиться между собою и сложить какое-либо зрѣлое мнѣніе или зрѣлое дѣло. Если вся наша умственная сила заключается въ дворянствѣ, то можно вывести, пожалуй, что вина въ современномъ безсиліи падаетъ на него. Хотя нельзя винить прямо разъѣхавшихся за границу помѣщиковъ въ нынѣшнемъ безплодіи освобожденнаго, сравнительно съ прежнимъ русскаго слова, или прямо ставить въ укоръ остающимся—безжизненность земскихъ учрежденій, въ которыхъ они представляютъ только свой классъ, въ настоящее время далеко не особенно связный; но тѣмъ не менѣе надо признаться: если бы наше дворянство, заключающее въ себѣ весь русскій культурный слой, весь тысячелѣтній разумъ Россіи, было достаточно созрѣвшимъ, оно оказывало бы даже въ нынѣшнемъ своемъ положеніи несравненно болѣе вліянія и на своихъ членовъ, и на остальное населеніе государства; у насъ не было бы ни разлива нигилизма конца пятидесятыхъ годовъ, ни нынѣшняго общественнаго безсилія въ словѣ и дѣлѣ. Но откуда быть ему созрѣвшимъ?

Воспитательный періодъ создалъ большое число русскихъ европейцевъ подъ названіемъ дворянъ; но онъ не смотрѣлъ и не могъ смотрѣть на дворянство, какъ на связное общественное сословіе: оно являлось связнымъ только въ отношеніи къ государству, было въ его рукахъ сословіемъ исключительно служилымъ, своими людьми, но никогда не жило совокупною жизнью. Императрица Екатерина предоставила дворянству льготу выбирать нѣсколькихъ чиновниковъ, которые затѣмъ поступали въ непосредственное подчиненіе коронной администраціи; ею же было дано ему право обсуждать дѣйствующіе законы и представлять объ нихъ свое мнѣніе; но право это оставалось, какъ извѣстно, мертвою буквой. Въ прошлыя времена не одинъ дворянинъ, пытавшійся напомнить собранію о дарованномъ правѣ, былъ прямо останавливаемъ, если не случалось съ нимъ хуже. Теперь мы хорошо понимаемъ, оглянувшись назадъ, что такія отношенія были въ порядкѣ дѣла, что они даже не могли быть иными: нельзя вмѣстѣ перевоспитывать людей и ставить ихъ на одинъ умственный уровень съ собою, прежде чѣмъ они сдадутъ экзаменъ. До нынѣшней эпохи русскіе дворяне, старые и новосозданные, сходились между

собою въ полкахъ, въ канцеляріяхъ и разъ въ три года на съѣздахъ, гдѣ они выбирали предводителей и нѣсколькихъ чиновниковъ, но никакого общаго дѣла у нихъ не являлось. Они составляли сословіе только по буквѣ закона, а не въ дѣйствительности. Сказать короче: въ Россіи было много дворянъ, но не было дворянства. Нашъ культурный слой со дня своего рожденія никогда еще не жилъ общественною жизнью, и нынѣ, призванный къ жизни вмѣстѣ съ другими сословіями, выступаетъ на сцену такимъ же новичкомъ, какъ они. Онъ имѣетъ за собою преимущество не только громадное, но исключительное, не допускающее никакого соперничества,—преимущество личнаго культурнаго развитія. О вопросахъ XIX вѣка, даже мелкихъ, могутъ судить только люди этого вѣка, а не люди допотопныхъ временъ; но тѣмъ не менѣе, нашъ культурный слой, какъ сословіе, имѣетъ также недостатки юноши, хорошо учившагося, но еще не понимающаго жизни. Нужно цѣлое поколѣніе, при крѣпкой связности и цѣляхъ, достойныхъ усилій всей жизни, чтобы сложить его въ политическое сословіе, сознательно служащее видамъ верховной власти и твердо руководящее народомъ въ каждой мѣстности. По всѣмъ даннымъ исторіи можно надѣяться, что слѣдующее поколѣніе образованныхъ и уважающихъ себя русскихъ людей, при должной обстановкѣ, тѣсно сплоченное, дорастетъ до зрѣлости; покуда же, не смотря на большое число лично развитыхъ людей, у насъ нѣтъ общественной опытности, что отражается на каждомъ изъ насъ безъ исключенія. Эта сборная опытность, свѣряющая всѣ мнѣнія между собою и съ практикою, пріобрѣтается только совокупною жизнью, а не книгами и одиночными умозаключеніями. Отсутствіемъ ея объясняется нынѣшняя шаткость, разрозненность и крайность мнѣній, непослѣдовательность и неустойчивость дѣйствій русскихъ образованныхъ людей, не говоря о полуобразованныхъ. Послѣдніе всегда и вездѣ не самостоятельны; они руководятся общественнымъ сознаніемъ слоевъ болѣе зрѣлыхъ. При отсутствіи такого руководящаго начала они должны поневолѣ находиться еще въ большемъ нравственномъ разбродѣ, чѣмъ ихъ старшая братія.

Съ началомъ петровской эпохи старинное дворянство, пріобрѣвшее много преданій государственной, если не чисто-общественной дѣятельности, утратило ихъ, утонувъ въ массѣ но-

ваго культурнаго слоя; людямъ же этого новаго слоя до сихъ поръ не откуда было ихъ почерпнуть. Въ продолженіе полутора вѣка слишкомъ, и старые, и новые дворяне воспитывались лично, учились въ одиночку, никогда не соприкасаясь другъ съ другомъ какъ члены общества. Они проникались иностранными понятіями, не имѣя возможности свѣрить ихъ съ своею дѣйствительностью, прозябшею подъ ними чисторастительною жизнью, потому именно растительною, что вся нервная система была извлечена изъ нея въ другую, государственную сферу. Не имѣя прямаго вліянія на народную жизнь, образованные русскіе люди, желавшіе понять ее, должны были прибѣгать — если можно такъ, выразиться — къ пріемамъ не физіологіи, а анатоміи: они разсѣкали органъ, не имѣя средства поглядѣть его отправленія. Эта ограниченность средствъ выказалась очень живо въ ученіи славянофиловъ: они подмѣтили съ чрезвычайною мѣткостью *суть* русской жизни, но оказались безсильными для практическихъ выводовъ изъ нея. Масса же общества, неуглубляющаяся въ отвлеченныя изысканія, не имѣла ровно никакихъ средствъ провѣрить на дѣлѣ чужеземный урокъ, преподаваемый ей въ школѣ и офиціальной сферѣ. Къ концу воспитательнаго періода источники самостоятельнаго народнаго духа, не смотря на теоретическое возвращеніе къ нимъ, стали изсякать не только въ бывшемъ офранцуженномъ классѣ, но даже въ поддонкахъ нашего культурнаго слоя. Вышло что то же самое общество, которое выставляло столько крупныхъ личностей на государственную службу, оказалось безсильнымъ, принимаясь за свое собственное дѣло; и не удивительно: для службы нужны лично-развитые люди, какихъ воспитательный періодъ создалъ не мало; для собственнаго дѣла нужные *русскіе земскіе люди*, давно исчезнувшіе на нашей почвѣ. Самые даровитые и многознающіе воспитанники бываютъ всегда, въ день выхода изъ школы, существами безличными; опредѣленная личность слагается въ нихъ уже впослѣдствіи, житейскимъ опытомъ. Эти юныя существа отличаются отъ взрослыхъ тѣмъ именно, что ихъ чувства и дѣйствія не вяжутся съ навѣянными на нихъ мнѣніями. Вотъ наше общественное состояніе, конечно, временное и переходное. Оно опредѣляется единымъ словомъ: обезличеніе.

Это обезличеніе сказывается во всемъ. Какой-нибудь журналъ, вообще серьезный, успокоивается на общихъ мѣстахъ

въ такой мѣрѣ, что обращается съ бумажнымъ высокомѣріемъ къ непритворной тревогѣ русскаго человѣка, не чувствующаго почвы подъ ногами: или утѣшаетъ его гласностью, или совѣтуетъ *общечеловѣческое* развитіе; по привычкѣ къ готовымъ заключеніямъ, онъ не догадывается, что если были святые и чародѣи, умѣвшіе стоять на водѣ и на воздухѣ, то до сихъ поръ никто еще не стоялъ на звукѣ. Большинство все еще понимаетъ подъ словомъ «почва» теоретическіе споры сороковыхъ годовъ и не видитъ факта, осадившаго насъ со всѣхъ сторонъ: необходимости бытовой почвы, на которой могла бы развиться дѣйствительная земская жизнь, исходящая изъ дѣйствительныхъ условій русскаго общественнаго склада, не лгущая передъ нимъ, также какъ живая и живящая печать, сознательно относящаяся ко всѣмъ особенностямъ народнаго духа—вмѣсто либеральнаго, но мертваго канцелярскаго измышленія, вмѣсто либерально-аллегорической болтовни журнальныхъ статей.

Вотъ другой фактъ изъ общественной жизни. Садитесь на пароходъ въ Псковѣ; черезъ восемъ часовъ вы будете въ Дерптѣ, принадлежащемъ Россіи болѣе полутора вѣка, въ которомъ вы не допроситесь ни воды, ни хлѣба, если станете спрашивать ихъ по-русски. Между тѣмъ, мы хорошо знаемъ, какъ окрайные города, занимаемые московскою Русью, черезъ одно поколѣніе становились до такой степени русскими, что отбивались отчаянно отъ своихъ прежнихъ владыкъ. Мы вовсе не сторонники приравненія окраинъ къ тѣлу государства полицейскими мѣрами,—даже всякаго вида приравненія ихъ, кромѣ политическаго; намъ кажется желательнѣе, напротивъ, воскресить мѣстный духъ даже составныхъ частей собственной Россіи. При обширности государства, наша будущность—въ разнообразіи и нѣкоторой самобытности большихъ областей. Мы считаемъ распространеніе русскаго языка и русскаго чувства къ общему отечеству на окраины дѣломъ болѣе общественнымъ, чѣмъ правительственнымъ. Въ этомъ отношеніи вышеуказанный фактъ имѣетъ великое значеніе. Старая Русь оказывала живое вліяніе на присоединяемые края, потому что сама была живымъ цѣлымъ, твердо сознававшимъ свою личность; сила ея состояла не въ учености, а въ нравственномъ единствѣ. Нынѣшняя Россія, выходящая изъ воспитательнаго періода, съ своимъ блѣднымъ культурнымъ обще-

ствомъ безъ тѣла и своимъ стихійнымъ простонародьемъ безъ головы, владѣетъ только силою механическою; она не можетъ никого убѣждать, потому что сама не знаетъ своихъ убѣжденій. Мы образовывались и выцвѣтали постепенно отъ недостатка совокупной жизни. При Екатеринѣ, вновь присоединенныя губерніи стали-было быстро заквашиваться въ общемъ духѣ государства, — значитъ, въ русскомъ обществѣ сохранялся тогда еще нѣкоторый запасъ дѣятельной силы; мы видимъ, какимъ успѣхомъ увѣнчались въ тѣхъ же губерніяхъ, въ настоящую пору, самыя энергическія усилія правительства во всемъ, чего нельзя было достигнуть прямо административными мѣрами. Нынѣшнее общество только взывало къ правительству по этому поводу, но помогло ему очень мало.

Такова покуда внутренняя сила дворянства, заключающаго въ себѣ весь нашъ культурный слой. Нечего говорить о степени состоятельности полуобразованныхъ людей, только еще дорастающихъ до званія господъ, отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому. Не смотря на эту горькую истину, наше общественное дѣло можетъ быть поведено только однимъ дворянствомъ, присоединяя къ нему, конечно, силу большихъ капиталовъ и крупныхъ талантовъ, откуда бы они ни взялись. Не создавать же новаго культурнаго класса, въ обходъ стараго, если бы даже такая операція была возможна, сложивъ опять руки на полтораста лѣтъ. Кромѣ того, слабосиліе русскаго образованнаго общества—не порокъ органическій, а чисто-наружный, происходящій отъ отвычки къ серьезному дѣлу. Чѣмъ ушибся—тѣмъ и лѣчись.

Не смотря на очевидное временное обезличеніе нашего культурнаго слоя, мы считаемъ однакожъ крайне несправедливымъ и вполнѣ невѣрнымъ обвиненіе его въ оторванности отъ русской почвы, въ очужеземленіи, если можно такъ выразиться; мы не видимъ никакихъ существенныхъ признаковъ, дающихъ право сказать, какъ не разъ у насъ говорилось, что петровская реформа разорвала русскій народъ на двѣ половины, не понимающія уже одна другую. Мы напротивъ, видимъ явно, по ежедневному опыту, тотъ же самый русскій складъ, и съ хорошей и съ дурной стороны, въ человѣкѣ высшаго общества и въ простолюдинѣ; оба они проникнуты одинаково русскимъ чутьемъ, внутреннее содержаніе, основные взгляды второго—тѣ же самые, что и перваго, только

безъ культурныхъ добавленій. Эти культурныя добавленія, до сихъ поръ не свѣренныя съ жизненною дѣйствительностью, а потому случайныя и произвольныя, составляютъ всю разницу между ними. Русскій образованный человѣкъ не отрывался отъ простолюдина, но онъ надолго былъ оторванъ отъ всякой общей съ нимъ, не казенной заботы. Какъ братьямъ, никогда не ссорившимся, но давно разъѣхавшимся, имъ надо пожить вмѣстѣ мѣсяцъ, чтобы столковаться насчетъ своего семейнаго дѣла; мѣсяцъ въ жизни народа—это одно поколѣніе. Прямое участіе нашего культурнаго слоя—дворянства—въ общественной жизни, вмѣсто нынѣшняго косвеннаго участія, серьезная дѣятельность и серьезная отвѣтственность сложатъ его въ одно цѣлое и между собою, и съ народомъ, проникнутъ его единствомъ настроенія и отрезвятъ совершенно. Этого будетъ достаточно, чтобы коренной русскій духъ проросъ вновь сквозь нынѣшнее школьное обезличеніе. У насъ явятся тогда и общественное мнѣніе, и общественная дѣятельность. Мы набрались достаточныхъ свѣдѣній въ теченіе послѣдняго полутора вѣка, намъ недостаетъ только баласта—связности и уроковъ жизни, откуда и происходитъ нынѣшняя русская безцвѣтность. Болѣзнь эта неудобная, особенно въ настоящее бурное время, хотя не болѣе какъ наружная и скоро-проходящая при должныхъ лѣкарствахъ; но вылѣчить насъ можетъ только всероссійскій житейскій опытъ, развивающійся изъ бытовыхъ, а не изъ сочиненныхъ началъ и отношеній.

Если современная болѣзнь русскаго общества состоитъ въ обезличеніи, происходящемъ исключительно изъ теоретическаго образованія, не провѣреннаго опытомъ совокупной жизни, отъ которой мы давно отвыкли, то нашему культурному слою связность въ будущемъ еще необходимѣе, чѣмъ такимъ же слоямъ европейскимъ. Къ причинамъ, заставляющимъ послѣдніе тѣсно держаться между собою по закону и преданію, у насъ присоединяется еще новая причина. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ легче, чѣмъ на Западѣ, сохранить или возстановить, пока еще есть время, связность образованнаго общества, потому именно, что оно не дѣлится на соперничествующія группы—на дворянство и среднее состояніе, а смыкается въ одно сословіе, раздѣленное, конечно, на многія подслойки въ дѣйствительной жизни, но законно равноправное. Если на Западѣ прочность государственнаго и общественнаго устоя зависитъ вполнѣ отъ крѣп-

кой связи культурнаго слоя, какъ несомнѣнно доказываетъ новая исторія, то это непремѣнное условіе существуетъ еще въ большей мѣрѣ для насъ; мы не можемъ считать себя исключеніемъ изъ рода человѣческаго. Въ Европѣ сознательные классы, воспитанные связно цѣлыми вѣками, не устояли, какъ только чуть немного раздвинулись между собою; какой же устой представляетъ, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, русскій сознательный слой, воспитанный, даже можно сказать рожденный въ безсвязности, лишенный всякихъ преданій совокупной общественной дѣятельности? Тамъ сгубилъ дѣло одинъ промежутокъ между двумя сословіями—у насъ же такіе промежутки лежатъ между каждыми двумя людьми. Уже теперь, безъ тѣни еще какого либо политическаго вопроса, въ нашей сборной жизни оказывается полнѣйшій разбродъ. Безсвязность и обезличеніе, таившіяся, какъ скрытый недугъ, въ русскомъ обществѣ, замороженномъ воспитательнымъ періодомъ, должны были необходимо выйти наружу при первомъ внесенномъ лучѣ; но они не сказались бы въ такой наготѣ, имѣли бы время отстояться, если бы общественныя группы не были въ то же время вдругъ сдвинуты съ привычнаго мѣста. При этомъ же передвиженіи нашъ нравственный разбродъ выразился съ учетверенною яркостью—неопредѣленностью всѣхъ личныхъ положеній, отсутствіемъ обмысленныхъ и, главное, распространенныхъ убѣжденій, оторванностью мысли отъ дѣла въ единицахъ, равнодушіемъ разрозненнаго общества къ основнымъ вопросамъ, безпримѣрною шаткостью пониманія и примѣненія закона общественными дѣятелями, отсутствіемъ власти и руководства внѣ большихъ городовъ, теоретичностью и безжизненностью печати въ практическихъ дѣлахъ, бездѣйствіемъ земскихъ силъ, даже безсиліемъ акціонеровъ какой бы то ни было компаніи защитить свои личные интересы отъ произвола нѣсколькихъ беззастѣнчивыхъ людей, выбирающихъ самихъ себя въ директора. Гдѣ только намъ приходится жить, дѣйствовать или говорить сообща, тамъ мы, покуда, безсильны и безпомощны. Ни сверху, ни снизу нельзя считать такое общественное состояніе безопаснымъ и успокоиться на немъ.

Мы очутились въ этомъ положеніи внезапно. До 19 февраля 1861 года русскій сознательный слой жилъ только государственною, а не общественною жизнью и гордился быстрыми умственными успѣхами, не замѣчая своего нравственнаго оску-

дѣнія; онъ глядѣлъ въ будущее довольно довѣрчиво, полагаясь на давнюю, механическую, но тѣмъ не менѣе обратившуюся уже въ привычку сословную связность—и въ извѣстной мѣрѣ былъ правъ. Еслибъ эта связность, хотя только наружная, уцѣлѣла при новыхъ условіяхъ жизни, послѣ освобожденія народа, при той степени личнаго образованія, до которой дорасло русское дворянство, то совокупная дѣятельность срастила бы его нравственно довольно скоро; общественная среда и обязаности положенія удержали бы увлекающіяся личности правой и лѣвой оконечности, не дали бы однимъ эмансипироваться, по русскому обычаю, до чортиковъ, другимъ — разбрестись въ стороны, напоминая въ миніатюрѣ французскую эмиграцію 1790 года. Русскій культурный слой проникался бы постепенно единствомъ, устанавливая понемногу общественное мнѣніе, и въ то же время повелъ бы земское дѣло въ одномъ направленіи, а не въ сотняхъ разбѣгающихся направленій. Во всякомъ случаѣ, дѣло не дошло бы до нынѣшняго разлада въ томъ и другомъ отношеніи.

Случилось иначе. Осмѣливаемся высказать мнѣніе, что великодушныя преобразованія, обновившія Россію вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ, были въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ слишкомъ теоретичны, а потому не вполнѣ совпадали съ естественнымъ теченіемъ русской исторіи. Но если, по неизбѣжному несовершенству человѣческихъ дѣлъ, въ нихъ вкрались ошибки, то даже ошибки эти служатъ къ славѣ нашего правительства. Высшая степень доброжелательства и искренности правительства состоитъ въ томъ именно, чтобы дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Мы же всѣ помнимъ, каково было русское мнѣніе конца пятидесятыхъ годовъ. Тогда высказывались только отдѣльныя личности, несовсѣмъ довольныя принятымъ направленіемъ. Сборный голосъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ славянофиловъ до нигилистовъ, на сколько онъ выражался и въ печати, и на улицѣ, желалъ всесословности,—именно такой формы всесословности, которая на дѣлѣ равнялась бы полной безсословности. Русское общество, воспитанное на чужеземныхъ теоріяхъ нынѣшней бурливой эпохи, не вкусивъ еще никогда плодовъ неразборчиваго поклоненія имъ, наскучившее однообразіемъ прежняго быта, разочарованное временно крымскою войною, рвалось къ самымъ широкимъ и туманнымъ идеаламъ въ либеральномъ смыслѣ. Опытъ совер-

шился. Выработанный исторіей русскій культурный слой былъ во многихъ отношеніяхъ пожертвованъ отвлеченнымъ идеямъ всесословности, то-есть низшимъ сословнымъ группамъ, представляемымъ на западный образецъ, никогда не существовавшимъ на русской почвѣ. Никому отъ этого не стало лучше, кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ сотрудниковъ, предъ которыми раскрылись широкія темы либеральнаго витійства; но русскому дѣлу, нашему ходу впередъ, стало положительно хуже.

Народу въ періодѣ роста, какъ мы, такой опытъ, если онъ не затягивается на неопредѣленное время, не вреденъ—совсѣмъ напротивъ. Онъ отрезвилъ многихъ. Безъ него тысячи русскихъ людей продолжали бы и въ будущемъ увлекаться несбывшеюся мечтою, вѣрить во французскія теоріи безсословности, не смотря даже на очевидную убѣдительность французскаго примѣра. Давно извѣстно, что чужой опытъ не впрокъ. Хотя давнишнее подражаніе недовело еще насъ, и не доведетъ, надо надѣяться, до серьезныхъ послѣдствій, но легкій отблескъ ихъ сталъ мелькать уже въ глаза достаточно многимъ людямъ, чтобы отучить ихъ отъ охоты замѣнять дѣло словами.

Въ послѣднее время у насъ стало почти общепринятымъ считать и называть русскій личный и общественный складъ демократическимъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это совершенно вѣрно. Достаточно оглянуться на русскую исторію для убѣжденія въ томъ, что мы —народъ не аристократическій, безъ развитаго индивидуализма, такъ какъ у насъ никогда не появлялось самостоятельной, неслужилой аристократіи. Самая форма русской верховной власти, предъ лицомъ которой уравниваются всѣ подданные, есть форма земской монархіи. Но этотъ взглядъ нисколько не противорѣчитъ существованію дворянства, созданнаго воспитательнымъ періодомъ въ видѣ организованнаго, то-есть связаннаго съ престоломъ и между собою, но открытаго снизу культурнаго слоя; слой этотъ есть именно неизвѣстное Европѣ организованное высшее сословіе демократическаго народа. Мы употребляемъ слово *демократическій* никакъ не во французскомъ смыслѣ; правильнѣе было сказать—народа цѣльнаго, не разорваннаго кастовою сословностію. Это учрежденіе было бы невозможнымъ при родовомъ, современномъ государству, появившемся вмѣстѣ съ нимъ дворянствѣ въ западномъ смыслѣ.

Русское дворянство — единственное высшее сословіе въ Европѣ, не происходящее изъ права завоеванія, не отличающееся отъ народа своею кровью и особымъ племеннымъ духомъ. Все французское дворянство поголовно (кромѣ судебнаго, жалованнаго королями) и почти все нѣмецкое — ведутъ свой родъ отъ племени франковъ, покорившихъ ту и другую страну; англійское отъ норманновъ; испанское отъ вестготовъ; итальянское отъ смѣси франковъ, лонгобардовъ и остготовъ; польская шляхта происходитъ также отъ завоевателей, по всей вѣроятности, не норманновъ, какъ старался доказать Шайноха, а отъ остатковъ аварской орды, потоптавшей привислянскихъ славянъ *). Всѣ европейскія дворянства, потомки древнихъ *насильцевъ* народа (какъ говоритъ Несторъ), сплачивались безъ исключенія въ замкнутую касту, ставили и ставятъ до сихъ поръ между собой и покоренными, каково бы ни было развитіе и даже богатство послѣднихъ, непереходимую грань бѣлой и черной кости,—ту же грань, какая существуетъ у насъ между остзейскими помѣщиками и ихъ чухонцами. Дворянство на Западѣ никогда не мѣшалось съ народомъ, такъ что французская революція была, буквально, возстаніемъ галловъ противъ нѣмецкихъ завоевателей, владѣвшихъ ими почти полторы тысячи лѣтъ и лежавшихъ надъ ними какъ слой масла на водѣ, не сливаясь. Теченіе вѣковъ уменьшало постепенно привилегіи западныхъ дворянствъ, но до сего дня нисколько не ослабило непереходимости кастовой грани. Умный либеральный и буржуазный журналъ нынѣшней революціонной Франціи «Révue des deux mondes» отзывался иронически о пожалованіи Персиньи герцогомъ, на томъ основаніи, какъ онъ говорилъ, что дворяниномъ можетъ быть только тотъ, кто *всегда* имъ былъ, т. е., говоря другими словами, тотъ лишь, кто происходитъ отъ насильцевъ французскаго народа—германскихъ сикамбровъ Хлодвига. Вотъ понятія Запада о дворянствѣ, такъ толково перенесенныя, съ любовью или непріязнью, многими учениками воспитательнаго періода на наше народное культурное сословіе.

Всякій знаетъ, что въ Россіи никогда не существовало особой, племенной дворянской крови, которую считается грѣхомъ

*) Еще Сенковскій замѣтилъ, что польскій дворянскій гербъ не имѣетъ ничего общаго съ европейскимъ, что онъ есть чистѣйшая тамга азіатскихъ кочевниковъ.

смѣшивать съ кровью поганца, хотя бы признаннаго великимъ человѣкомъ; на нашемъ языкѣ нѣтъ даже слова для перевода mésalliance. Старинное русское дворянство, хотя замкнутое въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, вышло почти поголовно изъ народа и никогда не рознилось съ нимъ какимъ-либо рѣзко-исключительнымъ сословнымъ духомъ. Нечего говорить о петровскомъ культурномъ слоѣ, набранномъ преимущественно производствомъ сдаточныхъ въ первый офицерскій чинъ, подъячихъ и семинаристовъ въ коллежскіе ассесоры. Наше дворянство, и старое, и новое, было всегда нераздѣльною частью русскаго народа, отобранною для государственной службы. Оттого наша исторія не являетъ ни одного примѣра розни между сословіями. Возстаніе закрѣпощеннаго народа, подъ предводительствомъ казацкой вольницы, было протестомъ противъ закрѣпощенія, а не сословною рознью. Извѣстно, что крѣпостное право, искажавшее два съ половиною вѣка отношенія между высшимъ общественнымъ слоемъ и народомъ, было въ началѣ навязано нашимъ вотчинникамъ и помѣщикамъ насильно, противъ желанія огромнаго большинства ихъ, какъ полицейская мѣра; характеръ же личной подневоли былъ ему приданъ лишь въ царствованіе Петра Великаго, также безъ спросу, для установленія правильной поставки рекрутъ. Наша исторія долго не допускала естественныхъ отношеній между сословіями, не изъ политическихъ, а изъ чисто-административныхъ видовъ, для того, чтобы достаточно вооружить государство противъ внѣшняго врага. Этою чертою она также отличается отъ всѣхъ прочихъ. Но даже въ крѣпостныя времена русское дворянство не проникалось духомъ сословнаго эгоизма, отстаивающаго, прежде всего, и болѣе всего, свои собственные интересы, въ ущербъ массамъ—что совсѣмъ не понятно для западнаго европейца. Въ послѣднее время Россія видѣла рядъ фактовъ, совершенно невозможныхъ на западѣ; мировые посредники, выработавшіе практически освобожденіе крѣпостныхъ, были поголовно помѣщики; въ пору перваго увлеченія, дворянство нѣкоторыхъ губерній само просило о снятіи съ него привилегій; оно же невынужденно первое подало голосъ о всесословномъ уравненіи податей и т. д. Такія явленія несбыточны въ Европѣ не потому, чтобы тамошнія высшія сословія были черствѣе сердцемъ, а потому, что эти сословія составляютъ какъ-бы особое племя, государство въ государствѣ, живущее своими особыми

преданіями и поголовно воспитанное въ такомъ духѣ. Наше же дворянство—не отрѣзанный ломоть, даже въ извѣстномъ смыслѣ не группа, рѣзко отгороженная исторіей, а высшій слой русскаго народа. Оттого всѣ токи нашихъ всесословныхъ мнѣній, чувствъ и увлеченій проходятъ безпрепятственно сверху внизъ и снизу вверхъ, не останавливаясь ни на какой перегородкѣ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ русскій народъ не чувствуетъ потребности въ трибунахъ и болѣе вѣритъ въ правду мѣстныхъ помѣщиковъ, чѣмъ въ правду людей изъ собственной среды или чиновниковъ.

Современное русское дворянство, въ своемъ духѣ и въ своей общественной задачѣ, составляетъ полнѣйшую противоположность прусскому юнкерству и похоже скорѣе на бывшую французскую ценсовую буржуазію, съ тою коренною разницею, что послѣдняя была учрежденіемъ чисто-искусственнымъ, безъ внутренняго единства, а потому несостоятельнымъ, не выдерживавшимъ потрясеній; наше же дворянство есть учрежденіе органическое, то-есть связное и наслѣдственное. Оно должно оставаться такимъ еще надолго, образуя сердцевину и устой выростающаго постепенно изъ народа русскаго сознательнаго общества, способнаго пользоваться политическими правами—потомственно или лично.

Послѣ всего сказаннаго и, еще болѣе, послѣ всего извѣстнаго каждому образованному человѣку, нечего, кажется, говорить много о необходимости связи нашего политическаго культурнаго сословія съ верховной властью и между собою. Примѣръ Франціи теперь едва ли уже соблазнитъ кого-либо, достигшаго 21 года. Въ нашемъ же русскомъ быту, еще не вызрѣвшемъ и неустоявшемся, французская безсвязность, то-есть безсословность, дѣйствовала бы еще во сто разъ губительнѣе. Но никакая связность немыслима безъ твердой сердцевины, и никакая сердцевина не мыслима у насъ покуда безъ наслѣдственности, проникающей массу людей извѣстнымъ единствомъ воспитаи направленія, переносящей ихъ съ произвольной почвы личныхъ взглядовъ на почву историческую, связывающую ихъ правами и отвѣтственностью сословія. Политическій слой англійскихъ государственныхъ избирателей стоитъ крѣпко потому, что смыкался постепенно и до сихъ поръ сомкнутъ около прочнаго ядра; французская ценсовая буржуазія, не имѣвшая центра, разсыпалась предъ горстью уличныхъ возмутителей. Намъ,

русскимъ, давно отвыкшимъ отъ совокупной общественной жизни, невозможно завязать ее вновь иначе, какъ въ средѣ образованныхъ и уважающихъ себя людей, вызванныхъ изъ народной толпы воспитательнымъ періодомъ, твердо сомкнутыхъ въ сословіе.

Кромѣ того, наслѣдственность въ высшемъ слоѣ нужна намъ еще въ другомъ отношеніи—для упроченія и развитія самостоятельнаго русскаго образованія. Въ Европѣ извѣстная доля просвѣщенія разлита во всѣхъ слояхъ общества и только сгущается къ верху; тамъ оно—дѣло тысячелѣтнее, унаслѣдованное еще отъ древняго міра, на почвѣ котораго основались европейскія государства. У насъ, какъ заимствованное, оно сосредоточивается исключительно въ слоѣ людей, принявшихъ европейскія формы; за исключеніемъ подростковъ изъ духовнаго званія, въ Россіи получаетъ порядочное образованіе только тотъ, для кого оно обязательно по рожденію. Распространеніе образованности идетъ у насъ параллельно утолщенію сомкнутаго культурнаго слоя, удерживающаго въ своей средѣ всякаго, кто разъ въ него вступилъ. Безъ этого условія наука не пустила бы въ Россіи корней, какъ она не пускала ихъ въ Турціи, гдѣ одно поколѣніе ничего не передавало другому по той причинѣ, что сынъ или внукъ визиря, вышедшаго изъ носильщиковъ, самъ въ свою очередь обращался въ носильщика. Теперь этотъ порядокъ начинаетъ понемногу измѣняться даже въ Турціи: образованные турки даютъ воспитаніе своимъ дѣтямъ, набираемымъ потомъ преимущественно въ государственную службу; но это значитъ только то, что въ царствѣ султана, вопреки мусульманскимъ порядкамъ, завязывается новое потомственное дворянство на подобіе петровскаго. Въ дѣйствительности, кромѣ рѣдкихъ исключеній, вродѣ Ломоносова или Сперанскаго, просвѣщеннымъ человѣкомъ становится только образованный потомокъ нѣсколькихъ образованныхъ поколѣній; онъ получаетъ въ своей семьѣ и своемъ обществѣ массу знаній и исторически вызрѣвшихъ взглядовъ, которыхъ не можетъ дать никакой университетъ. Самостоятельное и сознательное русское просвѣщеніе созрѣетъ только въ потомственно-просвѣщенномъ русскомъ сословіи. На почвѣ Западной Европы, гдѣ дворянство есть каста—наука вырабатывается теперь болѣе среднимъ, чѣмъ высшимъ классомъ; но въ Россіи ей нѣтъ мѣ-

ста внѣ узаконеннаго культурнаго слоя, въ которомъ сливаются оба сословія вмѣстѣ.

Потомственный общественный слой значитъ слой привилегированный. Съ какого конца ни смотрѣть на вопросъ, такой привилегированный слой необходимъ для будущности Россіи—съ одной стороны, чтобы не стать похожею на Францію, съ другой, чтобы не стать похожею на Персію. Надобно только, чтобы онъ былъ привилегированъ правильно, сообразно современнымъ потребностямъ, а не отжившимъ видамъ петровской эпохи, чтобы ему было отведено подобающее мѣсто въ государственномъ устройствѣ; чтобы онъ служилъ ядромъ русской политической и общественной жизни, не захватывая ее въ свою исключительную собственность; чтобы доступъ въ него снизу былъ не затрудненъ и открывался не только лицамъ, повышающимся въ государственной службѣ, какъ прежде, но и другимъ культурнымъ классамъ, постепенно размножающимся съ развитіемъ общества; чтобы ряды его раздвигались для извѣстныхъ размѣровъ и видовъ богатства (обладающихъ самостоятельною силою независимо отъ всякаго закона) и для умственныхъ заслугъ; чтобы достойные люди изъ культурной подпочвы, которая будетъ постоянно выростать между народомъ и дворянствомъ, недостигнувшіе еще потомственной привилегіи могли *лично* группироваться около нея; чтобы по возможности было обезпечено хорошее воспитаніе молодымъ поколѣніямъ этого высшаго народнаго слоя. Затѣмъ нужно еще, чтобы русское дворянство, въ должной мѣрѣ, насколько это необходимо государству и обществу, стало, какъ прежде, сословіемъ обязательно служилымъ, а не вольницей: права безъ обязанностей не ведутъ ни къ чему, колятъ всѣмъ глаза и производятъ только распущенность, вмѣсто того, чтобы нравственно скрѣплять людей. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ руководиться никакимъ чужимъ примѣромъ, такъ какъ самое учрежденіе нынѣшняго русскаго дворянства, какъ привилегированнаго культурнаго слоя, есть дѣло новое въ исторіи, самородное произведеніе русской почвы, и должна развиваться изъ своихъ собственныхъ началъ; главное же изъ этихъ началъ, какъ мы знаемъ, есть начало государственной служилости.

Надобно разсмотрѣть отдѣльно каждое изъ вышеприведенныхъ условій, что мы и постараемся сдѣлать въ слѣдующей главѣ. Но уже теперь мы считаемъ вопросъ о русскомъ дво-

рянствѣ, какъ поставила его исторія, достаточно уясненнымъ, чтобы опредѣлить существенныя отношенія этого учрежденія къ общему государственному строю.

Дворянскія привилегіи никогда не могутъ обратиться у насъ въ монополію, стѣснительную для массы народа,—во-первыхъ, потому, что наше дворянство—не кровная и замкнутая каста, а тотъ же русскій народъ, верхній слой народа, воспитанный исторически и постоянно освѣжаемый притоками снизу, мыслящій и чувствующій, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, заодно со всѣмъ населеніемъ; во-вторыхъ, потому, что верховная русская власть, непоколебимая и въ полномъ значеніи *всесословная*, созданная исторіей, или, лучше сказать, создавшая нашу исторію на основаніи общенародныхъ цѣлей, никогда не допуститъ какое-либо отдѣльное государственное учрежденіе обратиться въ независимую силу, подчиняющую общія пользы своимъ личнымъ видамъ. Съ другой же стороны, наше правительство, твердо увѣренное въ дворянствѣ и народѣ, но не въ шаткой культурной подпочвѣ, отставшей отъ одного края и не приставшей еще къ другому,—подпочвѣ, заявившей о себѣ въ послѣдніе годы довольно дурно (какъ и должно было случиться при расшатанности общественнаго строя)—можетъ отнестись вполнѣ искренно, безъ малѣйшаго опасенія за злоупотребленіе довѣрія, только къ историческому потомственному слою, твердо съ нимъ связанному, да еще, конечно, къ купечеству. Для развитія нашего земства въ мѣстномъ и государственномъ смыслѣ, для освобожденія его отъ неусыпнаго административнаго надзора, нужно, прежде всего, чтобы оно находилось въ вѣрныхъ рукахъ. Тогда только правительство найдетъ возможность не ставить коронныхъ чиновниковъ между имъ и собою. Въ этомъ отношеніи также, независимо отъ прочихъ потребностей, всякому образованному русскому должно быть желательно, чтобы нашъ культурный слой занялъ подобающее ему мѣсто.

Современная монархія, нравамъ которой неизвѣстно преобладаніе чисто-аристократическихъ началъ, можетъ обезпечить себя только подобнымъ учрежденіемъ — наслѣдственнымъ и сомкнутымъ образованнымъ общественнымъ слоемъ, доступнымъ снизу притоку созрѣвающихъ силъ. Никакія искусственныя учрежденія не равняются въ прочности съ этимъ, потому что народъ не можетъ имѣть побужденій возставать противъ своей

же собственной организованной нравственной и умственной силы, не замкнутой снизу, слѣдовательно всегда вѣрно выражающей современное состояніе массы; честолюбивымъ людямъ низшихъ слоевъ гораздо выгоднѣе вступить въ привилегированный классъ, чѣмъ бороться противъ привилегій. Съ другой стороны, такой высшій слой, устроенный сословно, связывается тѣснѣйшими узами съ верховною властью, составляетъ не только ея опору, но продолженіе ея самой, образуетъ ея тѣло и члены. Можно думать, что русское петровское дворянство составляетъ позднѣйшее и полнѣйшее выраженіе искомой формы современной не-феодальной монархіи,—явленіе, способное удовлетворить въ одинаковой степени потребностямъ государственнаго порядка и народнаго развитія.

ГЛАВА IV.

Естественный складъ русскаго общества.

Взгляды людей такъ случайны и разнообразны, что добиваться общаго, безусловнаго согласія на какую-нибудь истину было бы пустою затѣею. Самая простая истина—та, что земля кругла и въ полюсахъ сжата — встрѣтила бы рѣшительный отпоръ со стороны нѣсколькихъ милліоновъ старообрядцевъ, составляющихъ едва ли не самую развитую часть русскаго простонародья, полагающихъ, что земля есть плоскій кругъ, въ серединѣ котораго стоитъ Іерусалимъ; многіе изъ нашихъ русскихъ людей выставили бы, въ другомъ порядкѣ мыслей, положенія еще своеобразнѣе центральности Іерусалима. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что, если-бъ можно было допытаться настоящаго русскаго мнѣнія въ текущее время,—мнѣнія не газетнаго, не чиновничьяго, не университетскаго, а мнѣнія русскихъ людей культурнаго слоя, живущихъ въ нѣкоторой связи съ почвою,—о томъ, что всего нужнѣе Россіи, большинство отвѣчало бы не колеблясь, хотя, разумѣется, каждый своимъ словами: сосредоточеніе. У насъ накопилось достаточно развитыхъ умственныхъ силъ, чтобы сложить ихъ въ политическое сословіе; но ихъ вовсе не достаточно для того, чтобы заквасить ими русскую всесословность на американскій образецъ, какъ имѣлось, кажется, въ виду въ началѣ реформъ. Растворяя свой культурный капиталъ, нажитый съ такимъ трудомъ, въ восьмидесятимилліонной массѣ, мы уподобились хозяину, вливающему бочку вина въ прудъ, въ надеждѣ улучшить вкусъ воды: при этомъ и вино пропало, и вода осталась по прежнему. Но вышло еще то, что въ этомъ растворѣ завелись зловреднѣйшіе гады, которыхъ прежде не было, проповѣдники всякихъ нелѣпицъ, люди, ставящіе себѣ задачею

не развивать, а мутить обще-народный строй, оставшійся безъ присмотра и мѣстныхъ руководителей, что явствуетъ изъ политическихъ процессовъ начавшихъ повторяться почти ежегодно. Какъ всегда бываетъ при внезапномъ смѣшеніи общественныхъ положеній, одни, сверху, или бросили все, или же стали популярничать въ самомъ фальшивомъ тонѣ; другіе, снизу, нашли возможность пріобрѣтать на опустѣлой почвѣ вліяніе, для котораго они еще вовсе не готовы, и пользоваться имъ для цѣлей, иногда очень вредныхъ. Наша всесословность не сложилась и никогда не сложится такимъ путемъ, но образованное общество разсыпалось.

Легенда о пучкѣ стрѣлъ скифскаго царя можетъ служить девизомъ къ нашему современному вопросу. Сосредоточить образованное общество въ связное сословіе, сомкнуть его вокругъ твердаго ядра—вотъ русская задача текущаго времени, безъ осуществленія которой намъ нечего разсчитывать на будущее.

Ядро это, очевидно — дворянство, ничего другого у насъ нѣтъ. Кругъ его дѣятельности, мѣсто его въ общегосударственномъ и народномъ строѣ очерчивается ясно, конечно не въ подробностяхъ и не въ прямомъ приложеніи къ практикѣ, что требуетъ предварительнаго и серьезнаго обсужденія вопросовъ между властью и самими земскими людьми. Мы считаемъ возможнымъ обсуждать печатно лишь то, чего должно желать, а не пріемовъ, посредствомъ которыхъ можно осуществить желаемое помимо людей, прямо стоящихъ у дѣла: иначе мы провинились бы передъ читателями тѣми же именно словопреніями, которыми больна наша нынѣшняя печать, или, правильнѣе сказать, нашъ нынѣшній общественный строй, отражаемый печатью. Сущность же самой задачи мы считаемъ неподлежащею сомнѣнію.

По нашему понятію, русское дворянство не можетъ быть признано, въ виду близкаго будущаго, *всею* умственною силою Россіи, способною пользоваться политическими правами; но оно несомнѣнно должно стать законнымъ средоточіемъ и устоемъ *всей* этой силы. Другими словами: внѣ дворянства у насъ существуютъ, въ настоящую пору, люди, отчасти сгруппированные между собою, отчасти разбросанные, способные къ политической жизни и обладающіе вліяніемъ въ своей средѣ, безъ которыхъ земскій строй не будетъ вѣрнымъ отра-

женіемъ дѣйствительности, опять уклонится отъ всероссійской правды; но эти группы и эти несвязныя личности далеко еще не довольно самостоятельны, чтобы представлять что нибудь отъ своего лица и званія; имъ можетъ быть предоставлено лишь право *лично* пользоваться земскими правами дворянства, вступать въ кругъ его земской дѣятельности, при опредѣленныхъ условіяхъ, пока они имъ удовлетворяютъ. Всѣ эти группы и лица выражаютъ собой не русскій созрѣвшій историческій слой, образующій наслѣдственную силу государства, а только свою особу или свое случайное, часто преходящее экономическое положеніе; потому и участіе ихъ въ общественномъ (конечно не сельскомъ) самоуправленіи можетъ быть только личное, истекающее или изъ высокаго ценса, или изъ довѣрія къ нимъ мѣстнаго дворянства, открывающаго имъ доступъ въ въ свои ряды. Затѣмъ, у насъ существуютъ еще особыя мѣстности, въ которыхъ преобладающее вліяніе принадлежитъ по закону и здравому смыслу, не дворянству, а владѣльцамъ капиталовъ, домовъ и лавокъ, — города. Очевидно, что эти мѣстности съ своими дѣятелями должны имѣть въ земскихъ дѣлахъ голосъ по праву, независимо отъ чьего либо усмотрѣнія. Можно думать, что всѣ значительные города было бы гораздо удобнѣе отдѣлить отъ уѣзда въ особую земскую единицу.

Единственная группа людей внѣ дворянства, обладающая у насъ самостоятельнымъ значеніемъ, а потому имѣющая несомнѣнное право голоса въ общихъ дѣлахъ, это—купечество. Изо всѣхъ общественныхъ группъ, наше купечество—самая связная, наиболѣе способная отстаивать свои сборныя выгоды, какъ она постоянно доказывала. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя назвать русское купечество сословіемъ въ западномъ смыслѣ: до сихъ поръ оно не могло сложиться въ крѣпкое сословіе, такъ какъ наши купцы, невольно покоряясь историческому складу русскаго общества, или постепенно переходили въ дворянство, или же разорялись и вновь утопали въ народѣ. Если же изъ купцовъ не выработалось сословія до сихъ поръ, то уже не выработается никогда; теперь въ немъ нѣтъ больше надобности. Въ кастовомъ западномъ дворянствѣ нужны были законы Людовика XIV, оказавшіеся вдобавокъ безсильными по противорѣчію нравамъ, о дозволеніи дворянину заниматься торговлею, не роняя своего достоинства. Въ нашемъ народномъ

дворянствѣ это понимается само собою. Ничто не мѣшаетъ богатому русскому купцу и его потомкамъ увѣковѣчить свою фирму, ставъ дворянами. Напротивъ, такимъ образомъ только и сложится въ Россіи дѣйствительно сильное купечество. англійское и голландское купечество большихъ домовъ давно считается частью мѣстной аристократіи. То же было въ Италіи, гдѣ, напримѣръ, знаменитый банкирскій домъ Торлонія носилъ герцогскій титулъ, не переставая держать банкъ. Въ Европѣ торговая аристократія существуетъ безъ привилегіи, въ силу своего наслѣдственнаго богатства; но у насъ укоренились другія условія: русскій привилегированный слой, составляющій учрежденіе чисто-общественное, долженъ открываться всякой общественной силѣ, упрочивающей себя наслѣдственно. Потому въ Россіи слѣдовало бы облегчить по возможности переходъ въ дворянство крупнымъ купцамъ, остающимся купцами. По нашему мнѣнію, было бы совершенно согласнымъ съ современными потребностями предоставить имъ право просить о возведеніи въ дворянство дѣтей, обезпеченныхъ значительною недвижимою собственностью; почетныхъ же гражданъ, владѣющихъ капиталомъ опредѣленной величины, сравнять съ дворянами во всѣхъ правахъ. Такимъ образомъ, богатое купечество наслѣдственное перейдетъ всецѣло въ привилегированный слой общества, какъ и слѣдуетъ по духу этого учрежденія; внѣ русскаго высшаго класса останется только мелкое купечество, и теперь ни чѣмъ не отличающееся отъ народа, да люди, лично нажившіе себѣ состояніе. Потому о нынѣшнемъ русскомъ купечествѣ слѣдуетъ говорить какъ объ лицахъ, а не какъ о сословіи. Лица эти, какъ члены общественнаго самоуправленія, властвуютъ и должны властвовать въ торговыхъ городахъ, по естественному закону; тамъ ихъ главная сила, оттуда они могутъ заявлять въ земскія собранія о своихъ сборныхъ нуждахъ и цѣляхъ. Купцы, разсѣянные въ уѣздахъ, не многочисленны, по образованію стоятъ въ итогѣ гораздо ниже дворянъ и пользуются значеніемъ только при большомъ состояніи; такое состояніе—напримѣръ, цѣнная фабрика—должно, конечно, давать имъ личный доступъ въ земское дворянское самоуправленіе. Вообще же голый капиталъ, какъ сила чисто-вещественная, долженъ и цѣниться въ общественномъ смыслѣ только съ вещественной стороны, сообразно своей величинѣ. Въ этомъ отношеніи,

для распредѣленія нашихъ купцовъ на сословные разряды нужно прежде всего опредѣлить величину ихъ капиталовъ подоходнымъ налогомъ. Запись въ гильдіи, какъ всякому извѣстно, ничего не выражаетъ. Никто не сомнѣвается въ наилучшемъ русскомъ духѣ нашего купечества, въ его практичности, въ его близкомъ знакомствѣ съ народомъ; но потомственныхъ купцовъ у насъ еще мало, и въ будущемъ имъ гораздо выгоднѣе перейти въ высшее сословіе, оставаясь купцами, чѣмъ завязывать новое; уровень образованія остальныхъ очень не великъ, а потому нѣтъ возможности признавать за ними общественное значеніе иначе, какъ по дѣйствительной силѣ—по богатству, то есть по цензу, во много кратъ высшему дворянскаго.

Изъ остальныхъ общественныхъ званій только люди умственнаго труда, каковы ученые, писатели и т. п., рожденные внѣ дворянства, могутъ, смотря по степени своихъ заслугъ, пользоваться правомъ и способностью участвовать въ общественномъ самоуправленіи. Число такихъ лицъ будетъ у насъ постепенно возрастать съ развитіемъ общества. Хотя русское дворянство, по самому своему учрежденію, раздвигаетъ ряды для силъ, подростающихъ снизу, но доступъ въ него долженъ все-таки подлежать серьезнымъ условіямъ: иначе оно скоро перестанетъ быть дворянствомъ даже въ русскомъ смыслѣ. Внѣ его и подъ нимъ, въ нашемъ растущемъ обществѣ, особенно со временемъ, окажется не мало образованныхъ и достойныхъ людей, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отталкивать въ ряды недовольныхъ, лишаясь вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ услугъ. Съ другой стороны, статистика доказываетъ, что сословія, наслѣдственно-пользующіяся благосостояніемъ, размножаются туго и чрезъ нѣкоторый срокъ, безъ подновленія, даже сокращаются въ числѣ *). Въ обоихъ направленіяхъ разростаясь и подновляясь, наше привилегированное культурное

*) Существуетъ, напримѣръ, замѣчательный, фактъ: англичане, первоначально населившіе Сѣверную Америку, славившіеся прежде плодовитостью, нынѣ, упрочивъ свое благосостояніе, стали производить мало потомковъ, между тѣмъ какъ голодные нѣмцы, льющіеся теперь цѣлымъ потокомъ на благодатную американскую почву, плодятся въ такой степени, что эта несоразмѣрность въ размноженіи двухъ породъ заставляетъ призадумываться многихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

сословіе будетъ послѣдовательно пополняться притоками культурной подпочвы, выростающей понемногу изъ народа и служащей высшему классу какъ-бы питомникомъ. Нельзя, стало быть, не обратить вниманія на эту подпочву: незначительная покуда, она разростется со временемъ. Надобно согласить серьезность условій, полагаемыхъ для вступленія въ потомственное дворянство, съ потребностью открыть должный просторъ созрѣвшимъ личностямъ изъ низшихъ слоевъ, не достигнувшимъ еще этого званія, что зависитъ чаще отъ удачи, чѣмъ отъ личныхъ качествъ. По духу своего учрежденія, русское дворянство должно быть открыто образованнымъ родамъ, преемственно образованнымъ поколѣніямъ, а не каждому образованному человѣку лично: для такого не отворяются даже двери цензовой европейской буржуазіи, если онъ не удовлетворяетъ прочимъ условіямъ. Но для людей средняго состоянія, заслужившихъ вниманіе, можетъ существовать, по нашему мнѣнію, другое право, жалуемое правительствомъ лицу не наслѣдственно, — право личнаго дворянства, не въ нынѣшнемъ его значеніи, а съ полнымъ приравненіемъ ко всѣмъ политическимъ и другимъ дворянскимъ правамъ пожизненно. Эта милость можетъ быть даруема по представленію соотвѣтствующихъ начальствъ или земскихъ управленій, конечно, при опредѣленныхъ условіяхъ. Она станетъ, напримѣръ, достойнымъ увѣнчаніемъ хорошей службы при отставкѣ и введетъ въ земство многихъ опытныхъ и способныхъ дѣловыхъ людей, большинство которыхъ, несомнѣнно, находится у насъ въ администраціи; она же откроетъ доступъ въ политическое сословіе людямъ, пріобрѣвшимъ извѣстность внѣ службы. Ничто не мѣшаетъ постановить закономъ, что два или три поколѣнія такого личнаго дворянства даютъ званіе дворянства потомственнаго. При развивающемся у насъ уравненіи гражданскихъ (не-политическихъ) правъ, личное дворянство по закону, нынѣ дѣйствующему, можетъ быть вовсе отмѣнено.

Кромѣ того, было бы разумно и справедливо предоставить мѣстному дворянству каждаго уѣзда допускать въ свою среду, также лично, людей непривилегированнаго званія, которыхъ оно признаетъ полезными общественными дѣятелями. Мы разсмотримъ этотъ вопросъ далѣе, покуда же упомянули объ немъ лишь для полноты. Также точно мы полагаемъ нужнымъ оговориться немедленно, предоставляя себѣ войти въ подроб-

ности предмета ниже, что мы считали бы безправіемъ (надѣемся вмѣстѣ съ громаднымъ большинствомъ читателей) произвольное обложеніе высшимъ сословіемъ низшаго — деньгами или работою для земскихъ потребностей — безъ согласія облагаемыхъ: въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ равны. Съ вышеприведенными оговорками о купечествѣ, о личномъ дворянствѣ и о правѣ обложенія, мы считаемъ первою современною потребностью сосредоточеніе всего земскаго самоуправленія въ рукахъ дворянства, отрицая всякую мысль о всесословности въ современной Россіи, какъ вопіющую, сочиненную и опасную ложь противъ русской дѣйствительности.

Въ самодѣятельномъ обществѣ доступъ въ полноправное потомственное сословіе не можетъ, очевидно, ограничиваться тѣми же условіями, какія были постановлены для общества, вся дѣятельность котораго поглощалась государственною службою. Нашъ привилегированный слой тогда только оправдаетъ вполнѣ смыслъ своего учрежденія, когда будетъ выражать собою несомнѣнную общественную правду, когда онъ свяжетъ въ одно цѣлое, безъ изъятія, всѣ живыя, вліятельныя, упроченныя силы русской земли. Такой правды невозможно достигнуть въ отношеніи къ лицамъ, но она легко достижима въ отношеніи къ общественнымъ положеніямъ. Но прежде всего надобно установить правильно, согласно съ нравами и понятіями настоящаго времени, ту ступень государственной службы, которая открываетъ лицу доступъ въ потомственное дворянство; это необходимо потому, что служебное право останется у насъ еще надолго общимъ мѣриломъ, къ которому будетъ пригоняться оцѣнка всѣхъ прочихъ положеній; не совсѣмъ вѣрный взглядъ на значеніе служебныхъ степеней поведетъ за собою неправильность и въ другихъ отношеніяхъ. Мы думаемъ, что такое опредѣленіе не должно быть произвольнымъ. Законъ Петра Великаго, предоставлявшій право дворянства всѣмъ сдаточнымъ, произведеннымъ въ первый офицерскій чинъ, и всѣмъ подъячимъ, добившимся коллежскаго ассесора, соотвѣтствовалъ, можетъ быть, потребностямъ того времени, когда Россія усвоивала одни внѣшніе пріемы цивилизаціи; теперь онъ, очевидно, не соотвѣтствовалъ бы общему дворянскому уровню. Законъ прошлаго царствованія, дѣйствующій понынѣ, соединившій дворянскія права съ чиномъ полковника и IV классомъ гражданской службы,

очевидно, слишкомъ требователенъ, Въ концѣ воспитательнаго періода государственная мысль, на которой Петръ Великій основалъ учрежденіе новаго дворянства, стала уже утрачиваться, слишкомъ многіе начали смотрѣть на русское *благородное* сословіе западными глазами и думали принести ему пользу, туго замыкая его снизу. Въ теоріи не трудно опредѣлить точную черту, отграничивающую людей, дорослихъ на государственной службѣ до правъ наслѣдственности, отъ слоя общественныхъ подростковъ, еще не обозначившихся. Это — люди, ставшіе на такую ступень, которая обезпечиваетъ ихъ дѣтямъ и внукамъ общественное положеніе и вѣроятность высшаго образованія, кромѣ какихъ-либо непредвидимыхъ случайностей,—люди, упрочившіе въ извѣстной мѣрѣ положеніе не только свое, но своего потомства. При нынѣшней потребности образованія, трудно думать, чтобы дѣти какого-нибудь судьи, прокурора, совѣтника палаты, начальника отдѣленія, впали опять въ слой разночинцевъ. Вслѣдствіе того, въ отношеніи къ гражданской службѣ можно сказать, что обезпеченіе положенія начинается у насъ съ переходомъ изъ чисто-канцелярской работы въ должность съ правомъ голоса, съ личнымъ значеніемъ въ своей средѣ. Военная служба совсѣмъ иное дѣло. Это —вопросъ такой важности, что неправильная постановка его, при нынѣшнемъ положеніи Европы, можетъ разомъ обратить въ ничто—не только все совершенное въ наше время, но даже все совершенное Петромъ Великимъ и Алексѣемъ Михайловичемъ. Съ войною теперь шутить нельзя. Еще великій республиканецъ Вашингтонъ говорилъ, что армія, въ которой корпусъ офицеровъ состоитъ не изъ джентльменовъ, никуда не годится. Желательно, чтобы въ русской арміи было какъ можно меньше рѣчи о чинѣ, дарующемъ дворянскія права, чтобы наши офицеры въ этомъ чинѣ не нуждались. Мы посвятимъ особую главу отношенію дворянства къ арміи. Но какъ бываютъ личныя заслуги и какъ въ нашемъ обществѣ оказывается и теперь уже небольшое число довольно образованныхъ подростковъ не изъ дворянъ, которыхъ всесословная повинность поставитъ въ ряды арміи, то замѣтимъ по этому поводу, что въ дореволюціонномъ французскомъ войскѣ чинъ капитана давалъ дворянство; наше культурное сословіе не можетъ быть требовательнѣе кастоваго дворянства, происходящаго отъ татуированныхъ сикамбровъ

Съ установкою точныхъ, соотвѣтствующихъ общественной дѣйствительности отношеній государственной службы къ правамъ потомственнаго дворянства, облегчится правильная оцѣнка положеній и въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Не принимая на себя обсужденія размѣра условій, открывающихъ двери привилегированнаго сословія, мы полагаемъ, что самая очевидность указываетъ на два вида такихъ условій: на крупное недвижимое имущество и на видную общественную заслугу.

Облеченное политическимъ полноправіемъ культурное сословіе, оставляющее внѣ себя силу богатства, будетъ неправдою и никогда не упрочится. Но нельзя также упускать изъ виду, что привилегированный наслѣдственный слой представляетъ собою не итогъ лицъ, а итогъ родовъ, и что вступленіе въ него должно быть обезпечено *по праву* только одному упроченному, а не случайному положенію: иначе каждый игрокъ, разбогатѣвшій во вторникъ и разорившійся въ четвергъ, становился бы дворяниномъ. Упроченнымъ же состояніемъ можетъ называться лишь состояніе наслѣдственное. Кромѣ того, имущество, облекающее своего владѣльца новыми правами, должно быть непремѣнно значительнымъ, хотя не огромнымъ, во всякомъ случаѣ выше средняго уровня дворянскихъ состояній. Между правами родовыми и благопріобрѣтенными лежитъ огромная разница,—разница культурнаго развитія нѣсколькихъ преемственныхъ поколѣній, предполагаемаго первыми, и случайности, доставляющей иногда богатство мало развитому человѣку; ихъ нельзя мѣрить однимъ аршиномъ. Потому намъ кажется справедливымъ, чтобы значительное недвижимое имущество открывало доступъ въ потомственное дворянство—не лицу, пріобрѣвшему это имущество, а его прямому наслѣднику; въ такомъ случаѣ будетъ гораздо болѣе обезпечено соотвѣтствующее воспитаніе новаго дворянина. Конечно, возвышеніе въ дворянство, исходящее отъ верховной власти, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть правомъ какого бы то ни было богатства; но мы думаемъ, что наслѣдственное богатство должно давать у насъ право просить о причисленіи къ привилегированному сословію.

Награда дворянскимъ званіемъ внѣ государственной службы, за очевидныя заслуги передъ обществомъ, можетъ быть только милостью верховной власти. Смѣемъ думать, однакожъ, что тамъ гдѣ одно только привилегированное сословіе облечено по-

литическими правами, такой наградѣ прилично являться не въ видѣ случайнаго и рѣдкаго исключенія, каково было пожалованіе Минина думнымъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ. Въ развитомъ обществѣ всегда найдется нѣкоторое число лицъ, не добившихся, даже не искавшихъ офиціальныхъ почестей и богатства, но заслужившихъ извѣстность и общее уваженіе своими трудами, достойныхъ примкнуть къ высшему сословію своего отечества.

Присовокупляя къ этимъ двумъ путямъ вступленія въ потомственное дворянство внѣ государственной службы еще третій, упомянутый выше — пріобрѣтаемый двумя или тремя поколѣніями личнаго дворянства, мы не видимъ уже никакой живой общественной силы, которая не могла бы добиться своего признанія. Нынѣшнее дворянство, воспитанное исторически, послѣдовательно пополняемое и освѣжаемое такими притоками, привлекающее вдобавокъ лично въ свою среду достойныхъ людей изъ низшихъ сословій по собственному выбору или вслѣдствіе пожалованія ихъ правительствомъ въ званіе личныхъ дворянъ, будетъ въ точности представлять дѣйствительную нравственную силу русской земли, составляя въ то же время сословіе охранительное, тѣсно связанное съ престоломъ и между собою.

Самоуправленіе станетъ въ Россіи *положительнымъ дѣломъ*, способнымъ къ дѣйствительному развитію, тогда лишь, когда оно перейдетъ въ руки дворянства и крупнаго купечества на вышеприведенныхъ условіяхъ. Но дворянство наше многочисленно и по духу учрежденія должно быть многочисленнымъ, какъ сословіе служилое, удовлетворяющее всѣмъ потребностямъ государственной службы, военной и гражданской; мелкое дворянство, посвящающее себя военному дѣлу, какъ въ Пруссіи, совершенно необходимо для арміи. Потому обязанности нашего дворянства заключаются далеко не въ одной только земской службѣ, не смотря на ея важность. Кромѣ того, все уѣздное дворянство поголовно не можетъ вести земскаго дѣла; собранія его стали бы похожими на сеймики польской шляхты. По этой причинѣ у насъ давно уже былъ введенъ дворянскій цензъ, представлявшій избирательное право. Какъ извѣстно, цензъ этотъ равнялся владѣнію ста ревизскими душами; нынѣ можно его положить въ 1.000 р. дохода. Землевладѣльцы съ меньшими участками почти лишены возможности правильно обработывать

свою землю при нынѣшнихъ условіяхъ, не становясь лично рабочими. Съ установленіемъ прочнаго кредита для крестьянскаго земледѣлія, они будутъ, къ своей же выгодѣ, постепенно вытѣсняться послѣднимъ и станутъ жить капиталомъ, службой или умственнымъ трудомъ. Для кастоваго дворянства обезземеленіе почти равняется уничтоженію: русское привилегированное званіе, достающееся въ удѣлъ наслѣдственному образованію, удовлетворительно уживается съ нимъ. Такимъ образомъ земское самоуправленіе, то есть избирательное право, будетъ находиться въ рукахъ ценсоваго дворянства, въ которое надобно также включить *по праву*, независимо отъ ценса, извѣстныя званія, заявляющія о качествѣ человѣка: значительный чинъ и высокую ученую степень, если ученый — дворянинъ, потомственный или личный. Съ передачею избирательнаго права въ надежныя руки, нечего будетъ заботиться о качествѣ избираемыхъ, подводить послѣднихъ подъ указную мѣрку. Хорошіе избиратели ручаются за хорошихъ избранныхъ. Когда земское управленіе станетъ у насъ *дѣломъ*, когда на этой почвѣ разъ свяжутся культурныя русскія силы, тогда все у насъ постепенно обратится въ дѣло—и общественное мнѣніе, и печать, и даже акціонерныя компаніи.

Ясно очерченное положеніе въ общественномъ устройствѣ ведетъ къ яснымъ же послѣдствіямъ, необходимо истекающимъ изъ данной постановки дѣла. Вопросъ о передачѣ самоуправленія въ руки культурнаго сословія, то-есть о признаніи русской дѣйствительности тѣмъ, что она есть, содержитъ въ себѣ, въ главныхъ чертахъ, опредѣленіе дѣятельности этого самоуправленія, еслибъ оно состоялось. Вслѣдствіе того, не принимая на себя права давать совѣты власти, мы считаемъ возможнымъ выяснить теперь же эти главныя черты.

Первое дѣло состоитъ, очевидно, въ признаніи правильно устроеннаго земства прямымъ звеномъ государственной власти, мѣстнымъ ея орудіемъ, съ отграниченіемъ земской дѣятельности отъ чисто административной не въ сущности, а только въ степени, въ послѣдовательности инстанцій. Мы поставили этотъ вопросъ первымъ не потому только, что онъ дѣйствительно основной, но еще потому, что въ послѣднее время у насъ не разъ заявлялись мнѣнія, со стороны опытныхъ и умныхъ людей, объ улучшеніи нынѣшняго мѣстнаго управленія уравновѣшеніемъ этихъ двухъ силъ,—посредствомъ не раздѣ-

ленія, а напротивъ смѣшенія чисто-правительственной и земской дѣятельности. Мы же полагаемъ (признаемся даже, не понимаемъ, какъ можно полагать иначе), что чистосердечіе и рѣшительность земскаго самоуправленія возможны только при несомнѣнной ясности правъ, при полной отграниченности круга дѣйствій отъ коронной администраціи, за которою оставалось бы значеніе высшей инстанціи и наблюденіе надъ законностью его дѣйствій. Какую ступень администраціи и въ какой мѣрѣ облечь правомъ наблюденія и приговора — это дѣло правительства; учрежденіе административныхъ судовъ, подвѣдомственныхъ правительствующему сенату, представляется лучшимъ къ тому средствомъ; но самая задача двухъ видовъ власти, государственной и земской, отлична въ основаніи, а потому онѣ должны быть строго разграничены на всемъ пространствѣ государства. Отказываясь отъ мѣстнаго хозяйничанья и отдавая его въ руки земцевъ, правительство признало послѣднихъ состоятельнѣе въ этомъ отношеніи своихъ личныхъ чиновниковъ. Но не въ одномъ хозяйствѣ, а вообще во всѣхъ отправленіяхъ уѣздной жизни хорошіе и образованные мѣстные дѣятели не только болѣе знакомы съ нуждами управляемыхъ и болѣе внимательны къ нимъ, но даже въ чисто-правительственныхъ видахъ они гораздо благонадежнѣе мелкихъ чиновниковъ, изъ которыхъ составляется нынѣшняя уѣздная власть; заслуживать полнаго довѣрія правительства можетъ или тщательно-выбранное, слѣдственно высшее лицо, или же съѣздъ дворянства, а не вицъ-мундирный фракъ, облекающій кого бы то ни было. Потому, когда самоуправленіе поступитъ въ руки совершенно надежныхъ, связныхъ и образованныхъ людей, такихъ людей, которыхъ правительство будетъ въ правѣ считать *своими*, то свыше, вѣроятно, не затруднятся расширить кругъ ихъ дѣятельности, передать вполнѣ уѣздное управленіе ихъ завѣдыванію — такъ какъ мелкое поземельное дѣленіе, называемое уѣздомъ, лишено всякаго политическаго значенія. Земскіе люди, поставленные въ надлежащее положеніе, могутъ лучше присмотрѣть за мѣстною полиціей, за тюрьмой, за неблагонадежными (даже политически) людьми, за сборомъ податей, чѣмъ чиновники, набираемые изъ самаго низшаго административнаго состава; но они не могутъ быть офиціальными совѣтниками губернской власти, по желанію нѣкоторыхъ, такъ какъ она есть орудіе власти верховной, преслѣ-

дующей обще-государственную пользу, которую нельзя отдавать на обсужденіе мѣстныхъ земствъ. Это значило бы подчинять высшія цѣли, единыя для всей имперіи, взглядамъ людей каждой области отдѣльно. Московскіе цари совѣтовались съ земскимъ соборомъ, выражавшимъ всероссійское мнѣніе, что совсѣмъ иное дѣло — съ обѣихъ сторонъ единство было соблюдено. Въ мѣстномъ же земствѣ это не такъ. Между *мѣстными* властями — правительственною и земскою — лежитъ та существенная разница, что первая служитъ государственнымъ потребностямъ, господствующимъ надъ мѣстными; она принимаетъ послѣднія во вниманіе только по мѣрѣ возможности, между тѣмъ какъ для второй существуютъ лишь эти мѣстныя потребности. Обѣ онѣ могутъ и должны дѣйствовать согласно, но почти всегда съ подчиненіемъ взглядовъ второй взгляду первой, а потому онѣ несоизмѣримы между собою. Никакое, даже конституціонное, правительство не можетъ поступиться правомъ держать въ областяхъ государственную власть, какъ бы ни были широки права земства, исключительно въ своихъ рукахъ, безъ противовѣса и земскихъ совѣтниковъ съ правомъ голоса; оно не можетъ отказаться отъ обязанности наблюдать за дѣйствіями земства съ высоты, не становясь на одинъ съ нимъ уровень; оно не должно быть прямо замѣшано въ земскія распоряженія, чтобы сохранять свободу отмѣнить каждое изъ нихъ, противорѣчащее общимъ видамъ государства. Потому правительственнымъ органамъ слѣдуетъ стоять совершенно отдѣльно и выше. Съ другой стороны, земству нѣтъ никакой выгоды сочетаться съ офиціальною мѣстною властью въ нѣчто общее, какъ бы среднее: такое сочетаніе открыло бы доступъ вмѣшательству администраціи во всѣ земскія дѣла безъ исключенія, въ вознагражденіе за слабое вмѣшательство земства въ дѣла административныя. Сожительство глинянаго горшка съ желѣзнымъ опасно, конечно не послѣднему. И для государственной, и для земской власти гораздо выгоднѣе дѣйствовать въ своемъ отграниченномъ кругѣ; тогда каждая отвѣчаетъ за себя и самостоятельно пользуется своими правами. Самый естественный способъ разграниченія этихъ двухъ властей состоитъ въ локализаціи второй, въ передачѣ земству уѣзднаго управленія всецѣло, за исключеніемъ спеціальныхъ частей, которыя правительство сочтетъ нужнымъ удержать за собою, какъ напримѣръ—казначейство. Тогда земская и административная

дѣятельность будутъ разграничены между собою совершенно ясно по инстанціямъ. Съ образованіемъ вполнѣ надежнаго земства, вмѣшательство администраціи въ его дѣла должно было бы ограничиваться четырьмя способами дѣйствія: надзоромъ за точнымъ исполненіемъ правительственныхъ распоряженій, утвержденіемъ или назначеніемъ должностныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей, преслѣдованіемъ виновныхъ судомъ и пріостановкою мѣръ, несогласныхъ съ правительственными видами, до рѣшенія административнаго суда или высшей власти, какъ будетъ установлено. Для наблюденія за дѣйствіями земства, если это признается нужнымъ, достаточно держать въ уѣздѣ одного короннаго чиновника съ правомъ протеста на каждое незаконное распоряженіе; затѣмъ нѣтъ надобности подвергать всѣ прочія, неопротестованныя распоряженія никакому предварительному разсмотрѣнію.

Если средоточіемъ земскаго самоуправленія станетъ цензовое дворянство, то правительство будетъ относиться къ нему, безъ малѣйшаго сомнѣнія, съ такимъ же полнымъ довѣріемъ, съ какимъ оно относится къ собственнымъ чиновникамъ. Русское дворянство есть и должно быть прежде всего сословіемъ служилымъ. Измѣненіе этого порядка, не только въ основаніи, но и на практикѣ, вовсе не желательно; мы далеко не выиграемъ, если значительное число дворянъ съ ранней молодости посвятитъ себя земскому дѣлу, не пройдя предварительно чрезъ государственную службу—не въ видѣ обязательной повинности, а по доброй волѣ, слѣдуя примѣру отцовъ. Дворянинъ, прослужившій нѣкоторый срокъ и возвращающійся въ свое помѣстье между тридцатью и сорока годами жизни, пріѣзжаетъ домой человѣкомъ опытнымъ, съ несравненно болѣе развитымъ умомъ и характеромъ, чѣмъ его сосѣдъ, навѣки засѣвшій въ захолустьѣ, или покидавшій его только для собственнаго развлеченія; черезъ два-три года первый пойметъ даже земское дѣло лучше, внесетъ въ него больше силы и жизни, чѣмъ лицо, просидѣвшее на немъ весь свой вѣкъ безъ всякой другой практики. Съ сохраненіемъ всеобщей служилости, какъ кореннаго дворянскаго обычая, нарушеніе котораго противорѣчило бы нравамъ (что вполнѣ въ волѣ правительства), члены цензоваго дворянства, служащіе и отставные, останутся въ глазахъ верховной власти тѣми же офицерами и чиновниками какъ прочіе; но притомъ они будутъ еще мѣстными дворянами-

избирателями, значитъ—вдвойнѣ своими людьми для власти. Болѣе видное чѣмъ теперь положеніе дворянства соберетъ разсѣявшихся, дастъ всему сословію иныя, болѣе связныя привычки; сословіе станетъ властнымъ надъ своими членами. Желательно, чтобы въ Россіи завелся всеобщій обычай (созданіе котораго также совершенно зависитъ отъ правительства), чтобы всѣ цензовые дворяне, гдѣ бы они ни находились, возвращались временно на родину и были бы для того по закону увольняемы въ отпускъ изъ службы, къ трехлѣтнимъ выборамъ; чтобы каждый государственный сановникъ, каждый министръ являлся къ этимъ выборамъ и садился на скамьѣ избирателей своего уѣзда на ряду съ прочими. Въ серьезной постановкѣ земскаго дѣла—вся будущность Россіи; нельзя останавливаться ни передъ какими усиліями, чтобы, наконецъ, двинуть его.

Первымъ правомъ цензоваго дворянства, облеченнаго довѣріемъ свыше, должно быть право—судить самостоятельно о достоинствѣ и способности каждаго изъ своихъ членовъ—и прирожденнаго, и вновь вступающаго въ его ряды, потомственно или лично, и избираемаго въ земскія должности, безъ всякой указной, навязанной со стороны мѣрки, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда права лица ограничены судебнымъ приговоромъ. Правительство, безъ сомнѣнія, оставитъ за собой утвержденіе выборовъ на высшія земскія должности; можетъ быть, оно удержитъ также право прямого назначенія извѣстныхъ ему мѣстныхъ жителей на нѣкоторыя изъ этихъ должностей. Такой двойной контроль будетъ весьма достаточнымъ. Но затѣмъ земское дѣло станетъ вполнѣ живымъ дѣломъ тогда лишь, когда мѣстные избиратели станутъ единственными судьями вопроса о томъ, кто заслуживаетъ или не заслуживаетъ, независимо отъ своего общественнаго положенія, стоять въ ихъ рядахъ, когда за ними признается неотъемлемое право принять въ свою среду или избрать на должность всякаго достойнаго, какого бы онъ званія ни былъ, и въ тоже время исключить изъ нея всякаго недостойнаго, также кто бы онъ ни былъ. Цензовое дворянское избирательство—не всенародная подача голосовъ, даже не разношерстная французская буржуазія тридцатыхъ годовъ; оно будетъ состоять изъ отборныхъ людей, а потому должно быть тѣсно сплочено межсу собою и отвѣтственно передъ правительствомъ и мнѣніемъ Рос-

сіи за свои совокупныя дѣйствія, стало быть за каждаго изъ своихъ членовъ. Существенное ручательство за избираемыхъ заключается не во внѣшнихъ, совершенно неуловимыхъ признакахъ, а въ качествѣ и свободѣ дѣйствій избирателей; при такомъ только условіи они будутъ въ состояніи принять на себя полную отвѣтственность за все совершаемое. Изъ русскаго народа выдаются по-временамъ такія удивительныя личности, что иной содержатель постоялаго двора можетъ стать превосходнымъ земскимъ дѣятелемъ. Вѣдь примутъ же его въ дворянское собраніе по цензу, если онъ станетъ купцомъ и наживетъ милліонъ, — а достоинство человѣка нельзя мѣрить однимъ искусствомъ наживать деньги. Судьями этого достоинства должны быть избиратели. Также точно никакое пышное общественное положеніе не ручается за качества человѣка, а а потому избиратели должны имѣть возможность очистить свою среду отъ лица, смущающаго или роняющаго ее, даже просто отъ лица, послѣдовательно отъ нея отстраняющагося, выказывающаго явное равнодушіе къ общему дѣлу. Очень желательно, чтобы исключеніе цензовымъ дворянствомъ кого либо изъ числа мѣстныхъ избирателей отзывалось и на другихъ его правахъ; связное государственное сословіе должно владѣть въ нѣкоторой степени принудительною властью надъ своими членами, иначе оно не будетъ имѣть силы для выполненія своей задачи во всей ея широтѣ. Мы полагаемъ также, что мѣстные избиратели не должны быть обязаны принять въ свою среду новое лицо, хотя бы удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ закона, безъ предварительнаго голосованія. Отмѣна подобныхъ постановленій можетъ принадлежать одной только верховной волѣ и никому другому.

Съ перенесеніемъ на избирателей полной отвѣтственности за избираемыхъ, долженъ прекратиться всякій цензъ по образованію. Въ однѣхъ варварскихъ странахъ, куда только-что еще начинаютъ пересаживать знаніе съ чужой почвы, можно разцѣнивать сорокалѣтнихъ людей по балламъ, полученнымъ ими на экзаменѣ. Кто знаетъ, чему научился человѣкъ отъ двадцати до сорока лѣтъ своей жизни? Не ставить же сѣдовласыхъ старцевъ на экзаменъ по знаменитому закону Сперанскаго. Надобно признать, что наука жизни несравненно выше науки школы.

При цензовомъ дворянствѣ. управленіе, то-есть право на-

чальственныхъ распоряженій по уѣзду и исполненіе предпи саній высшихъ властей, должно бы находиться исключительно въ рукахъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ. Мы не беремся обсуждать самый способъ назначенія на земскія должности. требующій, для правильной постановки, предварительнаго совѣщанія правительства съ земскими людьми. Способъ этотъ можетъ быть двоякій для различныхъ должностей: избраніе дворянствомъ, или же назначеніе отъ высшей власти изъ мѣстныхъ жителей. Ничто не мѣшаетъ обоимъ способамъ дѣйствовать одновременно, особенно въ началѣ, пополняя вторымъ все то, чего не будетъ въ состояніи дестигнуть удовлетворительнымо образомъ первый. Прямое назначеніе станетъ въ рукахъ правительства средствомъ къ возбужденію дѣятельности мѣстныхъ избирателей. Они будутъ осмотрительнѣе и старательнѣе, зная, что высшая власть, во всякомъ случаѣ, можетъ обойтись безъ кандидата ихъ выбора. Главнымъ лицомъ уѣзда остался бы, понятно, предводитель дворянства, но въ такомъ случаѣ для опредѣленія новыхъ правъ его должности потребовались бы новыя постановленія. Возможно также оставить предводителя главой и блюстителемъ сословія, придавъ ему помощника для управленія мѣстной полиціей, непосредственно ему подчиненнаго, еслибъ предводитель не хотѣлъ или не могъ соединить въ себѣ оба эти званія. Понятно, что подвижность и практичная распорядительность, нужныя полицейскому дѣятелю — не тѣ свойства, по которымъ долженъ расцѣниваться предводитель, хотя онѣ необходимы на своемъ мѣстѣ. Прямое же назначеніе отъ правительства главы уѣзда, который вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ и главой сословнымъ, на подобіе нынѣшнихъ предводителей западныхъ губерній (или прусскаго ландрата), противорѣчило бы въ корнѣ нашему естественному порядку. Глава этотъ, навязанный мѣстнымъ избирателямъ, никогда не будетъ пользоваться должнымъ вліяніемъ въ ихъ средѣ, что повело бы къ нравственному разброду самаго сословія, отъ единодушія котораго зависитъ прочность нашего общественнаго порядка и развитіе русской жизни. Потому земское самоуправленіе, передаваемое въ руки культурнаго сословія, никакъ не можетъ обойтись безъ избираемаго сословнаго предводителя. Лицо предводителя становится такимъ образомъ связующимъ звеномъ между верховною властію и руководящимъ сословіемъ (т. е. всѣмъ земствомъ), какова бы ни была официальная его обста-

новка—что достаточно показываетъ важность самой должности въ общемъ государственномъ строѣ. Качества, потребныя для этого высокаго званія, чисто нравственныя, требующія прежде всего почтенія снизу и довѣрія сверху, независимо отъ лѣтъ, здоровья и даже отъ практической распорядительности и служебной точности, могутъ часто не совмѣщаться съ дѣятельностію и исполнительностію, необходимыми въ начальникѣ уѣзднаго управленія и уѣздной полиціи; хотя съ другой стороны, никакія способности практическаго дѣятеля не могутъ замѣнить ихъ. Вслѣдствіе того, надо думать, нерѣдко окажется надобность придавать уѣздному предводителю подчиненнаго ему помощника изъ мѣстныхъ жителей, для прямаго завѣдыванія земскимъ управленіемъ, и сдѣлать эту вторую должность, требующую внѣшней энергіи и подвижности,—не почетною, а платною, не возводя однакожъ такого раздѣленія занятій въ общее правило и предоставляя на волю предводителя соединять обѣ должности въ своемъ лицѣ.

Затѣмъ первое дѣло заключается въ устройствѣ волости, какъ низшей земской единицы, можно сказать даже—единицы государственнаго дѣленія, такъ какъ въ ней должны сосредоточиваться всѣ первоначальныя мѣры, всѣ зародыши самыхъ важныхъ отправленій обще-государственной дѣятельности: полиціи, поставки рекрутъ, сбора податей. Этотъ предметъ не разъ уже обсуждался въ русской печати съ разныхъ точекъ зрѣнія, причемъ всѣ сужденія всегда сходились на одномъ выводѣ: на важности волости, безъ надлежащаго устройства которой у насъ ничто не будетъ прочно устроено. Дѣйствительно, пока въ волости не существуетъ надлежащаго присмотра и руководства, надо сказать, что все сельское населеніе русскаго царства остается безъ присмотра и руководства, отдается въ произвольное распоряженіе волостныхъ писарей. Съ такимъ порядкомъ дѣла въ корняхъ, мы не далеко уйдемъ, какъ бы ни старались разукрашивать верхушки государственнаго зданія. При сосредоточеніи земскаго самоуправленія въ рукахъ цензоваго дворянства, управленіе волостями, какъ начальными ячейками всего общественаго склада, должно, очевидно, принадлежать ему же. Мы не считаемъ возможнымъ вдаваться въ обсужденіе практическаго рѣшенія этого вопроса, какъ и всѣхъ подобныхъ вопросовъ, но выскажемъ свое мнѣніе, охотно уступая преимущество иному, лучшему, когда оно

явится. Мы думаемъ, что земское управленіе должно быть покуда, сколько возможно дешевымъ, несложнымъ и ограничиваться наименьшимъ числомъ лицъ: иначе его благодѣянія не окупятъ его стоимости, а земскія должности станутъ одною декораціей, или, что еще хуже, приманкой для личной выгоды; ихъ теперь уже больше, чѣмъ находится для нихъ подходящихъ людей. Въ виду этихъ цѣлей, намъ кажется самымъ выгоднымъ соединеніе званія волостного попечителя и мѣстнаго мироваго судьи въ лицѣ мѣстнаго помѣщика по выбору дворянства всего уѣзда, но изъ лицъ, живущихъ въ волости или близъ нея—безплатно; если же таковаго не окажется, что на первыхъ порахъ надо предвидѣть во многихъ мѣстностяхъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже постоянно, то по назначенію правительства,—изъ мѣстныхъ людей, съ жалованьемъ отъ земства. Прямое назначеніе въ подобномъ случаѣ будетъ именно тѣмъ средствомъ возбужденія мѣстной дѣятельности, о которомъ мы говорили выше. Выборный отъ крестьянъ волостной голова можетъ служить помощникомъ начальнику и исправлять должность въ его короткія отсутствія. Управленіе уѣздомъ легко сосредоточится тогда въ съѣздѣ этихъ волостныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ городскимъ головой, подъ предсѣдательствомъ предводителя; придется, можетъ быть, добавить одного или двухъ членовъ для постоянныхъ занятій въ центрѣ уѣзда. Завѣдываніе мѣстною полиціей перейдетъ съ такимъ устройствомъ прямо въ руки волостныхъ попечителей, т. е. мѣстнаго ценсоваго дворянства; правительство сниметъ съ себя эту обузу, носимую, покуда, очень неудовлетворительно нѣсколькими мелкими коронными чиновниками, совершенно неспособными слѣдить за нравственною стороною населенія. При довольно большомъ числѣ волостныхъ начальниковъ, съѣзды мироваго суда можно будетъ собирать не со всего уѣзда разомъ, а въ каждой мѣстности отдѣльно и поочередно. Уѣздное управленіе въ такомъ видѣ будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ людей уважающихъ себя, отвѣтственныхъ другъ за друга, дѣйствительно знакомыхъ съ дѣломъ и съ мѣстными условіями; во всякомъ же случаѣ оно не обременитъ земство расходами на содержаніе постоянно возрастающаго числа сочиняемыхъ имъ чиновниковъ. Въ мѣстныхъ кандидатахъ не должно оказываться недостатка. Выборная служба въ уѣздѣ, полагаемъ, должна быть по существу установленія обязатель-

ною на извѣстный срокъ для всякаго неслужащаго государству ценсоваго дворянина—дома онъ, или въ отсутствіи.

Мы окинули бѣглымъ взглядомъ только внутреннее устройство сословнаго самоуправленія, какъ оно можетъ быть постановлено. Мы сказали уже, что выдаемъ свою мысль не за лучшее рѣшеніе, а лишь за одно изъ возможныхъ рѣшеній вопроса. Посмотримъ теперь, въ какія отношенія сословное самоуправленіе стало бы къ нижнимъ слоямъ, къ народу.

Наше земское самоуправленіе станетъ живымъ дѣломъ лишь при дворянской закваскѣ, подъ высшимъ и безпристрастнымъ наблюденіемъ правительства, одинаково принимающаго къ сердцу пользы всѣхъ сословій, не допускающаго никого злоупотреблять своимъ положеніемъ для личной выгоды, но владѣющаго, для осуществленія своихъ цѣлей, только двумя орудіями, между которыми приходится нынѣ выбирать—бюрократіей или дворянствомъ. Бюрократія представляетъ извѣстное обезпеченіе благонадежности и способности только въ высшихъ слояхъ, тѣхъ именно, которые ведутъ управленіе—можно сказать теоретически, не соприкасаясь съ жизнью прямо; чѣмъ ниже, тѣмъ личный составъ ея становится слабѣе и наконецъ, въ самомъ низу, въ уѣздѣ, гдѣ приходится непосредственно имѣть дѣло съ населеніемъ, оказывается совсѣмъ несостоятельнымъ. Дворянство же, напротивъ, особенно дворянство землевладѣльческое, ценсовое, какъ слой однородный, представляетъ почти тотъ же итогъ нравственныхъ силъ внизу, какъ и вверху, въ уѣздѣ, какъ и въ столицѣ; разница оказывается только въ блескѣ положеній, а не въ дѣйствительной способности. Когда наши дворяне хозяйничали въ своихъ имѣніяхъ, когда большинство отставныхъ отправлялись доживать свой вѣкъ на родину, — въ каждомъ уѣздѣ можно было найти не мало образованныхъ и, что еще важнѣе, уважающихъ себя людей. Такъ должно быть и впредь, такъ будетъ, какъ только устранятся неблагопріятныя условія, разсѣявшія по свѣту русскихъ помѣщиковъ, — условія, неизбѣжно вытекшія изъ переходныхъ и неопредѣленныхъ отношеній послѣреформенной полосы времени. Правительство воспитательнаго періода имѣло понятныя побужденія управлять даже мѣстнымъ бытомъ посредствомъ своихъ личныхъ слугъ-чиновниковъ; но у правительства, воззвавшаго русскихъ людей къ самостоятельности, такихъ побужденій не можетъ быть. Остается практическій

вопросъ, котораго въ сущности нельзя даже поставить: кто благонадежнѣе для управленія уѣздными дѣлами, заключающими въ себѣ корни всей государственной жизни—мѣстное ли дворянство или послѣдній слой чиновниковъ, набираемыхъ въ полуграмотномъ фрачномъ пролетаріатѣ, столь же чуждомъ правительству, какъ и мѣстному обществу? Покуда отправленія уѣздной жизни были у насъ чисто-механическія и состояли исключительно въ сборѣ податей, поставкѣ рекрутъ, поимкѣ бѣглыхъ и починкѣ мостовъ, мелкіе чиновники съ грѣхомъ пополамъ удовлетворяли потребности; но они оказались безнадежно несостоятельными, какъ только возникъ первый вопросъ о нравственныхъ отношеніяхъ къ населенію; а эти нравственные вопросы станутъ плодиться теперь съ каждымъ днемъ. Въ политическихъ видахъ раздѣленіе власти въ уѣздѣ вовсе не нужно, такъ какъ верховная власть можетъ положиться на свое дворянство, взятое какъ сословіе, несравненно болѣе чѣмъ на какую бы то ни было группу чиновниковъ — всякій это знаетъ. Въ смыслѣ исполнительности было бы странно возлагать полицейскія обязанности въ уѣздѣ на двухъ становыхъ приставовъ, когда надъ каждою волостью станетъ благонадежный попечитель. Въ отношеніи связности съ губернскимъ начальствомъ, каждый должностный дворянинъ становится въ положеніе чиновника, отвѣтственнаго передъ судомъ за нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ. Англійская сельская полиція слыветъ образцовою, находясь исключительно въ рукахъ мировыхъ судей—мѣстныхъ помѣщиковъ.

Ясно, однакожъ, что дворянство будетъ поставлено въ приличное ему положеніе тогда лишь, когда ему придется *не добиваться* преобладанія въ мѣстномъ обществѣ, а *пользоваться* имъ какъ своимъ законнымъ правомъ, для чего нужно не избраніе въ земскія должности изъ дворянъ, а напротивъ—избраніе въ эти должности дворянами — кого угодно; нужно, чтобы сословіе земскихъ избирателей заключалось въ дворянствѣ, съ вышеупомянутыми дополненіями. Цѣль не была бы вовсе достигнута, еслибъ, напримѣръ, крестьянамъ было предоставлено право выбирать дворянъ въ волостные головы, какъ желаютъ нѣкоторые. Кромѣ того, что въ настоящее время, по общему сознанію, нужна всесословная волость, причемъ часто пришлось бы человѣку высшаго положенія стать подъ управленіе какого нибудь цѣловальника, взявшаго верхъ на выборахъ, что по-

вело бы къ окончательному растлѣнію нашего общественнаго строя, и безъ того уже поколебленнаго; но современная потребность состоитъ именно въ томъ, чтобы дать руководство невѣжественной толпѣ, не умѣющей выработать опредѣленнаго мнѣнія, а не получать руководства отъ нея. При выборномъ сословномъ началѣ для всего уѣзда крестьянское самоуправленіе, подъ надзоромъ волостныхъ попечителей, данныхъ ему дворянствомъ, могло бы остаться почти въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, съ нѣкоторыми только, указанными опытомъ улучшеніями. Крестьянскія мірскія сходки удовлетворительно достигаютъ цѣли въ предметахъ, доступныхъ личному пониманію крестьянина; никто не возьмется учить ихъ распредѣленію общинныхъ угодій и повинностей, какъ и всякимъ потребностямъ ихъ сельской жизни; несостоятельность ихъ въ другихъ отношеніяхъ происходитъ, слѣдовательно, не отъ безсвязности сельскаго міра и не отъ неспособности русскаго простолюдина къ самоуправленію, давно ему извѣстному, а отъ малодоступности для него предметовъ, навязанныхъ его обсужденію. Замкнутый въ мужичьемъ мірѣ, онъ остался совсѣмъ безъ руководителей и попадаетъ теперь въ жертву каждому полуграмотному плуту. Попечители изъ образованнаго сословія устранятъ этотъ недостатокъ, не мѣшая крестьянскому самоуправленію, напротивъ того — развивая и укрѣпляя его постепенно. Попечительство будетъ не произволомъ, такъ какъ оно станетъ подъ надзоръ уѣзднаго съѣзда, представляющаго все мѣстное образованное сословіе; за законностью его дѣйствій будетъ наблюдать и правительственная власть. Съ другой стороны, дворянское попечительство въ волостяхъ положитъ конецъ неустройству, заставившему значительную часть помѣщиковъ разбѣжаться въ шестидесятыхъ годахъ; оно сдѣлаетъ жизнь въ деревнѣ возможною и удобною и само наростить свои силы, привлекая къ земскому дѣлу столькихъ отставшихъ, привлекая и новобранцевъ высшаго сословія, прирастающихъ теперь почти исключительно къ городамъ.

Считая необходимымъ объединеніе въ рукахъ дворянства мѣстнаго управленія, то есть, какъ мы сказали выше, избранія цѣлей, средствъ и дѣятелей, мы вовсе не желаемъ, чтобы другія сословія лишились голоса въ дѣлахъ, прямо касающихся ихъ пользъ. Такое лишеніе было бы противорѣчіемъ русской исторіи, чуждой сословнаго преобладанія, создавшей наслѣдственное

культурное сословіе какъ орудіе, а не какъ цѣль общегосударственной жизни. Кромѣ того что себялюбіе сословное, какъ и личное, должно быть обуздано закономъ, мы полагаемъ также, что никого нельзя благодѣтельствовать противъ его воли. Потому мы не только считаемъ необходимымъ сохраненіе городскаго и сельскаго самоуправленія (распространяя первое на самые маленькіе городки и ставя послѣднее не подъ произволъ, а лишь подъ руководство образованнаго общества), но полагаемъ также, что голосъ въ мѣстномъ самоуправленіи долженъ принадлежать по праву каждой группѣ людей, связанныхъ взаимными интересами—не одной земледѣльческой общинѣ или извѣстному числу земледѣльцевъ данной мѣстности, но также всякому значительному промыслу, желающему заявить о своихъ сборныхъ потребностяхъ. Тѣмъ не менѣе въ благоустроенномъ обществѣ обширность права голоса (если можно такъ выразиться), кругъ предоставляемыхъ ему вопросовъ, долженъ соотвѣтствовать его умственному кругозору, иначе самоуправленіе обращается въ ложь и въ интригу, вопросы голосуются безсознательно, какъ нынѣ. Нельзя облагать земскими сборами безъ собственнаго согласія, — развѣ количество или предметъ этихъ сборовъ постановлены закономъ,—но тогда дѣло будетъ идти не объ обложеніи, а о разложеніи. Самая видимая польза какого либо общественнаго расхода нисколько не устанавливаетъ его законности, если онъ превышаетъ средства плательщиковъ или не соотвѣтствуетъ *ихъ* понятію о пользѣ; многое кажется необходимымъ англичанину, въ чемъ русскій крестьянинъ не видитъ никакой надобности и нисколько не сочтетъ себя счастливымъ, если ему станутъ насильно навязывать англійскія потребности. Прежде чѣмъ жить хорошо, надо быть въ состояніи прожить какъ нибудь; а потому обязанность высшаго сословія, въ руки котораго отдано управленіе, состоитъ, въ подобномъ случаѣ, въ томъ лишь, чтобы убѣждать, а никакъ не принуждать мѣстныхъ плательщиковъ. Съ другой стороны, какъ мы уже говорили, каждый сборный интересъ долженъ имѣть право заявлять о своихъ нуждахъ предъ управленіемъ; онъ имѣетъ также естественное право, думаемъ, ставить свое согласіе на требуемыя отъ него жертвы въ зависимость отъ удовлетворенія заявляемымъ имъ нуждамъ. Въ обѣихъ отношеніяхъ и для обѣихъ цѣлей нынѣшнія всесословныя земскія собранія необходимы въ мѣстномъ самоуправленіи, только,

полагаемъ, не съ тою задачей и отчасти даже не въ томъ видѣ, какіе имъ даны. Первая слишкомъ широка для нихъ, второй—слишкомъ узокъ. Назначеніе ихъ должно бы состоять исключительно въ утвержденіи земскихъ налоговъ, разсмотрѣніи денежной отчетности, заявленіи объ общественныхъ нуждахъ и выборѣ лицъ, распоряжающихся общественными суммами; безъ послѣдняго условія контроль собранія надъ своимъ мѣстнымъ бюджетомъ не можетъ стать дѣйствительнымъ. Но выборъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ исполнительною властію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, пользующихся правами полиціи, суда и нравственнаго надзора за населеніемъ, также какъ правомъ вести сношенія съ высшими инстанціями о мѣстныхъ потребностяхъ и объ общихъ вопросахъ, должны естественно, принадлежать просвѣщенному собранію ценсоваго дворянства и лицъ, допущенныхъ имъ въ свой кругъ; вести управленіе въ прямомъ значеніи этого слова могутъ лишь выборные дворянства.

Что касается состава земскаго собранія, правильно представляющаго уѣздъ, то онъ опредѣляется самимъ кругомъ его дѣятельности и справедливостью, требующею уравненія всѣхъ плательщиковъ въ установленіи и несеніи налога, независимо отъ ихъ званій; мѣсто въ собраніи должно бы оставаться, по праву, за всякимъ ценсовымъ имуществомъ въ уѣздѣ, кому бы оно ни принадлежало: землевладѣльцу ли, общинѣ ли, городскому ли владѣльцу или капиталисту. Мы совершенно согласны съ княземъ Васильчиковымъ въ томъ отношеніи, что каждая крестьянская община есть такой же землевладѣлецъ, какъ и всякій другой. Но едва ли настоитъ надобность въ представительствѣ дробныхъ имуществъ сборными голосами. Мы не станемъ обсуждать этого вопроса, относящагося къ подробностямъ; но можно замѣтить слѣдующее: когда имущественные интересы ограждены съ одной стороны крупными владѣльцами, а съ другой—крестьянскими общинами, то изъ-за чего принуждать мелкихъ собственниковъ тратиться на выборы? Было бы другое дѣло, если-бъ наши общинники подѣлились,—въ этомъ случаѣ они посылали бы выборныхъ отъ волости; но этого еще нѣтъ и не предвидится скоро. Хотя собственно земское собраніе должно представлять, по нашему пониманію, только денежные интересы, а не мѣстную власть, но оно все-таки скажется прочнѣе, будетъ охранительнѣе и разсчетливѣе, со-

стоя изъ лицъ, представляющихъ свои собственныя, а не сборныя и чужія выгоды. Съ сохраненіемъ земскихъ собраній, хотя бы въ нѣсколько измѣненномъ противъ нынѣшняго состава, переходъ къ новому виду самоуправленія совершился бы легко и былъ бы мало замѣтенъ для народа, что также важно. Для перваго раза было бы достаточно перенести выборы должностныхъ земскихъ лицъ, кромѣ завѣдывающихъ общественными суммами, въ дворянское собраніе.

Самоуправленіе осуществимо только въ уѣздѣ. Нынѣшняя губернія не представляетъ для него никакихъ данныхъ; она есть единица чисто-административная и дробная. Было бы иное дѣло, если-бъ Россія была подѣлена на области болѣе крупныя, соотвѣтствующія естественнымъ географическимъ или этнографическимъ отдѣламъ, тяготѣющія каждая къ своимъ торговымъ путямъ и къ своему собственному, значительному центру, управляемыя самостоятельными, близкими къ престолу сановниками; такая область имѣла бы личность, а потому и потребность выражать ее въ областномъ представительствѣ. Мы думаемъ, что вопросъ о такомъ дѣленіи возбудится у насъ когда-нибудь самъ собою, въ числѣ многихъ великихъ вопросовъ, предстоящихъ намъ въ будущемъ. Россія срослась слишкомъ крѣпко, чтобы можно было опасаться за ея единство при какой бы то ни было самостоятельности областей, а между тѣмъ въ такомъ обширномъ тѣлѣ сосредоточеніе всей общественной и умственной жизни исключительно въ одномъ центрѣ невозможно безъ постепеннаго омертвленія членовъ. Мы видимъ уже это омертвеніе на дѣлѣ: внѣ Петербурга и Москвы русская мысль не шевелится, еще гораздо болѣе, чѣмъ она не шевелится во Франціи внѣ Парижа, въ чемъ заключается одна изъ опаснѣйшихъ болѣзней французскаго народа; при нашей же государственной обширности эта опасность еще очевиднѣе: затянувшись слишкомъ надолго, она погрузитъ въ мертвую спячку девять десятыхъ нашихъ духовныхъ силъ. Надо замѣтить также, что ни одна изъ нашихъ губерній не срослась еще во что-нибудь цѣлое, и никогда не сростется, по своей незначительности и искусственности, не допускающихъ самостоятельныхъ интересовъ. Никто не слыхалъ отъ заволжскаго симбирца жалобы на то, что его обратили въ самарца; поэтому новая областная перестройка государства не задѣнетъ у насъ никакого существующаго интереса, но несомнѣнно создастъ со временемъ жи-

вые сборные интересы. Но тутъ—вопросъ будущаго, никакъ не относящійся къ нашему поколѣнію; у нынѣ живущихъ людей есть только одна внутренняя задача, самая великая изъ задачъ: искоренить общественную разрозненность, при которой всѣ осаждающіе насъ вопросы останутся на всегда мертворожденными. Мы упомянули объ областномъ дѣленіи для того только, чтобы оговорить несостоятельность нынѣшнихъ губерній въ смыслѣ единства и общегосударственнаго значенія. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторое объединеніе, если не самоуправленія, то по крайней мѣрѣ направленія уѣздныхъ самоуправленій нужно и въ нынѣшней губерніи, для чего и учрежденъ для нея центральный органъ. Кромѣ того дворянство каждой губерніи (одно между всѣми сословіями) нѣсколько срослось уже между собою; ему нуженъ общій представитель и въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій съѣздъ; уѣздовъ слишкомъ много, чтобы каждый изъ нихъ могъ ходатайствовать о своихъ дѣлахъ передъ правительствомъ. Губернскій предводитель дворянства необходимъ какъ глава, представитель и ходатай сословія. Съ переходомъ самоуправленія въ сословныя руки, если бы оно осуществилось, глава этотъ не можетъ оставаться только почетнымъ лицомъ; онъ станетъ средоточіемъ всѣхъ самоуправленій и въ этомъ качествѣ долженъ пользоваться правомъ созывать предводителей и выборныхъ дворянства по мѣрѣ надобности, а въ особенно важныхъ случаяхъ или въ очередные сроки—собраніе всего ценсоваго дворянства съ причисленными къ нему лицами. Безъ полнаго, достаточно заслуженнаго довѣрія свыше къ дворянству, самоуправленіе у насъ не пойдетъ; а потому желательно, чтобы губернскій предводитель не только не былъ стѣсненъ въ необходимыхъ ему правахъ, но пользовался бы совѣщательнымъ голосомъ въ высшей правительственной средѣ. Можно положиться на здравый смыслъ русскаго развитаго сословія: когда губернскій предводитель станетъ изъ амфитріона, какимъ онъ былъ доселѣ, лицомъ съ государственнымъ значеніемъ,—оно станетъ выбирать въ эту должность соотвѣтствующихъ ей людей. Значеніе лица губернскаго предводителя не можетъ стѣснить губернаторской власти. Губернаторъ останется представителемъ правительства, начальникомъ коронной администраціи и высшимъ прокуроромъ государственной власти при мѣстномъ самоуправленіи, не допуская его выходить изъ указанныхъ ему предѣ-

ловъ; съ него должно быть снято только званіе хозяина губерніи, составляющее уже теперь вопіющее противорѣчіе, такъ какъ хозяйство отдано офиціально въ другія руки. Мы признаемъ за губернскими съѣздами значеніе только въ смыслѣ съѣздовъ дворянства, какъ сословія, облеченнаго правительствомъ извѣстною долею самостоятельности, но не видимъ никакой цѣли въ губернскомъ всесословномъ собраніи, если задача всесословныхъ собраній будетъ ограничена утвержденіемъ налоговъ. Для этого имъ нѣтъ надобности съѣзжаться вмѣстѣ. Даже въ случаѣ необходимости какого-либо общаго налога по губерніи, онъ можетъ быть голосованъ на мѣстѣ, большинствомъ (по счету) уѣздныхъ собраній. Мы думаемъ, что вообще задачи государственнаго управленія, дворянскаго самоуправленія и имущественнаго права утвержденія и расходованія мѣстныхъ налоговъ должны быть строго разграничены между собою.

ГЛАВА V.

Воспитаніе, церковники, какъ общественная группа, бюрократія и земство.

Изо всего до сихъ поръ сказаннаго читатели видятъ, что, въ нашемъ мнѣніи, самая настоятельная потребность текущаго времени—передача самоуправленія въ руки культурнаго сословія—необходима по двумъ причинамъ и для двухъ предметовъ: она нужна вмѣстѣ какъ средство и какъ цѣль. Одно только образованное общество, проникнутое государственными и общественными преданіями исторической Россіи, можетъ дать правильную постановку земскому дѣлу и вести его самостоятельно, пользуясь полнымъ довѣріемъ правительства; до сихъ поръ цѣль не достигалась, потому что развитому слою приходилось въ общественныхъ дѣлахъ спускаться на уровень толпы, вмѣсто того, чтобы стараться постепенно подымать толпу на свой уровень. Наше новое, нынѣ дѣйствующее земское устройство, въ сущности, уподобило насъ болѣе Франціи, чѣмъ Англіи и Америкѣ. Въ такомъ положеніи нельзя оставаться. Дворянство составляетъ естественное и покуда единственное орудіе въ рукахъ правительства для развитія общегосударственной жизни и установленія порядка въ русской землѣ. Въ этомъ отношеніи, оно—средство. Но, какъ ни важна эта сторона дѣла, существуетъ другая, еще болѣе важная. Обезличеніе и безсвязность, которыми страдаетъ наше образованное общество, отсутствіе сложившагося мнѣнія и неумѣніе дѣйствовать съобща,—парализирующія въ корнѣ современную Россію и вытекающія, несомнѣнно, изъ долгой отвычки отъ совокупной жизни, изъ полуторавѣковой невозможности провѣрить свое теоретическое и чужеземное образованіе на коренныхъ свойствахъ своей собственной почвы, — вынуждаютъ,

прежде всего, къ объединенію культурныхъ силъ, къ возбужденію ихъ самодѣятельности, однимъ словомъ—къ ихъ сращенію въ подобающемъ имъ кругѣ дѣйствія—для возстановленія нравственной національной личности. Извѣстное дѣло, что изъ питомника нельзя вырастить лѣсъ, не огородивъ его. Самостоятельная русская мысль возникнетъ изъ нестройнаго, накопленнаго нами въ теченіе полутораста лѣтъ умственнаго матеріала только при содѣйствіи сознательной общественной жизни образованнаго слоя, непосредственно соприкасающагося съ народомъ, но не растворяемаго въ немъ. Въ этомъ отношеніи извѣстное обособленіе высшаго сословія заключаетъ въ себѣ уже не средство только, а прямую цѣль современной русской исторіи. Осьмидесятимилліонному государству нельзя существовать въ наше время, на европейской почвѣ, безъ умственной самостоятельности, безъ народности, выражащейся ясно, даже преимущественно, въ его развитыхъ слояхъ, и безъ связнаго культурнаго общества.

Отъ этого общества у насъ, какъ и вездѣ, зависитъ историческое значеніе націи. Въ степени его образованности и въ зрѣлости проникающаго его духа заключается устой и будущность русскаго народа какъ отдѣльной человѣческой семьи. Потому задача текущаго времени, послѣ установленія твердой связи культурнаго сословія съ престоломъ, между собою и съ народомъ, заключается въ томъ, чтобы поднять уровень его образованія на возможную высоту. Надобно сосредоточить, а не разсыпать наши образовательныя средства. Намъ кажется очевиднымъ, что въ современной Россіи оказывается потребность только въ трехъ совершенно опредѣленныхъ ступеняхъ общественнаго воспитанія: грамотности для народа, техническаго обученія для молодыхъ людей, переростающихъ чернорабочій слой вслѣдствіе зажиточности своихъ родителей, и науки, въ полномъ значеніи слова, для культурнаго класса. Особая система образованія въ средѣ духовенства, какъ спеціальная, не идетъ въ счетъ. Съ прекращеніемъ источника, постоянно вливавшаго въ высшее русское сословіе толпу неразвитыхъ личностей, въ видѣ дѣтей нижнихъ чиновъ, произведенныхъ въ первый офицерскій чинъ, которымъ это производство давало дворянскія права—у насъ будутъ оказываться рѣже и рѣже дворяне, не получившіе приличнаго воспитанія; но надо, чтобы ихъ вовсе не было, кромѣ какихъ нибудь не-

предвидимыхъ исключеній. Въ дворянствѣ не цензовомъ у насъ много людей безъ средствъ, а между тѣмъ этимъ отдѣломъ его должна преимущественно пополняться государственная служба, особенно же армія, для чего нужны образованные люди. Но даже небогатому слою цензоваго дворянства трудно обойтись безъ пособія. Землевладѣлецъ съ тысячью рублями дохода, составляющими приблизительно низшій цензъ полноправнаго сословія (такъ какъ при этомъ доходѣ можно жить съ имѣнія не становясь съ работникомъ), будетъ все-таки очень затрудненъ въ воспитаніи нѣсколькихъ дѣтей. При должной связности мѣстнаго дворянства, онъ найдетъ въ своемъ сословіи, можно надѣяться, нѣкоторую опору для такой вопіющей потребности, — но опору далеко недостаточную для всѣхъ. Если бы у насъ каждый образовывался на свой счетъ, какъ въ Англіи, то нечего было бы и говорить о пособіи. Но это пособіе существуетъ въ Россіи въ видѣ многочисленныхъ стипендій, распредѣляемыхъ въ настоящее время совершенно произвольно, преимущественно самымъ бѣднымъ молодымъ людямъ низшихъ сословій, которые безъ приманки такого оранжерейнаго вырощенія искали бы другихъ, хлѣбныхъ занятій и не выбивались бы непомѣрными усиліями въ господа, чтобы потомъ, за немногими исключеніями, голодать всю жизнь, вопить противъ неравенства общественныхъ условій и сочувствовать всею душою парижскимъ бунтамъ. Выпускаемые въ общество, чуждое имъ, въ которомъ у нихъ нѣтъ ни связей, ни точки опоры, эти искусственно высиженные культурные подростки начинаютъ свою жизнь годами бѣдствованія, наполняющими ихъ желчью навсегда, даже въ случаѣ позднѣйшаго успѣха; а многимъ ли изъ нихъ выпадаетъ на долю успѣхъ? Мало ли читаемъ мы въ газетахъ извѣстій о самоубійствѣ, смерти отъ истощенія, объявленій о готовности вступить хоть въ домашнюю прислугу этихъ жертвъ напускной русской учености, которыя, при другомъ направленіи воспитанія, стали бы зажиточными, преданными, довольными своею судьбой техниками, восполняя въ то же время вопіющія потребности русской производительности, до сихъ поръ неудовлетворенныя? Если мы покуда еще не можемъ совсѣмъ отвыкнуть отъ подражанія, то будемъ лучше подражать Европѣ, гдѣ бѣдные воспитанники учатся хлѣбнымъ знаніямъ, чѣмъ Китаю, въ которомъ существуетъ только одна наука—философія Конфуція,

преподаваемая всѣмъ безъ различія, отъ мандаринчика съ красною пуговкой до великаго мандарина съ павлинымъ перомъ. Мы настроили множество заведеній для классической науки и толкаемъ всю Россію въ университетъ, выписывая въ то же время машинистовъ желѣзной дороги изъ-за границы по неимѣнію своихъ. Съ одной стороны эта болѣзнь у насъ застарѣлая—мы начали съ перехватыванія верховъ, а не низовъ; съ другой—она чрезвычайно усилилась во время бѣлой горячки русскаго общества, прозванной нигилизмомъ. Въ ту пору одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ написалъ чрезвычайно дѣльную статью о значеніи университета и объ отношеніи степеней образованія къ различнымъ общественнымъ слоямъ; но тогдашняя печать накинулась на нее какъ на ретроградную *). Была ли возможность серьезнымъ людямъ разговаривать съ обществомъ, руководимымъ въ большинствѣ *мыслителями* «Современника» и «Полярной Звѣзды». Но теперь разливъ вошелъ въ русло, надо подумать о дѣлѣ. Русское дворянство, какъ культурный народный слой, открыто всякой силѣ, подросшей снизу, но только силѣ—то-есть экономическому положенію или дарованію, умѣющему пробиться,—а не толпѣ искусственно высиживаемыхъ, посредственныхъ и, въ сущности, даже по окончаніи университетскаго курса, вовсе еще не образованныхъ мальчиковъ. Если дѣло въ томъ, чтобы переряжать какъ можно больше людей изъ поддевки во фракъ, купленный на Щукиномъ дворѣ, то это можно бы сдѣлать легче, слѣдуя шуточному совѣту одного вельможи пятнадцатыхъ годовъ—сравнять всю Россію съ станціонными смотрителями, произведя ее въ четырнадцатый классъ. Мы высказали свое мнѣніе и не думаемъ встрѣтить много противниковъ: нашему отечеству необходимы — образованное дворянство, большое распространеніе техническихъ и промышленныхъ знаній въ среднихъ состояніяхъ и грамотный народъ. Каждому свое. Безъ серьезнаго и поголовнаго образованія дворянства мы не дойдемъ никуда, а потому, думаемъ, надобно сосредоточить на воспитаніи небогатыхъ низовъ наслѣдственнаго сословія почти исключительно всѣ стипендіи, находящіяся въ рукахъ правительства. Для по-

*) Баронъ А. П. Николаи.

ощренія замѣтно способныхъ молодыхъ людей низшихъ званій, по нашему мнѣнію, было бы достаточно назначить по одной всесословной стипендіи на гимназію, но съ тѣмъ, чтобы потомъ уже не покидать этихъ выбранныхъ воспитанниковъ на произволъ судьбы. Мы выставили пропорцію приблизительно,— установить ее есть дѣло спеціалистовъ. Затѣмъ нужно большое распространеніе техническихъ школъ, не въ какихъ либо центрахъ, а по всей поверхности государства, соотвѣтственно хозяйственнымъ и промышленнымъ потребностямъ каждой области. Слѣдуя такимъ путемъ, мы станемъ наконецъ образованнымъ народомъ не на словахъ, а на дѣлѣ.

Прежде всего надобно постараться направить въ эту сторону—къ реальному и промышленному воспитанію—многочисленный притокъ подростковъ духовнаго званія, выходящихъ изъ церкви въ свѣтъ. На нашихъ глазахъ происходитъ странное и безобразное явленіе: нигилизмъ набиралъ и набираетъ главныхъ своихъ приверженцевъ изъ среды дѣтей, рожденныхъ, можно сказать, въ церковной оградѣ; достаточно посчитать извѣстныхъ вожаковъ. Отцы проповѣдуютъ евангеліе, а сыновья въ значительномъ числѣ—безбожіе и разрушеніе общественныхъ началъ. Это явленіе объясняется не чѣмъ инымъ, какъ ложнымъ общественнымъ положеніемъ послѣднихъ. Недавно еще знаніе считалось у насъ рѣдкостью; достаточно было знать что нибудь для устройства себѣ отгороженнаго уголка въ жизни; изъ семинаристовъ, вступившихъ въ службу, вмѣстѣ съ произведенными унтеръ-офицерами, составилась чуть ли не половина послѣпетровскаго дворянства. Но теперь, очевидно, прекратился запросъ на полуобразованныхъ, не обладающихъ прикладными знаніями людей, какихъ выпускаетъ семинарія въ міръ. Имъ приходится биться какъ рыбѣ объ ледъ; получаемое ими схоластическое воспитаніе, устраняющее Хомякова для огражденія неприкосновенности учебниковъ XVII вѣка, мало укрѣпляетъ ихъ нравственно; немудрено, что многіе изъ нихъ проникаются ненавистью къ обществу въ первые годы этой безплодной борьбы и увлекаются въ крайности. Между тѣмъ, наше церковное сословіе многочисленно и покуда, къ несчастію, наслѣдственно въ дѣйствительности, несмотря на букву закона, недавно уничтожившаго эту наслѣдственность на бумагѣ. Вдобавокъ дѣти священниковъ, занимающихъ самое почетное положеніе, никогда не отграничен-

ные точно отъ дѣтей послѣднихъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей, въ послѣднее время сравнены съ ними во всѣхъ правахъ, даже служебныхъ—что окрыляетъ всѣхъ безчисленныхъ подростковъ духовнаго званія одинаковыми надеждами, придаетъ всѣмъ одинаковое честолюбіе, чтобы потомъ привести почти всѣхъ къ одинаковому разочарованію. Изъ мѣщанъ и людей другихъ низшихъ сословій, постепенно подымающихся къ верху, рѣдко оказываются недовольные, имѣющіе поводъ роптать на общественное устройство: кто изъ нихъ поднялся, тотъ, значитъ, разжился, тому хорошо. Но подъ русскимъ культурнымъ обществомъ оказывается, въ видѣ церковнаго сословія, какъ-бы подземный притокъ, клокочущій по неимѣнію выхода, и силящійся сорвать верхнюю почву; покуда усиліе это еще ничтожно, оно выражается только въ личныхъ настроеніяхъ, но, если ему не откроютъ законнаго выхода, оно будетъ постепенно накопляться. Въ противоположность всему, что видѣлъ до сихъ поръ свѣтъ, непріязнь къ охранительнымъ общественнымъ началамъ возникаетъ у насъ преимущественно изъ церковной ограды, изъ размножающагося личнаго состава церковниковъ, вслѣдствіе кастоваго ихъ устройства и воспитательно-промышленной отсталости Россіи. Второму горю можно помочь въ срокъ не слишкомъ долгій, не только правительственными мѣрами, но настойчивымъ содѣйствіемъ правительства всѣмъ такимъ начинаніямъ, всевозможнымъ поощреніемъ ихъ. Развитіе техническаго образованія составляетъ одну изъ первыхъ нашихъ потребностей со всѣхъ точекъ зрѣнія. Кромѣ того, мы считали бы необходимымъ, по справедливости и изъ благоразумія, законно отдѣлить дѣтей священническихъ отъ дѣтей церковныхъ причетниковъ, не смѣшивать ихъ въ одно сословіе, облечь первыхъ правами, сближающими ихъ съ высшимъ наслѣдственнымъ сословіемъ, дать имъ льготы передъ прочими въ пособіи на воспитаніе и преемствѣ званія, не отказывать имъ и въ свѣтскихъ стипендіяхъ; причетниковъ же не считать вовсе въ духовномъ сословіи. Если разъ возникло у насъ кастовое духовенство, то лучше пусть будетъ покуда въ Россіи нѣсколько десятковъ тысячъ наслѣдственныхъ семей священническихъ, которыя можно обезпечить до нѣкоторой степени, чѣмъ нѣсколько сотъ тысячъ семей наслѣдственнаго клира, съ тѣми же самыми притязаніями, совершенно неудовлетворимыми, но,

не смотря на то, постоянно раздражающими ихъ противъ общества. Что касается самой наслѣдственности духовенства, то тутъ вопросъ великій, хотя, очевидно, вопросъ не нашего поколѣнія. Православная церковь требуетъ духовенства по призванію, а не по ремеслу; Россія не выйдетъ изъ нынѣшней духовной апатіи безъ измѣненія существующаго въ церкви порядка, но тѣмъ не менѣе мы считали бы преждевременнымъ трогать его покуда: при нынѣшней общественной разрозненности у насъ не хватитъ на это силъ. Мы говоримъ не о церкви, а только о мѣстѣ, занимаемомъ въ обществѣ личнымъ составомъ церкви; но даже въ этомъ отношеніи, несмотря на важность предмета, считаемъ неудобнымъ распространяться, имѣя въ виду примѣры Хомякова и Самарина, сочиненіямъ которыхъ нѣтъ хода. Кромѣ того, развитіе такого вопроса требовало бы особаго сочиненія. Мы упомянули объ немъ лишь для полноты изложенія.

Церковный вопросъ, временно заглохшій у насъ, также какъ вопросъ о созданіи нѣсколькихъ средоточій русской жизни и мысли вмѣсто двухъ, какъ и многіе другіе великіе вопросы, принадлежитъ будущему. Задача нынѣшняго поколѣнія заключается въ томъ, чтобы создать орудіе русской общественной жизни, посредствомъ котораго великіе вопросы могли бы быть двинуты современемъ; орудіе, безъ котораго русское правительство, не смотря на свое несравненное и исключительное нравственное могущество, не можетъ—смѣемъ сказать—пользоваться вполнѣ этимъ могуществомъ для блага Россіи. Сила безъ рычага остается отвлеченностью.

Покуда нечего думать даже о томъ, чтобы отлить орудіе русскаго будущаго въ окончательную форму. Наше поколѣніе сдѣлаетъ свое дѣло, если сложится въ нѣчто цѣлое, способное къ дѣйствію мѣстному, обезпечивающее въ тоже время текущій порядокъ дѣлъ. У насъ довольно много говорятъ, хотя мало пишутъ объ объединеніи земскаго самоуправленія. Но для такого объединенія, конечно, осмысленнаго, нужно прежде, чтобы мѣстная земская жизнь стала дѣйствительностью, что осуществится вполнѣ развѣ въ будущемъ поколѣніи. Пока наше земство не умѣетъ сладить съ своимъ уѣзднымъ дѣломъ, не для чего ему выступать передъ лицо свѣта. Можно думать, что всесословный земскій соборъ, созванный въ настоящее время верховною властью по старинному образцу, не принесъ бы плодовъ и не

сталъ бы ни большимъ утѣшеніемъ для Россіи, ни особенно величавымъ зрѣлищемъ для Европы. «Довлѣетъ дневи злоба его». Мы думаемъ, однакожъ, что было бы справедливымъ и даже необходимымъ возвратить дворянству, въ лицѣ его губернскихъ съѣздовъ, право всеподданнѣйше заявлять о желательныхъ измѣненіяхъ въ законахъ, устарѣвшихъ или почему либо несоотвѣтственныхъ, что почти всегда бываетъ гораздо виднѣе на мѣстѣ. Осторожное, но не стѣсняемое пользованіе этимъ высшимъ правомъ, давно уже принадлежавшимъ высшему русскому сословію по буквѣ закона, при потребной свободѣ взаимныхъ сношеній между собраніями, выработало бы практически, еще въ срокъ нынѣ живущаго поколѣнія, многія прикладныя стороны нашего законодательства и оказалось бы гораздо полезнѣе преждевременныхъ всероссійскихъ съѣздовъ.

Первая обязанность высшаго сословія, признаннаго государствомъ, есть военная и безплатная общественная служба. Въ этихъ двухъ видахъ личной повинности заключается весь политическій смыслъ сословія, каково бы ни было его происхожденіе. Права немыслимы безъ обязанностей даже въ кастѣ, выросшей изъ завоеванія, не только въ культурномъ дворянствѣ, созданномъ верховною властью прямо для пользы, которую оно могло и можетъ приносить государству и народу.

Занятія канцелярскія, низшія ступени вѣдомства, называемаго по-русски гражданскимъ, не облекающія лицо самостоятельною властью въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, недавно еще мало входили въ кругъ дворянской дѣятельности и въ Европѣ и въ Россіи, особенно въ областяхъ, даже послѣ Петра Великаго. Этотъ разрядъ чиновниковъ пополнялся у насъ преимущественно приказными людьми, образовавшими почти наслѣдственное сословіе, постепенно приращавшееся притоками изъ духовенства; не смотря на относительную выгодность этой службы и на бѣдность мелкаго дворянства, лица высшаго сословія вступали въ нее неохотно. Отъ устья Тага до Камчатки, при всемъ глубокомъ различіи происхожденія и духа привилегированныхъ классовъ различныхъ странъ, низшая ступень гражданской службы, прозванная у насъ приказною, считалась занятіемъ не дворянскимъ. Само собою разумѣется, что мы говоримъ не о судѣ, только недавно выдѣленномъ у насъ изъ общаго гражданскаго вѣдомства. Въ этомъ послѣднемъ учрежденіи всѣ должности самостоятельны, а потому требуютъ

непремѣнно людей перваго разбора. Вслѣдствіе того личный составъ судей, прокуроровъ и слѣдователей не только почерпался вездѣ въ высшемъ общественномъ слоѣ, но вызывалъ даже учрежденіе особаго судебнаго дворянства. Нашъ русскій судъ съ прокурорскимъ надзоромъ требуетъ привлеченія въ свои нѣдра лучшихъ силъ изо всей страны. Рѣчь идетъ только о письменномъ дѣлопроизводствѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи европейскія правительства, много разъ пытавшіяся привлечь дворянство къ торговлѣ, никогда не думали объ обращеніи хотя какой нибудь части его въ канцелярское чиновничество. Такое повсемѣстное устраненіе высшаго сословія отъ извѣстнаго вида государственной службы, выводившаго иногда людей очень высоко, во всякомъ случаѣ необходимаго въ извѣстныхъ предѣлахъ и часто выгоднаго, должно имѣть какую нибудь общую, осмысленную причину, истекающую не изъ одного предразсудка,— и дѣйствительно оно имѣетъ ее. Такъ называемая приказная или канцелярская служба требуетъ, какъ и всякая другая, знанія дѣла и опытности, но она вовсе не требуетъ характера и личной самостоятельности, развиваемыхъ въ особенности наслѣдственно-политическими сословіями, — не требуетъ потому, что канцелярскій чиновникъ не начальствуетъ ни надъ кѣмъ, ни за кого лично не отвѣчаетъ, а работаетъ въ одиночку. Напротивъ, военная и общественная служба, не говоря о государственныхъ должностяхъ высшаго порядка, немыслима безъ этихъ именно дворянскихъ качествъ,—безъ умѣнія держать власть, безъ рѣшительности и уваженія къ себѣ, истекающихъ изъ высокаго мнѣнія о своей личности. Такія черты выражаются преимущественно въ высшемъ сословіи, почему высшее сословіе составляетъ необходимую потребность, составляло ее всегда и вездѣ, для земскаго самоуправленія, для суда и арміи, но не для низшихъ слоевъ гражданской службы. На свѣтѣ не бываетъ никакого общаго явленія безъ разумной причины. Въ нынѣшней Россіи низы гражданской службы, до тѣхъ ступеней, на которыхъ начинается личная самостоятельность, могли бы оставаться въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ они были еще недавно, служить пристанищемъ многочисленному разряду старыхъ и новыхъ приказныхъ людей, безъ всякаго ущерба для нашей будущности; туда же будетъ направляться излишекъ притока свѣтскихъ подростковъ духовенства, не попавшихъ въ промышленную жизнь, пока въ составѣ церкви,

на дѣлѣ, продолжается наслѣдственность. Но если раздѣленіе гражданскихъ занятій на два существенно отличные отдѣла— властный и канцелярскій, какъ всеобщее и вездѣ принятое, истекаетъ изъ смысла самаго дѣла, то ступени службы, предоставляемыя низшему чиновничеству, не слѣдуетъ и у насъ смѣшивать съ высшими, облекающими лицо самостоятельною властью, какъ онѣ смѣшиваются нынѣ; ихъ слѣдуетъ строго разграничить на практикѣ, допускать только дѣйствительно отборныхъ людей снизу переступать эту черту, замѣстителей же высшихъ самостоятельныхъ должностей выбирать не изъ подростающаго мелкаго чиновничества, а изъ земскихъ дѣятелей. Даже въ такомъ случаѣ столичныя, если не областныя канцеляріи, все-таки останутся на долгій срокъ разсадникомъ большинства администраторовъ. Бюрократическій порядокъ сильно укоренился въ Россіи; онъ давно уже привлекъ и постоянно привлекаетъ въ свою среду лучшія общественныя силы; нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей бюрократіи гораздо болѣе способныхъ людей, чѣмъ въ нашемъ обществѣ. Это очень понятно, такъ какъ учрежденія бюрократическія — дѣло вѣковое, земскія — вчерашнее; притомъ первыя гораздо выгоднѣе вторыхъ. Пока бюрократизмъ былъ единственнымъ видомъ управленія, пока онъ завѣдывалъ, безъ исключенія, всѣми явленіями русской жизни, онъ необходимо долженъ былъ разростись до крайности; но когда разъ общество вызвано къ самоуправленію, то бюрократіи необходимо приходится постепенно сокращаться и войти наконецъ въ подобающіе ей размѣры чисто государственнаго управленія. Совмѣщеніе нынѣшней административной сѣти съ полнымъ развитіемъ земской жизни не только было бы несообразнымъ, оно — немыслимо, потому что у населенія не станетъ для этихъ двухъ потребностей разомъ ни вещественныхъ, ни личныхъ силъ. Довольно мудрено развить земское дѣло, забирая всѣхъ способныхъ людей въ коронную службу; довольно мудрено также, при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи землевладѣльцевъ, предложить способнымъ людямъ промѣнять содержащую ихъ (хотя часто безполезно) коронную службу на земскую. Надобно однако же видѣть, что съ продолженіемъ такого порядка русская общественная жизнь заглохнетъ на вѣки, не смотря ни на какія либеральныя формальности. Сколько бы ни шли такимъ путемъ, мы дойдемъ лишь *до самостоятельности съ разрывомъ бли-*

жайшаго начальства, до формъ, а не до сущности самоуправленія, будемъ либерально управляемы канцеляріей, почерпающею свои вдохновенія хотя бы изъ самыхъ сводомыслящихъ, зачастую даже нигилистскихъ источниковъ, но безъ малѣйшей заботы о томъ, что намъ нужно и чего мы сами желаемъ. Довольно взглянуть на примѣръ современныхъ французовъ, не говоря уже о нашемъ собственномъ, для убѣжденія, что даже осадное положеніе менѣе сокрушительно для самостоятельнаго общественнаго развитія, чѣмъ «канцелярскій» либерализмъ. Если земская дѣятельность, отданная въ руки, на которыя правительство можетъ положиться, не будетъ отодвигать у насъ постепенно, но достаточно быстро, всепоглощающую бюрократію въ законно принадлежащіе ей предѣлы, то изъ этой дѣятельности ничего не выйдетъ; она обратится въ формальность, формальность станетъ рутиною и тогда уже будетъ слишкомъ трудно призвать къ жизни русское общество, разочарованное однажды въ своихъ надеждахъ и силахъ; намъ останется въ будущемъ единственный способъ развитія—если онъ для кого нибудь желателенъ—совершенствовать до безконечности свой канцелярскій механизмъ, переименовывая и перетасовывая должности, по образцу квартета Крылова. Есть только два выхода изъ нынѣшняго положенія, и оба они, думаемъ, должны быть открыты одновременно:

1) Сокращать постепенно бюрократическія учрежденія до предѣловъ, соотвѣтствующихъ *современной* ихъ цѣли,—служить орудіемъ общегосударственныхъ заботъ и надзора за мѣстнымъ самоуправленіемъ,—обращая экономію отъ упраздненія излишнихъ гражданскихъ штатовъ, порожденныхъ отживающими нынѣ порядками, на потребности земства. Самостоятельныя земскія должности, безъ сомнѣнія, должны быть безплатными, въ томъ смыслѣ, чтобы содержаніе ихъ не ложилось прямо на мѣстное населеніе; но пособіе имъ отъ государства, въ умѣренныхъ размѣрахъ, совершенно соотвѣтствовало бы духу самодержавно-народной монархіи, какова наша, въ которой культурное сословіе есть преимущественно сословіе служилое. Для правительства можетъ существовать только одинъ вопросъ: какой видъ службы этого сословія и въ какихъ именно размѣрахъ полезнѣе въ настоящее время: земскій или канцелярскій?—такъ какъ русскіе дворяне остаются въ одинаковой степени его слугами и въ земствѣ и въ бюрократіи. Безъ пря-

маго пособія отъ государства никогда нельзя будетъ вызвать къ земскому дѣлу достаточное число способныхъ людей изъ нашихъ канцелярій, въ которыхъ четыре чиновника дѣлаютъ то же самое, на что въ Европѣ считается достаточнымъ одинъ; а безъ этихъ способныхъ людей, отрываемыхъ нынѣ отъ почвы и отрываемыхъ, вдобавокъ, больше чѣмъ на половину совершенно безполезно, земское самоуправленіе не станетъ живымъ дѣломъ, не облегчитъ народнаго развитія, не сниметъ съ правительственной власти заботъ, несоотвѣтствующихъ ея прямой задачѣ. Отдѣленіе части государственнаго бюджета на мѣстныя потребности сознается въ настоящую пору всѣми и испрашивается тысячами голосовъ; но открыть нужныя для того средства можно только постепеннымъ сокращеніемъ бюрократіи, замѣняемой новою, призванною къ дѣятельности общественною силою. Сокращеніе это необходимо въ трехъ отношеніяхъ— чтобы не обременять народъ излишними добавочными налогами, чтобы не отрывать отъ мѣстнаго самоуправленія слишкомъ много способныхъ людей, и чтобы не обращать государственной службы въ архивный складъ должностей и званій, утратившихъ свое значеніе.

2) Замѣщать высшія начальническія должности гражданской службы земскими дѣятелями, начиная пока хоть съ областныхъ. При такомъ порядкѣ земское самоуправленіе не только оживится,— оно выйдетъ изъ нынѣшняго неподходящаго положенія, придающаго ему часто видъ какой то глухой оппозиціи противъ административной власти, оно сольется съ общимъ государственнымъ управленіемъ, не только по формѣ и по наружной связи опредѣляемой закономъ, а въ самомъ духѣ своемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ коронная администрація перейдетъ къ людямъ, изучившимъ общественныя потребности на самой почвѣ, а не на одной казенной бумагѣ, къ людямъ, пріученнымъ всею жизнію къ самостоятельной и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственной дѣятельности, серьезно понимающимъ свои обязанности передъ правительствомъ въ качествѣ сознательныхъ его слугъ, а не механическихъ орудій. Со временемъ эти люди станутъ лучшимъ разсадникомъ и для государственныхъ должностей. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончится у насъ всевластіе бюрократическое въ прямомъ и дурномъ значеніи этого слова — то положеніе дѣла, въ которомъ воля столоначальника, глядящаго на все на свѣтѣ съ своей канцелярской и формальной точки зрѣнія, зачастую пе-

ревѣшиваетъ мнѣніе государственнаго сановника и даетъ направленіе самымъ важнымъ дѣламъ. У насъ будутъ вырабатываться люди, а не чиновники. Но для этого нужно, прежде всего, чтобы земское дѣло перешло въ руки, на которыя власть могла бы положиться. Для возможности какого либо дѣйствительнаго развитія въ современной Россіи, земское самоуправленіе, властныя гражданскія должности, судъ и военная служба должны находиться, думаемъ, въ рукахъ узаконеннаго культурнаго сословія, конечно не исключительно, такъ какъ самое это сословіе не исключительное, но болѣе чѣмъ преимущественно.

ГЛАВА VI.

Армія въ отношеніи къ гражданскому обществу.

Земское самоуправленіе, требующее прежде всего независимаго положенія, есть прямое дѣло ценсоваго дворянства. Неценсовое необходимо для войска. Если наша армія не будетъ обезпечена корпусомъ офицеровъ, въ большинствѣ дворянскимъ, проникнутымъ дворянскимъ духомъ, то лучше не тратиться на ея содержаніе.

Пока въ Европѣ дворянство было особымъ сословіемъ, каждый дворянинъ родился солдатомъ; такъ осталось и теперь въ странахъ, сохранившихъ это учрежденіе—въ Германіи и Австріи. Въ современной Франціи, не смотря на ея революціонныя преданія, офицеры изъ низшихъ сословій, называемые «les officiers troupiers», мало цѣнятся. Ихъ много, по недостатку въ другихъ, но въ нихъ также состояла съ 1815 года слабая сторона французской арміи; всѣ видѣли въ послѣднюю войну превосходство прусскаго дворянскаго корпуса офицеровъ. Наполеонъ III много заботился о привлеченіи въ армію офицеровъ изъ хорошо воспитаннаго класса общества; но тамъ прошла мода на военную службу, а разсыпавшееся образованное общество стояло внѣ всякаго правительственнаго вліянія, даже чисто нравственнаго,—усилія власти остались безплодными. Очень трудно найти средство поправить французскую армію въ этомъ отношеніи: общеобязательная военная повинность не достигаетъ подобной цѣли, такъ какъ нельзя заставить никого служить далѣе положеннаго срока; общая повинность ставитъ въ армію только солдатъ, а не офицеровъ. Какъ извѣстно, въ Англіи законное дворянство состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ перовъ; высшее же земское сословіе, которое можно назвать дворянствомъ по обычаю (въ огромномъ большинствѣ также

по происхожденію),—землевладѣльцы—дѣлится, по первородству, между общественною и государственною службою. Старшіе братья, наслѣдники имѣній, служатъ обществу; у нихъ довольно дѣла дома, такъ какъ все областное управленіе Англіи, за исключеніемъ короннаго суда, лежитъ на ихъ рукахъ. Младшіе братья служатъ въ арміи,—конечно не всѣ: имъ не было бы мѣста; но англійскіе офицеры поголовно джентльмены, даже болѣе чѣмъ въ Пруссіи, хотя не всѣ они люди старинныхъ родовъ, такъ какъ высшее англійское сословіе давно уже обратилось изъ кастоваго учрежденія въ политическое. По единодушному отзыву британской арміи, недавно установленная замѣна патента (доказывавшаго въ извѣстной мѣрѣ общественное положеніе лица) экзаменомъ—несомнѣнно понизитъ ея боевое качество; патентъ почти всегда былъ порукою за образованіе, а экзаменъ никогда не станетъ ручательствомъ за чувство личнаго достоинства, въ которомъ заключается девяносто девять сотыхъ качества офицера *). Въ демократической Америкѣ офицеры—поголовно джентльмены, всѣ люди высшаго класса, также точно какъ и въ Англіи. Они выходятъ исключительно изъ Уэстъ-Пойнтскаго военнаго училища, куда воспитанники принимаются не иначе, какъ по рекомендаціи депутатовъ государственнаго конгресса; при такомъ условіи получаютъ эполеты, разумѣется, только сыновья хорошо-поставленныхъ семействъ. Чисто джентльменскій составъ корпуса офицеровъ составляетъ основное преданіе американской республики, современное ея основанію. Создатель ея, Джорджъ Вашингтонъ, принимая начальство надъ первою арміей Соединенныхъ Штатовъ, постановилъ правиломъ: «Въ выборѣ офицеровъ надобно болѣе всего остерегаться, чтобы они не

*) Замѣтимъ для читателей, мало знакомыхъ съ бывшею системою производства англійской арміи, что въ ней никогда не покупался чинъ, какъ многіе думаютъ у насъ: на производство имѣлъ право только старшій по спискамъ, какъ вездѣ; но онъ уплачивалъ опредѣленную сумму тому лицу, на мѣсто котораго поступалъ, когда оно очищалось, до чина подполковника. Такимъ образомъ покупка патента была не чѣмъ инымъ, какъ цензовымъ условіемъ извѣстнаго вида для производства офицера. Система эта, на которой два вѣка держалась англійская армія, постоянно побѣждавшая, соотвѣтствовала всему общественному складу Англіи, но была разрушена подъ впечатлѣніемъ послѣдняго успѣха пруссаковъ, сбившаго съ толку, въ военномъ отношеніи, не однихъ англичанъ.

выходили изъ сословій, слишкомъ близкихъ къ тѣмъ, изъ которыхъ набираются солдаты. Іерархія сословій переходитъ изъ гражданской жизни въ военную. За исключеніемъ очевидныхъ заслугъ, надобно держаться правила, чтобы кандидатъ въ офицеры былъ непремѣнно джентльменъ, знающій правила чести и дорожащій своею репутаціей». (Histoire de Washington par C. de Witt, страница 109). Можно выразить эту мысль, составляющую краеугольный камень въ дѣлѣ военнаго устройства, еще сжатѣе: офицеры должны быть изъ властныхъ сословій—тогда только они съумѣютъ держать власть.

На свѣтѣ бывали примѣры побѣдоносныхъ демократическихъ армій, не заимствовавшихъ свой корпусъ офицеровъ изъ общественной іерархіи, но выростившихъ его изъ своей собственной среды,—только такія явленія происходили въ обстановкѣ совершенно исключительной, во время долгаго періода непрерывныхъ войнъ, когда армія становилась какъ бы отдѣльнымъ народомъ и складывала свою домашнюю аристократію, по общему закону всѣхъ народовъ. Такова была армія Наполеона I, очень похожая своимъ внутреннимъ характеромъ на старинныя варварскія ополченія, грабившія Европу и жившія на счетъ покоренныхъ. Каждый наполеоновскій полковникъ, не только генералъ, получалъ титулъ и становился владѣтелемъ какого нибудь имѣнія, конфискованнаго въ Германіи, Италіи или Испаніи; каждый ротный командиръ властвовалъ надъ побѣжденными въ районѣ расположенія своей роты какъ феодальный баронъ; даже каждый солдатъ пользовался частичкою правъ завоевателя и если былъ молодцомъ, то мѣтилъ въ эсаулы своей шайки; а во всякой насильствующей шайкѣ, какъ извѣстно, ведется строгая дисциплина; даже въ сборищахъ Разина и Пугачева эсаулы были начальниками строгими и несговорчивыми, держали низшихъ въ повиновеніи. Когда Наполеонъ говорилъ о превосходствѣ своихъ солдатъ, сознающихъ, что въ ранцѣ каждаго изъ нихъ лежитъ въ зародышѣ маршальскій жезлъ,—онъ былъ совершенно правъ въ примѣненіи къ созданной имъ, вѣчно бьющейся завоевательной ордѣ; тоже самое онъ могъ сказать и Чингисъ-ханъ. Но кромѣ того что подобныя отношенія не примѣнимы къ обыденному устройству армій и вовсе нежелательны, потому что войско такого образца властвуетъ надъ своею страной такъ же жестко, какъ надъ странами завоеванными — но примѣръ этотъ, въ сущно-

сти, подтверждаетъ еще лишній разъ правило Вашингтона: когда армія вынуждена, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, создавать свою собственную аристократію, оставляемую потомъ въ наслѣдство общему государственному строю, значитъ—она не можетъ безъ нея обойтись; въ обстоятельствахъ обыкновенныхъ, лишающихъ ее силы такого внутренняго творчества, ей остается только одно: заимствовать свое высшее сословіе изъ іерархіи общественной.

Особый закалъ людей, образующихъ корпусъ офицеровъ,—закалъ властности и личной чести, развиваемый исторически-воспитаннымъ обществомъ, но преимущественно наслѣдственнымъ политическимъ сословіемъ,—совершенно необходимъ арміи по той простой причинѣ, что солдаты, даже самые дисциплинированные и обстрѣленные, никогда и нигдѣ не идутъ и не пойдутъ въ огонь сами собой, — у нихъ нѣтъ для того достаточно внутреннихъ побужденій; они только слѣдуютъ за своими офицерами. Извѣстное дѣло, что часть, въ которой офицеры перебиты, считается выбывшею изъ строя, сколько бы ни оставалось въ ней солдатъ. Офицеры же смѣло смотрятъ въ глаза смерти потому, что въ хорошо подобранномъ и воспитанномъ корпусѣ офицеровъ нужно сто разъ больше храбрости для того, чтобы струсить, чѣмъ для того, чтобы лѣзть на самую явную гибель. Всякій человѣкъ невольно поддается чувству самохраненія, если имъ не владѣетъ чувство еще сильнѣйшее—вліяніе среды и неотступный вопросъ: какъ потомъ стать передъ нею? Такого настроенія нельзя развить въ толпѣ: оно возникаетъ только въ отборныхъ общественныхъ слояхъ. Фридрихъ Великій говорилъ, что бываетъ побѣдоноснымъ только то войско, въ которомъ солдатъ больше боится палки капрала, чѣмъ непріятельской пули. Палка замѣнилась теперь другими средствами, но вполнѣ сохранила свое аллегорическое значеніе: солдата ведетъ капралъ, капрала офицеръ, который служитъ необязательно; а потому боится только самого себя и мнѣнія своей среды; онъ исполняетъ при своей части обязанность механика при машинѣ, въ немъ заключается единственный источникъ нравственной силы войска. Оттого, для боеваго качества арміи, большинство офицеровъ въ мирное время, особенно же закваска всего офицерскаго корпуса — должны неизбѣжно исходить изъ высшаго историческаго сословія, богатаго или бѣднаго—это все равно, для котораго исполненіе долга есть свободная, но тѣмъ

самымъ еще несравненно болѣе принудительная обязанность. Съ другой стороны, такъ какъ вся сила войска — въ офицерахъ, то, для связности, подчиненные имъ люди должны находиться въ нѣмомъ повиновеніи. Это называется военною дисциплиной. Неодолимое превосходство постоянной арміи надъ ополченіемъ состоитъ именно въ томъ, что въ первой отдѣльныя части — полки, баталіоны, роты — срощаются заблаговременно въ одно цѣлое, такъ что каждая часть представляетъ не сборъ людей, а можно сказать единичное лицо своего начальника, обладающаго, какъ индѣйское божество, нѣсколькими стами паръ вооруженныхъ рукъ; къ такой арміи остается лишь подобрать надежныхъ начальниковъ. Но осуществить подобное срощеніе, управляя справедливо нѣмыми подчиненными, могутъ вообще только люди, съизмала пріученные къ извѣстной долѣ власти и къ превосходству надъ толпою, — люди, въ которыхъ солдатъ видитъ также не своихъ равныхъ, а лицъ, къ которымъ онъ привыкъ относиться съ почтеніемъ еще въ родномъ селѣ. Не очень давно во всей русской арміи нижніе чины называли офицеровъ—иначе какъ *господами*; они почитали ихъ въ мирное время, вѣрилиимъ въ военное — именно въ качествѣ господъ, то есть людей высшаго общественнаго порядка, постояннаго, а не случайнаго; послѣдній имѣетъ для русскаго простолюдина никакого обаянія. Наши офицеры всегда, въ послѣднюю войну какъ и прежде, оправдывали довѣріе: они шли впереди всѣхъ. Даже непріятели единогласно отдавали имъ эту справедливость. Въ мирное время русскіе сословные офицеры, какъ люди свыкшіеся съ своими правами, поддержанные мнѣніемъ своей среды, знали ясно мѣсто, принадлежащее имъ въ въ военной іерархіи, никогда не поддавались растлѣвающимъ напускнымъ мнѣніямъ извнѣ и твердо держали власть въ рукахъ; они были начальниками дѣйствительно *властными*, не боявшимися, при исполненіи долга, ни законной отвѣтственности предъ старшими, ни беззаконнаго неудовольствія между младшими — въ томъ и состоитъ суть хорошаго воспитанія войска. Оттого русская армія такъ твердо сращалась въ мирное время, что на войнѣ непріятель могъ ее осилить, если ему удавалось, но никогда не могъ ея разсѣять, какъ не разъ случалось съ другими европейскими войсками; наши полки, на три четверти истребленные, все-таки не разсыпались. Всякій знаетъ, что офицеры, воспитывавшіе такую армію, набирались

въ огромномъ большинствѣ изъ бѣднаго дворянства, изъ той именно части дворянства, которое называется теперь не цепсовымъ. Между ними всегда находилось не мало офицеровъ изъ разныхъ сословій, но офицерская среда была средою существенно дворянскою (конечно, въ русскомъ, а не во французскомъ или нѣмецкомъ значеніи этого названія); всѣ вступавшіе въ нее заквашивались въ ея духѣ и сами становились господами, даже въ глазахъ солдатъ, потому что принадлежали къ военному сословію господъ.

Многолѣтній опытъ кавказской арміи (единственной въ въ свѣтѣ, въ которой можно было расцѣнивать офицеровъ не приблизительно, а съ совершенною точностью, такъ какъ война ставила ихъ ежедневно лицомъ къ дѣлу) доказалъ, что лучшіе оберъ-офицеры въ большинствѣ выходили изъ бѣдныхъ, часто мало образованныхъ юнкеровъ, зачастую приходившихъ въ полкъ пѣшкомъ. Не смотря на нищенское положеніе, эти молодые люди, привыкшіе еще на своемъ хуторѣ рѣзко отличать себя отъ толпы, выказывали безстрашную отвагу въ бою и твердую волю въ командованіи; потершись нѣсколько лѣтъ въ рядахъ, они становились почти поголовно надежными начальниками на низшихъ ступеняхъ службы. Большинство ихъ, конечно, кончали карьеру на этихъ ступеняхъ,—но они были драгоцѣнны на нихъ; наиболѣе одаренные выходили впередъ и считались, на основаніи несомнѣннаго опыта, отличными полковыми командирами и генералами. Въ полку же изъ нихъ образовывалось офицерство сословное, связное, проникнутое военнымъ духомъ. Нѣсколько офицеровъ хорошаго общества, всегда находившихся въ кавказскихъ полкахъ, передавали этому обществу даже внѣшнюю шлифовку.

Въ настоящее время просвѣщеніе достаточно распространено въ Россіи, чтобы наша армія не подвергалась недостатку въ образованныхъ людяхъ тамъ, гдѣ они необходимы; но намъ грозитъ страшный недостатокъ, именно теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь—въ оберъ-офицерахъ, подобныхъ прежнимъ, безъ которыхъ число и наилучшее обученіе солдатъ обращаются въ нуль. Тутъ дѣло далеко не въ одномъ образованіи и даже не собственно въ образованіи. Странно было бы мечтать о немедленномъ наполненіи русскаго корпуса офицеровъ исключительно-образованными людьми, во-первыхъ, потому, что это невозможно; во-вторыхъ, потому, что въ этомъ нѣтъ надобности; въ-третьихъ

потому, что наши экзамены, какъ ихъ понимаетъ военная канцелярія, не ручаются даже за одинъ процентъ качества, потребнаго офицеру. Поставить русскую армію на ноги можно только—не говоря о многихъ нравственныхъ мѣрахъ—посредствомъ установленныхъ закономъ особыхъ правъ и обязанностей дворянства къ военной повинности. Въ послѣднемъ отношеніи дворянство неценсовое, какъ самое многочисленное, выступаетъ на первый планъ.

Отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса прямо зависитъ наше «быть или не быть». Для оцѣнки того что намъ нужно, надобно прежде взвѣсить то, что у насъ есть; надобно выслѣдить, въ чемъ разошлась въ послѣднія 12 лѣтъ армія тысячелѣтней русской монархіи съ арміей демократической американской республики, которой Вашингтонъ положилъ зарокомъ: охранять, какъ зѣницу ока, корпусъ своихъ офицеровъ. джентльменовъ.

Хвалясь русскимъ солдатомъ, подъ именемъ котораго подразумѣвается вся армія (какъ это происходитъ въ обыденномъ разговорѣ), надобно не забывать, что русскій солдатъ осуществлялъ свой историческій типъ подъ предводительствомъ русскаго офицера; что солдаты, сами по себѣ, взятые отдѣльно, даже солдаты Цезаря или Суворова, представляютъ не болѣе какъ машину безъ механика, не только умственно, но нравственно. Русскій солдатъ, какъ матеріалъ, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ; но русское войско, при иныхъ условіяхъ командованія, можетъ и даже необходимо должно оказаться уже не тѣмъ, какимъ мы его знали. Въ мирное время военныя качества людей не обозначаются достаточно явственно, чтобы можно было подобрать годный корпусъ офицеровъ посредствомъ единичной разцѣнки каждаго. Такого чуда не могъ бы осуществить даже Наполеонъ I, не только военная канцелярія, всегда недалеко уходящая въ пониманіи боевого дѣла отъ всякой иной канцеляріи.

Между тѣмъ, у насъ произошло слѣдующее явленіе:

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, соотвѣтствовавшихъ времени реформъ, ежегодная убыль въ офицерахъ, производимыхъ на прежнемъ основаніи, противъ штатнаго числа составляла среднимъ числомъ слишкомъ 600 и доросла въ 1868 году до цифры 2.880. Для пополненія корпуса офицеровъ изъ другихъ источниковъ, сообразно съ новыми взглядами новаго военнаго

управленія, званію юнкера, съ которымъ дворяне вступали въ полки, — званію, служившему главнымъ разсадникомъ нашего офицерства, придано было совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе. Мѣра эта имѣла чрезвычайную важность, такъ какъ число офицеровъ, производимыхъ изъ юнкеровъ, всегда далеко превышало у насъ итогъ выпускаемыхъ изъ военно-учебныхъ заведеній. Прежніе юнкера изъ дворянъ переименованы въ вольноопредѣляющіеся наравнѣ съ лицами другихъ сословій, а названіе юнкера перенесено исключительно на воспитанниковъ вновь учрежденныхъ юнкерскихъ школъ, изъ которыхъ долженъ впредь набираться нашъ корпусъ офицеровъ, школы, наполняемыхъ теперь безсословными вольноопредѣляющимися, раздѣленными на три разряда по происхожденію и образованію; причемъ всѣмъ вольноопредѣляющимся низшихъ сословій значительно сокращенъ срокъ службы до производства. Такимъ образомъ, вмѣсто ценса по происхожденію и выслугѣ, къ которымъ прежде приравнивалось въ правахъ только высшее образованіе, для производства въ офицеры поставленъ преимущественно *ценсъ по образованію*, довольно низкій, съ нѣкоторою привилегіей для высшихъ сословій въ срокахъ службы передъ прочими (конечно, только при неимѣніи учебнаго свидѣтельства, уравнивающаго, какъ и слѣдуетъ, всѣхъ безъ изъятія). Въ сущности и на практикѣ, это новое положеніе было коренною передѣлкою русской арміи: оно замѣнило прежній сословный составъ офицеровъ составомъ всесословнымъ, или, лучше сказать, *безсословнымъ*.

Нельзя говорить объ общественномъ дѣлѣ въ Россіи, составляющемъ предметъ нашихъ статей, не отдавая себѣ отчета въ прочности основъ, на которыхъ у насъ все покоится. Во внутреннемъ порядкѣ, представляемомъ строемъ самого общества, мы обезпечены неопредѣленнымъ срокомъ времени для своего правильнаго развитія. Въ порядкѣ внѣшнихъ дѣлъ, въ настоящую полосу времени, такая обезпеченность зависитъ лишь отъ совершенства военнаго устройства—для каждаго изъ членовъ европейской семьи безъ исключенія, а для нашего отечества еще гораздо больше чѣмъ для всякаго другого. Не смотря на блескъ нынѣшняго государственнаго положенія Россіи, мы все-таки чужіе въ Европѣ; она признаетъ и будетъ признавать наши права на столько лишь, на сколько мы дѣйствительно сильны. Кто этого не знаетъ?

Если бы новый законъ могъ установить производство офицеровъ по цензу *дѣйствительнаго* образованія, о послѣдствіяхъ его нечего было бы и говорить; русская армія обладала бы корпусомъ офицеровъ, лучше котораго нельзя желать. Во-первыхъ, большинство образованныхъ людей имѣетъ достаточно понятія о правилахъ чести и достаточно соревнованія, чтобы нести это званіе съ должнымъ достоинствомъ,—мы полагаемъ, что молодые люди, окончившіе гимназическій курсъ, какого бы происхожденія ни были, удовлетворяютъ такому условію; во-вторыхъ, въ Россіи нѣтъ другаго образованнаго сословія, кромѣ дворянства и очень крупнаго купечества, стало-быть—цензъ серьезнаго экзамена давалъ бы арміи офицерство почти исключительно дворянское. Цѣль была бы достигнута, съ какой точки зрѣнія на нее ни смотрѣть. Но затрудненіе въ томъ именно и состоитъ, что осуществить подобную цѣль въ современной Россіи—нельзя прямымъ и открытымъ путемъ. Какъ замѣчено выше, такое многочисленное сословіе, какъ офицерское, нигдѣ не можетъ быть создано искусственными средствами, кромѣ періодовъ чрезвычайно долгихъ войнъ, позволяющихъ арміи выростить изъ себя собственную аристократію; въ обыкновенное же время іерархія ея необходимо должна воспроизводить гражданскій строй общества, почерпая изъ него то, что въ немъ есть. Въ послѣдніе полтора вѣка образованные русскіе люди становились поголовно дворянами, оттого ихъ неоткуда взять покуда, иначе какъ изъ дворянства. Затѣмъ, даже малообразованные дворяне проникнуты достаточною историческою закваскою, чтобы стать если не хорошими генералами, то надежными оберъ-офицерами, какъ достаточно доказано опытомъ. Этого послѣдняго свойства нельзя искать въ другихъ сословіяхъ; оно является тамъ въ видѣ личнаго исключенія. Для достиженія цѣли, имѣвшейся въ виду у сторонниковъ послѣдняго преобразованія, т. е. созданія русскаго безсословнаго корпуса офицеровъ по цензу образованія,—надобно было понизить этотъ цензъ до такой степени, чтобы онъ не представлялъ препятствія никому, то-есть, говоря прямо, обратить его въ нуль; иначе нѣкого было бы производить. Но какъ подобное пониженіе отозвалось бы дурно въ ушахъ людей, наиболѣе сочувствовавшихъ военнымъ реформамъ и безсословности,—въ ушахъ нашей такъ называемой либеральной партіи,—то надо было это сдѣлать иначе,

а именно—поставить такую требовательную программу, чтобы ей никто не могъ удовлетворить, а затѣмъ, по невозможности отказывать всѣмъ,—всѣхъ, напротивъ, удовлетворять. Мы сейчасъ увидимъ, такъ ли это дѣлается въ дѣйствительности.

Вышедшая въ прошломъ году книга генерала Бобровскаго объ юнкерскихъ училищахъ показываетъ слѣдующее.

Всесословные вольно-опредѣляющіеся принимаются въ войска по экзамену; но эти вольно-опредѣляющіеся, присылаемые въ юнкерскія училища, — слѣдовательно лучшіе, — всѣ слабы въ русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ, а многіе изъ нихъ не знаютъ дѣйствій надъ простыми числами, не умѣютъ написать простой дроби, не могутъ разсказать прочитаннаго въ книгѣ два и три раза предложенія. Иные отвѣчаютъ, что Петербургъ—рѣка, впадающая въ Каспійское море, и т. д.

О нравственности всесословныхъ вольноопредѣляющихся, по крайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ, даже поступившихъ въ юнкерскія училища, оффиціозная книга отзывается, что выдающіеся ихъ недостатки состоятъ въ отсутствіи сознанія собственнаго достоинства, въ изворотливой робости, неоткровенности, пьянствѣ, плутовскихъ продѣлкахъ разнаго рода и готовности пользоваться плохо-положеннымъ.

Объ ихъ знаніи службы говорится, что они не выучиваются ходить въ ногу, не знаютъ ни боевъ, ни сигналовъ, ни даже первыхъ началъ рекрутской школы; что въ кавалеріи они не умѣютъ подойти къ лошади; что *воспитанники*, прослужившіе предварительно нѣсколько лѣтъ въ канцеляріяхъ, не умѣютъ взяться за ружье.

Книга объясняетъ, что дѣти потомственныхъ дворянъ отличаются тѣмъ благороднымъ и приличнымъ отпечаткомъ, который всегда бываетъ слѣдствіемъ болѣе утонченнаго домашняго воспитанія. Это разумѣется само-собою, но число дворянъ-юнкеровъ рѣдѣетъ до крайности, какъ видно изъ слѣдующаго.

Сыновей хорошихъ семействъ, поступавшихъ прежде юнкерами, теперь вовсе нѣтъ. По признанію автора, теперь очень изрѣдка мелькнетъ между юнкерами какой-нибудь блудный сынъ цомѣщика или зажиточнаго купца, прервавшій свое воспитаніе и неимѣющій возможности возобновить его ни въ какомъ общеобразовательномъ заведеніи. Кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1872 году было

только 82 человѣка на 7.000 слишкомъ — 1,17%. Въ томъ же году, изъ числа вольноопредѣляющихся, служившіе по первому разряду, то есть потомственные дворяне, вмѣстѣ съ другими приравненными къ нимъ по закону лицами, составляли только 27%, съ выключенными изъ военныхъ училищъ можетъ быть до 30%. Въ цифрѣ дворянъ, приходившихся на эти 30% (что не показано) было, вѣроятно, достаточное число польскихъ — не пановъ, которымъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ открыть настежъ двери военной службы—а шляхтичей, понадѣланныхъ въ недавнее время фабриками фальшивыхъ дипломовъ, охотно поступающихъ, за неимѣніемъ полковой вакансіи, въ трактирные маркеры. Сколько же осталось русскихъ дворянъ? Надобно помнить, притомъ, что и эта горстка дворянъ, за исключеніемъ 82-хъ человѣкъ, состояла изъ мальчиковъ, не окончившихъ никакого курса, или даже нигдѣ не учившихся. Остальные вольноопредѣляющіеся, а слѣдовательно и юнкера окружныхъ училищъ—нынѣшняго разсадника нашихъ офицеровъ, дѣлятся на два разряда: одни—дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и церковныхъ причетниковъ, возвратившіеся вспять отъ премудрости низшихъ классовъ уѣздныхъ и духовныхъ училищъ; другіе—писаря и фельдшера военнаго вѣдомства, число которыхъ въ трехъ юнкерскихъ училищахъ превышаетъ уже 30%. Немудрено, что этотъ осадокъ всѣхъ сословій, настоящій фризовый пролетаріатъ, поступающій въ военную службу можно сказать съ горя, отличается качествами, никогда не отличавшими ни одно изъ русскихъ сословій отдѣльно взятое—изворотливое робостью и охотою пользоваться плохо-положеннымъ.

Что же дѣлать юнкерскимъ училищамъ со всесословными вольноопредѣляющимися, зачастую отмѣченными изворотливою робостью, не умѣющими взяться за ружье и полагающими, что Петербургъ есть рѣка? Какъ надѣяться приготовить изъ нихъ въ двѣ зимы офицеровъ, соотвѣтствующихъ своему званію? На этотъ вопросъ приводимая нами книга отвѣчаетъ совершенно удовлетворительно: «Если бы юнкерскія училища требовали отъ поступающихъ строгаго выполненія всѣхъ условій, то онѣ могли бы принять одну четверть, т. е. тремъ четвертямъ должно бы закрыть двери училища. Учебнымъ комитетамъ приходится снисходительно относиться къ неудовле-

творительной подготовкѣ весьма многихъ, вслѣдствіе *значительнаго числа свободныхъ вакансій*».

Затѣмъ начинается въ училищахъ систематическое воспитаніе будущихъ безсословныхъ офицеровъ, на которое посвящается два зимнихъ курса—одинъ общеобразовательный, а другой преимущественно спеціально—военный. Такимъ образомъ, общее образованіе въ сущности довершается въ одну зиму, въ теченіе которой этимъ молодымъ людямъ, не умѣющимъ разсказать прочитанное три раза въ книгѣ простое предложеніе, преподается 15 предметовъ, въ томъ числѣ сравнительная анатомія и физіологія (для правильной пригонки аммуниціи), иппологія (для умѣнія водить лошадей на водопой), гигіена (вѣроятно для надзора надъ вентиляціей крестьянскихъ избъ, въ которыхъ разбросаны солдаты), педагогія (для преподаванія въ полковыхъ школахъ), общее законодательство съ приложеніемъ устава для мировыхъ судей, военная администрація (въ которой изъ юнкеровъ больше всѣхъ преуспѣваютъ военные писаря) и проч. До сихъ поръ къ Россіи не было ни одного главнокомандующаго, знавшаго всѣ эти науки. Кажется, система преподаванія въ юнкерскихъ училищахъ прилажена къ системѣ военныхъ гимназій—и съ тѣми же результатами. Изъ общеобразовательнаго курса юнкера переходятъ въ спеціально-военный; но, къ сожалѣнію, этотъ послѣдній не вѣнчаетъ достойнымъ образомъ учености, пріобрѣтенной въ первомъ, такъ какъ, по признанію книги, хотя портупей-юнкера (кандидаты въ офицеры) выходятъ изъ училища плохо-знающими русскую грамматику, слабыми въ ариѳметикѣ и географіи, но они оказываются всего слабѣе въ *практическомъ знаніи военныхъ предметовъ*.

Въ прошломъ (1873) году «Московскія Вѣдомости» разоблачили своею опытною рукою подобную систему преподаванія и показали, что единственное послѣдствіе ея есть бросаніе казенныхъ денегъ въ воду. Дѣйствительно, можно сказать, нисколько не нарушая почтенія къ военному управленію, то такимъ образомъ обыкновенно обучаютъ попугаевъ, а не людей. И попугай можетъ заучить фразу изъ иппологіи или сравнительной анатоміи; только эта фраза не будетъ имѣть никакого отношенія къ его собственному сознанію. Но «Московскія Вѣдомости» разбирали дѣло съ одной педагогической точки зрѣнія, а дѣло это имѣетъ въ сущности смыслъ го-

раздо обширнѣйшій—смыслъ, который можно выразить двумя словами: «по Калишъ или по Днѣпръ?»

Это либеральное преобразованіе, соотвѣтствующее всѣмъ прочимъ преобразованіямъ военной бюрократіи съ 1862 года, называется въ теоріи «подборомъ корпуса офицеровъ по цензу образованія». На дѣлѣ же оно оказывается, по крайней мѣрѣ въ значительной степени, подборомъ офицеровъ изъ робкоизворотливыхъ писарей, не умѣющихъ взять ружья въ руки. Надобно помнить, что этихъ послѣднихъ находилось уже въ 1872 г. свыше 30% въ трехъ юнкерскихъ училищахъ, между тѣмъ какъ число вольноопредѣляющихся изъ дворянъ сокращается до такой степени, что въ училищахъ, куда имъ легче поступать, чѣмъ другимъ группамъ, число это упало относительно, съ 1869 года по 1872, на 24%. Притомъ эти вольноопредѣляющіеся изъ дворянъ, какъ мы видѣли, принадлежатъ, за немногими исключеніями, къ осадкамъ сословія, къ личностямъ, которымъ закрыта всякая другая дорога. Внѣ гвардіи нѣтъ больше и помина объ образованныхъ юнкерахъ хорошихъ семействъ, которыхъ такъ много встрѣчалось въ прежнихъ полкахъ. Вслѣдствіе старыхъ порядковъ, большинство офицеровъ нашей арміи до сихъ поръ—дворяне, такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ «Инвалидъ». Но мы очевидно идемъ къ тому близкому будущему, когда не только большинство, но даже поглащающее большинство русскихъ офицеровъ будетъ состоять изъ писарей, дополненныхъ изгнанными семинаристами, убоявшимися бездны премудрости.

Въ прежней русской арміи не было слышно ни объ одномъ офицерѣ изъ писарей; ихъ производили въ классный чинъ, но не давали имъ эполетъ. Генералъ Бобровскій говоритъ о разныхъ недостаткахъ писарской корпораціи въ юнкерскихъ училищахъ; можно дѣйствительно думать, что въ писарской корпораціи есть нѣкоторые недостатки. Военныхъ писарей, по духу, давно заведшемуся между этими людьми, презиралъ и презираетъ каждый солдатъ; но они привыкли рыться въ Сводѣ Законовъ, а потому преуспѣваютъ въ военной администраціи,—царицѣ наукъ нынѣшнихъ военныхъ курсовъ,—и становятся на первомъ планѣ.

Возможно-ли оставаться въ такомъ положеніи и съ такимъ руководствомъ дѣла? Писаря и выгнанные семинаристы не только не поведутъ солдатъ въ бой,—объ этомъ нечего и го-

ворить,—но они еще до боя совсѣмъ расклеятъ армію въ ея внутреннемъ составѣ, сдѣлаютъ ее неспособною къ бою. Если часть, въ которой всѣ офицеры перебиты, не можетъ идти въ огонь, то часть съ подобными офицерами не можетъ драться еще въ несравненно большей степени. При отсутствіи офицеровъ, хорошій фельдфебель, пожалуй, рѣшится еще на что нибудь—такіе примѣры бывали; но подъ начальствомъ робкоизворотливаго писаря, даже унтеръ-офицеры парализованы. Начальники такого подбора могутъ быть, конечно, наряжены въ офицерскій мундиръ, какъ и во всякое другое платье, но они не могутъ командовать войскомъ ни въ боевое, ни даже въ мирное время.

Изъ распоряженій военнаго вѣдомства нисколько не видно, чтобы нравственный вопросъ объ офицерахъ считался серьезнымъ дѣломъ. Положеніе объ общей военной повинности также не имѣетъ его въ виду. Для канцеляріи, очевидно, такой вопросъ не существуетъ; она пополнила вышеприведенными средствами некомплектъ, оказавшійся въ офицерскомъ составѣ—чегожъ еще надо? Кромѣ того, наборъ офицеровъ по *цензу образованія*—мѣра либеральная; а наши военныя канцеляріи, какъ извѣстно, найлиберальнѣйшія изо всѣхъ учрежденій имперіи. Иностранные офицеры не хотятъ вѣрить этому факту, на томъ основаніи, будто бы, что военное управленіе не можетъ быть ни либеральнымъ, ни консервативнымъ, такъ какъ оно—военное, стоящее испоконъ вѣку на однѣхъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ началахъ; но они забываютъ, что дѣло идетъ о бюрократіи, которая въ дѣйствительности военною никогда стать не можетъ. Соединеніе либеральнаго направленія въ русскомъ журнальномъ смыслѣ съ канцелярскимъ взглядомъ, для котораго существуютъ только списки, а не живые люди, привело насъ къ вышеозначеннымъ послѣдствіямъ. Вотъ какимъ образомъ чиноначаліе войска русской монархіи разошлось съ 1862 г. съ чиноначаліемъ демократической Америки и съ мнѣніемъ великаго республиканца Вашингтона.

Мы повторяемъ: въ отношеніи корпуса офицеровъ русская армія не находится еще, можетъ быть, въ дурномъ положеніи; но, по нашему мнѣнію, если продлится нынѣшняя система производства и если въ новой всеобщей военной повинности русское дворянство, какъ государственное служилое сословіе, не будетъ поставлено въ исключительное, строго-обязательное,

но никакъ не всесословное отношеніе къ арміи, то мы неизбѣжно придемъ къ такому положенію въ близкомъ будущемъ.

Единственное объясненіе нововведеннаго безсословнаго состава офицеровъ, неоправдывающихъ себя никакимъ качествомъ—необходимость пополнить некомплектъ, образовавшійся вслѣдствіе постепеннаго устраненія дворянства отъ военной службы—ничего не объясняетъ. Въ самодержавномъ русскомъ государствѣ дворянство, сохраняющее свое мѣсто, не можетъ уклоняться отъ воли Монарха—это небылица. Дворянство осталось въ гвардіи потому, что гвардія также осталась почти тѣмъ же, чѣмъ была. То же самое оказывается во многихъ кавалерійскихъ полкахъ, потому что наша кавалерія имѣетъ свое отдѣльное *военное* начальство, высвобождающее ее нѣсколько изъ-подъ произвола бюрократіи. Въ настоящей же арміи произошло другое. Дворянство никогда отъ нея не устранялось, но оно было устранено рядомъ бюрократическихъ мѣръ, лишившихъ строевую службу ея прежняго, всемірнаго характера,—мѣръ въ томъ же духѣ, который внушилъ потомъ обращеніе массами писарей въ офицеровъ.

Причина, по которой русское дворянство, недавно еще служившее въ арміи почти поголовно, стало отъ нея отстраняться, объяснена нами косвенно, выше, въ разсужденіи о приказной службѣ. Никакое дворянство въ свѣтѣ не считало *своимъ* дѣломъ службу на низшихъ канцелярскихъ ступеняхъ, требующую отъ лица качествъ почти противоположныхъ тѣмъ, въ которыхъ состоятъ сила и значеніе высшаго государственнаго сословія. Въ канцелярскомъ чиновникѣ характеръ и самостоятельность не ставятся ни во что: онъ расцѣнивается исключительно съ точки зрѣнія мелочной аккуратности и знанія письменнаго дѣлопроизводства. Въ этомъ отношеніи каждый военный писарь, привыкшій рыться въ Сводѣ, перещеголяетъ самаго даровитаго, характернаго и образованнаго человѣка высшихъ слоевъ,—человѣка, изъ котораго могъ бы выйти современемъ, пожалуй, побѣдоносный главнокомандующій. Въ каждомъ подраздѣленіи общественной дѣятельности нужны свои, а не чужія свойства: лавочный прикащикъ тщеславится умѣньемъ зазывать покупателей, дьяконъ—своимъ голосомъ, писарь—знаніемъ указнаго дѣлопроизводства; все это качества несомнѣнно нужныя для одного званія, но вовсе не лестныя для другого. Не многіе изъ насъ захотятъ поставить себя

подъ расцѣнку по голосу, подобно дьякону. Для молодого человѣка съ порядочнымъ общественнымъ положеніемъ вовсе не желательно быть судимымъ, въ теченіе лучшихъ лѣтъ своей жизни, съ единственной точки зрѣнія канцелярской исправности, наравнѣ съ писаремъ; для молодаго хуторскаго дворянина такое состязаніе съ военнымъ писаремъ даже невозможно. при нынѣшнихъ порядкахъ послѣдній перещеголяетъ его, оставитъ его въ тѣни, какъ офицера недостаточно исправнаго и полезнаго. Первый изъ названныхъ нами молодыхъ людей не хочетъ, второй не можетъ разсчитывать на успѣхъ такого поприща, а въ концѣ-концовъ выходитъ, что съ нѣкотораго времени русское дворянство поступаетъ въ армію только изъ крайности.

Кромѣ нѣсколькихъ другихъ условій, которыя мы перечислимъ ниже, главнѣйшая причина видимаго нынѣ устраненія дворянства отъ службы въ арміи именно эта—преобладаніе бюрократическихъ требованій, въѣвшееся въ наше войско съ 1862 года, никогда и нигдѣ еще не виданное, обращающее званіе офицера, особенно же ротнаго командира, въ канцелярское болѣе чѣмъ военное. Какъ неоднократно уже говорилось въ нашей газетѣ, для прекращенія нѣкоторыхъ безпорядковъ въ военно-хозяйственной части (въ дѣйствительности очень мелкихъ), военное управленіе прибѣгло не къ основнымъ мѣрамъ—не къ упраздненію солдатской работы по внутреннему полковому хозяйству и не къ приведенію въ точное соотвѣтствіе отпуска съ потребностью, а ввело непомѣрную, ничего недоказывающую и ни отъ чего неограждающую письменную отчетность въ частяхъ. Ротный командиръ съ его 17-ю и болѣе шнуровыми книгами обратился изъ строевого начальника въ бухгалтера, полковое управленіе—въ гражданскій департаментъ, вслѣдствіе чего офицеры-писаки и счетчики стали въ арміи на первое мѣсто и совершенно заслонили боевыхъ. Кромѣ спеціальныхъ частей, надъ которыми сохраняются особыя военныя инспекціи, старающіяся всѣми силами поддерживать въ частяхъ боевое начало, во всѣхъ остальныхъ, т. е. почти во всей арміи, находящейся безконтрольно подъ рукой военной бюрократіи, строевые офицеры цѣнятся не только преимущественно, но можно сказать исключительно по ихъ письменной способности. Есть округа, въ которыхъ не признается никакой другой оцѣнки офицеровъ. Опытъ доказываетъ

наглядно несовмѣстимость въ одномъ человѣкѣ двухъ душъ—строевой и письменной, или, говоря иначе, военной и канцелярской, невозможность соединить въ полку эти два элемента, не жертвуя однимъ другому. Немудрено, что многія окружныя юнкерскія училища приготовляютъ теперь къ офицерскому званію свыше 30‰ военныхъ писарей. При нынѣ существующихъ порядкахъ, эти офицеры-писаря, не смотря на свою очевидную несостоятельность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оказываются первою необходимостью для полковъ, становятся людьми дня. Какъ же русскому дворянству вступать въ невозможное соперничество съ ними по знанію табелей и положеній, по умѣнію составлять рапортички, по безмолвной покорности прихотямъ письменнаго начальства, по равнодушію къ требованіямъ настоящей строевой службы и дисциплины, отошедшимъ далеко на задній планъ? Кромѣ того, методическое обученіе грамотѣ солдатъ поставлено также въ одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ офицеру, для чего въ юнкерскія училища введенъ курсъ педагогіи. Въ этомъ отношеніи также прилежный писарь всегда перещеголяетъ молодаго дворянина, и свѣтскаго, и хуторскаго. Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя обученіе грамотѣ въ войскахъ — дѣло полезное, но никакъ нельзя смѣшивать качествъ школьнаго учителя съ качествомъ боеваго офицера. Если есть еще люди, вѣрующіе афоризму, что прусскія побѣды одержалъ школьный учитель, то никто не повѣритъ, чтобы пруссаки могли побѣждать подъ начальствомъ этихъ самыхъ школьныхъ учителей. Въ сущности оказывается, что нынѣшняго армейскаго офицера цѣнятъ преимущественно по свойствамъ, можетъ быть и полезнымъ, но чуждымъ его прямому званію и его воспитанію. Очень понятно, что высшее сословіе не идетъ охотно на конкурренцію, въ которой его прирожденныя качества, тѣ именно, которыми оно сильно, имѣютъ мало значенія.

Кромѣ этой основной причины устраненія русскаго культурнаго сословія отъ службы въ арміи въ послѣдніе годы, существуютъ еще многія другія, достаточно уважительныя и явныя причины, снимающія съ него въ значительной степени отвѣтственность за кажущееся равнодушіе къ первой изъ своихъ обязанностей. Объ этомъ предметѣ было достаточно рѣчей во время засѣданія военныхъ коммиссій, потому мы не станемъ разбирать его подробно, а укажемъ только для

памяти главные факты. Нынѣшній армейскій офицеръ, кромѣ особенныхъ исключеній, не имѣетъ передъ собой карьеры, такъ какъ почти всѣ начальствующія лица не выростаютъ изъ арміи, а приходятъ въ нее извнѣ. Прежде одни офицеры гвардіи, въ силу своей привилегіи въ чинахъ, садились на голову армейскимъ—это было вредно; теперь же разсадникомъ начальства служитъ и генеральный штабъ (что было бы справедливо, если бы этотъ штабъ не былъ выдѣленъ въ особую нестроевую корпорацію), и вся безчисленная военная администрація, такъ что назначеніе армейскимъ командиромъ гвардейскаго офицера стало изъ вреднаго, какимъ было прежде, относительно полезнымъ, отбивая вакансію у какого нибудь столоначальника, еслибъ послѣднему вздумалось снизойти до строевой должности. Затѣмъ званіе полковаго командира, стоявшее прежде очень высоко, теперь уже никого не прельщаетъ: какое значеніе имѣетъ полковой командиръ въ военномъ вѣдомствѣ, когда каждый начальникъ отдѣленія военныхъ канцелярій — генералъ, каждый столоначальникъ — полковникъ, и притомъ стоящій гораздо больше на виду, скорѣе подвигающійся въ службѣ, пользующійся значительно высшимъ содержаніемъ? Въ военной бюрократіи смѣются надъ людьми, имѣющими простоту переходить во фронтъ, хотя бы въ начальническія должности. Разумѣется, съ пониженіемъ званія командира на столько же понизилось и званіе подчиненнаго ему офицера, не имѣющее теперь никакого значенія, ни въ обществѣ, ни даже въ глазахъ его собственнаго высшаго начальства. Вниманіе бюрократическихъ управленій, между которыми подѣлено командованіе арміей, обращено преимущественно на своихъ же несчетныхъ сотрудниковъ, на свои хозяйственныя вѣдомства. Что значитъ для нихъ строевой офицеръ? Кромѣ того, при размноженіи военной бюрократіи въ такой степени какъ она размножилась съ 1862 года, въ числѣ, личномъ значеніи и стоимости, могло ли остаться много вещественныхъ средствъ на содержаніе армейскихъ офицеровъ? Содержаніе это было повышаемо, но далеко не соотвѣтственно чрезвычайному вздорожанію жизни, такъ что въ дѣйствительности офицеръ получаетъ теперь меньше чѣмъ получалъ прежде *). Мы не перечисляемъ общихъ недо-

*) Если бы можно было вывести стоимость каждаго мелочнаго распоряженія нашего военнаго управленія и каждаго ружья, не по цѣнѣ бумаги и чернилъ,

статковъ, существующихъ, по нашему мнѣнію, въ нынѣ дѣйствующей военной системѣ, и говоримъ лишь о личномъ положеніи офицера. Въ этомъ отношеніи съ 1862 года произошло коренное измѣненіе, которое можно выразить немногими словами: армія и военная бюрократія помѣнялись мѣстами — бюрократія выдвинулась на первый планъ, армія отошла на второй планъ. Очень естественно, что большинство людей, желающихъ устроиться на службѣ и пользующихся какими либо преимуществами—способностью, знаніемъ, ловкостью, покровительствомъ — устремилось въ бюрократію, и арміи остался одинъ оборышъ. Этотъ приливъ людей не улучшилъ военную администрацію, потому что единственное улучшеніе ея можетъ состоять только въ упрощеніи, въ наложеніи на каждаго дѣйствователя личной отвѣтственности, чему усложненіе механизма явно противорѣчитъ; но оно чрезвычайно ослабило армію, не говоря о другихъ причинахъ, долженствовавшихъ понизить ея нравственный уровень подъ бюрократическимъ управленіемъ. Немудрено, что на званіе армейскаго офицера осталось нынѣ мало охотниковъ между людьми, имѣющими доступъ къ чему нибудь другому. Замѣна прежняго сословнаго состава офице-

---

не по деньгамъ, уплачиваемымъ оружейному фабриканту, а по общему расходу на административный механизмъ, употребляемый для написанія этой бумаги и для заказа ружья,—добытая цифра оказалась бы баснословною. Къ сожалѣнію, такую работу можетъ совершить не частный человѣкъ, а только самая же администрація, которая, конечно, никогда ее не предприметъ. Въ этомъ отношеніи не помогутъ никакія повѣрочныя коммиссіи. Для избавленія русской арміи отъ такого непосильнаго и непроизводительнаго бремени, остается въ будущемъ только одно средство: взять военно-административные штаты какого либо экономнаго государства и ввести ихъ у насъ, на первый разъ буквально, не требуя отъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и строевыхъ частей переписки и отчетности свыше тѣхъ, какія требуются, положимъ, въ Пруссіи. Исключеніе можетъ быть допущено только въ средѣ практической дѣятельности, для хозяйственныхъ коммиссіонеровъ, закупщиковъ и проч., такъ какъ тутъ дѣйствительно оказываются иныя мѣстныя условія; но для написанія канцелярской бумаги и сведенія счета требуется столько же труда и времени въ Пруссіи, какъ и въ Россіи. Пусть это буквальное подражаніе заключитъ подражательный періодъ нашей исторіи; оно будетъ полезнѣе многихъ другихъ. Безъ такого удара по Гордіеву узлу правительство никогда его не распутаетъ, не заставитъ тысячи людей искренно трудиться надъ преобразованіемъ, противорѣчащимъ ихъ прямымъ пользамъ; а между тѣмъ у государства видимо не станетъ средствъ на содержаніе равомъ двухъ армій — боевой и арміи мирныхъ воителей.

ровъ безсословнымъ, неудовлетворяющимъ никакому цензу, ни въ какомъ отношеніи, безъ сомнѣнія раздвинула еще болѣе промежутокъ, образовавшійся постепенно между русскимъ культурнымъ слоемъ и арміей.

Въ тоже время относительное положеніе нашего дворянства было глубоко потрясено преобразованіемъ 1861 года и рядомъ послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ, — потрясено и въ общественномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Съ одной стороны, дворянство почти утратило свое прежнее, явно очерченное мѣсто въ государственномъ строѣ, что не могло не отозваться въ извѣстной мѣрѣ на понятіяхъ его о служебной обязанности и о сродной ему карьерѣ; съ другой—имущественныя средства большинства значительно понизились, а военное дѣло вознаграждаетъ людей вещественно очень недостаточно—приманка его заключается совсѣмъ въ другомъ. Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ, взятыхъ вмѣстѣ, число дворянъ, посвящающихъ себя военной службѣ, должно было необходимо оскудѣть у насъ. Еслибъ вліяніе такихъ условій обнаружилось у нашихъ занѣманскихъ сосѣдей, прусское юнкерство, составляющее всю силу побѣдоноснаго войска новой имперіи, которую оно сложило, можно сказать, своими руками, отшатнулось бы отъ арміи еще скорѣе и полнѣе, а главное сознательнѣе, какъ это произошло во Франціи. У насъ же оказался не разрывъ, а только временное охлажденіе. Тѣмъ не менѣе, дѣло не можетъ оставаться въ настоящемъ положеніи. Солдаты безъ офицеровъ вовсе не составляютъ силы, а дать офицеровъ русской арміи можетъ только дворянство, никакъ не юнкерскія училища, наполняемыя писарями и исключенными семинаристами.

Наше спасеніе заключается въ просторѣ, предоставляемомъ закономъ о всесословной военной повинности; но для такой цѣли нужны новыя постановленія. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ недавно вышедшій законъ, составленный въ духѣ всѣхъ прочихъ военныхъ преобразованій системы 1862 года, никакъ не спасетъ насъ, потому что содѣлаетъ возвратъ къ естественному, единственно-возможному и надежному іерархическому устройству русской арміи еще затруднительнѣе.

Всесословная военная повинность нужна была нашему отечеству какъ возстановленіе государственнаго права въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ безъ изъятія, но не какъ веще-

ственная потребность; она никогда не можетъ стать вещественною потребностью въ громадномъ государствѣ, имѣющемъ возможность поставить подъ ружье, посредствомъ *всякаго* закона о наборѣ, большее число людей, чѣмъ ему нужно. Маленькая Пруссія выросла силою всесословной службы; но, обратившись въ Германію, она удержала только *право* ставить подъ ружье всѣхъ, въ дѣйствительности же не пользуется и не можетъ имъ пользоваться. Въ 1856 году у насъ состояло въ распоряженіи военнаго вѣдомства 2.600.000 человѣкъ; развѣ можетъ когда либо явиться потребность въ числѣ солдатъ еще высшемъ? Стало-быть *вещественно* прежній законъ о наборѣ вполнѣ удовлетворялъ нуждамъ государства. Надобно было покончить, ради справедливости, съ вопіющими исключеніями сословными и племенными, но въ тоже время не было повода смотрѣть на новыя положенія иначе какъ съ этой точки зрѣнія. По нашему мнѣнію, въ Россіи ничто не вызываетъ необходимости призывать каждаго, внѣ дворянства, къ лично-обязательной службѣ, воспрещая покупку зачетныхъ квитанцій, такъ какъ у насъ никакъ не можетъ оказаться недостатка въ солдатахъ; Пруссія удержала такой законъ, какъ существующій, но, по всей вѣроятности, не создавала бы его вновь для многолюдной Германской имперіи, еслибъ его прежде не было. *Положительное* значеніе новой военной повинности, внѣ вопроса о правѣ, можетъ состоять у насъ въ томъ лишь, чтобы пополнять посредствомъ ея русскую армію офицерами. Кажется, въ этихъ видахъ исключительно военное вѣдомство желало безусловно обязательной личной службы; какъ ни успокоиваться на бумажныхъ спискахъ, а угрожающій намъ составъ офицерства изъ однихъ писарей рѣжетъ глаза всякому. Но только избранный для того путь не можетъ привести къ цѣли ни въ какой степени. При всесословности можно заставить всякаго, на кого упадетъ жребій, прослужить извѣстный срокъ нижнимъ чиномъ, но нельзя никого обязать оставаться строевымъ офицеромъ въ мирное время, а вся сила арміи—именно въ строевыхъ офицерахъ мирнаго времени; безъ нихъ она не станетъ ни кадромъ, ни школой, а останется только расходомъ. Извѣстными мѣрами очень легко принудить молодыхъ людей высшаго сословія дослуживаться до патента на званіе офицера резервныхъ войскъ, чтобы потомъ, съ объявленіемъ войны, не пасти воловъ въ качествѣ

фурштатовъ: только что же мы станемъ дѣлать съ массою резервныхъ офицеровъ, безъ офицеровъ дѣйствующихъ? А первыхъ невозможно удерживать на дѣйствительной службѣ послѣ производства противъ воли, если условія этой службы ихъ отталкиваютъ. Въ настоящее же время, когда дворянство, особенно не богатое, стало уже утрачивать, можно сказать, привычку къ военной службѣ и понятіе, что въ ней заключается прямое его призваніе,—вопросъ состоитъ не только въ томъ, чтобы возвратить строевой службѣ прежній ея блескъ, а въ томъ еще, чтобы возстановить прежнія привычки и понятія сословія. Разглашенный законъ о *всесословной* военной повинности для такой цѣли совершенно безсиленъ.

Упроченіе качества русской арміи требуетъ той же развязки какая нужна для того, чтобы вдохнуть жизнь въ нашъ земскій строй, вызвать нашу общественную дѣятельность и сложить наше сборное мнѣніе, вывести наружу національную личность въ образованныхъ слояхъ, для того чтобы возстановить и окончательно сплотить нравственную и умственную силу русской народности,—требуетъ связнаго, самостоятельнаго, законно-установленнаго положенія культурнаго общества, призваннаго къ бытію Петромъ Великимъ въ качествѣ политическаго и служилаго государственнаго сословія, внѣ котораго у насъ нѣтъ ничего, кромѣ стихійныхъ силъ. Надобно возложить отвѣтственность за гражданское развитіе и за армію на сознательныхъ людей—на русскихъ европейцевъ, сплоченныхъ въ одно нравственное цѣлое. Примѣръ арміи выказываетъ эту необходимость столь же убѣдительно, но еще рѣзче чѣмъ всѣ другія стороны нашей жизни. Петръ Великій создалъ русскую постоянную армію какъ европейскую, съ офицерами на образецъ европейскихъ, безъ которыхъ она не мыслима; для подбора такихъ офицеровъ, болѣе чѣмъ для чего нибудь другаго, онъ трудился всю жизнь надъ образованіемъ культурнаго европейскаго слоя въ Россіи. Эти офицеры сдѣлали русскую армію, до того времени бившуюся въ ровную противъ крымскихъ татаръ, тѣмъ, чѣмъ она была на нашихъ глазахъ—арміей, побѣждавшею Европу. Въ послѣднихъ бояхъ за Кавказомъ горсти русскихъ солдатъ противъ огромныхъ регулярныхъ армій турокъ, лично очень храбрыхъ и дисциплинированныхъ людей, не уступающихъ никому другому, вооруженныхъ лучше насъ, мы достаточно видѣли, какимъ образомъ

нравственная разница между офицерами той и другой стороны рѣшала бой, внѣ всякаго отношенія къ числу солдатъ. Наша армія была сильна тѣмъ же, чѣмъ можетъ быть силенъ весь нашъ государственный и общественный строй—тѣмъ, что силы могучаго отъ природы русскаго простонародья направлялись развитыми русскими людьми. Историческій духъ нашей арміи исчезнетъ невозвратно, если она перейдетъ въ руки писарей, разночинцевъ и псаломщиковъ допетровской эпохи. Неужели такой возвратъ возможенъ послѣ полуторавѣковой исторіи, потратившей всѣ свои силы безъ остатка на созданіе образованнаго русскаго общества?

Но, понятенъ или непонятенъ такой возвратъ, онъ неизбѣженъ при общеобязательной военной повинности, *всесословной*, безразличной для всѣхъ состояній. Послѣдствія его могутъ быть предотвращены только особыми законно опредѣленными обязанностями дворянства къ военной службѣ, что немыслимо безъ рѣшенія вопроса объ общихъ отношеніяхъ русскаго культурнаго сословія къ государству; могутъ ли существовать исключительныя обязанности безъ исключительныхъ правъ? Въ этомъ случаѣ Пруссія, приравнивающая по военному закону свое дворянство къ прочему населенію, намъ не примѣръ по многимъ причинамъ: прусское дворянство издревле составляетъ касту, считающую военную службу своимъ правомъ, вслѣдствіе чего никакія особыя мѣры не нужны для привлеченія его въ армію; вступленіе же каждаго новаго офицера въ полкъ зависитъ тамъ отъ сословнаго полковаго офицерства, крайне ревниваго къ своему званію. Затѣмъ въ Пруссіи существуетъ многочисленное и очень образованное среднее сословіе, преимущественно дающее офицеровъ спеціальнымъ оружіямъ, сословіе, безъ котораго прусская армія не можетъ обойтись, и котораго у насъ совсѣмъ нѣтъ. Не смотря на то, офицеры-недворяне до такой степени рѣдѣютъ въ прусской арміи, подымаясь кверху, что на высшихъ ступеняхъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ, т. е. законъ сравнивающій всѣхъ по буквѣ, просѣевается административно сквозь сито. Между тѣмъ нѣмецкое дворянство составляетъ только часть образованнаго общества, въ Германіи легко было бы подобрать офицеровъ и внѣ его, у насъ же наслѣдственное культурное сословіе заключаетъ въ себѣ все общество, внѣ котораго можно отыскать только писарей и семинаристовъ. Ясно, кажется, что если ужъ подра-

жать, то надо подражать не формальному, а внутреннему, дѣйствительному порядку подбора прусскихъ офицеровъ, смотрѣть не на пріемы, вынуждаемые мѣстными условіями, а на цѣль, къ которой стремится берлинское военное управленіе. Наша отечественная потребность чистосердечнѣе прусской, мы не желаемъ просѣивать черезъ сито офицеровъ, разъ допущенныхъ къ эполетамъ, откуда бы они ни вышли; но намъ нужно, какъ и всѣмъ другимъ, серьозно расцѣнивать источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ своихъ офицеровъ.

Съ признаніемъ русскаго дворянства (вмѣстѣ съ лицами, законно къ нему приравненными) государственнымъ сословіемъ въ прямомъ значеніи слова, оно должно стать сословіемъ обязательно служилымъ. Права безъ обязанностей такъ же невозможны, какъ обязанности безъ правъ, а наше дворянство, съ самаго начала своего бытія, особенно же послѣ Петра Великаго, никогда не имѣло самостоятельныхъ корней въ русской почвѣ, на образецъ привилегированныхъ европейскихъ кастъ; корни его исходили изъ верховной власти, оно существовало исключительно какъ правительственное орудіе; оно и теперь можетъ упрочить свое политическое бытіе только подъ условіемъ—нести посильную службу Государю и русской землѣ. Когда рѣчь идетъ о нашемъ дворянствѣ, то вопросъ заключается только въ размѣрѣ обязательной службы, требуемой современными нуждами, а не въ самой служилости, составляющей душу этого учрежденія. Думаемъ, что военная повинность должна быть обязательною у насъ на извѣстный срокъ для каждаго дворянина, достигшаго указнаго возраста, безъ малѣйшаго исключенія, безъ выкупа и замѣщенія, не по жребію, а поголовно, но только для дворянина. Какъ сказано прежде, мы не видимъ никакого понятнаго объясненія для распространенія такой же принудительности на прочія сословія. Мы считаемъ продажу зачетныхъ квитанцій изъ рукъ правительства полезнымъ дѣломъ, для удовлетворенія нѣкоторымъ нуждамъ арміи и для освобожденія торговыхъ и промышленныхъ людей отъ повинности, которую они считаютъ несродною себѣ; для развитія арміи ихъ деньги окажутся несомнѣнно полезнѣе ихъ личности; но въ такомъ случаѣ, цѣна квитанціи должна быть высока, примѣрно около 3.000 рублей: охотниковъ выкупаться окажется достаточно и выручка будетъ значительная.

Устанавливая обязательность личной военной повинности дворянства, нельзя, однако, упускать изъ виду, что невольные офицеры, даже дворяне, не удовлетворяютъ цѣли. Значеніе офицера состоитъ именно въ томъ, что онъ *свободно* идетъ на опасность, а потому имѣетъ нравственное право *насильно* вести за собой другихъ; кромѣ того, обязанности офицера, даже въ мирное время, требуютъ, чтобы онъ предавался имъ съ охотою. Дѣло не въ томъ, чтобы заставлять порядочныхъ молодыхъ людей служить офицерами, а въ томъ, чтобы дать имъ нетрудный доступъ къ этому званію и предварительную привычку къ военной службѣ; при этихъ условіяхъ, когда русское офицерство станетъ вновь дворянскимъ по духу, охотники польются въ него какъ и прежде.

Мы изложимъ свой взглядъ по этому предмету, конечно, какъ личное мнѣніе, но съ большею увѣренностью, чѣмъ излагали его по поводу практическаго устройства мѣстнаго самоуправленія. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя ступить шагу безъ всесторонняго обсужденія дѣла самими земскими людьми,— обсужденія, еще не высказавшагося; въ первомъ же, о которомъ идетъ теперь рѣчь, намъ давно извѣстно мнѣніе большей части русскихъ военныхъ людей, пользующихся и пользовавшихся въ наше время заслуженною извѣстностью.

Мы думаемъ, что прежде всего необходимо возстановленіе званія полковаго юнкера въ прежнемъ его видѣ, а затѣмъ нужно призывать на службу всѣхъ дворянъ подлежащаго возраста поголовно, не рядовыми, а юнкерами, съ обязанностью прослужить годъ; изъ прочихъ же сословій давать юнкерскіе галуны, также прямо со вступленіемъ въ строй, молодымъ людямъ, имѣющимъ гимназическій дипломъ или выдерживающимъ соотвѣтственный экзаменъ, если они предварительно согласятся на годовую службу; въ случаѣ же несогласія, оставлять ихъ рядовыми на срокъ, установленный нынѣшнимъ уложеніемъ. Независимо отъ военно-учебныхъ заведеній, разрядъ юнкеровъ станетъ разсадникомъ постоянныхъ офицеровъ добровольныхъ и также обязательныхъ офицеровъ ополченія; кто не захочетъ посвятить себя военной службѣ, тотъ выучится ей достаточно, по крайней мѣрѣ для того, чтобы командовать ополченскимъ взводомъ. Экзаменъ дворянъ на юнкера, при поступленіи ихъ въ строй, долженъ соотвѣтствовать не какимъ-либо произвольнымъ взглядамъ канцелярской эрудиціи, пробивающейся заго-

ловкими пышныхъ и несостоятельныхъ программъ, а дѣйствительной потребности,—тому, что прямо необходимо для оберъ-офицера, также какъ дѣйствительному уровню образованія въ Россіи; для этого нужно немного, но это немногое молодой дворянинъ пополнитъ качествами, придаваемыми ему закаломъ нѣсколькихъ поколѣній. Готовить же просвѣщенныхъ людей—дѣло общества, а не военнаго вѣдомства, которое тогда только и начинаетъ заниматься общимъ просвѣщеніемъ, когда сознаетъ себя недостаточно военнымъ. Въ настоящее время русская армія не почувствуетъ уже недостатка въ серьезно-образованныхъ людяхъ, не прилагая къ тому собственныхъ стараній.

Останется приготовить къ военному дѣлу юнкеровъ, желающихъ продолжать службу офицерами. Для этой цѣли нынѣшнія юнкерскія училища не годятся: онѣ могутъ приготовлять только ипологовъ. Даже преобразованныя онѣ не удовлетворятъ потребности потому, что соотвѣтствуютъ не военному, а административному подраздѣленію, стоятъ подъ рукою бюрократіи и навсегда останутся проникнутыми вложенною въ нихъ закваскою. Ихъ можно только закрыть, а не переобразовать. На мѣсто ихъ нужны корпусные классы, временные, зимніе, для каждаго корпуса отдѣльно, съ преподаваніемъ исключительно военныхъ предметовъ и, пожалуй, математики. Преподаваніе, думаемъ, должно быть серьезное, но не обширное, не педантское, — соотвѣтствующее потребностямъ строеваго офицера, а не главнокомандующаго или профессора. Главнокомандующіе выростаютъ на иной почвѣ, кромѣ случаевъ необычайнаго дарованія, которое само умѣетъ пополнить недостающее ему. Однимъ словомъ, пріемный экзаменъ долженъ въ точности соотвѣтствовать среднему уровню образованія небогатаго дворянства; выпускной военный экзаменъ—средней мѣрѣ спеціальныхъ знаній, нужныхъ оберъ-офицеру. Тогда громадное большинство поступающихъ удовлетворитъ тому и другому.

Поступленіе въ военные классы, равносильное желанію остаться на службѣ, должно зависѣть, конечно, отъ воли каждаго. Нежелающій имѣетъ право, по прослуженіи года, быть перечисленнымъ въ ополченіе. Но звать дворянъ въ военную службу, особенно на первое время, еще недостаточно; надобно ихъ привлечь къ ней. Какъ большинство дворянства, на которое можно разсчитывать для арміи—не богатое, не цензовое, отъ людей, изъявляющихъ желаніе посвятить себя военной

службѣ, слѣдуетъ обезпечить съ перваго же дня сообразно ихъ положенію—назначить имъ содержаніе, кромѣ общаго казеннаго довольствія, которое они также могутъ получать деньгами. Содержаніе должно идти имъ съ того дня, когда они изъявятъ желаніе слушать военный курсъ,—хотя бы съ перваго же дня службы; но въ такомъ случаѣ они обязуются оставаться въ рядахъ до производства въ офицеры. Затѣмъ они вольны располагать собою; но огромное большинство, привыкши къ службѣ, несомнѣнно останется въ ней послѣ производства. Средства на содержаніе обязавшихся юнкеровъ не составляютъ вопроса. Если число ихъ будетъ равняться числу всѣхъ нынѣшнихъ вольноопредѣляющихся—$7^1/_2$ тысячамъ, и если каждому положать примѣрно по 200 руб. въ годъ, то и тогда сумма эта будетъ гораздо ниже той, которая расходуется покуда на разныхъ сверхштатныхъ и состоящихъ около военныхъ канцелярій. Можно надѣяться, что у насъ никогда не окажется затрудненія въ денежныхъ средствахъ на необходимыя потребности арміи, какъ только окончательно выяснится вопросъ, кто для кого существуетъ: военная ли администрація для арміи, или наоборотъ?

Затѣмъ, всѣмъ юнкерамъ, не желающимъ продолжать военную службу, слѣдуетъ предоставить право оставить ее черезъ годъ, со званіемъ офицера ополченія, разумѣется, при одобреніи ихъ начальствомъ; меньше года службы положить нельзя, если человѣкъ въ это время долженъ чему-нибудь выучиться. Одна изъ главныхъ силъ Россіи состоитъ въ возможности, ей только свойственной, выставить многочисленное и устроенное ополченіе. Потому офицеры ополченія должны существовать не на одной бумагѣ; даже въ мирное время безъ нихъ, вѣроятно, не обойдется, хотя на самые короткіе сроки, какъ это происходитъ въ Швейцаріи и Англіи. Съ другой стороны, офицеры изъ дворянъ-юнкеровъ еще необходимѣе въ ополченіи, чѣмъ въ арміи. Въ постоянномъ войскѣ солдатъ привыкаетъ повиноваться офицеру, какъ офицеру, независимо отъ его происхожденія. Ополченіе же состоитъ изъ крестьянъ, обученныхъ владѣть оружіемъ (въ чемъ и должно состоять ихъ подготовленіе), но не сроченныхъ дисциплиною. Начальствовать съ какимъ-нибудь толкомъ надъ этими людьми можетъ тотъ лишь, кого они признаютъ за высшее лицо еще въ родномъ селѣ—мѣстный дворянинъ. Не выработанная между ними дисциплина можетъ за-

мѣняться только естественными отношеніями старшинства и почтенія. Для годности ополченія необходимо, чтобы всѣ наши уѣздные дворяне были нѣсколько знакомы съ военною службою: иначе оно останется вовсе безъ офицеровъ, или выступитъ съ такими офицерами, которыхъ лучше ужъ не безпокоить.

Сущность вышеозначенныхъ мѣръ, которыя мы считаемъ неизбѣжными въ настоящемъ положеніи дѣла, состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы замѣнить нынѣшнюю мало-состоятельную, искусственно-высиживаемую іерархію русскихъ силъ, постоянныхъ и резервныхъ, — іерархіею естественною. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы замѣнить прежнюю рекрутскую армію устроеннымъ для боя русскимъ народомъ, то исполнимость такого плана зависитъ прямо отъ условія, чтобы каждый русскій дворянинъ обратился въ прирожденнаго офицера народной силы (кромѣ личностей совершенно неспособныхъ). Это необходимо и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи. Но въ такомъ случаѣ ясно, почему въ дворянствѣ не могутъ быть допущены ни замѣщеніе, ни выкупъ, почему отъ дворянства должна требоваться *въ основаніи* поголовная военная служба: дворянину пришлось бы откупаться не отъ солдатства, что еще понятно, но отъ офицерства.

Мы сказали «*въ основаніи*» потому, что на практикѣ нельзя, конечно, не допустить многихъ исключеній какъ въ сокращеніи срока службы, такъ и въ полномъ освобожденіи отъ нея по опредѣленнымъ категоріямъ и лично, для окончанія образованія, по особымъ семейнымъ обстоятельствамъ и проч. Люди не могутъ установить никакого непреложнаго правила, что не колеблетъ, однако же, необходимости общихъ правилъ.

Установленіе твердаго военнаго чиноначалія даетъ возможность поставить вооруженныя силы Россіи на подобающую имъ нравственную высоту, обезпечивая ихъ потребнымъ числомъ и качествомъ офицеровъ, но не достигаетъ еще этой цѣли прямо. Цѣль достигнется вполнѣ, когда кончится преобладаніе бюрократіи въ военномъ вѣдомствѣ, когда устройство и воспитаніе нашей арміи станетъ исключительно боевымъ. Самый лучшій подборъ офицеровъ, вводимыхъ въ полки, еслибъ даже онъ былъ осуществимъ при нынѣшнихъ условіяхъ, не поправитъ дѣла, если офицеры не захотятъ продолжать службу или окажутся безсильными противъ общаго теченія. Мы только

указали на этотъ вопросъ и не станемъ входить въ его подробности: онъ достаточно разъясненъ уже въ другихъ трудахъ, чтобы «имѣющій очи могъ видѣть».

Кромѣ того, для осуществленія всей мощи, къ какой способна русская армія, для возвращенія ей духа суворовскихъ войскъ, нужно измѣненіе не только многихъ нововведенныхъ порядковъ, но и нѣкоторыхъ прежнихъ. Мы говоримъ о той лишь сторонѣ дѣла, которая прямо касается качества офицеровъ. Нужна отмѣна внѣшнихъ привилегій по родамъ войскъ. Пока каждый русскій офицеръ не будетъ имѣть въ глазахъ правительства, если не общества, того же значенія, какъ кавалергардскій или преображенскій, пока эполеты не будутъ возведены въ Россіи въ такой же почетъ, какимъ пользуется портупея въ Австріи,—у насъ не возникнетъ цѣльнаго и связнаго корпуса офицеровъ. Высшее дворянство стоитъ въ головѣ низшаго—это неизбѣжно и правильно; но, во-первыхъ, эта ступень можетъ принадлежать ему только нравственно; во-вторыхъ, оно должно быть разлито по всему тѣлу государства и и армія, а не скопляться заурядъ въ одномъ мѣстѣ; тогда только оно принесетъ свою пользу. Устройство русскаго служилаго сословія, какъ верхняго, обдуманно-сложеннаго пласта земскаго царства, несовмѣстно съ порядкомъ, существовавшимъ за столомъ Карла Великаго, гдѣ графы служили герцогамъ, бароны—графамъ, простые дворяне—баронамъ. Призвать русское культурное сословіе къ поголовно-обязательной военной службѣ, затѣмъ чтобы распредѣлять его потомъ на искусственные и неравномѣрные по правамъ разряды,—было бы противорѣчіемъ русской исторіи и лишило бы это учрежденіе жизненности въ самомъ началѣ.

Неотстранимая потребность времени ведетъ насъ къ одному общему исходу: и въ общественномъ устройствѣ, и въ арміи дѣло не обойдется безъ исторически-развитаго русскаго слоя, вызваннаго къ совокупной дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Условія нашего будущаго развитія.

Мы высказали свой взглядъ на отдѣльныя стороны вопроса, съ которымъ обратились къ читателямъ въ началѣ этого труда: какимъ образомъ мы, русскіе люди, выходящіе изъ воспитательнаго періода своей исторіи, обязанные отнынѣ стоять на своихъ ногахъ, можемъ способствовать сложенію нынѣшняго и нарождающагося поколѣній, обезличенныхъ сверху и стихійныхъ снизу, безсвязныхъ умственно и нравственно, въ органическое общество. Намъ остается еще свести эти отдѣльныя изысканія вмѣстѣ и подвести къ нимъ итоги. Каковъ бы ни былъ личный взглядъ на лучшій исходъ изъ такого состоянія, трудно усомниться, что мы дѣйствительно въ немъ находимся, что, не смотря на громадную силу статистическую, на довольно распространенное образованіе, на великія народныя качества, наша сознательная сила нравственная еще вовсе не сложилась; а главное, въ настоящее время у насъ не видно даже органовъ, способныхъ выработать и установить ее. Трудно отрицать въ современной Россіи полный разбродъ мнѣній и отсутствіе какой-либо общественной дѣятельности, что отражается на всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни—на печати, на самоуправленіи, на нашемъ безсиліи оказать нравственное вліяніе на окраины. Мнѣніе о современной нашей скудости, сравнительно съ недавнимъ возбужденіемъ русскаго общества, можно назвать общепризнаннымъ, хотя каждый объясняетъ его по-своему. По нашему понятію, объясненіе этого явленія представляется само собою. Двадцать лѣтъ тому назадъ, русская мысль дѣйствительно высказывала рѣзкія мнѣнія, и эти мнѣнія отчасти группировали людей; но тогда она только переживала въ послѣдній разъ запасъ чужихъ идей и знаній, зане-

сенныхъ къ намъ въ теченіе воспитательнаго періода, работала надъ ними окончательно и болѣе сознательно чѣмъ прежде, откуда и происходило это кажущееся оживленіе. Когда же на мѣсто голой теоріи намъ открылась и практика, когда мы стали на свою собственную почву ногами, а не головой, какъ стояли на ней прежде, когда для насъ явилась неотложная потребность говорить *свое*, а не чужое — мы всѣ замолчали разомъ, такъ какъ *своего* намъ покуда сказать нечего. Свое мнѣніе складывается только жизнью, и притомъ жизнью не отдѣльныхъ личностей, а общественныхъ группъ, которыя и прежде у насъ были слабы, а при новой перепашкѣ русской почвы были совсѣмъ выполоты. Каждому русскому, желающему сказать что либо путное, пришлось теперь додумываться до всего своимъ одноличнымъ умомъ — трудъ непосильный. Проводить же какую-либо мысль въ общественную дѣятельность одноличнo—уже совершенно немыслимо. Въ такомъ состояніи, при отсутствіи общественной организаціи, ни умственная, ни ни дѣятельная жизнь Россіи не сложится не только въ пятнадцать, но и въ полтораста лѣтъ; сухой песокъ никогда не сростется самъ собою въ камень. Природное различіе въ лѣстницѣ существъ состоитъ именно въ развитіи организаціи; только организаціей самое маленькое позвоночное явно превосходитъ самаго большаго моллюска. Въ этомъ отношеніи всѣ образованные народы—позвоночные, всѣ они заключаютъ въ своемъ общественномъ устройствѣ твердый остовъ, прочно установленный культурный слой, дающій опредѣленную форму всему общественному тѣлу,—всѣ, кромѣ современной Франціи и насъ. Франція умудрилась утратить свою основную, историческую организацію; мы же не только не сложили ее до сихъ поръ явственно (вслѣдствіе тяготѣвшихъ надъ нашею народною жизнью условій), но въ послѣднее время разбросали собственными руками зачатки, готовые сложиться въ организованное цѣлое,—растворили въ массѣ свое петровское культурное сословіе, а потому и остаемся покуда въ видѣ тысячелѣтняго студня.

Мы видѣли въ послѣдней главѣ, посвященной военному вопросу, что намъ нельзя обойтись безъ твердо-установленнаго образованнаго сословія, не только для того, чтобы жить хорошо, развиваясь самостоятельно, но для того даже, чтобы жить какъ нибудь, просто для того, чтобы жить. Безъ дворян-

ства у насъ не будетъ арміи, а безъ арміи не долго простоитъ нынѣшняя Россія. Уцѣлѣетъ, можетъ быть, московская и петровская Русь, принятая въ наслѣдство Екатериной II (да и тутъ еще надо подумать о Прибалтійскомъ краѣ), но не устоитъ Русская имперія, перешагнувшая за предѣлы чисто-русскаго племени, со всѣмъ, что ей намѣчено еще судьбою впереди. Мы вѣдь въ Европѣ непрошенные гости. По доброй волѣ, невынужденно, она не потерпитъ насъ не только на Вислѣ, но и на Нѣманѣ, и на Припети. Всякая неотложная историческая потребность выражается не въ одномъ только отношеніи, а во всѣхъ отношеніяхъ; такимъ образомъ высказывается и наша потребность въ политически-признанномъ, поставленномъ на своемъ мѣстѣ русскомъ культурномъ сословіи, не только въ виду ожидаемой отъ него пользы, но по необходимости. Какой смыслъ имѣла бы наша исторія, если бы, потративши полтора вѣка на созданіе слоя русскихъ европейцевъ, затормозивши изъ-за этого дѣла всякое общественное развитіе въ Россіи, по окончаніи своей задачи она обошла бы ее какъ ненужную?

Конечно, вопросъ идетъ собственно не о потребности для Россіи въ образованномъ обществѣ, о чемъ никто не споритъ, а о политическихъ правахъ этого общества,—о томъ, должно ли оно входить въ составъ русской организованной жизни въ качествѣ частныхъ людей, какъ теперь во Франціи, или же на правахъ признаннаго закономъ высшаго сословія. Прежде всего надобно замѣтить, что сущность вопроса состоитъ не въ томъ,—какъ иные ставятъ его,—демократична ли русская исторія и демократиченъ ли русскій народъ,—хотя онъ несомнѣнно недемократиченъ во французскомъ смыслѣ, не зараженъ завистію къ высшимъ слоямъ и больше вѣритъ въ мѣстныхъ помѣщиковъ, чѣмъ въ своихъ выборныхъ людей или въ чиновниковъ,—а совсѣмъ въ другомъ: можетъ ли обойтись восьмидесятимилліонная Россія безъ организаціи, безъ постоянныхъ зрѣлыхъ и благонадежныхъ руководителей, связанныхъ въ одно цѣлое, вмѣсто случайныхъ, незрѣлыхъ и шаткихъ,—шаткихъ именно вслѣдствіе своей незрѣлости и несвязности? Слѣдуетъ ли предоставить общее руководство дѣломъ, даже при довѣріи народа къ просвѣщенному мѣстному слою, одному настроенію толпы, которую завтра же какое нибудь случайное теченіе можетъ сбить съ толку и направить въ противоположную сторону, что значило бы, въ сущности, дать въ руководство рус-

скимъ областямъ, заглазно отъ правительства, не сознательность, а инстинктъ? Не только для прочности общественнаго порядка, но для добра самого народа ему нужны зрѣлые руководители. Если бы мы могли обойтись безъ общественной организаціи, установленной на исторической сознательности,—мы были бы единственнымъ исключеніемъ въ свѣтѣ Эта установленность существуетъ вездѣ, конечно въ разныхъ видахъ, за исключеніемъ Франціи, расплачивающейся теперь за свою напускную безсословность. Пруссія не могла отдать по новому положенію, земской власти юнкерству, такъ тщательно оберегаемому ею во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ это юнкерство—исключительная каста, далеко не представляющая всего развитаго и богатаго класса страны; она также не могла отдать власти и прямо среднему сословію, совмѣстно съ дворянствомъ, такъ какъ это сословіе не имѣетъ тамъ никакого законнаго опредѣленія, кромѣ ценса; но прусское положеніе такъ обстановило выборы въ новомъ земскомъ законѣ, что власть и направленіе остаются исключительно въ рукахъ исторически зрѣлыхъ слоевъ общества, очень близко къ англійскому образцу. Извѣстна охранительность прусскаго государственнаго устройства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Можно быть спокойнымъ на счетъ воздержности теоретическаго либерализма въ этой державѣ. Объ англійской безсословности странно даже говорить, хотя для иныхъ нашихъ публицистовъ и такой выводъ ни по чемъ. Англичанинъ, конечно, всегда можетъ вступить во властное сословіе своего отечества и стать полноправнымъ земскимъ лицомъ (даже внѣ городовъ) независимо отъ своего происхожденія,—но не въ русскомъ смыслѣ, не заслугою, а пріобрѣтеніемъ значительнаго поземельнаго состоянія, которое пріобрѣсть въ Англіи не только дорого, но даже довольно трудно. Для полученія полноправія, онъ долженъ стать на дѣлѣ членомъ весьма немногочисленнаго и богатаго полноправнаго сословія — вотъ что называется англійскою безсословностью. Отсюда до избранія земскихъ дѣятелей изъ батраковъ оканчивается еще достаточно далеко, а потому разговоръ объ англійской всесословности, примѣнительно къ Россіи, можетъ быть только игрой словъ, а не серьезнымъ разсужденіемъ. Суть англійскаго устройства состоитъ въ томъ, что тамъ политическія права даются однимъ богатствомъ, а богатство поземельное находится преимущественно въ рукахъ древнихъ завоева-

телей страны. При такомъ положеніи *дѣла*, можно дать названіямъ какой угодно просторъ. Въ одной Америкѣ безсословность царитъ по закону, но, какъ извѣстно и какъ мы оговорили прежде, только по закону, а не на дѣлѣ. Но кромѣ того, что Америка выдѣлываетъ въ себѣ какую-то новую общественную закваску, еще недостаточно опредѣлившуюся и которая не можетъ служить намъ примѣромъ, существенная организація этой страны, исправляющая и ограничивающая всякій недостатокъ общественнаго устройства, дающая ему жизнь, самостоятельность и разнообразіе, состоитъ въ дѣленіи на штаты,— маленькія государства, почти независимыя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; земская жизнь развивается тамъ подъ глазами мѣстной верховной власти, а не заглазно отъ нея, какъ у насъ. Затѣмъ, хотя весь простой американскій народъ можетъ быть приравненъ по образованію и благосостоянію къ среднему европейскому сословію невысокихъ ступеней, но самоуправленіе простонародное кончается тамъ деревнею; американскіе нравы допускаютъ въ управленіе графствомъ, равняющимся нашему уѣзду, только политикановъ, естественно принадлежащихъ къ образованному классу. При такомъ общественномъ закалѣ, когда нравы пополняютъ законъ — безсословность возможна. Но въ Европѣ она еще никого не доводила до добра. Въ безмѣрной же Россіи, лишенной всякой живой организаціи областной, управляемой за глазами отъ правительства, можно сказать, лишь офиціально, толпою кое-какъ набранныхъ чиновниковъ, въ большинствѣ совершенно равнодушныхъ къ общему дѣлу, безсословность значитъ — хаосъ, отсутствіе всякой организаціи, то есть обезпеченности, послѣдовательности и сознательности въ управленіи мѣстною жизнью. И если бы еще хоть кому нибудь было отъ того лучше! Но, напротивъ, всѣмъ стало хуже: народу, поставленному подъ руководство плутоватыхъ писарей — хуже; дворянству, лишенному своего прежняго значенія — хуже; серьезно-образованнымъ людямъ другихъ сословій, которые правомѣрно, хотя лично, примкнули бы къ дворянству и нашли бы почву для обширной дѣятельности—хуже, такъ какъ они теперь стираются, вмѣсто того чтобы выдвигаться; купечеству, не имѣющему покуда возможности занять подобающее его дѣйствительному значенію мѣсто въ общественномъ строѣ и примкнуть къ политическому слою — хуже; русской военной силѣ — гораздо хуже; всѣмъ мѣстнымъ населе-

ніямъ, платящимъ вдвое дороже прежняго за мосты, по которымъ нельзя ѣздить, и вчетверо дороже за больницы, въ которыхъ никто не лѣчится — также хуже; всего же хуже для преуспѣянія Россіи, сначала какъ общества, а впослѣдствіи даже какъ государства, — безсиліе общественное не можетъ не отозваться современемъ на могуществѣ государственномъ. Хорошо только однимъ обще-либеральнымъ принципамъ, которые, къ сожалѣнію, какъ существа метафизическія, наслаждаясь одни, не могутъ даже чувствовать своего благополучія.

А между тѣмъ наше шатаніе происходитъ только отъ недоразумѣнія, отъ той игры словъ, о которой мы говорили выше, занесенной къ намъ воспитательнымъ періодомъ и заставившей насъ подразумѣвать подъ русскими названіями явленія чужеземной жизни. Такъ именно случилось съ понятіемъ о нашемъ дворянствѣ, приравненномъ во мнѣніи къ европейскимъ завоевательнымъ кастамъ. Устанавливая всесословность въ гражданскомъ строѣ и въ арміи, согласно съ призрачными русскими идеалами шестидесятыхъ годовъ, было упущено изъ виду, что наше послѣ-петровское дворянство — не только не каста, но даже не самостоятельное сословіе, а лишь правительственное и общественное орудіе для просвѣщенія и благоустройства Россіи. Петръ Великій обновилъ его преимущественно для арміи и правительства, отчего оно и удержало на вѣки свой характеръ прямыхъ слугъ верховной власти,—слугъ надежныхъ и сознательно вѣрныхъ гораздо болѣе всякаго чиновничества. Протекшіе затѣмъ полтора вѣка придали петровскому дворянству еще новое значеніе, не разрушая прежняго,—значеніе русскаго культурнаго общества. Съ недавнимъ выходомъ нашей исторіи на широкую дорогу, не стѣсняемую больше никакими исключительными обстоятельствами, тормазившими наше самобытное развитіе цѣлую тысячу лѣтъ, русская монархія находилась въ такихъ выгодныхъ условіяхъ, какія еще нигдѣ не осуществлялись. Все народное культурное сословіе вмѣстѣ взятое, со всѣми притоками снизу, которыхъ оно могло ожидать въ будущемъ, проникнутое преданіямя своей служилости, пользовавшееся почтеніемъ и довѣріемъ народа, принадлежало правительству въ собственность, составляло въ буквальномъ смыслѣ совокупность *его людей*, къ которымъ власть могла всегда, по всякому поводу, отнестись со всякимъ разумнымъ требованіемъ, въ полной увѣренности, что это требованіе будетъ исполнено неме-

дленно и съ сочувствіемъ, хотя бы вынуждало къ большимъ жертвамъ. Отношенія русскаго высшаго сословія къ власти, его создавшей, были совсѣмъ иныя, чѣмъ феодальная вѣрность западнаго дворянства, смотрѣвшаго на короля какъ на главнаго дружиннаго начальника и твердившаго ему при всякомъ удобномъ случаѣ: si non non. Изъ этого «sinon non», не имѣющаго у насъ никакой почвы, выросъ весь современный европейскій порядокъ, выросли всѣ конституціи и революціи. Насколько такія условныя отношенія были вмѣстѣ полезны и вредны западнымъ обществамъ — это до насъ не касается, потому что къ намъ непримѣнимо. Со служилымъ культурнымъ обществомъ, ведущимъ за собой народъ, русская верховная власть располагала и можетъ располагать всемогуществомъ, благотворнымъ и невиданнымъ въ исторіи. Съ другой стороны учрежденіе общедоступнаго политическаго сословія было въ такой же мѣрѣ пригодно для развитія и благоустройства Россіи. Наслѣдственный культурный слой, пользующійся довѣріемъ народа, обязанный службою правительству и открытый снизу, представлялъ самое подходящее, даже единственно-подходящее орудіе какъ для выработки и сосредоточенія національной умственной и нравственной силы, такъ и для направленія народной массы по должному пути; орудіе это было исторически-выработанною организаціей земской всесословной монархіи, каково наше отечество. Такого учрежденія не существовало еще нигдѣ, кромѣ Россіи, потому что въ одной Россіи впервые осуществилась истинная народная монархія, — народная въ смыслѣ всесословности верховной власти, одинаково безпристрастной и доброжелательной ко всѣмъ разрядамъ подданныхъ;—народная по отсутствію какихъ-либо насильственныхъ формъ, навязанныхъ извнѣ завоеваніемъ, развившаяся исключительно изъ самой себя, а потому смотрѣвшая на каждаго своего члена какъ на кровнаго. Дѣйствительная и упроченная монархія, представляющая не переходную форму отъ феодальнаго порядка къ республикѣ, анархіи или военному деспотизму, каковы всѣ нынѣшнія европейскія государства,—а монархія въ себѣ, по сущности, какъ Россія, не можетъ обойтись безъ высшаго сословія, потому что вѣковѣчная и наслѣдственная верховная власть можетъ преслѣдовать вѣковыя цѣли только чрезъ вѣковѣчное же, сроднившееся съ нимъ историческое орудіе. Въ народной русской монархіи это орудіе пра-

вительственнаго дѣйствія и государственной организаціи вполнѣ соотвѣтствовало всему ея складу, кромѣ одного безобразнаго нароста крѣпостнаго владѣнія. Открываясь для каждой созрѣвшей снизу силы, по праву, а не въ видѣ исключительной милости правительства, какъ на Западѣ, наше высшее сословіе не могло колоть глаза никакому серьезному честолюбію изъ подполья; напротивъ, оно представляло ему законное, соотвѣтственное мѣрѣ его способностей повышеніе въ общественномъ положеніи, а въ то же время собирало въ пучокъ, въ одинъ общій слой, всѣ русскія культурныя силы, устраняя поводъ ко всякому сословному раздѣленію въ будущемъ. Нашъ высшій классъ былъ всегда классомъ наслѣдственнымъ; онъ остается и долженъ оставаться такимъ. Въ наслѣдственности все его значеніе. Безъ нея онъ никогда не сложился бы, не сталъ бы ядромъ русской сознательной жизни; безъ нея онъ не можетъ быть ни орудіемъ государственнаго, ни орудіемъ общественнаго русскаго развитія. Для этихъ цѣлей нужна не бывшая ценсовая французская буржуазія, павшая отъ перваго толчка, а устойчивый и связный слой преемственно-образованныхъ родовъ, уважаемый народомъ, неразрывно скрѣпленный съ правительствомъ, выработавшій вѣковымъ существованіемъ твердое сознаніе своихъ правъ и обязанностей. Надобно помнить также, что самое условіе, при которомъ складывалось петровское высшее сословіе, было условіемъ исключительнымъ, требовавшимъ времени для полнаго созрѣнія. Высшее сословіе, тождественно равняющееся у насъ итогу образованнаго общества, не развивалось изъ народа непосредственно, но должно было пройти предварительно, можно сказать, черезъ чужую почву, объевропеиться, что и налагало на него особый, рѣзко отличавшій его отъ народа отпечатокъ. Находясь въ такомъ состояніи, оно до сихъ поръ еще не выработало своей окончательной формы и не совсѣмъ еще соотвѣтствуетъ своему историческому назначенію, которыя осуществятся вполнѣ тогда лишь, когда, съ самостоятельнымъ развитіемъ взятаго напрокатъ чужого умственнаго капитала, русскому человѣку, перерастающему народный уровень, надобно будетъ не объевропеиться, а окультуриться въ своемъ природномъ обществѣ (просимъ у читателей извиненія за это послѣднее выраженіе, но другого мы не нашли). Тогда совсѣмъ исчезнетъ промежутокъ, отдѣляющій у насъ высшій слой русскаго народа отъ низшаго;

вліяніе перваго на массу возрастетъ вдвое и станетъ непоколебимымъ. Такой переходъ былъ неизбѣженъ по духу нашего воспитательнаго періода, а потому, покуда, надо смотрѣть на историческія отношенія культурнаго слоя къ народу, на окончательное ихъ сочетаніе—можно сказать—въ ожиданіи, а не черезъ продолжающійся еще туманъ переходнаго состоянія. Тѣмъ не менѣе, даже покуда, даже съ нерусскимъ внѣшнимъ обликомъ, наше культурное дворянство постоянно доказывало своими дѣйствіями, что оно — не отрѣзанный ломоть, не аристократія въ западномъ смыслѣ, а верхній слой русскаго народа; оно постоянно выражало и свое происхожденіе, и свою неразрывность съ почвой, какъ положительною готовностью приносить тяжелыя жертвы общенароднымъ пользамъ, такъ даже своими ошибками и своимъ увлеченіемъ въ этомъ отношеніи. Происходило это не отъ вѣянія нашего національнаго склада, какъ говорятъ нѣкоторые, а отъ исключительнаго духа, свойственнаго одному только русскому дворянству—духа не аристократическаго, а чисто-культурнаго, всенароднаго, не допускающаго его оторваться отъ массы. Противъ подобнаго, однокровнаго, постоянно подновляемаго снизу культурнаго сословія русскія населенія не имѣли и никогда не будутъ имѣть надобности въ трибунахъ, въ довѣренныхъ выборныхъ людяхъ для своего огражденія; оттого русское простонародье гораздо больше вѣритъ порядочному мѣстному помѣщику, чѣмъ излюбленному волостному головѣ. Наконецъ, наше культурное сословіе, постоянно принимавшее въ себя всѣ силы, выростающія на русской почвѣ, и связывавшее ихъ въ одно цѣлое, въ одну общерусскую нравственную силу, представляло для будущности нашего политическаго развитія еще то несравненно-выгодное и намъ однимъ свойственное условіе, что, внушая власти полное довѣріе къ себѣ, какъ къ своему творенію, оно могло надѣяться получить отъ нея доказательство искренняго довѣрія гораздо скорѣе и полнѣе какой-либо всесословности. А какъ дворянство вело народъ и совмѣщало въ себѣ всѣ созрѣвающіе его притоки, то политическія льготы дворянства оказались бы прямо и непосредственно льготами всероссійскими, въ такомъ же прямомъ смыслѣ, какъ льготы класса англійскихъ государственныхъ избирателей суть льготы Англіи. Во второй половинѣ текущаго столѣтія всѣ эти историческія условія, выросшія на русской почвѣ, безпримѣрно выгодныя и для вла-

сти, и для общества, и для населеній, уже вполнѣ развились и устоялись, но только какъ матеріалъ, не распредѣлившись еще между собой въ должномъ порядкѣ и взаимодѣйствіи. Въ такомъ положеніи находились мы къ началу шестидесятыхъ годовъ. Срѣзывая случайный наростъ крѣпостнаго права, можно было дать всѣмъ бытовымъ чертамъ русской жизни, выросшимъ петровскимъ періодомъ, если не окончательную форму, то по крайней мѣрѣ форму имъ соотвѣтствующую, приближавшую ихъ къ окончательной. Сплоченіе высшаго сословія становилось тѣмъ необходимѣе, что, при одновременномъ упраздненіи крѣпостнаго права и воззваніи страны къ самодѣятельности, прежнее офиціальное мѣстное управленіе, посредствомъ чиновниковъ (далеко не отожествляющихъ у насъ своихъ личныхъ стремленій съ правительственными), теряло значительную долю своей прежней дѣйствительности — какъ вслѣдствіе того, что ему приходилось отнынѣ вѣдаться съ нравственными интересами, непосильными для него и до тѣхъ поръ ему чуждыми, такъ и потому, что оно лишалось содѣйствія мѣстныхъ помѣщиковъ, наиболѣе охранявшихъ порядокъ. Сознательныя и дисциплинированныя земскія силы становились во сто разъ нужнѣе для нашего будущаго, чѣмъ онѣ были въ прошедшемъ; потребность въ культурномъ сословіи выдвигалась съ удвоенною настоятельностью и для новаго гражданскаго строя, и для новаго краткосрочнаго войска. Но кто не помнитъ, въ какомъ болѣзненномъ состояніи находилось русское общество послѣ крымскаго потрясенія, поколебавшаго нашу старинную вѣру въ себя, открывшаго временно доступъ къ намъ самымъ неестественнымъ, самымъ напускнымъ возбужденіямъ? Кромѣ того, наше историческое національное сознаніе, хотя уже нѣсколько созрѣвшее къ тому времени, было еще лишено всякаго опыта, пришедшаго уже послѣ, а вслѣдствіе того держалось въ насъ очень слабо, какъ всякая теорія. Почти всѣ мы, отъ мала до велика, поддались искушенію новизны и завопили о всесословности чисто-теоретической и выгодной развѣ для горстки разночинцевъ и для бюрократіи, такъ какъ народъ нашъ не выказывалъ, даже смутно и инстинктивно, какъ и теперь не выказываетъ, никакого влеченія къ подобному нововведенію. Мы были удовлетворены, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Неимѣя возможности питать полнаго довѣрія къ неизвѣстному и неизвѣданному

учрежденію, какимъ представлялось всесословное самоуправленіе, власть была нравственно вынуждена придать ему характеръ частнаго, общественнаго, а не государственнаго учрежденія, приставить земскую дѣятельность къ системѣ общаго управленія, какъ особую заклѣть, а не ввести его въ государственный строй какъ составную часть,—въ чемъ мы, конечно, не выиграли. Но, тѣмъ не менѣе, безсословность стала въ нашей текущей практикѣ руководящимъ началомъ, причемъ дворянство, очень естественно, отстранилось добровольно отъ многаго, и за это нельзя его винить. Одновременно съ освобожденіемъ крѣпостныхъ руками ихъ же помѣщиковъ, были приняты мѣры для огражденія освобожденнаго народа отъ прямого вліянія послѣднихъ. А какъ нашъ народъ безграмотенъ (да и какое же простонародье политически не безграмотно!) и какъ никакого средняго состоянія у насъ не существуетъ, то съ отстраненіемъ офиціальнаго культурнаго класса, руководство, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ гражданскомъ обществѣ, такъ и въ войскѣ, стало переходить въ руки одной бюрократіи. Призракъ всесословнаго земства повелъ исключительно къ усиленію бюрократическаго начала вездѣ и во всемъ, то есть, въ сущности, къ большей еще несостоятельности общества чѣмъ то было прежде. Личное участіе людей культурнаго слоя, какъ единицъ, по ихъ доброй волѣ, въ какомъ бы то ни было количествѣ, въ отправленіяхъ русской общественной жизни не улучшаетъ дѣла и нисколько не можетъ помѣшать новой безсословности, т. е. безсознательности, разыграться на просторѣ. Во Франціи наслѣдственно образованныхъ людей несравненно больше чѣмъ у насъ, но съ тѣхъ поръ какъ тамъ былъ разбитъ культурный *политическій* слой, осколки его оказываются совершенно безсильными для управленія обществомъ; maximum ихъ напряженія достигалъ только той цѣли, чтобы передать власть изъ рукъ уличной анархіи въ руки военной диктатуры. Совершившаяся у насъ передача направленія изъ сознательныхъ рукъ въ безсознательныя оказала свое вліяніе не только появленіемъ на сцену новыхъ личностей, какихъ у насъ прежде не было видно, но еще новымъ тономъ, напущеннымъ на русское общество; даже многіе люди культурнаго слоя, одни по неволѣ, другіе по разсчету, третьи по модѣ, стали подъ него поддѣлываться. Такого крутого нравственнаго перелома нигдѣ еще не случалось. Въ Европѣ, даже въ революціяхъ, на сценѣ

падающихъ общественныхъ пластовъ всегда бывали уже готовы новые, достаточно подросшіе. Оттого-то царствованіе французской демократіи не удается, не смотря на расточеніе культурныхъ слоевъ, что у нея нѣтъ еще своихъ собственныхъ созрѣвшихъ силъ. Намъ же, за неимѣніемъ никакихъ перегородокъ, даже нравственныхъ, въ массѣ, лежащей подъ культурнымъ слоемъ, пришлось свалиться, не въ примѣръ прочимъ, не на ближайшую перегородку и не съ перегородки на перегородку, а прямо на дно. Съ увѣковѣченіемъ этого новаго порядка дѣлъ, ничѣмъ не вынужденнаго, не принесшаго никому личной пользы, вызваннаго не какою либо созрѣвшею потребностью, а лишь временнымъ общественнымъ увлеченіемъ—Россія не станетъ демократичною болѣе чѣмъ прежде, потому что она была всегда чисто-народною и земскою, что составляетъ переводъ того же понятія, словомъ и дѣломъ, только въ русскомъ смыслѣ; но она станетъ изъ монархіи организованной—неорганизованною, стихійною, а современемъ и анархическою. Всякое положеніе приводитъ неизбѣжно къ къ послѣдствіямъ, которыя оно въ себѣ содержитъ. Отвергать этотъ выводъ можетъ только тотъ, кто вѣритъ выростанію созрѣвшихъ историческихъ слоевъ на подобіе грибовъ, разомъ послѣ перваго дождика и первой реформы.

Законъ поступательнаго движенія обществъ нынѣ достаточно опредѣленъ и извѣстенъ, хотя эта извѣстность нисколько не облегчаетъ выработки сборной человѣческой жизни, какъ знаніе законовъ небесной механики не даетъ вліянія на ходъ свѣтилъ. Пониманіе общественнаго закона, примѣненнаго съ приблизительною точностью къ отечественной исторіи, даетъ только возможность смотрѣть отчетливѣе на явленія своего прошлаго и настоящаго, понимать сущность этихъ явленій, не подымая завѣсы будущаго. Ни въ какомъ народѣ культурный слой, заключающій въ себѣ историческую жизнь племени и государства, не движется всею массою разомъ, не идетъ впередъ, если можно такъ выразиться, фронтомъ, ровняясь по всей линіи, но выдвигается исключительно оконечностями, сначала лѣвою, потомъ правою, причемъ второй оконечности приходится по большей части догонять первую, затормозивъ предварительно ея бѣгъ настолько, чтобы та не зарвалась слишкомъ далеко, до чистой теоретичности, до полнаго разъединенія съ привычными взглядами и обычаями массы. По

счастливому, хотя не совсѣмъ точному выраженію Маколея, сегодняшніе тори суть не что иное, какъ вчерашніе виги. Неточность выраженія состоитъ въ томъ, что сегодняшніе тори все-таки остаются нравственно торіями, что они мирятся лишь съ нѣкоторыми практическими выводами, провозглашенными ихъ соперниками и принятыми обществомъ, но вѣрятъ преимущественно въ исторію, то-есть въ опытъ, между тѣмъ какъ виги, даже благоразумнѣйшіе, не отрывающіеся прямо отъ исторической почвы, всегда слишкомъ склонны къ теоріи. Кромѣ того, тори вносятъ въ управленіе и въ нравы совсѣмъ иной духъ, чѣмъ виги. Характеръ тѣхъ и другихъ остается при нихъ, идетъ впередъ только время. Очевидно, что и тѣ, и другіе, держась исключительно направленія во всемъ и всегда, не могутъ не быть односторонними, не могутъ не обнаруживать извѣстной узкости взгляда, непримѣнимаго цѣликомъ, по своей исключительности, къ разностороннимъ бытовымъ потребностямъ общественной жизни. Но въ узкости воззрѣнія и состоитъ сила партій; одна только узкость позволяетъ имъ сложить законченную, безъизъятную житейскую теорію, доступную, по своей простотѣ, всякому уму, которую потому легко и проповѣдывать. Всякая рѣка въ тѣсныхъ берегахъ течетъ стремительно. Въ срединѣ, между двумя оконечностями, находится громадное большинство культурнаго слоя, не принадлежащее ни къ правой, ни къ лѣвой, но стоящее между ними какъ судья и посредникъ, примыкающее то къ той, то къ другой, смотря по потребностямъ времени и по выясняющейся необходимости поправить перевѣсомъ одной изъ оконечностей излишекъ и односторонность, напущенные на общество перевѣсомъ другой. Потому-то дѣйствительно единодушныя партіи складываются лишь на двухъ оконечностяхъ; партіи же среднія бываютъ только условными и временными соглашеніями. Тѣмъ не менѣе отъ этихъ среднихъ партій главнѣйше зависитъ правильное развитіе и благосостояніе общества, такъ какъ онѣ однѣ передѣлываютъ крайности обѣихъ оконечностей на бытовыя понятія, способныя войти въ общественную практику. Если крайнія партіи вліяютъ преимущественно одна на другую—лѣвая на правую тѣмъ, что не даетъ ей заснуть, а правая на лѣвую тѣмъ, что не даетъ ей улетучиться до фантазіи, то вліяніе центровъ состоитъ въ уравновѣшеніи партій съ обществомъ взятымъ вмѣстѣ, съ мнѣніемъ и потребностями людей,

составляющихъ вездѣ огромное большинство, которые не увлекаются особенно никакими общими цѣлями, а хотятъ благополучно прожить на свѣтѣ, безъ притѣсненія свыше и безпорядковъ снизу. Вожаками этихъ спокойныхъ гражданъ, т. е. предводителями среднихъ, практическихъ группъ, бываютъ обыкновенно истинные государственные люди, рѣдко выставляемые крайними сторонами, потому именно, что сила замкнутыхъ партій состоитъ въ страстности и односторонности. Въ то время какъ сторонники обѣихъ оконечностей возводятъ свои личные взгляды до идеаловъ,—одни представляютъ прошлое, а другіе будущее въ такомъ радужномъ цвѣтѣ, какимъ ни это прошлое, ни это будущее никогда въ дѣйствительности не окрашивались и не окрасятся,—центры руководятъ обыденною жизнью. Оттого въ крайнихъ партіяхъ заключается сила, движущая обществомъ, въ срединѣ—его равновѣсіе, дѣйствительность текущаго часа.

Извѣстное дѣло, что чѣмъ народъ развитѣе, тѣмъ значеніе центровъ съуживается въ политическихъ сферахъ, хотя въ самомъ обществѣ (или, говоря парламентскимъ языкомъ, въ избирателяхъ) все-таки остается главною силою—и наоборотъ. Въ Англіи и Америкѣ всего только двѣ преобладающія политическія партіи—правая и лѣвая; во Франціи же, какъ и на всемъ материкѣ, настоящая правая и настоящая лѣвая, вмѣстѣ взятыя, образуютъ меньшинство, всѣ же остальныя представляютъ не цѣльное мнѣніе, а лишь оттѣнокъ мнѣнія, легко переливающійся въ сосѣдній оттѣнокъ, смотря по обстоятельствамъ и настроенію, какъ обыкновенно бываетъ въ бытовой жизни. Потому-то эти средніе союзы нельзя назвать партіями въ прямомъ значеніи слова; они—не болѣе какъ группы людей, сближаемыхъ не принципами, а настроеніемъ, связываемыхъ и раздѣляемыхъ текущими вопросами. Если бы, для опыта, вздумалось собрать сегодня русскій земскій соборъ, то наша правая и наша лѣвая выставили бы каждая, надо думать, по десятку человѣкъ; всѣ же прочіе не высказали бы никакого сборнаго мнѣнія, а развѣ показали бы одно безпристрастіе, готовность принять все хорошее изъ всякихъ рукъ. Расширеніе крайнихъ партій на счетъ центровъ въ политически-развитыхъ государствахъ (которыхъ лишь два на свѣтѣ) объясняется не только зрѣлостью, а слѣдовательно и большею опредѣленностью личныхъ мнѣній, но зрѣлостью самихъ партій, обдуманныхъ, дисциплинированныхъ, ограничивающихъ

увлеченія своихъ членовъ, заставляющихъ ихъ подчиняться рѣшенію *своего*, партійнаго большинства. Въ каждой изъ двухъ большихъ англійскихъ и американскихъ партій есть свои правая, лѣвая и центръ, но только въ мнѣніяхъ, а не въ политическихъ заявленіяхъ, производящихся тамъ, какъ въ хорошо устроенной арміи, по командѣ. Политически-взрослый человѣкъ знаетъ, что одиночныя усилія не ведутъ ни къ чему, что для полученія прямо-достижимаго надо умѣть жертвовать трудно-достижимымъ, какъ бы оно ни было дорого сердцу. Кромѣ того обѣ большія партіи Англіи и Америки устоялись на дѣйствительной почвѣ—на почвѣ высказывающихся общественныхъ потребностей; онѣ давно обрѣзали съ обоихъ своихъ концовъ увлеченія чисто теоретическія, а потому между ними и людьми, озабоченными больше интересами дня, чѣмъ идеями, нѣтъ ощутительнаго промежутка; тѣмъ легче онѣ втягиваютъ въ себя лицъ всякаго рода на счетъ центровъ. И, со всѣмъ тѣмъ, даже въ такихъ государствахъ мнѣнія скопляются въ двѣ главныя группы только на парламентскомъ полѣ; въ обществѣ же большинство остается все-таки въ видѣ текучей середины, дающей перевѣсъ то той, то другой партіи: развитіе и благоустройство націи все-таки зависятъ отъ зрѣлости и сознательности этой середины, не сростающейся надолго ни съ какою оконечностью. Свобода дѣйствій среднихъ политическихъ группъ не означаетъ отсутствія въ людяхъ установленнаго мнѣнія, а только отсутствіе увлеченія и самомнѣнія—отрицательное качество, необходимое для всякаго практическаго дѣла. Она истекаетъ не столько изъ склада ума, какъ изъ разсудительности и примирительнаго характера, отчасти изъ безстрастія; въ ней нѣтъ увлекающей силы, но весь устой заключается въ ней одной. Оттого именно, кромѣ часовъ взрыва и реакціи, почти всѣ государственные люди выходятъ изъ среднихъ партій.

Крайнія мнѣнія существуютъ вездѣ и всегда, по той же причинѣ по которой у всякой палки два конца; за ними дѣло никогда не станетъ, но благоустройство обществъ и политическая ихъ зрѣлость зависятъ исключительно отъ развитія среднихъ, можно сказать, нейтральныхъ мнѣній, какимъ бы образомъ онѣ ни выражались—заквашивая ли своимъ примирительнымъ духомъ двѣ преобладающія партіи, или же образуя между ними самостоятельный устой. Способность народа къ правильной полити-

ческой жизни измѣряется преимущественно численностью, просвѣщеніемъ и связностью этихъ среднихъ группъ, заботящихся болѣе о практикѣ жизни, чѣмъ о теоріяхъ. Гдѣ имъ недостаетъ одного изъ названныхъ условій, тамъ правильное развитіе общества замѣняется очередными потрясеніями въ ту и другую сторону. О численности ихъ нечего заботиться: людей умѣреннаго мнѣнія и житейскихъ практиковъ вездѣ несравненно больше, чѣмъ несговорчивыхъ, изъ которыхъ набираются горячія партіи. Но отсутствіе связности между средними политическими группами гибельно: оно свалило Францію; отсутствіе связности и просвѣщенія въ общественныхъ центрахъ явно губитъ южно-американскія республики.

Перевѣсъ середины самого тѣла надъ крыльями составляетъ такое же условіе правильнаго организма для общества, какъ и для птицы. Безъ крыльевъ народъ не можетъ двигаться, какъ Китай, но безъ средины онъ вовсе не можетъ жить. Слѣдуетъ потому сказать съ увѣренностью, что тамъ, гдѣ середина не подаетъ признаковъ явной самостоятельной жизни, гдѣ она еще не сложилась,—тамъ нѣтъ и крыльевъ, а то, что наивные люди принимаютъ за крылья, есть не что иное, какъ вѣялки изъ накладныхъ перьевъ, нѣчто вродѣ *партій*, складываемыхъ между малолѣтними единомысліемъ нѣсколькихъ журнальныхъ сотрудниковъ или салонное собраніе немногихъ собесѣдниковъ безъ послѣдователей, какъ у насъ. Ростъ крыльевъ, образованіе партіи или партій на оконечностяхъ безъ живого общественнаго тѣла, безъ ясно-высказывающейся середины—всзможны, но это—явленіе болѣзненное и скоропреходящее. Такимъ болѣзненнымъ явленіемъ было у насъ распространеніе нигилизма въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, хотя онъ былъ не партіей, а только разливомъ полусознанной новизны.

Этотъ законъ общественнаго развитія поочереднымъ движеніемъ съ двухъ оконечностей, умѣряемымъ и приноравливаемымъ къ жизни серединою, есть законъ всемірный и вѣчный, законъ древняго какъ и новаго міра,—сознается ли онъ обществомъ, или нѣтъ. Разница оказывается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ, при сознаніи, выдвигаются настоящія, устроенныя партіи; во второмъ—движеніе выражается однимъ напоромъ мнѣнія, безформеннымъ, но тѣмъ не менѣе приводящимъ къ цѣли. Можетъ случиться и при сознательности, что партіи не смыкаются, не представляются глазамъ наружнымъ обра-

зомъ, а дѣйствуютъ только силою и распространенностью мнѣнія. Такое явленіе возможно лишь въ странѣ, гдѣ общество не привыкло къ самодѣятельности и союзы частныхъ людей для какой-либо общей цѣли не обычны, но гдѣ въ то же время правительство срощено съ народомъ въ одно органическое цѣлое, гдѣ оно не имѣетъ надобности отстаивать какіе-либо личные свои интересы, и гдѣ вслѣдствіе того укореняется убѣжденіе, что созрѣвшему мнѣнію достаточно быть услышаннымъ, чтобы перейти въ жизнь. Иначе не изъ чего было бы хлопотать: турецкимъ райямъ и негосподствующимъ австрійскимъ народностямъ нѣтъ пользы доводить свои сердечныя желанія до свѣдѣнія ихъ повелителей—нѣмецкаго цезаря и мусульманскаго султана, вынужденныхъ поддерживать старые порядки для собственнаго самосохраненія.

При дѣйствіи одного мнѣнія, также какъ и при явныхъ партіяхъ, въ странѣ самодержавной (но такой, гдѣ власть органически соединена съ народомъ), также какъ и въ странахъ конституціонныхъ, позывъ къ движенію въ ту или другую сторону всегда созрѣваетъ въ оконечныхъ, тереотическихъ мнѣніяхъ, раньше, чѣмъ въ самомъ тѣлѣ общества, въ его серединѣ, но становится потребностью и явно заявляетъ о себѣ тогда лишь, когда принимается серединою, то-есть силою, преобладающею въ этой серединѣ, взвѣсившею предварительно теорію партій со своею практикою. Исторія всѣхъ развивающихся народовъ шла однимъ изъ этихъ путей. Она складывалась организованными партіями въ республикахъ классическаго міра, въ средневѣковой Италіи и въ англо-саксонскомъ племени, и напоромъ неорганизованнаго мнѣнія во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Если-бъ можно было забыть исторію и судить о прошломъ лишь по нынѣшнему состоянію народовъ, то и въ такомъ случаѣ эти черты ихъ истекшей жизни обозначились бы явно: въ обществахъ, давно знакомыхъ съ сомкнутыми партіями, эти партіи слились въ двѣ главныя, почти поглотившія центръ, проявляющійся теперь въ нихъ самихъ, а не внѣ ихъ; въ прочихъ европейскихъ странахъ партіи дробятся чрезвычайно, и самостоятельные центры господствуютъ, хотя непрочно. Подводя нашу исторію и наше современное общественное состояніе подъ мѣрку, данную этимъ всеобщимъ закономъ, мы видимъ несомнѣнно, что Россія принадлежитъ къ числу государствъ, развивавшихся подъ напоромъ мнѣнія

безформеннаго, хотя всегда достигавшаго своихъ цѣлей; но нельзя не видѣть и того, что въ настоящую пору мы значительно отстали отъ другихъ европейцевъ, какъ въ опредѣленности, и главное, въ практичности своихъ мнѣній, такъ и въ способахъ ихъ выраженія, не вслѣдствіе нашихъ политическихъ началъ, но по неорганизованности самаго общества. У насъ не существуетъ покуда не только партій, но даже явно обозначившихся сборныхъ мнѣній. Можно думать, что настоящія партіи у насъ никогда не возникнутъ, а при дальнѣйшемъ развитіи сложатся только опредѣленныя группы одномыслящихъ людей,—группы болѣе сплоченныя, какъ вездѣ, на оконечностяхъ, но болѣе многочисленныя въ центрѣ. Неосуществимость въ Россіи сомкнутыхъ партій, дѣйствующихъ на народное развитіе и на законодательство не мнѣніемъ, а прямымъ, самодѣятельнымъ напоромъ—очевидна. Имъ нѣтъ у насъ мѣста, пока русскій народъ сохраняетъ свои основныя историческія понятія, т. е. на неопредѣленно долгое время въ будущемъ.

Россія представляетъ единственный въ исторіи примѣръ государства, въ которомъ весь народъ безъ изъятія, всѣ сословія, вмѣстѣ взятыя, не признаютъ никакой самостоятельной общественной силы внѣ верховной власти и не могутъ признавать, не могутъ даже мечтать объ ней, потому что такой общественной силы не существуетъ въ зародышѣ. Въ исторіи нельзя ничего сочинять; въ ней живетъ только то, что ею же призвано къ жизни. Общество, какъ и всякое твореніе въ природѣ, можетъ пользоваться только дѣйствительными, развившимися изъ него самого орудіями,—въ такомъ же смыслѣ какъ птица крыльями и звѣрь лапами,—а не какими-либо присочиненными; на накладныхъ крыльяхъ никто не летаетъ. Съ другой стороны, въ одной лишь Россіи осуществилась верховная власть всесословная, не связанная особыми личными отношеніями ни съ какою гражданскою группою, такъ какъ всѣ отдѣльныя сословія созданы ею же, почему она внушаетъ одинаковое довѣріе людямъ всѣхъ общественныхъ подраздѣленій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы составляемъ единственное исключеніе изъ категоріи европейскихъ государствъ, развивавшихся, какъ и мы, безъ явно-обозначавшихся органовъ народной самодѣятельности, безъ партій, однимъ повышеніемъ уровня нерасчлененнаго общественнаго мнѣнія. У насъ однихъ только мнѣніе, разъ выразившееся, никогда не оставалось

безъ удовлетворенія, между тѣмъ какъ тамъ, т. е. по всей материковой Европѣ, самыя распространенныя мнѣнія, желавшія измѣненія установленныхъ порядковъ, рѣдко признавались властью добровольно; власть, взросшая не на всенародной, а на условной и сословной почвѣ, смотрѣла непріязненно на всякую новизну и уступала только необходимости. Нашъ государственный складъ никакъ не препятствуетъ развитію какихъ бы то ни было политическихъ формъ и органовъ мнѣнія, соотвѣтствующихъ народному росту, но заранѣе и неотвратимо опредѣляетъ ихъ внутреннее содержаніе—совѣщательное, а не самостоятельное, даетъ мѣсто только группамъ единомышленниковъ, а не сомкнутымъ политическимъ партіямъ, что, однакожъ, нисколько не умаляетъ ихъ значенія въ нашемъ будущемъ; съ возвышеніемъ уровня общественной сознательности, при давнишнемъ, полномъ довѣріи русской верховной власти къ своему народу, взаимныя отношенія ихъ могутъ быть гораздо искреннѣе, нравственная сила созрѣвшаго мнѣнія гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ въ бумажныхъ конституціяхъ европейскаго материка. Дѣло только въ томъ, чтобы вызрѣли, наконецъ, наши—не разговорныя, а практическія, сборныя мнѣнія и сложились соотвѣтствующіе сборные органы для ихъ выраженія, чего можно ждать, конечно, не на завтрашній день.

Внутреннее содержаніе русской исторіи опредѣлилось разъ навсегда, въ самомъ зародышѣ московскаго государства, тѣмъ исключительнымъ оборотомъ дѣла, что не русскій народъ выростилъ изъ себя свою верховную власть, какъ всегда происходило и происходитъ на свѣтѣ, а напротивъ, верховная власть создала русское государство и русскій народъ изъ распавшагося, уничиженнаго и погибавшаго племени. Можно провести такое сравненіе: еслибъ черногорскіе владыки въ XVII и XVIII столѣтіяхъ собственными силами вытѣснили турокъ изъ Европы и собрали бы раіевъ, стонущихъ подъ варварскимъ игомъ, въ сильное и однородное государство, которому они дали бы все, отъ независимости до послѣдняго гражданскаго учрежденія,—государство, въ которомъ не оказывалось бы ничего, что не было бы дѣломъ ихъ рукъ,—то имъ, неизбѣжно, выпало бы на долю всемогущество русской верховней власти; въ народномъ понятіи не существовало бы никакой самостоятельной силы, кромѣ династіи, а всѣ сословія и учрежденія, ею созданныя, считались бы только формами, орудіями, подлежа-

щими передѣлкѣ сообразно потребностямъ времени. Таковъ смыслъ русской исторіи. У насъ существуютъ самостоятельно только русская народность и русская верховная власть, какъ органическая ея голова; кромѣ церкви, все прочее, каково бы ни было его относительное значеніе, не живетъ въ себѣ, не располагаетъ никакою собственною силой, не имѣетъ никакихъ признанныхъ корней въ народномъ сознаніи, а потому и не можетъ говорить отъ себя лично, хотя и можетъ быть допущено властью къ самому широкому развитію во имя же власти, для удовлетворенія потребностямъ русскаго народа. Одни фантастическіе умы могутъ мечтать объ измѣненіи этой коренной основы нашей жизни, внѣ которой у насъ ничего нѣтъ, которою мы только и держимся, обезпечивающей, намъ стройное и спокойное развитіе, покоющееся, не въ-примѣръ европейскому материку, на правдѣ, на дѣйствительности бытовыхъ отношеній, а не на фикціи. Наши общественныя формы выростутъ сами собою, когда предварительно подъ ними возникнутъ сознательныя и опредѣленныя мнѣнія и потребности. Надобно помнить, что въ Англіи, кромѣ одной magna charta, не было ни клочка писанныхъ условій между властью и обществомъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы никогда не сложимъ англійскаго парламентаризма. Это недостижимо не только для склада русскаго общества, а даже для склада русской личности, въ томъ видѣ, какъ она заквашена исторіей—но доростемъ до всего, что нужно Россіи, сохраняя въ то же время незыблемо-прочную почву подъ ногами. Иного пути передъ нами нѣтъ и не будетъ никогда.

Наша коренная народная основа, замѣнившая разнообразіе общественнаго склада невиданнымъ въ исторіи единствомъ его, не содержитъ и никогда не содержала въ себѣ ничего азіатскаго; въ ней, очевидно, осуществился новый, послѣдній по времени и, надо думать, исключительно устойчивый типъ чисто-европейской, но не феодальной монархіи, глубоко отличный, въ этомъ отношеніи, отъ всѣхъ западныхъ образцовъ. Прочность основъ обѣщаетъ русскому всесословному царству многовѣковое правильное развитіе, въ виду начавшагося разложенія феодальныхъ монархій европейскихъ. Несмотря на то, при невыработанности нашихъ понятій, у насъ очень часто еще повторяется мнѣніе объ азіатствѣ московской, а стало быть и нынѣшней Руси, такъ какъ государственныя основанія ихъ

тождественны; ученые люди недавно еще пытались выводить наши политическія формы изъ наслѣдства Золотой Орды. Читатели позволятъ намъ небольшое отступленіе для разъясненія такого взгляда, необходимо вліяющаго на сужденіе о нашей современности, на вопросъ: чѣмъ намъ быть? Верховная власть азіатская—не развивающее начало, а механическое объединеніе населеній, давно окаменѣвшихъ въ данной формѣ, утратившихъ способность измѣняться, чуждыхъ потому живыхъ нравственныхъ интересовъ и почти безъ исключенія лишенныхъ всякой народности, замѣненной у нихъ религіознымъ единствомъ,—по крайней мѣрѣ недорожащихъ народностью. Надъ мертвымъ обществомъ можетъ стоять только мертвая же, нерасчисленная, а оттого и безпредѣльная власть. Въ азіатскомъ застоѣ конецъ столѣтія ничѣмъ не отличается отъ его начала, общество остается тѣмъ же, чѣмъ и было, а если движется, то лишь вслѣдствіе механическихъ толчковъ, наносящихъ на него порою новые слои завоевателей; никакое новое царствованіе не вноситъ въ это общество новизны и отличается отъ предшествовавшаго только личнымъ характеромъ царствующаго лица. Слово «Азія» въ этомъ отношеніи употребляется неправильно; оно должно бы имѣть не географическій, а историческій смыслъ, означать всякія отжившія общества, оказывавшіяся не въ одной Азіи; отжившимъ міромъ, въ такой же степени какъ нынѣшній Китай и нынѣшнее мусульманство, былъ весь міръ классическій, отъ вѣка Антониновъ до взятія турками Константинополя. Кто имѣетъ ясное понятіе о такихъ отжившихъ народахъ, кто видѣлъ ихъ своими глазами, тому нечего объяснять, что между ними и московскою, также какъ и нынѣшнею Русью нѣтъ и никогда не могло быть ничего общаго, кромѣ нѣсколькихъ наружныхъ формъ. Единственный образчикъ въ Россіи, могущій идти въ сравненіе съ Азіею, это — наши старообрядцы, и то лишь въ смыслѣ религіозной общины, такъ какъ въ своемъ обыденномъ быту они такіе же живые русскіе люди, какъ и всѣ прочіе; между тѣмъ, какъ нынѣшніе азіатскіе народы, также какъ и отживавшій классическій міръ, были старообрядцами во всемъ, во всякой чертѣ своей умственной, гражданской и политической жизни, своей науки и своего искусства, безъ исключенія. Они считали и считаютъ предковъ безусловно умнѣе и ученѣе себя; чтили и чтутъ только внѣшнюю форму, утратившую свое первона-

чальное значеніе; полагаютъ въ ней всю святость; наслѣдственно выростаютъ въ этихъ понятіяхъ, а потому становятся неспособными къ оцѣнкѣ всякаго мнѣнія и дѣла внѣ формы, что̀ не позволяетъ имъ ступить шагу впередъ. Надъ подобными окаменѣлыми обществами, очевидно, можетъ стоять только механическая власть, такая же старообрядческая, какъ они сами. Ничего подобнаго не бывало и не могло быть въ Россіи ни въ какомъ періодѣ ея исторіи: Россія всегда жила жизнью органическою. Ни въ одномъ изъ прожитыхъ нами столѣтій конецъ его не похожъ на начало: въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ постоянно оказывалось значительное видоизмѣненіе какъ въ государственныхъ вопросахъ, такъ и въ общественномъ настроеніи, въ явленіяхъ собственно-народной жизни. Конечно, задачи времени сочинялись не властью—такое сочиненіе нигдѣ на свѣтѣ не было ея дѣломъ; сознаніе ихъ проникало въ правительственный кругъ изъ постоянно растущаго и складывающагося общественнаго мнѣнія, то разливавшагося на всѣ слои населенія,—какъ было въ первое время, когда русскій народъ, потоптанный татарами, самъ бросился въ объятія возникавшей верховной власти, или въ эпоху междуцарствія, при избраніи дома Романовыхъ,—то принимавшаго мѣстный характеръ, какъ оказалось при отстаиваніи Москвою правильнаго престолонаслѣдія во времена Василія Темнаго,—то съ съужавшагося въ русло небольшой, но сильной своею связностью передовой партіи, какъ происходило при нововводительныхъ попыткахъ начала царствованія Іоанна Грознаго, при исправленіи церковнаго устава Никономъ, при уничтоженіи мѣстничества, и такъ далѣе. Самое преобразованіе Петра Великаго было только ускореніемъ, а не починомъ стремленія, возникшаго во мнѣніи передовыхъ людей, къ сближенію съ Европой; надо помнить, что еще до Петра было заведено регулярное войско, въ Москвѣ появились иновѣрческія церкви, а при дворѣ Софьи Алексѣевны игрались трагедіи Корнеля. Кромѣ того, петровская реформа стоитъ въ самой тѣсной связи съ предшествовавшею ей нѣсколькими годами отмѣной мѣстничества, не допускавшаго созданія народнаго культурнаго сословія, главной задачи, главнаго орудія и главнаго смысла нашего воспитательнаго періода. Одно вытекло изъ другого. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ отечественной жизни несомнѣнно дѣйствовало постоянно развивающееся,

незнавшее застоя мнѣніе; стало быть, русскій народъ жилъ органически, и никакого сравненія между Россіею и окаменѣвшими странами Азіи быть не можетъ. Починъ дѣйствія, претвореніе созрѣвавшихъ мнѣній въ бытовыя формы, всегда принадлежалъ у насъ исключительно верховной власти, безъ видимаго проявленія общественной самодѣятельности, потому что во власти, создавшей Россію, заключалась и заключается единственная самостоятельная сила нашей почвы, единственное орудіе дѣйствія. Но вслѣдствіе той же самой причины русская власть, не имѣющая никакихъ внутреннихъ соперниковъ, никогда не имѣла также никакихъ личныхъ интересовъ, кромѣ общенародныхъ; она не только никогда не ставила преградъ возникавшему напору мнѣнія, но, напротивъ, скорѣе упреждала его, переносила въ бытовую жизнь то, что требовалось небольшимъ, иногда даже увлекающимся меньшинствомъ развитаго слоя. Также продолжается и до днесь—мы видѣли это на современныхъ намъ преобразованіяхъ; такъ будетъ продолжаться и впредь, хотя подъ другими, болѣе опредѣленными формами. Находить сходство между русскою верховною властью, живою головою русскаго народа и механическимъ ханствомъ Золотой Орды, такъ какъ между Россіей, какого бы то ни было періода ея исторіи, и азіатскими обществами, можно только посредствомъ остроумія, а не историческаго разума. Мы всегда жили какъ народъ и шли впередъ, подъ управленіемъ власти, столько же, если еще не болѣе прогрессивной чѣмъ мы сами; тѣ живутъ какъ единицы, не какъ общество, подъ произволомъ безъ содержанія и впередъ не идутъ. Вотъ коренная разница, которой не можетъ ослабить сходство никакихъ внѣшнихъ обрядовъ.

Мы принадлежимъ къ христіанской, постоянно развивающейся, незнающей покуда застоя половинѣ человѣчества; мы народъ европейскій, прогрессивный въ своей сущности,—а прогрессъ состоитъ именно въ безпрерывномъ наростаніи мнѣнія и потребностей, періодически требующихъ обновленія общественныхъ формъ, сообразно ихъ росту. Такъ и происходило во все продолженіе нашей тысячелѣтней исторіи. Но мы постоянно жили въ заколдованной обстановкѣ, тормозившей развитіе общества — сначала въ обстановкѣ международной, заставлявшей насъ жертвовать внутренними задачами внѣшнимъ, домашнимъ успѣхомъ — государственному бытію;

потомъ въ обстановкѣ нравственной, затрачивавшей всю силу народнаго роста на созданіе орудія будущаго, нашего культурнаго сословія, и погрузившей насъ въ среду чуждыхъ, не усвоенныхъ, нераспредѣлившихся въ нашихъ головахъ, непримѣненныхъ къ нашей почвѣ чужеземныхъ понятій. Только вчера выбились мы на открытую дорогу и можемъ, наконецъ, понимать себя, сознательно оглядываться на пройденный путь, разумно пользоваться содержаніемъ, даннымъ намъ исторіей—умственнымъ, нравственнымъ, и политически-общественнымъ. Въ чемъ же состоитъ это содержаніе? Что вынесли мы изъ этого тысячелѣтняго бытія? Можно отвѣчать безъ запинки: государственное величіе, крѣпчайшій народный складъ, непоколебимую верховную власть, доброжелательство всѣхъ русскихъ сословій между собою и наше культурное петровское сословіе. Это—очень много, какъ руководящее начало и какъ матеріалъ, но недостаточно, можно даже сказать несоотвѣтственно потребностямъ текущей эпохи, какъ форма. Поэтому предстоящая намъ задача заключается именно въ сложеніи формъ, точно соотвѣтствующихъ нашимъ дѣйствительностямъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безформенное содержаніе нашего развитія, выростанія нашихъ мнѣній, и домашнихъ и заимствованныхъ, и образъ ихъ взаимодѣйствія между собою, съ верхомъ и съ низомъ, исчерпано уже до конца. Но такая нравственная и законодательная задача не можетъ, конечно, выработаться въ одинъ день. Для нея нужны прежде всего опредѣленныя орудія—если можно такъ выразиться—расчлененіе общества по росту его слоевъ; а для того нуженъ еще предварительный шагъ: признаніе съ обѣихъ сторонъ нашей дѣйствительности во всей ея полнотѣ и отреченіе, какъ отъ неподходящихъ къ намъ идеаловъ чужой жизни, такъ и отъ собственныхъ увлеченій.

Покуда же наше общественное мнѣніе и наша общественная дѣятельность въ самомъ дѣлѣ безформенны, выражаются полусознательно и то лишь въ часы крайняго напряженія, что вело насъ постоянно, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, или къ недовершенію, или къ перевершенію цѣлей, но никогда къ прямому ихъ достиженію. Нашему сборному мнѣнію не только негдѣ выработаться, но невозможно ни сосчитать, ни взвѣсить различныхъ своихъ оттѣнковъ, еслибъ даже оно выработалось. Наша печать высказываетъ не его, а только самое себя, лич-

ныя понятія нѣсколькихъ пишущихъ людей. Плодотворной общественной дѣятельности также нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ милліоны людей, сознательныхъ и несознательныхъ, но вообще непривычныхъ къ какому либо дружному дѣйствію, слиты въ одну безразличную массу. Кромѣ эпохъ всенароднаго потрясенія, подобныхъ 1612 или 1812 годовъ, какое единство взглядовъ и стремленій, какое большинство можетъ выработаться въ этой массѣ? Кто возьмется говорить отъ имени всего народа, даже одной губерніи, даже одного уѣзда, а если возьмется, не будетъ ли такая рѣчь явною ложью? Какая личная сила, какое частное начинаніе можетъ дать толчекъ, въ какомъ бы то ни было направленіи, всему населенію хотя бы только уѣздному? При гражданской безсвязности культурнаго сословія, утопленнаго въ стихійной массѣ, современная Россія совершенно лишена органовъ, слагающихъ и выражающихъ сборное мнѣніе, способныхъ вызывать сборную дѣятельность. Для того, чтобы жить вполнѣ человѣческою жизнью, намъ приходится или ждать отдаленныхъ вѣковъ, когда все русское простонародье уподобится развитому населенію маленькаго швейцарскаго кантона, или же выдѣлить изъ него и сомкнуть вмѣстѣ слои, способные къ исторической жизни. Объ этомъ мы говорили въ цѣлой книгѣ. А между тѣмъ время бѣжитъ, и намъ нѣкогда засиживаться въ своемъ безформенномъ состояніи. Если Европа пойдетъ къ обновленію, намъ будетъ худо — она слишкомъ опередитъ насъ; если она идетъ къ растлѣнію, что гораздо вѣроятнѣе, намъ будетъ еще хуже — мы останемся одни и намъ предстоитъ почерпать все изъ самихъ себя, не говоря объ упорной борьбѣ, которую намъ доведется выдерживать противъ нея по противоположности началъ. Потому, думаемъ, выдѣленіе и организація культурнаго слоя, какъ орудія русской мысли и дѣятельности, составляютъ насущную задачу текущаго времени,— задачу, безъ разрѣшенія которой мы не ступимъ шагу далѣе. Ничто у насъ не сложится безъ зародыша, безъ твердаго ядра, совокупляющаго въ себѣ историческія силы русской земли, дающаго всей массѣ надлежащее направленіе и подымающаго ее понемногу на свой уровень.

Только организація культурнаго сословія можетъ создать у насъ ту общественную середину, тѣ связныя группы умѣренныхъ и практическихъ мнѣній и дѣятелей, безъ которыхъ немыслимо не только правильное, но даже какое нибудь дѣйстви-

тельное развитіе. Мы не полетимъ, махая крыльями безъ тѣла, упражняясь въ однихъ крайнихъ и теоретическихъ мнѣніяхъ прогресса и охранительности, а только измахаемся понапрасну. Даже для этихъ оконечныхъ мнѣній необходимо сложеніе и оживленіе нашей середины, самого тѣла образованнаго русскаго общества; тогда только они будутъ въ состояніи жить и дѣйствовать, вмѣсто того, чтобы толковать пустое и по-пустому, какъ нынѣ. Изъ общества безформеннаго, лишеннаго связныхъ, руководящихъ слоевъ, особенно въ такую пору, когда оно еще не привыкло въ самодѣятельности, не могутъ явно выдѣлиться группы, изъ которыхъ должно слагаться развитіе всякаго зрѣлаго и даже созрѣвающаго народа — лѣвая, средняя и правая; въ такомъ состояніи существуютъ лишь безличныя мнѣнія, не подлежащія ни счету, ни оцѣнкѣ, становящіяся осязательными только въ рѣдкихъ случаяхъ особеннаго напряженія. Прежде всего намъ надо выйти изъ безформеннаго состоянія и сложиться, посвятивъ этой задачѣ хотя бы жизнь цѣлаго поколѣнія; слѣдующее успѣетъ сосчитаться по своимъ направленіямъ. До тѣхъ же поръ намъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, некуда бѣжать впередъ, какъ и нечего охранять.

Бѣжать впередъ намъ пока рѣшительно некуда. Въ ожиданіи будущаго поколѣнія, нашему передовому направленію неизбѣжно приходится сложить руки *). Послѣдніе его идеалы, къ которымъ оно рвалось въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, были — можно надѣяться, послѣдній разъ въ нашей исторіи—безъ исключенія заимствованные, не-русскіе. Замѣненіе какими бы то ни было либеральными идеалами, хотя бы самыми чуждыми народному сознанію, такихъ явныхъ отступленій отъ правильной общественной жизни, какъ крѣпостное право и наше прежнее безсудіе, всегда сходитъ съ рукъ; отъ него все-таки становится легче. Но пора голаго отрицанія для насъ прошла, приходится засѣвать вновь перепаханную и переполотую русскую почву, а для такой цѣли экзотическія сѣ-

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что лѣвую сторону мнѣній обыкновенно называютъ передовою не потому, чтобы она въ самомъ дѣлѣ опережала кого нибудь въ пониманіи дѣла, какъ думаютъ мальчики, а потому только, что она всегда рвется впередъ, становится ближе къ концу, каковъ бы онъ ни былъ, хорошій или дурной. Доброкачественность ея стремленій зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ эпохи и отъ возраста народнаго развитія

мена, примѣры и теоріи, вычитанныя въ чужихъ книгахъ, никуда не годятся. Въ нашемъ же обновленномъ обществѣ вызрѣло съ тѣхъ поръ лишь сознаніе необходимости безпредѣльной, но самой обыденной, самой мелочной практики для улучшенія и установки на новыхъ началахъ всенароднаго и всесословнаго быта; но не вызрѣло никакихъ явно очерченныхъ идеаловъ русской жизни, къ осуществленію которыхъ можно было бы стремиться сознательно, въ согласіи съ массою или хоть частью массы. Они и не могутъ—не только вызрѣть, но даже пустить ростокъ при нынѣшнемъ безформенномъ складѣ. Потому людямъ передоваго направленія приходится у насъ или тянуть чужую пѣсню, что уже слишкомъ всѣмъ надоѣло, или же благоразумно отойти на второй планъ, въ ожиданіи будущаго, предаваясь покуда практической, полезной, но невыдающейся дѣятельности словомъ и дѣломъ, мѣшая ее, какъ можно меньше съ теоретическими направленіями. Нигилисты, вѣроятно, останутся нигилистами, но ихъ никто не причисляетъ къ либераламъ лѣвой группы: они принадлежатъ совсѣмъ иному направленію—безбородому.

Нашей правой въ ея чистомъ видѣ, нашему охранительному направленію—нельзя совѣтовать даже того, что мы совѣтовали лѣвому; ему незачѣмъ отходить на второй планъ, такъ какъ ни на второмъ, ни на первомъ у него, какъ у опредѣленнаго мнѣнія, не оказывается покуда никакого дѣла. Это направленіе имѣло немалое значеніе въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, но проиграло сраженіе (мы говоримъ не о крѣпостномъ правѣ, сохраненія котораго желало очень небольшое число людей, а объ остальномъ). Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ охранители поднялись вновь, но проницательнѣйшіе изъ нихъ поняли, что на перепаханномъ русскомъ полѣ нѣтъ уже старыхъ корней и нѣтъ еще новыхъ всходовъ, такъ что охранять на немъ въ настоящее время рѣшительно нечего; скорѣе надо заботиться о слѣдующемъ посѣвѣ. Въ такомъ положеніи дѣлъ всякая партія, мнѣніе или группа единомысленныхъ людей, одаренная политическимъ чутьемъ, должна непремѣнно видоизмѣнить свое знамя. Умные изъ нашихъ охранителей дѣйствительно видоизмѣнили его. Они стали думать о созданіи подходящихъ формъ будущей русской жизни, органически привитыхъ къ преобразованіямъ нынѣшняго царствованія, отказываясь отъ никуда неведущаго охраненія однихъ воспоминаній. Что намъ

охранять въ текущій часъ? Наши основныя начала — православная вѣра, государственное единство, русская народность, историческая верховная власть—не только не просятъ охраненія со стороны общества, но, напротивъ, сами насъ охраняютъ; мы живемъ только ими и безъ нихъ разсыпались бы прахомъ. Одна только изъ этихъ четырехъ основъ—религіозная—допускаетъ съ своей внутренней стороны охранительныя усилія частныхъ людей. Мы не станемъ развивать покуда этотъ вопросъ, но не можемъ не замѣтить, что, при нынѣшней безсвязности русскаго общества, подобныя усилія хотя и возможны, но въ сущности безплодны; въ этомъ отношеніи болѣе даже чѣмъ во всякомъ другомъ, нужна предварительная организація культурнаго слоя, чтобы цѣлыя группы людей могли мыслить и дѣйствовать съобща. О прочихъ основахъ нечего и говорить: мы сильны ими, а не онѣ нами. Не станемъ разыгрывать лицъ басни «Муха и проѣзжіе» и помогать взбираться на гору колесницѣ, которая насъ же везетъ на себѣ. Никакой человѣкъ со смысломъ не возьмется за охраненіе народнаго духа и его органическихъ проявленій въ теченіе временъ; можно охранять только сложившіяся формы. Между тѣмъ, именно подлежащихъ охраненію формъ теперь у насъ почти вовсе нѣтъ. Мы станемъ оберегать ихъ въ то время, когда онѣ дѣйствительно возникнутъ. Покуда же, вслѣдъ за только что совершившеюся передѣлкою всего русскаго быта, нашъ консерватизмъ въ своемъ чистомъ видѣ есть самое заносное изъ заносныхъ, самое неподходящее изъ неподходящихъ къ намъ чужеземныхъ понятій... Нынѣшнему русскому охранителю—во что бы ни стало—приходится дѣлать одно изъ двухъ: или охранять то именно, чего онъ не любитъ—нашу нынѣшнюю безформенность и безсословность,—или же играть роль часового, поставленнаго, говорятъ, въ Лѣтнемъ саду императрицею Екатериною II у куста посаженныхъ ею розъ и выведеннаго только недавно, сторожившаго цѣлое столѣтіе мѣсто давно изчезнувшаго куста.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что люди нашей охранительной группы, по своему развитію и нравственнымъ качествамъ, стоятъ въ большинствѣ очень высоко и могутъ быть чрезвычайно полезными общественными двигателями; тѣмъ не менѣе дѣятельность ихъ станетъ плодотворною тогда лишь, когда они употребятъ ее не на охраненіе того, чего уже нѣтъ, а на со-

зданіе того, что намъ будетъ необходимо охранять въ будущемъ.

Полагаемъ, что для нашихъ прогрессистовъ и нашихъ охранителей покуда нѣтъ положительнаго дѣла; когда же настанетъ вновь время ихъ дѣятельности,—оно наступитъ для тѣхъ и для другихъ разомъ. Покуда намъ нужна преимущественно живая середина, нужно связное, организованное, практически дѣятельное тѣло общества, осуществимое только правильною постановкою культурнаго слоя. Наше общество достаточно впитало въ себя законченныхъ теорій съ обѣихъ оконечностей, правда, больше съ лѣвой, чѣмъ съ правой; но таково было повѣтріе времени; нынѣ даже оконечности нашихъ мнѣній почти заглохли и могутъ ожить тогда лишь, когда наберутся содержанія для новой дѣятельности изъ нѣдръ общественнаго большинства, не увлеченнаго никакими теоріями, изъ практической жизни русской середины.

Однимъ словомъ, наши великіе народные вопросы все еще впереди; рѣшеніе ихъ принадлежитъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ. Потому мы почти вовсе не касались ихъ. По нашему пониманію, задача нынѣ живущаго поколѣнія заключается преимущественно въ созданіи общественнаго устройства, способнаго, подъ рукою верховной власти, двинуть современемъ эти вопросы.

ГЛАВА VIII.

Полемическіе вопросы и общіе выводы.

Остается подвести итоги предшествующему и взвѣсить возраженія, противопоставленныя нашимъ заключеніямъ—возраженія вполнѣ естественныя, если смотрѣть на предметъ не съ нашей точки зрѣнія, а съ какой-либо иной. Такихъ же точекъ зрѣнія можетъ быть много, вслѣдствіе чрезвычайной сложности самаго предмета: общественнаго устройства, наилучше соотвѣтствующаго духу многочисленнаго народа и направленію, данному ему исторіей, при извѣстной степени его зрѣлости. Не говоря уже о томъ, что для правильнаго обсужденія такого вопроса нужно прежде всего полное безпристрастіе, отреченіе отъ личныхъ вкусовъ въ пользу чисто логическихъ выводовъ; но кромѣ того, различіе во взглядѣ даже на одну какую-либо сторону вопроса—на духъ нашего народа, на степень его зрѣлости или на смыслъ русской исторіи—должно непремѣнно отозваться на общемъ выводѣ. Мы знаемъ возможность сильныхъ возраженій противъ высказанныхъ нами заключеній, потому что эти возраженія возникали въ нашемъ собственномъ умѣ; оттого мы и не считаемъ своихъ выводовъ ни единственно осуществимыми, ни единственно разумными; съ измѣненіемъ принятаго основанія измѣняется и вся перспектива. Но мы стоимъ на томъ, что эти выводы истекаютъ неизбѣжно изъ нашихъ основаній, когда разъ основанія приняты. Значитъ, мы обязаны прежде всего оправдать свою точку зрѣнія, показать, почему мы считаемъ ее исключительно правильною.

Самый разговоръ о такомъ предметѣ какъ общественное переустройство, основанное не на теоріи, а на чистой практикѣ, примѣняемое не къ отвлеченному, а къ опредѣленному народу, представляетъ то чрезвычайное затрудненіе,—что такого раз-

говора еще никогда и нигдѣ не бывало, что его приходится вести въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ стоитъ свѣтъ. Для того, чтобы могла возникнуть возможность подобнаго обсужденія нужно соединеніе условій, осуществившееся только у насъ и только теперь: зрѣлые общественные матеріалы, не сложившіеся еще ни въ какую явную форму и стоящіе подъ рукой всесильной верховной власти, могущей дать имъ—вѣроятно уже въ послѣдній разъ въ нашей исторіи—тотъ или другой исходъ. Говоримъ—въ послѣдній разъ, потому что въ теченіе полувѣка мы должны наконецъ устояться въ какомъ-нибудь опредѣленномъ видѣ. Иными словами: у насъ осуществились разомъ—неотложная необходимость принять окончательное рѣшеніе, вмѣстѣ съ полной свободой этого рѣшенія.

Всѣ другіе народы развивали одновременно и параллельно свои общественныя и государственныя формы, большею частію полусознательно, не заглядывая въ будущее. Мы же сложились въ могучее и образованное государство—безъ всякаго опредѣленнаго общественнаго склада, заготовивъ только матеріалъ для его будущаго содержанія: намъ приходится слагать свое общество въ пору возмужалости и совершенно сознательно—задача, одновременно и облегченная и непомѣнно трудная. Каково бы ни было личное мнѣніе каждаго изъ насъ о нынѣшнемъ состояніи русскаго общества, т. е. о совокупности нашихъ сознательныхъ силъ умственныхъ и нравственныхъ, въ какой бы мѣрѣ ни былъ каждый доволенъ или недоволенъ лично настоящею общественною средою, едва ли кто нибудь признаетъ за этою средою способность къ самодѣятельности въ европейскомъ смыслѣ,—способность правильно вершить ту долю задачъ, которая вездѣ въ образованномъ мірѣ лежитъ теперь уже на самомъ обществѣ. Голосъ большинства—какъ людей мыслящихъ, такъ и людей, живущихъ непосредственною жизнью, выражающихъ одни только ежедневныя впечатлѣнія, прямо указываетъ на коренной недостатокъ, мѣшающій развитой части русскаго народа стать на свои ноги—на нашу безсвязность, не допускающую сложиться сколько нибудь установленному мнѣнію; общество же есть ни что иное, какъ живое мнѣніе. Въ послѣдніе годы у насъ стала также слышаться жалоба на недостатокъ въ людяхъ,—но скудость эта явно проистекаетъ изъ того же первоначальнаго источника—изъ безсвязности. Кромѣ личностей, одаренныхъ необычайными силами,

всякій человѣкъ силенъ гораздо болѣе сборнымъ, чѣмъ своимъ личнымъ сознаніемъ общественныхъ потребностей; въ этомъ смыслѣ всѣ люди—хамелеоны, всѣ отражаютъ цвѣтъ общей подкладки, съ тою только разницею, что одни, болѣе даровитые и ревностные, отражаютъ ее ярче, опредѣленнѣе другихъ, а потому становятся вожаками толпы. При безцвѣтности же подкладки, при отсутствіи установленныхъ мнѣній, всѣ, кромѣ геніевъ, безцвѣтны. Кромѣ того, можетъ ли несвязное общество выставлять сознательныхъ и послѣдовательныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ бы оно ни было богато лично способными людьми? Кто будетъ разцѣнивать этихъ людей? Неустроенная толпа къ такому дѣлу непригодна. Оттого, при нескладности образованныхъ слоевъ, заключающихъ въ себѣ весь разумъ націи, личности дѣйствительно сильныя непремѣнно остаются въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенное, спокойное время; между ними и обществомъ нѣтъ посредствующей связи. Если они что-нибудь дѣлаютъ, то дѣлаютъ про себя и оцѣниваются только впослѣдствіи; руководство же толпою въ дѣлѣ жизни и мысли достается людямъ, наименѣе изъ нее выдѣляющимся, несдерживаемымъ, притомъ, никакими установленными условіями,—такъ какъ при общемъ разбродѣ надъ ними не оказывается никакого надзора, никакого требовательнаго мнѣнія, стѣсняющаго ихъ произволъ. Конечное послѣдствіе такого общественнаго состоянія у всѣхъ передъ глазами: русская образованная среда не руководитъ ничѣмъ, даже въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Она не можетъ выяснить власти своихъ потребностей, предоставляя ей догадываться объ нихъ; въ этомъ отношеніи намъ не поможетъ никакое дальнѣйшее развитіе учрежденій, не помогутъ никакіе новые органы, пока само общество безсильно, вслѣдствіе своего разброда. Русская образованная среда не можетъ надзирать надъ своими, ею же выбранными дѣятелями и не умѣетъ пользоваться данными ей правами—не только для постепеннаго развитія впередъ, но даже для обыденнаго примѣненія ихъ къ своимъ нуждамъ. Также точно она не даетъ покуда никакой прочной основы выраженію русской мысли, вслѣдствіе чего наша періодическая печать, какъ сказалъ недавно одинъ извѣстный писатель, за очень немногими исключеніями, пляшетъ въ присядку, служитъ не дѣлу, а потѣхѣ праздной публики. Безъ опоры твердой середины, безъ установленнаго сборнаго мнѣнія, для котораго

въ настоящее время у насъ нѣтъ почвы, люди могутъ только играть въ свободу, злоупотреблять ею во всѣхъ видахъ, но не могутъ ею пользоваться. Наше общественное безсиліе выражается однимъ словомъ: «разбродъ».

Нравственная сила всякаго народа заключается въ связности его образованныхъ слоевъ, въ извѣстномъ единствѣ ихъ воззрѣній и дѣятельности; она никогда не переживаетъ этого единства. Не смотря на богатство накопленнаго умственнаго капитала, преданій и политической опытности, современное французское общество впало въ состояніе, довольно близкое къ русскому, съ тою, однако-жъ, громадною разницею въ нашу пользу, что тамъ это состояніе есть вмѣстѣ общественное и государственное, нашъ же государственный порядокъ упроченъ тверже, чѣмъ гдѣ нибудь, стало быть, намъ есть время поправиться. Между нами и французами лежитъ еще то коренное различіе, что у нихъ общественный разбродъ показываетъ упадокъ, обозначившійся склонъ книзу, у насъ же—только невыработанность. Наше нынѣшнее общественное межеуміе, какъ послѣдствіе особыхъ обстоятельствъ и естественнаго роста, а не какихъ-либо насильственныхъ потрясеній и разрушеній, есть состояніе переходное—но лишь при условіи, чтобы оно не затянулось слишкомъ надолго и не стало привычнымъ; въ послѣднемъ случаѣ изъ него будетъ слишкомъ трудно выбраться.

Мы впали въ нынѣшнее состояніе не по своей винѣ, какъ французы, и не по чьей-либо личной винѣ; оно стояло на нашемъ историческомъ пути, какъ опасное мѣсто въ скачкѣ съ препятствіями,—а наша исторія была именно самою головоломною скачкой съ постоянными препятствіями. Отдавъ всѣ свои силы, безъ остатка, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, на созданіе государства и народа, прочно закрѣпивъ, напослѣдокъ, свое національное бытіе, мы поневолѣ должны были пойти въ науку къ Европѣ, потому что не умѣли ни развѣдывать собственныя руды, ни отливать собственныя пушки, и вынесли изъ полутора-вѣковаго обученія то, что должны были вынести изъ него—образованность и науку, но въ то же время полное обезличеніе и полную безсвязность взрощенныхъ на русской почвѣ европейцевъ, всего нашего культурнаго слоя. Обезличеніе явилось необходимымъ послѣдствіемъ умственнаго состоянія, въ которое какъ долго было погружено русское общество, заимствовавшее всякое званіе изъ чужихъ рукъ безъ

возможности провѣрить его на собственномъ дѣлѣ и собственномъ опытѣ: свое дѣло и свой опытъ были пріостановлены у насъ петровскимъ преобразованіемъ, замѣнившимъ стремленіе къ общественному развитію — развитіемъ личности. Русское правительство воспитательнаго періода учило своихъ подданныхъ, а потому не могло ни въ какой мѣрѣ учиться отъ нихъ, не могло допустить общественной самодѣятельности школьниковъ; оно воспитывало русскихъ европейцевъ не для общественныхъ, а для государственныхъ цѣлей, для арміи и администраціи, вслѣдствіе чего эти люди, представлявшіе собой все русское культурное сословіе безъ остатка, были связаны взаимно только отношеніями служебными, но были совершенно разобщены и между собою, и съ народомъ какъ граждане. Мы воспитались въ общественной безсвязности, прикрытой наружно екатерининскими губернскими учрежденіями. Обезличеніе и безсвязность—самыя явныя черты современнаго русскаго общества, хотя вовсе не коренныя его свойства, потому что истекаютъ не изъ народнаго характера, а изъ чисто школьнаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе онѣ составляютъ нашу главную, даже единственную болѣзнь, въ нихъ корни всѣхъ нашихъ частныхъ болей. Мы нуждаемся именно въ томъ лѣкарствѣ, которое способно вылѣчить насъ отъ обезличенія и безсвязности.

Какъ ни слабо было спаяно образованное русское общество, выросшее по одиночкѣ, человѣкъ за человѣкомъ, изо всѣхъ народныхъ слоевъ русской земли въ продолженіе воспитательнаго періода, оно находило еще недавно нѣкоторое, хотя наружное объединеніе въ своемъ сословномъ значеніи. Вызванное къ самодѣятельности съ окончаніемъ школьнаго періода, оно непремѣнно срослось бы, и довольно скоро, въ нѣчто цѣльное, не мѣшая развитію русской жизни ниже, подъ собою, такъ какъ оно было по существу сословіемъ не кастовымъ, а политическимъ, открытымъ снизу. Въ то время, когда совершились наши послѣднія преобразованія, всемірный опытъ достаточно уже выяснилъ условія правильнаго общественнаго развитія: можно было уже не сомнѣваться въ истинѣ, что эта правильность зависитъ исключительно отъ связности и постепеннаго, естественнаго, а не искусственнаго разростанія образованныхъ слоевъ, воспитанныхъ историческою жизнію; что право на непрерывное развитіе, не подверженное никакимъ колебаніямъ, осталось только за народами, умѣвшими оградить себя

отъ вторженія толпы въ непринадлежащую ей область — за Англіей, въ силу твердаго закона и укорененныхъ обычаевъ, за Америкой, въ силу однихъ твердыхъ политическихъ нравовъ; что существованіе полноправныхъ общественныхъ слоевъ, руководящихъ народною жизнью и способныхъ къ извѣстной долѣ единодушія, невозможно безъ прочной сердцевины—по крайней мѣрѣ у насъ, въ старомъ свѣтѣ, слишкомъ опутанномъ своимъ прошедшимъ. Все это было уже доказано опытомъ, только не для насъ, заинтересованныхъ европейскою жизнью въ смыслѣ, не историческаго урока, а занимательнаго романа, роли котораго давно уже нравились многимъ нашимъ. Когда созрѣло мнѣніе, руководимое правительствомъ, о необходимости срѣзать съ Россіи болѣзненные наросты, порожденные нашимъ прошлымъ,—крѣпостное право, безсудіе и безусловную чиновничью опеку,—мы не умѣли провести явной черты между своими собственными, русскими потребностями и чужими стремленіями, привившимися къ намъ во время нашего сидѣнья за европейскою азбукой. Передъ тѣмъ только что разыгралась крымская война, поколебавшая временно нашу давнюю увѣренность въ себя -вслѣдствіе чего русскіе культурные люди стали на извѣстный срокъ еще болѣе школьниками, еще болѣе несостоятельными существами въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ были прежде. Такое настроеніе должна было очень естественно открыть настежь двери разливу нигилистскаго пустословія. Прежде чѣмъ прошло это повѣтріе между взрослыми людьми, передѣлка нашего общественнаго строя уже совершилась,—передѣлка, несомнѣнно необходимая, осуществившая великій и благотворный поворотъ въ нашей исторіи и безупречная съ своей отрицательной стороны, устранившая все, что должно было устранить, но не замѣнившая устраняемаго, во многихъ отношеніяхъ, ничѣмъ существеннымъ. На счетъ этого существеннаго въ ту пору было еще слишкомъ трудно согласиться; намъ не доставало даже самаго начальнаго обще-житейскаго опыта, мы еще слишкомъ довѣрчиво относились къ своимъ, принятымъ на вѣру идеаламъ. Духъ, проникавшій преобразованіе шестидесятыхъ годовъ, соотвѣтствовалъ настроенію времени; выдвигавшіеся на сцену дѣятели той эпохи были почти всѣ, какъ извѣстно, представителями такъ называемыхъ «передовыхъ стремленій», все содержаніе которыхъ почерпалось не изъ жизни, а изъ заем-

ной науки нашего воспитательнаго періода; стремленія эти находили себѣ поддержку и въ недовольствѣ большинства, разочароваинаго крымскою неудачею и въ обаяніи свободнаго русскаго слова, впервые прорвавшаго плотину и не знавшаго предѣловъ своему дѣтскому увлеченію. Правительство съ своей стороны затруднялось установленнымъ преобладаніемъ высшаго сословія для того времени, когда приходилось изъять изъ-подъ руки его двадцать милліоновъ крѣпостныхъ. Хотя самый трудный шагъ въ этомъ дѣлѣ—личное освобожденіе—былъ совершенъ самимъ дворянствомъ, мѣстными помѣщиками (чему, сказать мимоходомъ, западные сосѣди наши почти отказываются вѣрить), но тѣмъ не менѣе понятно, что въ тѣ годы считалось болѣе удобнымъ разъединить сословія, чтобы окончательно упрочить самостоятельный бытъ освобожденныхъ. Жертвовать основными историческими началами, особенно когда ихъ нечѣмъ замѣнить, удобству минуты—едва ли можно считать выгоднымъ; но для каждой полосы времени интересъ текущаго часа почти всегда перевѣшиваетъ все остальное. Сила, однакожъ, въ томъ, что эта мѣра — разъединеніе сословій и между собою, и въ самихъ себѣ—имѣвшая нѣкоторое значеніе въ смыслѣ мѣры переходной, установилась надолго и обратилась въ руководящее начало,—на которомъ были воздвигнуты дальнѣйшія преобразованія. Весь этотъ итогъ разнообразныхъ теченій повліялъ прямо на исходъ дѣла. Оттого, смѣемъ думать, великія преобразованія шестидесятыхъ годовъ, вполнѣ вѣрныя духу русской исторіи съ своей отрицательной стороны и въ своей современности, неоспоримо вѣрныя также въ коренномъ основаніи въ освобожденіи народа съ землей, оказались теоретическими, не совсѣмъ русскими, со стороны положительной, въ задуманномъ ими новомъ общественномъ устройствѣ, очевидно *сочиненномъ* людьми того времени.

Вопреки примѣрамъ, стоявшимъ передъ нашими глазами, мы сдѣлали опытъ, никому еще не удававшійся въ Европѣ и шедшій въ разрѣзъ всему содержанію нашей послѣпетровской исторіи: окунулись въ полную безсословность, растворили въ массѣ свое, еще не достаточно связное, еще не созрѣвшее культурное сословіе, требовавшее времени и самодѣятельности для того, чтобы стать на ноги—и теперь вкушаемъ уже первые плоды начавшагося всеобщаго нравственнаго разброда, но только первые—далеко еще не послѣдніе плоды. Въ настоящее

время у насъ, какъ во Франціи, не набирается четырехъ человѣкъ для выраженія одного и того же мнѣнія, и нельзя связать вмѣстѣ даже двухъ человѣкъ для проведенія какого нибудь общественнаго дѣла, внѣ личныхъ интересовъ; за то, не въ примѣръ Франціи, гдѣ, по старой привычкѣ, надъ человѣкомъ стоитъ еще нѣкоторый надзоръ мнѣнія, у насъ нравственное своеволіе личности ограничивается только чертой, за которою начинается вмѣшательство власти. Связность общества, внутренняя его дисциплина, подчиняющая лицо большинству съ тѣхъ сторонъ жизни, къ которымъ официальный законъ не имѣетъ доступа—безъ чего свобода невозможна—не успѣвшая окрѣпнуть до эпохи преобразованій, расшаталась совсѣмъ, какъ только съ нашего юнаго культурнаго общества была снята прежняя обстановка, хотя бы искусственная, поддерживавшая его цѣльность; общество наше подверглось участи всякаго кирпича, съ котораго снимутъ рамку прежде чѣмъ онъ затвердѣетъ. Слѣдуя нынѣшнимъ путемъ, мы неизбѣжно придемъ къ исходу слишкомъ явному, чтобы можно было въ немъ усомниться: къ тому исходу, что русское общество, т. е. вся наша историческая культурная сила, разсыпется сухимъ пескомъ, утратитъ всякую способность къ какому либо сборному дѣлу, къ какому либо умственному или практическому почину, утратитъ всякое опредѣленное сознаніе о различіи между нравственно-должнымъ и не-должнымъ, всякую мысль объ общемъ дѣлѣ, сохраняя почтеніе къ одной только истинѣ — къ практической истинѣ личныхъ интересовъ. Вѣнцомъ такого общества станетъ видимо выростающая у насъ еврейская биржевая аристократія, какъ подательница единственнаго блага, сохраняющаго свою цѣну одинаково и въ глазахъ потомковъ Пожарскаго и въ глазахъ семьи Минина. Наше общество будетъ въ состояніи производить, можетъ быть, лично способныхъ людей, но не выработаетъ ничего изъ самаго себя, не сложится ни во что опредѣленное. Намъ придется или дожидаться того счастливаго часа, когда весь русскій народъ поголовно обратится въ американскій въ отношеніи политической зрѣлости,—конечно, по вдохновенію свыше, потому что нынѣшнимъ путемъ мы не придемъ къ такому концу, — или же оставаться на вѣки народомъ, способнымъ жить только подъ строгимъ полицейскимъ управленіемъ; наша будущность ограничится одною постоянною перекройкою административныхъ учрежденій. Не-

чего и говорить, что на такомъ основаніи русская мысль и самобытная закваска, вложенная въ русскій народъ его исторіей, пропадутъ даромъ, не разовьются ни во что осмысленное. Нашъ упадокъ совершится постепенно, не вдругъ, но совершится непремѣнно. Кто тогда будетъ правъ?—Рѣшаемся выговорить вслухъ: одна изъ двухъ силъ—или русская полиція, или наши цюрихскіе бѣглые съ ихъ будущими послѣдователями. Судьба Россіи, лишенной связнаго общества, будетъ со временемъ поставлена на карту между этими двумя партнерами.

Если наша насущная потребность, наше спасеніе, заключается въ общественномъ объединеніи, то мы можемъ спастись только возвращеніемъ на свой историческій путь, явно начертанный всѣмъ нашимъ прошлымъ—можемъ найдти объединеніе лишь въ единственной гражданской группѣ, нѣсколько привыкшей къ связности — въ наслѣдственномъ культурномъ сословіи, заключающемъ въ себѣ покуда итогъ русской сознательной силы, составляющемъ единственное наслѣдство, полученное нами отъ петровскаго періода, а не въ сочиненіи чего-либо новаго и произвольнаго, еще никогда не удавшагося въ исторіи. Мы далеки отъ мысли о какой либо кастовой исключительности по крови и породѣ; мы считаемъ, вмѣстѣ съ большинствомъ, русскую монархію—монархіей чисто-народной въ своей сущности; мы хорошо понимаемъ, что Россія, созданная, одна изъ всѣхъ государствъ свѣта, не завоеваніемъ, а обще-народною потребностью единства, не имѣетъ никакого повода предпочитать одну группу гражданъ другой, независимо отъ личной способности людей; мы вполнѣ вѣримъ въ русскій народъ, не миѳологическій народъ славянофиловъ, обладающій небывалыми на свѣтѣ качествами, а въ дѣйствительный народъ, доказавшій много разъ свои великія свойства—и въ пору созданія московскаго государства, и въ 1612, и въ 1812 годахъ,—въ народъ, который нынѣ, распущенный и оставшійся почти безъ надзора, ведетъ себя все-таки лучше европейской черни, у которой стоятъ по двѣ няньки надъ душой; наконецъ, мы чистосердечно вѣримъ въ будущность самобытно-развившейся всесословной Россіи. Но мы не вѣримъ тому, чему исторія не представляетъ примѣра, что отвергается разумомъ и самыми законами природы: возможности развитія безчисленнаго населенія, еще не выработавшаго себѣ оконча-

тельныхъ формъ, но уже заранѣе приведеннаго въ состояніе неразчлененнаго, безсословнаго студня; населенія, надъ которымъ не стоитъ явно очерченное, самодѣятельное, исторически-воспитанное культурное общество, скрѣпленное въ одно цѣлое чѣмъ бы то ни было: закономъ, обычаемъ или интересами; населенія, въ которомъ неразвитая масса предоставлена на произволъ ея инстинктовъ, а правительственное дѣйствіе — единственная живая у насъ сила—проводится исключительно посредствомъ наемниковъ—казеннаго чиновничества, въ сущности столь же чуждаго видамъ власти, какъ и мѣстнымъ пользамъ, а главное—чуждаго русскому народу, всѣмъ нравственнымъ сторонамъ его жизни, болѣе чѣмъ какое либо изъ нашихъ сословій. Несмотря на наружное сходство административныхъ формъ нынѣшняго времени и недавно окончившейся эпохи, между ними легла бездна. Пока русское дворянство составляло связное сословіе, какъ ни слабо оказывалось его политическое воспитаніе, оно все-таки было проникнуто чувствомъ своей обязанности къ престолу и Россіи; оно вносило это чувство въ государственную службу, военную и гражданскую; дворяне, получавшіе жалованье, были служилыми людьми своего отечества, а не простыми наемниками; мелкіе исполнители стояли подъ ихъ рукой; въ русскую службу вносился духъ не какихъ либо личностей только, а духъ сословія. Немного времени прошло со дня растворенія нашего отборнаго слоя въ массѣ, растворенія далеко еще не полнаго, а послѣдствія его сказались уже яркими чертами въ арміи, въ администраціи, а болѣе всего въ самомъ обществѣ, утрачивающемъ со-дня-на-день всякую нравственную дисциплину. Отдѣльный человѣкъ, какъ членъ общества, есть ничто, если онъ не какой нибудь исключительный герой; онъ силенъ и предпріимчивъ только взаимною поддержкою, онъ благонадеженъ только взаимнымъ ограниченіемъ; гдѣ нѣтъ связнаго общества, тамъ нѣтъ и надежныхъ людей. Оставаться въ нынѣшнемъ положеніи значитъ—не жить совокупною жизнію. Чѣмъ же, въ чемъ же, около чего же мы можемъ связаться? Единственный общественный слой въ Россіи, не только достаточно образованный, не только проникнутый въ извѣстной мѣрѣ историческими преданіями, но единственный, сохранившій хотя нѣкоторую привычку къ связности, къ подчиненію себѣ своихъ членовъ—есть дворянство, и только оно. Сознавая очень хорошо вре-

менное обезличеніе, политическую нестройность, малую привычку къ дружному дѣйствію, еще усиленную отвычкою послѣднихъ годовъ, признавая всю недозрѣлость русскаго дворянства, воспитаннаго, можно сказать, не сословно, а въ одиночку, разсыпавшагося на половину, вдобавокъ, во всѣ стороны со времени преобразованій, мы все-таки не знаемъ въ Россіи никакого другого общества, кромѣ дворянскаго, не видимъ никакого другого матеріала, который могъ бы послужить основаніемъ связному, мыслящему и политическому русскому обществу, кромѣ дворянства. Всѣ знаютъ, что наше дворянство—не самостоятельное сословіе въ государствѣ и не можетъ быть такимъ, потому что оно есть твореніе верховной власти; что оно—не каста, а учрежденіе чисто-политическое, первый приступъ къ организаціи Россіи, не успѣвшей еще вполнѣ организоваться; даже менѣе того: оно покуда только можетъ стать политическимъ учрежденіемъ въ пособіе самой власти, до сихъ же поръ было лишь сословіемъ служилымъ, а потому оно никакъ не въ состояніи злоупотребить своимъ положеніемъ для собственныхъ сословныхъ цѣлей; но зато оно одно можетъ дать намъ то, чего у насъ теперь положительно нѣтъ и безъ чего нельзя жить: стройность и совокупность русскаго общества, обязательное мнѣніе и способность къ общественному почину, не стѣсняя никакого проявленія жизни внизу, принимая въ себя всѣ притоки выростающихъ изъ почвы силъ, служа сознательно верховной власти и направляя народъ въ свойственномъ ему духѣ, а не въ духѣ канцелярскаго прогресса. Русское дворянство, организованное и открытое, составляющее союзъ образованныхъ русскихъ родовъ, какого бы они происхожденія не были, тѣсно сплоченное съ верховною властью, надолго обезпечитъ правильное развитіе Россіи, обезпечитъ его до тѣхъ поръ, пока не воспитаетъ народъ до всесословности—не на словахъ, а на дѣлѣ. Конечно, нужно время, вѣроятно даже цѣлое поколѣніе, для того, чтобы сложить въ связное сословіе наше дворянство и все, что должно прирости къ нему въ настоящемъ и будущемъ; разомъ ничего не дѣлается, а теперь, когда нашъ культурный слой расшатался и расплылся, для сращенія его требуется еще больше времени, чѣмъ понадобилось бы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; но у насъ нѣтъ другого выхода изъ нынѣшняго неладнаго и ничего не обѣщающаго впереди положенія. Ни

наше общество, ни наша армія, ни наши учрежденія не могутъ поправиться и развиться безъ новой склейки, ядромъ которой можетъ служить только то, что дѣйствительно у насъ есть—петровское дворянство съ крупнымъ купечествомъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Обращаясь къ образованнымъ кругамъ, несущимъ на своихъ плечахъ житейскія тягости, некого, кажется, убѣждать въ той истинѣ, что мы находимся въ полномъ нравственномъ разбродѣ и что въ такомъ положеніи нельзя оставаться. Громадное большинство нашихъ развитыхъ людей сознаютъ необходимость организовать русскую жизнь, дать ей средоточіе. Но если большинство пришло къ сознанію этой потребности, то взгляды его на причины нашего общественнаго разобщенія, а стало быть и на средства къ излѣченію, очевидно еще не объединились. Наше образованное и даже просто практическое большинство, офиціальное и частное, видитъ необходимость устроить нынѣшній непорядокъ, поставить объединеніе на мѣстѣ разлада и предоставить управленіе мѣстною жизнію, вершеніе чисто общественныхъ задачъ, благонадежнымъ рукамъ, но чьимъ именно рукамъ — это вопросъ еще колеблющійся. Онъ колеблется потому именно, что на него смотрятъ почти исключительно съ одной только стороны, формальной и внѣшней—со стороны задачъ мѣстнаго самоуправленія, между тѣмъ какъ въ немъ заключается еще внутренняя и гораздо важнѣйшая сторона, чисто нравственная — вопросъ о нашей общественной цѣльности, о развитіи и организаціи русскаго мнѣнія, русскихъ направленій и русской сборной дѣятельности, которыя могутъ сложиться и явно высказаться только въ твердо установленномъ кругѣ людей сознательныхъ, понимающихъ другъ друга и свои права, привыкшихъ къ совокупному дѣйствію, идущихъ къ одной цѣли, хотя бы различными путями. Безъ этихъ условій у насъ никогда не сложатся большія, дисциплинированныя группы единомышленниковъ и не окажется господствующаго мнѣнія, т. е. Россія никогда не станетъ нравственно организованною страной. Извѣстно, что никакое тѣло, растворенное въ слишкомъ большомъ количествѣ жидкости, не кристаллизуется. Вотъ важнѣйшая сторона вопроса. Время требуетъ (надо прибавить—всегда требовало) объединенія русскаго историческаго слоя, выросшаго и выростающаго изъ слоевъ стихійныхъ, способнаго осуществить

въ себѣ самостоятельную умственную жизнь Россіи и стать сознательнымъ, отвѣтственнымъ во всемъ своемъ объемѣ орудіемъ верховной власти, для развитія нашего будущаго. Эта вторая потребность очевидно господствуетъ надъ первою—надъ пригодностію тѣхъ или другихъ формъ мѣстнаго самоуправленія, хотя въ тоже время даетъ и ей самой правильный исходъ. Въ русскихъ уѣздахъ существуетъ только то разумное общество, которое существуетъ въ русскомъ государствѣ; устройство швейцарскаго кантона въ такой степени не соотвѣтствуетъ состоянію нашего уѣзда, въ какой общее устройство швейцарскаго союза не соотвѣтствовало бы состоянію русской имперіи.. Задача текущаго времени рѣзко отличается отъ той, которую большинство нашего общества радостно привѣтствовало въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; тогда, выйдя въ первый разъ на волю изъ полуторавѣковой школы, мы желали прежде всего осуществленія своихъ завѣтныхъ, хотя напускныхъ идеаловъ; теперь же намъ приходится думать объ удовлетвореніи нашимъ вопіющимъ потребностямъ. Мы пожили съ тѣхъ поръ и понабрались опытности.

Можно спокойно ожидать часа, когда мнѣніе о необходимости общественной связности, такъ же какъ о невозможности оставить народную толпу безъ просвѣщеннаго руководства, станетъ всеобщимъ между нашими образованными людьми. Но какимъ путемъ достигнуть этихъ цѣлей? Въ этомъ отношеніи, насколько можно оглядѣться въ нынѣшней нестротѣ взглядовъ, существуютъ три главныя мнѣнія: одни думаютъ что дѣло обойдется само собою, безъ законодательныхъ мѣръ, и что нашъ культурный слой собственною силою всплыветъ на верхъ, что мы сростемся потихоньку; другіе, сознающіе потребность объединенія безъ проволочки и не вѣрящіе быстрому торжеству однѣхъ нравственныхъ началъ въ неустроенномъ обществѣ, хотятъ исключительнаго господства ценса, съ устраненіемъ всякой сословности; третьи, наконецъ, и мы въ томъ числѣ, довѣряютъ также мало спасительному дѣйствію ценса въ самомъ себѣ, какъ и самобытному торжеству разума, и думаютъ, что въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ вещественномъ мірѣ, ничто не слагается безъ центра тяготѣнія.

Первое мнѣніе — о самородномъ и безыскусственномъ возстановленіи русской цѣльности — не выдерживаетъ критики. Всякая сила, конечно, имѣетъ вѣроятность восторжествовать

рано или поздно, если она сила совокупная, растущая; но въ томъ и дѣло, что у насъ существуютъ только запасы общественной силы, а связаться имъ не на чемъ. Подъ щитомъ сильнаго правительства, обезпеченные въ сохраненіи наружняго порядка, мы можемъ долго прожить въ состояніи безпорядка внутренняго, такъ долго, что наконецъ по привычкѣ утратимъ вѣру во все на свѣтѣ, кромѣ одной полиціи; тогда будетъ уже поздно поправляться. Тамъ, гдѣ есть привычка къ общественному объединенію, препятствія не страшны. Еслибъ Англія была вдругъ погружена въ анархію какимъ-либо нежданнымъ переворотомъ, то все-таки нечего было бы опасаться за ея общество, за ея владычествующую и связующую силу: англійское общество могло бы утратить свои историческія формы, но оно не утратило бы ни своего нравственнаго господства въ странѣ, ни своей стойкости и цѣльности, какъ не утратили ихъ англійскіе культурные классы на американской почвѣ. Дѣйствительная сила всегда возьметъ свое; но у насъ вопросъ идетъ не о проявленіи силы существующей, а о томъ, чтобъ эта сила могла сложиться на нашей бездѣйственной почвѣ сама собой, не только безъ поддержки закона, но вопреки закону, недавно упразднившему завязи ея, начавшія было складываться. Мы всѣ видимъ своими глазами какъ русское общество стало съ тѣхъ поръ расшатываться, терять всякое единство; но не видимъ никакой причины, даже въ будущемъ, которая могла бы сама собой породить обратное движеніе. Если бы даже такое движеніе могло возникнуть само собою когда нибудь, что вовсе невѣроятно, то, въ ожиданіи этого счастливаго дня, мы настолько отстали бы нравственно отъ всего свѣта, въ такой вѣкъ, когда всякій слабый виноватъ, что поплатились бы за внутреннее неустройство даже своимъ международнымъ положеніемъ.

Разбирая вышеприведенное мнѣніе, мы не касались двухъ разрядовъ людей: тѣхъ, которымъ всесословность мила по вкусу, которые любятъ ее какъ учрежденіе *либеральное* и видятъ ней обезпеченіе воображаемыхъ правъ народа противъ захвата высшихъ сословій—однимъ словомъ, людей, смотрящихъ на безсословность какъ на плодотворное начало въ самой себѣ и ожидающихъ отъ нея неизвѣстныхъ имъ самимъ, но во всякомъ случаѣ хорошихъ послѣдствій; тѣхъ также, для которыхъ безсословность составляетъ средство, а не цѣль. Первые у насъ очень много-

численны, но наклонность ихъ нельзя назвать прямо мнѣніемъ, — это больше вкусъ, а о вкусахъ не спорятъ. Въ другихъ земляхъ иначе. Правильно или утопически понимаетъ европейское фабричное населеніе свои пользы, силясь оторваться отъ культурныхъ слоевъ страны, но на западѣ это движеніе существуетъ, оно было достаточно сильно, чтобы провести законъ о всеобщемъ голосованіи, оно вызвало не мало печальныхъ, но тѣмъ не менѣе крупныхъ явленій въ народной жизни; тамъ оно дѣйствительность, а потому естественно находитъ въ образованныхъ кругахъ сторонниковъ и вожаковъ. Въ нашемъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ стремленій къ обособленію по множеству причинъ, давно уже указанныхъ, между прочимъ указанныхъ и въ нашей книгѣ. Русскій народъ — земледѣльческій, осѣдлый до такой степени, что даже въ Петербургѣ онъ не разрываетъ связи съ родною деревнею; не скученный въ городахъ, всегда бывшій собственникомъ на дѣлѣ, а теперь ставшій имъ по праву; онъ, правда, не устроенъ еще вполнѣ въ качествѣ собственника, но не устроенъ потому, что бюрократическая опека, взявшая его на свое попеченіе, не въ силахъ идти далѣе наружнаго устройства; есть надежда весьма сбыточная, что у насъ можетъ широко развиться артельное производство и что вслѣдствіе того преобладаніе капитала не станетъ въ Россіи такимъ гнетомъ какъ въ Европѣ; но даже этотъ вопросъ, при слабомъ развитіи русской промышленности, принадлежитъ еще будущему, а не настоящему и не можетъ покуда вызывать никакихъ практическихъ мѣръ. Затѣмъ, сословной борьбы въ Россіи не было и не будетъ, по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ сословій въ западно-европейскомъ смыслѣ, а есть только два слоя — образованный и необразованный, — изъ которыхъ первый, по необходимости, служилъ, служитъ и будетъ служить орудіемъ правительственнаго дѣйствія. Вопросъ въ томъ, какой видъ службы этого слоя наилучше соотвѣтствуетъ условіямъ времени — чисто казенный, какъ нынѣ, или земскій? Рѣчь идетъ не о передвиженіи властнаго положенія изъ одного общественнаго пласта въ другой, что дѣйствительно отзывалось бы переворотомъ; оно остается неизбѣжно въ томъ же самомъ слоѣ, способномъ его нести; дѣло въ томъ, чтобы сложить образованныхъ русскихъ людей, имѣвшихъ до сихъ поръ лишь значеніе казенныхъ чиновниковъ, въ связную, по возможности самостоятель-

ную гражданскую группу, остающуюся, какъ и прежде, прямымъ орудіемъ верховной власти. Эта потребность вызывается не теоріею, а дѣйствительностію, такъ какъ нашъ разрозненный культурный слой, объединяемый только механически государственною службою, оказывается съ каждымъ днемъ все безсильнѣе передъ возникающими общественными задачами. Онѣ становятся не по плечу ему, не только по отчужденности его отъ почвы и дѣйствительной жизни, но также вслѣдствіе въѣвшагося въ него, очень понятнаго равнодушія и къ общему дѣлу и къ кореннымъ государственнымъ основамъ; большинству всякаго чиновничества все равно отъ кого получать жалованье, лишь бы получать его; характеръ наемничества вытравляетъ изъ него все болѣе гражданское чувство, а между тѣмъ для земской дѣятельности остается лишь оборышъ людей. Для собственнаго обезпеченія, правительству выгодно обратить созданный имъ культурный слой изъ слугъ наемниковъ въ вѣрноподданныхъ гражданъ, повѣряющихъ другъ друга передъ лицомъ всей земли. При безформенности, какъ и при общественной сомкнутости, значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, народъ находится подъ его же управленіемъ, но мѣра пользы, приносимая имъ, будетъ совсѣмъ иная. Исключительное значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, только лучше приспособленнымъ къ потребностямъ времени. Спорить о такомъ приспособленіи можно лишь въ смыслѣ политическихъ, а не соціальныхъ видовъ, которые остаются тутъ не причемъ. Наконецъ наша верховная власть, общенародная по своему происхожденію, никогда не допуститъ преобладанія одной группы русскихъ людей надъ другою, въ ея личную пользу, независимо отъ пользъ государственныхъ. При такомъ національномъ складѣ, мы смѣло можемъ сосредоточить помыслы на потребностяхъ текущей эпохи, не принимая въ расчетъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ западную Европу, и не пробуя кроить себѣ политическаго платья съ запасомъ, для неизвѣстныхъ нуждъ отдаленныхъ поколѣній. По самой сущности единственныхъ нашихъ русскихъ дѣйствительностей, образуемыхъ двумя полюсами—историческою верховною властію и духомъ народа,—потребное намъ, осмысленное современное устройство, есть только форма, организація общества, соотвѣтствующая его росту; она не заковываетъ жизнь будущихъ поколѣній въ какой либо неизмѣнный

типъ, не предрѣшаетъ нисколько того, что кажется нужнымъ Россіи черезъ сто или двѣсти лѣтъ. Наша исторія послѣдовательно мѣняла орудія, посредствомъ которыхъ правительство проводило свои дѣйствія въ страну; стало быть, ей и теперь нѣтъ надобности стѣснять себя изъ-за фантастическихъ соображеній о потребностяхъ грядущихъ поколѣній, тѣмъ болѣе, что человѣку не дано заглядывать такъ далеко въ будущее. «Нѣсть бо ваше вѣдѣніе времена и вѣки», сказалъ всемірный учитель. Современныя же нужды — не только общества, но простонародья, требуютъ у насъ прежде всего совокупности, взаимодѣйствія и просвѣщеннаго руководства, невозможныхъ безъ связности образованнаго слоя. Такое руководство необходимо болѣе всего самому же народу, для того, чтобы развить врожденныя ему способности; самъ по себѣ въ цѣлую тысячу лѣтъ онъ развился лишь до того состоянія, въ которомъ пребываетъ на нашихъ глазахъ. Русское простонародье понимаетъ свои выгоды несравненно яснѣе книжныхъ своихъ сторонниковъ: оно мало довѣряетъ выборному начальству изъ своей среды полагается гораздо болѣе на мѣстнаго помѣщика, чѣмъ на либеральнаго чиновника, не знаетъ никакой зависти къ высшимъ классамъ, выросшимъ и повседневно выростающимъ изъ его же среды. Надобно полагать, что русскому сельскому люду показалось бы довольно забавнымъ предложеніе: потерпѣть неурядицу неопредѣленное время для того, чтобъ когда нибудь, какое нибудь изъ русскихъ поколѣній не было стѣснено существующими формами въ свободномъ выборѣ своего общественнаго устройства. Надобно думать, что этому вожделѣнному поколѣнію пришлось бы даже не подъ силу строить что бы то ни было — оно слишкомъ отупѣло бы отъ вѣковой разладицы. Между тѣмъ — вотъ все, на что сводятся доводы любителей безсословности ради самой безсословности. Умнѣйшіе изъ нихъ понимаютъ невозможность оставаться долго въ чисто-хаотическомъ состояніи и ищутъ выхода — не въ общей и явной связности по закону и обычаю, а въ частномъ, какъ бы потайномъ сростаніи въ средѣ каждой общественной группы особо — что, во-первыхъ, не подаетъ никакой надежды на успѣхъ и вовсе не достигаетъ существенной цѣли, а во-вторыхъ — доказываетъ внутреннее признаніе самаго принципа, съ желаніемъ обойти его во что бы ни стало — изъ-за личнаго вкуса. Каковы бы ни были взгляды нашихъ сторонниковъ безформен-

ности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, они очевидно принадлежатъ къ еретической для науки сектѣ, вѣрующей въ самозарожденіе; они ждутъ всходовъ тамъ, гдѣ ничего не посѣяно и не хотятъ понять, что безформенность, являющаяся не въ колыбели общества, а въ порѣ его сознательности, можетъ развиваться только въ свойственномъ ей духѣ; что безформенность текущаго дня обращается въ двойную безформенность завтрашняго и тройную послѣдующаго, пока наконецъ нравственныя силы народа, не высказавшись, придутъ въ разложеніе и нація начнетъ скатываться по обратному склону.

Мы не станемъ распространяться о немногихъ людяхъ, видящихъ въ нынѣшней безсословности лишь средство—для осуществленія желаній, въ которыхъ они не могутъ признаться. Такой разговоръ въ печати невозможенъ. Но для насъ не составляетъ сомнѣнія тотъ выводъ, что даже эти люди, и даже съ ихъ исключительной точки зрѣнія, глубоко ошибаются; массу можно поворотить въ какую бы то ни было сторону только умственными силами, которыя должны образовать прежде нѣчто цѣльное, способное слагаться въ опредѣленныя группы; иначе происходитъ лишь одно послѣдствіе—только впадаетъ въ китайскій застой и всякое желаніе дѣйствовать на нее уподобляется тогда затѣѣ—вызвать бурю на морѣ, дуя на него съ берега. Возстановленіе общественной цѣльности разсѣетъ, очевидно, утопіи этихъ искателей приключеній, они увидятъ въ очію свою ничтожность, какъ только можно будетъ сосчитать направленія; но тогда, по крайней мѣрѣ, они явно поймутъ причины своей несостоятельности, чего теперь не могутъ понять. Увѣковѣченіе современнаго разлада не обѣщаетъ выгоды никакому *мнѣнію*, ни съ какой точки зрѣнія; но оно представляетъ положительный вредъ всякому *дѣлу*, общему и частному, дѣлу всякихъ людей, каковы бы ни были ихъ личныя стремленія. Потому, оставляя въ сторонѣ мнѣніе о самозарожденіи русскаго общества, какъ противное законамъ природы, отвергающимъ всякое самозарожденіе, сосредоточимъ исключительное вниманіе на сбыточномъ.

Второе мнѣніе—о возможности создать живое русское общество исключительно посредствомъ ценса—нельзя не назвать серьезнымъ: оно приводитъ въ свою пользу вѣскіе доводы; тѣмъ не менѣе мы считаемъ и этотъ способъ недостигающимъ цѣли, имѣемъ явныя причины, какъ читатели увидятъ, счи-

тать его такимъ. Главный доводъ сторонниковъ этого мнѣнія состоитъ въ трудности,—по ихъ словамъ, почти невозможности—воскресить русское дворянство въ его прежнемъ сословномъ видѣ, вновь вдохнуть въ него жизнь. Они говорятъ: «Наше дворянство, во-первыхъ, разсыпалось. Въ переходное время преобразованій, тѣ изъ русскихъ помѣщиковъ, которые имѣли побольше средствъ, уѣхали за границу, тѣ, которые имѣли ихъ меньше, вторично поступили на службу, или перебрались въ города; ни тѣхъ ни другихъ теперь уже не соберешь. Наши уѣзды опустѣли до такой степени, что даже для нынѣшней земской службы, съ ея тѣснымъ кругомъ дѣйствія, нѣтъ достаточнаго числа благонадежныхъ людей. Уцѣлѣла одна только петербургская аристократія, поголовно-служащая или считающаяся на службѣ, давно уже ставшая совершенно чуждою областямъ. Кромѣ того, слабая связь, соединявшая дворянство въ сословіе, теперь почти совсѣмъ распалась; само общество не дѣлаетъ никакого различія между мѣстнымъ дворяниномъ и всякимъ другимъ ценсовымъ владѣльцемъ. Въ третьихъ, дворянство потеряло вѣру въ себя и въ свое значеніе; разстроенное однажды, оно будетъ смотрѣть на себя, если его сомкнуть вновь, какъ на наружное учрежденіе, подверженное въ будущемъ опять можетъ быть новой ломкѣ, а не какъ на твердое самостоятельное сословіе. Въ четвертыхъ, человѣкъ силенъ только сборнымъ духомъ своего общества, а съ тѣхъ поръ какъ дворянское общество перестало быть дѣйствительностію и обратилось въ нарицательный сборъ землевладѣльцевъ, въ немъ замѣтно ослабѣлъ прежній духъ: гдѣ тѣ люди изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, какихъ мы знали—стойкіе, полные уваженія къ своему званію и доброжелательные къ низшимъ, къ которымъ ходилъ судиться весь околотокъ? Возможно-ли, прибавляютъ сторонники ценса, воскресить прошлое и не признать дѣйствительности какъ она есть. Конечно, у насъ теперь нѣтъ общества и оставаться въ такомъ состояніи нельзя. Но за неимѣніемъ дворянства, можно попытаться связать въ нѣчто цѣльное—имущественные, ценсовые классы».

Мы не ослабляли доводовъ этого мнѣнія, напротивъ, рады были бы усилить ихъ новыми, чтобы освѣтить дѣло со всѣхъ сторонъ; мы ищемъ не литературнаго успѣха, а выхода изъ нашего современнаго хаоса, а потому не отвращаемъ умыш-

ленно глазъ отъ дѣйствительности. Въ вышеприведенныхъ доводахъ несомнѣнно есть много правды, но только эта правда нисколько не измѣняетъ постановки дѣла: она не доказываетъ ни возможности сложить прочное, охранительное общество безъ исторической сердцевины, изъ такихъ несвязныхъ лоскутьевъ, какъ случайный имущественный ценсъ, ни возможности найти въ Россіи какую бы то ни было склейку, какую нибудь, хотя бы расшатанную, привычку къ единству и связности внѣ дворянства. Во внутреннемъ обозрѣніи «Вѣстника Европы» за январь 1874 года была съ рѣдкою силою выяснена немыслимость надежды—создать стройное и охранительное политическое общество изъ всѣхъ выигравшихъ нумеровъ текущей спекуляціи. Въ томъ же журналѣ была помѣщена замѣчательная статья г. Маркова о вопросѣ—кто можетъ вести мѣстное самоуправленіе и кому вѣритъ русскій народъ. Всѣ читали письма изъ провинціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Мы указали только на выдающіеся труды въ этомъ родѣ,—но ихъ много, наше общество начинаетъ высказываться, и изъ показаній его достаточно видно, насколько оно вѣритъ и въ успѣхъ безсословности, и въ спасительную силу одного ценса. Но дѣло не въ статьяхъ. Въ глазахъ свѣта стоитъ довольно примѣровъ, какъ удачно ценсъ, самъ по себѣ, спасалъ европейское общество. До сихъ поръ ценсовое сословіе удалось только въ Англіи, потому что оно явилось тамъ не бюрократическимъ спискомъ крупныхъ плательщиковъ податей, а постепеннымъ разростаніемъ высшаго историческаго сословія страны, органически сращавшаго и сращающаго съ собою все подымающееся вверхъ. Но этотъ же самый ценсъ, введенный искусственно, какъ учрежденіе,—какъ нѣкоторые предлагаютъ ввести его у насъ,—во французское общество, не сплотилъ и не спасъ ничего; вооруженная ценсовая буржуазія была взята въ плѣнъ нѣсколькими сотнями уличныхъ оборванцевъ. Во Франціи же дѣло шло только объ охраненіи общества, у насъ оно идетъ—о созданіи его. Какая связность, а главное—какая умственная цѣльность, необходимая для установки русскаго общественнаго мнѣнія, можетъ быть достигнута бумажнымъ объединеніемъ самыхъ разнородныхъ, чуждыхъ между собою даже въ коренныхъ понятіяхъ, плохо-понимающихъ другъ друга единицъ, не соприкасающихся между собою внѣ официально навязанныхъ имъ занятій? Между тѣмъ, эти же самые люди,

примыкающіе постепенно—одни потомственно, другіе лично — къ средѣ уже установленной и представляющей хотя нѣкоторую связность, непремѣнно станутъ проникаться ея духомъ и свяжутся между собой органически. Политическое общество, построенное на такихъ началахъ, будетъ имѣть подъ собой основаніе, способное къ дальнѣйшему развитію; во всякомъ же случаѣ мы пойдемъ впередъ англійскимъ ходомъ, который привелъ къ чему нибудь положительному, а не французскимъ, который привелъ только къ септеннату. Если бы намъ пришлось необходимо выбирать между политическимъ обществомъ исключительно ценсовымъ и нынѣшнимъ безсословнымъ разладомъ, мы не колеблясь предпочли бы второй. Русскій народъ самъ по себѣ, какъ охранительный устой, вѣрный своимъ кореннымъ преданіямъ, вполнѣ благонадеженъ. Неудобство нынѣшняго склада заключается въ томъ, что этому народу приходится рѣшать вопросы на три четверти для него недоступные— причемъ, естественно, онъ становится жертвою всякихъ интригъ въ пользу личныхъ интересовъ. Съ развитіемъ нашей общественной жизни число недоступныхъ народу вопросовъ возрастетъ до $^9/_{10}$, что затормозитъ все дѣло; съ тѣмъ вмѣстѣ растворенное въ массѣ культурное общество останется на вѣки не сложившимся. Но при нынѣшнемъ устройствѣ, наша сборная жизнь основана все-таки на почвѣ, хотя и непроизводительной, а не на флюгерѣ, какъ было бы съ передачею ея въ руки такой мѣщанины, какую представляетъ нынѣшній русскій ценсъ, особенно не высокій,—потому что ценсъ высокій, господство исключительно богатыхъ людей, у насъ немыслимо; оно слишкомъ противорѣчитъ русскимъ нравамъ.

Недостатки русскаго дворянства въ его нынѣшнемъ видѣ очевидны; но они не такого свойства, чтобы можно было не только отчаяваться за него, но даже сомнѣваться въ томъ, что наше дворянство можетъ служить надежною сердцевиною русскому культурному слою, какъ будущему политическому сословію, и русской умственной жизни. А какъ внѣ дворянства у насъ положительно ничего нѣтъ, то и выбирать не изъ чего. Общіе же недостатки нашего дворянства, какъ всякій знаетъ, состоятъ въ разрозненности, значительно увеличившейся еще въ послѣдніе годы, и въ отсутствіи гражданскаго воспитанія—откуда и обезличеніе, и шаткость. Какъ исключительно служилое, оно связывалось только вокругъ престола,

въ государственной дѣятельности; но по крайней мѣрѣ эта связь, вмѣстѣ съ извѣстною однородностію воспитанія и преданій, осталась въ немъ и только въ немъ одномъ; она легко перейдетъ въ связность гражданскую, земскую, какъ только наше историческое сословіе будетъ поставлено передъ настоящимъ дѣломъ—поставлено какъ сословіе, а не какъ сборъ несвязныхъ личностей. Частные же вышеуказанные недостатки дворянства, на которые упираются сторонники исключительнаго ценса, составляютъ принадлежность—не сословія, а только нынѣшней переходной полосы времени. Отказываться отъ единственнаго орудія общественной силы, оставленнаго намъ въ наслѣдство многовѣковой исторіей, изъ-за временныхъ его несовершенствъ, значило бы дать ему ржавѣть еще болѣе и добровольно увѣковѣчивать наше неутѣшительное настоящее. Всѣ недостатки русскаго культурнаго слоя привиты ему школьнымъ періодомъ и теоретическимъ переустройствомъ, а потому всѣ они излѣчиваются дѣятельною общественною жизнью. Начнемъ съ перваго недостатка. Покуда, правда, наша аристократія (служебная—другой у насъ никогда несуществовало) дѣйствительно оторвана отъ своего сословія, что сильно подрываетъ его значеніе. Со временъ Петра Великаго верхушки привилегированнаго класса постоянно замыкались въ столицахъ и не составляли одного тѣла съ областнымъ дворянствомъ, въ силу тѣхъ же условій, которыя разъединяли все дворянство между собою—въ силу потребностей государственной службы. Для этихъ цѣлей исключительно создавались у насъ и новая аристократія, и все культурное сословіе. Очевидно, что съ измѣненіемъ способа правительственнаго дѣйствія сообразно спросу времени, съ перенесеніемъ центра управленій изъ канцелярій въ земство, большинство дворянства, служившаго до сихъ поръ верховной власти въ качествѣ слугъ-чиновниковъ, обратится въ ея слугъ земскихъ; въ земствѣ будетъ составляться репутація людей; земство, а не столичныя гостиныя и министерскія канцеляріи станутъ разсадникомъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Такое же разсредоточеніе (вмѣсто нынѣшняго военно-окружнаго) крайне необходимо для арміи; высшее и низшее дворянство должны быть одинаково разлиты въ ней. Когда двойное это перемѣщеніе совершится,—а безъ него мы не обойдемся—тогда большинству богатыхъ русскихъ родовъ не зачѣмъ будетъ скопляться въ столицѣ—праздная жизнь внѣ

всякой службы не въ нашихъ нравахъ; для своей прямой пользы они станутъ начинать карьеру на родинѣ, сольются съ мѣстнымъ земствомъ и станутъ его головою. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ нашей сословной неокрѣплости разсѣется сама собою.

Тоже самое, и еще точнѣе, должно сказать о нынѣшней разсыпанности дворянства, объ опустѣніи нашихъ уѣздовъ. Это явленіе дѣйствительно существуетъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ новымъ будто бы нравамъ сословія; въ немъ выразилась только особенность переходнаго времени. Конечно, теперь уже трудно собрать всѣхъ помѣщиковъ, разбѣжавшихся тринадцать лѣтъ тому за границу и въ города, но большинство ихъ вернется, когда увидитъ приличное для себя положеніе въ родной мѣстности; а затѣмъ у этихъ доморощенныхъ эмигрантовъ есть дѣти, уже взрослые, дѣло же идетъ не собственно о текущемъ часѣ, а о нашемъ будущемъ. Главное же, наше культурное общество, ставшее опять государственнымъ сословіемъ, будетъ властнымъ надъ своими членами, поголовно обязанными къ срочной земской службѣ, и не допуститъ новаго разброда между ними; да никто и не подумаетъ о разрывѣ связи съ своимъ пепелищемъ, когда земскія права будутъ упрочивать личное положеніе, а земская дѣятельность—складывать репутацію человѣка. Въ будущемъ, конечно, надобно ждать постепеннаго сокращенія въ деревняхъ дворянства мелкомѣстнаго, недостаточно обезпеченнаго своей землицей при новыхъ условіяхъ хозяйства; оно будетъ вытѣсняться крестьянскимъ и крупнымъ землевладѣніемъ, оставаясь долго еще необходимымъ для государственной службы, особенно же въ арміи; но тѣмъ болѣе широкое поле предстоитъ дворянству цензовому. Оно также будетъ отчасти и постепенно замѣняться новыми выросшими изъ почвы землевладѣльцами—(недвижимыя имѣнія стали переходить у насъ изъ рукъ въ руки гораздо чаще прежняго), но эти новые люди, выдвигаясь одинъ за другимъ и постепенно, станутъ приростать органически къ государственному сословію въ свойственномъ ему духѣ. Духъ же этотъ сохранится и разовьется широко, опасаться тутъ нечего. Кажущееся оскудѣніе нынѣшняго сельскаго дворянства, отсутствіе людей, къ которымъ прежде ходилъ судиться весь околотокъ—произошли явно отъ его разсѣянія и отъ утраты прежняго положенія; люди эти живы, но

одни изъ нихъ въ отсутствіи, другіе не хотятъ и не могутъ выходить изъ предѣловъ частной жизни. Не всякій станетъ добровольно баллотироваться въ мировые судьи, при нынѣшнемъ духѣ и направленіи общественнаго дѣла. Наше культурное сословіе, конечно, утратило вѣру въ себя послѣ того какъ порвалась его сомкнутость и отъ него остались однѣ безсвязныя единицы; можно испарить всю невскую воду, разливъ ее по стаканамъ, выставленнымъ на солнце, хотя нельзя испарить текущую Неву. Также и съ сословіемъ. Самые развитые люди, кромѣ геніевъ, сильны только общественными, а не своими личными силами. Русское культурное сословіе, сложенное въ государственное, необходимо проявитъ всю суть умственныхъ и нравственныхъ силъ, присущихъ русскому народу—такъ какъ эти силы въ немъ только, и ни въ комъ кромѣ его, становятся вполнѣ сознательными. Потому, мы остаемся въ убѣжденіи, что выбора нѣтъ: само собой дѣло не поправится; исключительный ценсъ приведетъ насъ еще къ большей расшатанности, чѣмъ нынѣшняя безсословность; остается только дворянство, какъ средоточіе необходимой намъ организаціи. Конечно, къ дворянству, какъ къ сословію государственныхъ избирателей, представляющихъ собою не какую-либо сословную касту на западный образецъ, а итогъ умственныхъ силъ Россіи, необходимо присоединить крупные капиталы и людей умственнаго труда, заявившихъ свою способность—иначе оно осталось бы односторонним и искусственнымъ учрежденіемъ, не выражающимъ дѣйствительности силъ, руководящихъ народною жизнію.

Когда политическое сословіе государства смыкается вокругъ наслѣдственнаго класса—иначе оно у насъ не мыслимо—то оно должно владѣть своими членами и открывать свою мѣстную среду не иначе, какъ по общему согласію — какъ лицамъ, удовлетворяющимъ требованіямъ сословнымъ и ценсовымъ, такъ и людямъ всякаго званія, удостоеннымъ общественнаго довѣрія. Намъ замѣчали, что группа полноправнаго мѣстнаго сословія будетъ облечена такимъ образомъ правами остзейскаго дворянства; мы не видимъ тутъ ничего схожаго. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ привилегированное сословіе пользуется правомъ допускать въ свою среду благородные роды наслѣдственно, мы же говоримъ о личной оцѣнкѣ людей; но, кромѣ того, остзейское дворянство есть кровная каста, руководимая

своимъ тѣснымъ сословнымъ духомъ, а у насъ же дѣло идетъ о томъ только, чтобы сомкнуть въ одно цѣлое политическій и гражданскій, естественно выросшій и постоянно выростающій изъ почвы культурный слой, сплотить сословіе русскихъ европейцевъ, способныхъ относиться сознательно къ вопросамъ времени. Если такая спайка не можетъ обойтись у насъ безъ признаннаго дворянства, то никакъ не вслѣдствіе какого-либо аристократизма въ началахъ, а по тремъ давно уже извѣстнымъ нашимъ читателямъ причинамъ: потому что у насъ нѣтъ другого образованнаго слоя, кромѣ дворянскаго; потому что въ одномъ дворянствѣ у насъ оказывается нѣкоторая привычка къ связности; потому что нашъ культурный пластъ существуетъ покуда въ видѣ сырого матеріала—не болѣе; ему предстоитъ еще связаться, а прочно связаться безъ сердцевины, безъ устойчиваго общественнаго центра — невозможно, какъ доказываетъ исторія. Мы достаточно развили эти доводы въ предшествующихъ главахъ. Въ нашихъ мѣстныхъ культурныхъ группахъ, положимъ хоть уѣздныхъ, прочно устроенныхъ, не можетъ зародиться никакого кастоваго духа, а потому и въ выборахъ ихъ выразится только мѣстное общественное мнѣніе, а не сословная ревность, какъ въ остзейскомъ дворянствѣ. Между обществомъ такого устройства, хотя бы сто разъ привилегированнымъ, т. е. полноправнымъ въ смыслѣ общественной дѣятельности, и аристократіей какого бы ни было вида, нѣтъ ничего общаго. Смѣшивать эти два разряда учрежденій, значитъ не понимать основаній—не только общественной науки, но даже практической жизни. Аристократическое общество не сочиняется; да у насъ нѣтъ для него и матеріаловъ. Исторія опредѣлила намъ быть монархіей народною и земскою, изъ чего, однакожъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были оставаться обществомъ неорганизованнымъ.

Всякій понимаетъ, что образованный и имущественный классъ, окончательно сомкнутый, руководящій общественною жизнью и земствомъ по указанію верховной власти, есть только орудіе, а не цѣль, а потому не можетъ имѣть поползновенія стать *всѣмъ*—не только въ государствѣ, но и въ народѣ. Назначеніе его—объединить наши сознательныя силы, но не подавлять ничего дѣйствительно живого, стоящаго внѣ его. Мы уже высказали наше мнѣніе: высшее сословіе должно быть у насъ открытымъ для всѣхъ образованныхъ родовъ и видныхъ за

слугъ потомственно, для всѣхъ людей, заявившихъ свою способность къ общественной дѣятельности — лично; оно должно руководить крестьянскимъ самоуправленіемъ и развивать его, не замѣщая его собою; должно нести обязательно тягости государственной и земской службы; должно взрощать на почвѣ своего мѣстнаго самоуправленія добрыхъ слугъ Государя, изучившихъ дѣйствительную жизнь, для дѣятельности всероссійской; должно воспитать русскій народъ современемъ, конечно, еще не скоро, до той мѣры всесословности, какая будетъ отпущена намъ исторіей естественно, безъ натяжекъ и искусственныхъ учрежденій. Но затѣмъ, если мы хотимъ развиться до полной нравственной самостоятельности, то сомкнутое культурное сословіе должно также стать *единственнымъ* орудіемъ правительственнаго дѣйствія. Ему слѣдуетъ ввѣрить полноправное мѣстное самоуправленіе, во всемъ его объемѣ, до той черты, съ которой начинается дѣйствіе государственной власти; изъ его нѣдръ, изъ его выдающихся людей придется складывать высшую служебную іерархію, сначала областную, а потомъ и государственную. Даже въ чиновничьей Франціи, лишенной школы мѣстнаго самоуправленія, лучшіе префекты—не говоря о министрахъ—выходятъ преимущественно изъ общественныхъ дѣятелей, даже изъ людей такъ-называемаго празднаго общества, замѣняющихъ наукою жизни знаніе форменнаго дѣлопроизводства; у насъ же все дворянство начинаетъ и еще долго будетъ начинать жизнь государственною службою; наше земство долго еще будетъ состоять изъ людей исключительно служилыхъ—тѣмъ естественнѣе полное довѣріе къ нему. Канцелярскимъ учрежденіямъ останется у насъ еще достаточно мѣста, лишь бы *направленіе дѣлъ* было изъято изъ ихъ рукъ. Перенесеніе центра тяжести изъ чиновничества въ общество совершится легко, какъ только само общество будетъ установлено на прочныхъ основаніяхъ. Уравновѣсить же эти двѣ силы—земскую и бюрократическую, происходящія изъ источниковъ совершенно различныхъ, выражающія совсѣмъ иныя отношенія правительства къ народу, даже другой возрастъ государства, вносящія въ общее дѣло духъ прямо противоположный—совершенно невозможно. Такое сочетаніе двухъ равныхъ, но разнородныхъ силъ въ общественномъ тѣлѣ привело бы прямо къ неподвижности — ни къ чему иному. Одна изъ нихъ должна пользоваться господствующимъ, другая лишь под-

чиненнымъ, вспомогательнымъ значеніемъ. Или общественные дѣятели будутъ руководиться канцеляріей, или канцелярія будетъ руководиться общественными дѣятелями—другого выхода нѣтъ. Мы достаточно вкусили плодовъ перваго преобладанія—хотя неизбѣжнаго, а потому и естественнаго въ продолженіе нашего воспитательнаго періода. Но этотъ періодъ уже упраздненъ нынѣшнимъ царствованіемъ. Открылся новый, а вмѣстѣ съ нимъ и новыя потребности, для удовлетворенія которымъ бюрократія безсильна. Очевидно, какая сила стучится теперь въ дверь и готовится на смѣну прежней, въ качествѣ главнаго орудія верховной власти. Правильность нашего развитія въ настоящемъ и будущемъ зависитъ отъ ея признанія, явнаго и опредѣленнаго, со всѣми его послѣдствіями. Надобно замѣтить однакожъ, что выдающаяся черта нынѣшняго общественнаго склада, устраняющая даже мечту, чтобы изъ него могло выработаться что-нибудь само-собою, безъ давленія сверху, заключается въ томъ, что наше общество раздвоено и тормозитъ само себя, потому именно, что большинство культурнаго слоя—люди, оторванные отъ почвы, присосавшіеся къ государственной службѣ подъ всевозможными названіями. При отрѣшенности отъ дѣйствительной народной жизни, эта половина образованнаго слоя находится почти внѣ вліянія сборнаго опыта и вновь возникающихъ общественныхъ потребностей. Оттого съ одной стороны, часть русскаго дворянства, облеченная въ вицъ-мундирный фракъ, увѣковѣчивается, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ, въ заколдованномъ кругѣ полунигилистскихъ понятій, навѣянныхъ на него началомъ шестидесятыхъ годовъ — хотя не болѣе какъ на словахъ; съ другой стороны, она крѣпко держится за свое нагрѣтое мѣсто и предпочитаетъ извѣстное — сословную службу, казенную, неизвѣстному — сословной службѣ, земской. Несомнѣнно, что главными противниками связной общественной самодѣятельности, хотя бы передаваемой исключительно въ руки культурнаго сословія, являются у насъ люди того же сословія, ставшіе въ ряды бюрократіи, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ. Переходъ, наиболѣе необходимый современному русскому обществу, тормозится половиною самого же общества, предпочитающею безформенность жизни—не отъ непониманія, даже не отъ увлеченія ложными идеями, а изъ за личнаго удобства. Наше вицъ-мундирное дворянство не желаетъ самостоятельнаго земства,

чтобы не подорвать своего личнаго положенія Но мы, русскіе, можемъ смѣло положиться въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ коренныхъ вопросахъ, на нашу историческую власть: она всегда скорѣе упреждала чѣмъ откладывала осуществленіе всякой сознанной потребности. Не остановившись передъ мѣстничествомъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, передъ святынею народ ныхъ обычаевъ при Петрѣ Великомъ, передъ крѣпостнымъ правомъ при нынѣ царствующемъ Государѣ, она не остановится передъ преданіемъ бюрократіи, хотя преданіе это проросло сквозь всѣ наши кости. Но для того, чтобы бюрократія могла уступить свое мѣсто иной, свѣжей силѣ, надобно, чтобы эта сила была готова ей на смѣну—въ видѣ сплоченнаго русскаго общества, сплоченнаго на первыхъ порахъ хотя бы только положительнымъ закономъ. Это цѣльное тѣло не замедлитъ проявить и цѣльный духъ.

Русская исторія до сихъ поръ шла впередъ неуклонно, не сбиваясь съ пути, несмотря на чрезмѣрныя осаждавшія ее препятствія, вслѣдствіе того преимущества, что въ ней сочетались въ равной степени сила устойчивости и сила движенія. Наша верховная власть оставалась и останется непоколебимою въ своей сущности. Но она никогда не смѣшивала формъ съ сущностью, какъ происходило въ другихъ странахъ, рѣшительно мѣняла эти формы, когда онѣ отживали свое время, и создавала изъ нѣдръ общества новое, соотвѣтствующее эпохѣ орудіе, становившееся на долгое время главнымъ рычагомъ правительственнаго дѣйствія. Такими послѣдовательными орудіями были: родовое боярство (созданное, а не унаслѣдованное) въ московскомъ періодѣ и безличная бюрократія въ воспитательномъ; очевидно, что въ начинающемся періодѣ полнаго развитія русской жизни, основнымъ орудіемъ правительства можетъ стать только культурное общество. Предшествующій періодъ выработалъ въ этомъ отношеніи не болѣе какъ матеріалы, воспиталъ русскихъ европейцевъ, и пользовался ихъ личною службою; сращеніе нашихъ сознательныхъ людей въ сословіе дѣйствительно государственное, есть дѣло наступившаго времени.

Непрерывность развитія въ эпоху близящейся возмужалости, если только мы сами не замедлимъ ея наступленія, обезпечена намъ историческими условіями прочнѣе, чѣмъ какому-либо народу въ Европѣ. Русская верховная власть, создавшая наше

государство и взросшая сама на всесословной почвѣ,—на почвѣ общихъ русскихъ пользъ безъ различія лицъ и состояній, не видавшая противниковъ и никогда не нуждавшаяся въ союзникахъ внутри государства, одна на нашемъ материкѣ не можетъ быть пристрастною ни къ какой опредѣленной формѣ общественнаго склада, кромѣ той, которая наилучше соотвѣтствуетъ росту общества. При такихъ отношеніяхъ къ народу, русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго въ основаніи съ неограниченными административными монархіями запада, недавно еще повсемѣстными, духъ и содержаніе которыхъ были заранѣе опредѣлены тѣми силами, съ помощью которыхъ онѣ установились. Наше самодержавіе, стоящее выше всякаго духа партій и общественныхъ группъ, представляетъ такое же общее, коренное и нераздѣльное начало, какъ народовластіе въ серьезной республикѣ,—начало, передъ лицомъ котораго не существуетъ въ государствѣ никакой самостоятельной силы, кромѣ той, которая поддерживается потребностью времени и общимъ убѣжденіемъ въ ея пользѣ. Полнота и единство государственнаго начала въ самодержавномъ и республиканскомъ видѣ правленія не даютъ ему повода смотрѣть ревниво на какую-либо развивающуюся общественную силу, всегда встрѣчаемую ожесточеннымъ противодѣйствіемъ въ странахъ, гдѣ власть основана на уравновѣшеніи и примиреніи нѣсколькихъ разнородныхъ началъ. Въ послѣднихъ государствахъ форма, ограждающая права одной изъ сторонъ, составляетъ половину дѣла и не уступаетъ своего мѣста безъ битвы. Въ Россіи и въ Америкѣ она не можетъ противорѣчить полновластному началу, на которомъ построено государство, не можетъ возбуждать его ревности, почему развитіе общественныхъ силъ въ соотвѣтствующихъ времени формахъ, естественный ростъ народнаго духа—и у насъ, и за океаномъ, обезпечены самою сущностью господствующей власти, ея полнымъ политическимъ безпристрастіемъ. При культурномъ обществѣ, дѣйствительно сознательномъ и связномъ—но не иначе—и въ самодержавной монархіи, какова наша, и въ благоустроенной республикѣ, какова американская, завѣдываніе дѣлами всегда будетъ находиться въ рукахъ людей, выносимыхъ впередъ мнѣніемъ, выражающихъ настроеніе большинства,—потому именно, что основная власть, отъ рѣшенія которой все зависитъ—осуществляется ли она въ лицѣ самодержавнаго монарха или самодержавнаго на-

рода—не имѣетъ личныхъ интересовъ и не связана ни съ какими второстепенными общественными подраздѣленіями. Въ западныхъ же монархіяхъ, сложившихся на феодальной почвѣ, какъ и въ республикахъ искусственныхъ, правительство опирается исключительно на нѣкоторыя общественныя группы и связано ихъ интересами: въ Пруссіи оно опирается на родовое юнкерство, въ Австріи—на онѣмеченную крупную аристократію и на небольшой клочекъ чисто-нѣмецкихъ областей, во Франціи—при бурбонахъ опиралось на эмигрантовъ и іезуитовъ, при Бонапартахъ—на штыки и на биржу, при Луи-Филиппѣ и Тьерѣ—на буржуазію; вездѣ же, по необходимости, еще на чиновничество и на войско. Въ такихъ государствахъ правительство, озабоченное собственнымъ самохраненіемъ, очевидно, не можетъ во всемъ и всегда смотрѣть благопріятно на свободный ростъ общества; оно охотно допускаетъ въ немъ только то, что соотвѣтствуетъ его собственнымъ началамъ. Одна Англія составляетъ исключеніе, потому что, при всей разнородности государственнаго строя, ея политическій слой складывался не механически, а органически, срастаясь въ одно цѣлое.

Мы говоримъ не о томъ, что у насъ уже осуществилось, но о томъ, что естественно вытекаетъ изъ данныхъ намъ исторіей основъ, что должно окончательно изъ нихъ вытечь при правильномъ народномъ ростѣ. Мы отмѣтили еще въ прежнихъ главахъ условія, тяготѣвшія надъ нашимъ прошлымъ: русское государство до вчерашняго дня ни разу еще не пользовалось полною свободою дѣйствій; оно должно было тратить всѣ силы безъ остатка—сначала на свою установку, потомъ на просвѣщеніе общества. До окончанія воспитательнаго періода намъ было некогда выводить практическія послѣдствія изъ своихъ теоретическихъ государственныхъ началъ. Часъ этотъ насталъ или, правильнѣе, настаетъ только теперь, но онъ настаетъ условно. Подъ непоколебимою верховною властью, совершенно безпристрастною по своей сущности къ проявленію и формамъ національныхъ силъ,—къ тому, что мы назвали естественнымъ народнымъ ростомъ, наше сознательное общество можетъ свободно развиться до полноты своего внутренняго содержанія, проявить въ соотвѣтствующихъ и законныхъ формахъ все, къ чему оно способно, ведя за собой народъ—но при условіи, чтобы у насъ было цѣльное общество, котораго покуда нѣтъ и слѣда, меньше слѣда, чѣмъ было когда-нибудь. Правительство можетъ

только допустить, поощрить и узаконить всякій шагъ впередъ, созрѣвшій въ общественномъ сознаніи; придумывать же его само для націи оно не можетъ. Самыя лучшія государственныя начала приносятъ плоды только въ сочетаніи съ созрѣвшимъ народнымъ разумомъ, а разумъ зрѣетъ въ народномъ, какъ и въ единичномъ существѣ, только въ головѣ, а не въ членахъ. Когда общественное тѣло не вѣнчается хорошо устроенною головою — сознательнымъ и связнымъ политическимъ сословіемъ,—оно можетъ наслаждаться только крѣпкимъ здоровьемъ и внѣшнею силою, но внутреннее развитіе для него недоступно. Присочинить же искусственно такую голову къ народу немыслимо. Оно можетъ думать только тою головою, какая у него есть въ дѣствительности, какую выростила ему исторія.

Мы высказали свое мнѣніе о вѣроятныхъ формахъ нашего будущаго развитія. Въ этомъ отношеніи намъ приходилось говорить то, что было уже сказано нѣсколькими проницательными умами, наилучше оцѣнившими основанія, на которыхъ стоитъ Россія. Дѣло это, впрочемъ, само по себѣ достаточно ясное. Для людей, не вѣрящихъ въ самозарожденіе, всякій плодъ есть произведеніе дерева, на которомъ онъ ростетъ. На нашу почву исторія не бросила сѣмянъ парламентаризма въ его европейскомъ и американскомъ видѣ — въ смыслѣ партій, дѣйствующихъ отъ своего лица и побѣждающихъ одна другую временнымъ привлеченіемъ большинства культурнаго слоя на свою сторону. Для такого рода дѣятельности у насъ нѣтъ никакой закваски, не только въ русскомъ обществѣ, но даже въ русской личности. Она требуетъ существованія въ странѣ какихъ либо самостоятельныхъ сборныхъ силъ, способныхъ выступить отъ своего имени — весь западный парламентаризмъ есть дѣло сословное, а не общенародное. Въ Россіи нѣтъ даже признака какой либо самостоятельной силы, внѣ верховной власти, создавшей наше государство. Но исторія дала намъ другое: полное довѣріе между властью и народомъ, выразившееся въ совѣщательныхъ собраніяхъ, созываемыхъ по каждому важному случаю, обратившихся почти въ обычай въ концѣ московскаго періода,—сообраніяхъ, которыя непремѣнно развились бы въ постоянное учрежденіе, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, на постоянно осадное положеніе государства, если бы не были внезапно прерваны петербургскимъ

періодомъ, устремившимся по необходимости къ задачѣ совсѣмъ другого рода. По завершеніи этой задачи, возвращаясь отъ личнаго воспитанія и исключительно государственныхъ дѣлъ къ общественнымъ, у насъ нѣтъ другой точки отправленія, кромѣ той, на которой мы остановились въ 1688 году; съ нея только мы можемъ начать новое движеніе впередъ, не срываясь съ дороги, по которой шли наши предки, но довершая сознательно ихъ дѣло. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русская власть XIX вѣка, закончившая задачу воспитательнаго періода и по личному почину воззвавшая общество къ самодѣятельности, окажетъ ему то же довѣріе, какое оказывала два вѣка назадъ—если общество будетъ знать само, что ему нужно, т. е. если у насъ состоится связное политическое общество. Нравственное единеніе правительства со страной въ совѣщательныхъ собраніяхъ, общихъ и областныхъ, смотря по обширности предметовъ обсужденія, совокупно съ подборомъ государственныхъ людей изъ земской же самодѣятельности, съ нашей практической почвы, принесетъ современемъ плоды несравненно болѣе прочные и важные, чѣмъ приноситъ ихъ неискренній парламентаризмъ европейскаго материка. Но для такого единенія нужно предварительное условіе — чтобы правительству было съ кѣмъ единиться. Соглашеніе съ восьмидесяти-милліонною безсознательною массою осуществимо только въ сказкахъ и народныхъ операхъ. Наше политическое общество не можетъ *появиться вдругъ, во всеоружіи; оно должно* предварительно связаться въ областяхъ, изъ матеріала уже готоваго, но еще не связнаго; всему свой чередъ. Надо сказать еще больше — это политическое общество никогда не развовьется само собой, при нынѣшней разрозненности, сколько бы ни наростало для него запасовъ; его можетъ сложить въ одно цѣлое только та сила, которая создала Россію и все, что въ ней есть—русская историческая власть.

Основанія, на которыхъ стоитъ современная Россія—единеніе непоколебимой и безпристрастной по своей сущности верховной власти съ народомъ, чуждымъ сословнаго соперничества—обѣщаетъ намъ очень богатое гражданское развитіе въ будущемъ,—если мы съумѣемъ впору понять свою личность и свои особенности, если мы искренно оставимъ несостоятельную мысль о подражаніи чуднымъ учрежденіямъ, которыя могутъ быть только декораціей на нашей почвѣ, и станемъ думать о развитіи об-

щественныхъ формъ, дѣйствительно намъ свойственныхъ. Мы считаемъ себя въ правѣ говорить объ этомъ краеугольномъ вопросѣ, потому что говоримъ чистосердечно, въ полномъ убѣжденіи, что у насъ есть въ зародышѣ, все что намъ нужно и что мы можемъ развиться широко и прочно, не сходя съ нашихъ историческихъ основъ—съ которыхъ, вдобавокъ, и сойти невозможно, такъ какъ онѣ несравненно прочнѣе всякихъ преходящихъ стремленій. Мы сказали уже и думаемъ, что нашему отечеству до сихъ поръ некогда было выводить практическихъ послѣдствій изъ началъ, заложенныхъ въ нашъ государственный строй. Формы, насильно навязанныя намъ необходимостями каждаго изъ прожитыхъ періодовъ, постоянно закрывали ихъ сущность. Часъ для ихъ обнаруженія настаетъ только теперь, хотя мы живемъ еще покуда подъ формами воспитательнаго періода, не успѣвшими уступить мѣсто новымъ. Бюрократія, произволъ частныхъ властей и разъединенность культурнаго слоя, лишающая его всякой самостоятельности—основныя и неизбѣжныя черты воспитательнаго времени — до сихъ поръ еще составляютъ видимую наружность нашей общественной жизни; но смыслъ ихъ уже въ прошломъ, а не въ будущемъ, и даже не въ настоящемъ, хотя не только иностранцы, но огромное большинство русскихъ людей видятъ въ нихъ какъ бы неотъемлемую принадлежность нашего коренного начала—самодержавія. Они судятъ о принципѣ по формамъ, въ которыя облекала его преходящая историческая необходимость,—по военной диктатурѣ московскаго періода и воспитательной миссіи періода петербургскаго, не допускавшихъ полной откровенности между властію и народомъ. До сихъ поръ многіе говорятъ о нашемъ государственномъ началѣ въ какомъ-то общемъ смыслѣ, между тѣмъ какъ русское самодержавіе есть очевидно начало совершенно новое въ исторіи, существенно способное примѣняться къ потребностямъ каждой эпохи. Въ немъ выразился, думаемъ, единственно возможный видъ верховной власти монархическаго народа, не раздробившагося на самобытныя, рѣзко отграниченныя сословія, отстаивающія свои права каждое само за себя, какъ было и есть на западѣ. Всякій народъ отражается въ своей верховной власти; русскій народъ, никогда не разрывавшій общественной цѣльности, не могъ, да и не имѣлъ повода думать объ осложненіи своихъ правительственныхъ формъ; никакой сознатель-

ный бытовой интересъ внизу не чувствовалъ въ томъ надобности. Наше всенародное самодержавіе, какъ народовластіе въ республикѣ, стало принципомъ, не допускающимъ искусственнаго владычества меньшинства, но по сущности своей благопріятнымъ всему, что желательно для сознательнаго большинства націи. Мнѣніе, часто выражаемое и иностранцами, и нѣкоторыми русскими людьми, что подъ самодержавіемъ всякая даже низшая власть—самодержавна, вслѣдствіе чего общественная жизнь не можетъ развиваться свободно, относится очевидно не къ сущности дѣла, а только къ пережитымъ нами формамъ московскаго и воспитательнаго періодовъ, когда у насъ не существовало самоуправленія, а культурное, т. е. политическое сословіе государства, дѣйствовало не съобща и не отъ своего имени, а лишь въ качествѣ казенныхъ чиновниковъ. Это сословіе и впредь будетъ не болѣе какъ орудіемъ правительства, потому что русскій народъ не признаетъ никакого самостоятельнаго источника власти внѣ власти царской, но отдѣльные органы его, отвѣтственные снизу и сверху, отвѣтственные передъ мнѣніемъ русской земли—облеченнымъ въ соотвѣтственныя формы для своего выраженія,—утратятъ всякое поползновеніе къ произволу; съ другой стороны нельзя даже придумать повода, по которому правительство, не нуждающееся ни въ какихъ союзникахъ внутри государства, а потому не связанное никакими сословными и частными интересами, стало бы систематически противиться заявленію сознательнаго, организованнаго и вполнѣ вѣрнаго ему русскаго большинства. Даже дѣятели государственные, избираемые властію лично, поставленные передъ гласною разцѣнкою этого большинства, станутъ людьми вполнѣ отвѣтственными — гораздо болѣе чѣмъ въ странахъ конституціонныхъ, гдѣ эта отвѣтственность есть только слово, прилагаемое къ дѣлу развѣ лишь восторжествовавшею революціею. Чисто нравственныя основы, тамъ гдѣ онѣ могутъ быть чистосердечными, гдѣ онѣ не затруднены несогласимыми интересами, оказываются дѣйствительнѣе всякихъ другихъ,—на такихъ основахъ, стоитъ семейство и все, что есть самаго священнаго у людей. Вошедши въ привычку, онѣ проникаютъ народный организмъ и становятся неискоренимыми. Всякій знаетъ, что въ Англіи, столь рѣзко отличающейся отъ материка своимъ крѣпкимъ устоемъ, самые основные законы суть за-

коны неписанные, но за то вросшіе въ сознаніе каждаго англичанина.

Примѣръ англо-саксонскаго племени въ этомъ отношеніи особенно важенъ для насъ, русскихъ, сохранившихъ простоту, можно сказать естественность своего общественнаго устройства; въ такомъ состояніи, именно, залогъ преуспѣянія заключается главнѣйше въ нравственныхъ началахъ, въ сборныхъ, глубоко укорененныхъ убѣжденіяхъ, играющихъ второстепенную роль на западномъ материкѣ, гдѣ весь государственный устой построенъ на письменномъ договорѣ между недружелюбными сословіями, изъ которыхъ одно только высшее чистосердечно поддерживаетъ верховную власть. Извѣстна поговорка англичанъ объ ихъ (не одноличномъ) самодержавіи, что король въ парламентѣ (King in parliament) не можетъ только одного: обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину. Однакожъ, спросите англичанина, можетъ ли король въ парламентѣ, т. е. великобританское самодержавіе, отмѣнить вовсе установленіе присяжныхъ, свободу слова и сборищъ, личную неприкосновенность гражданина и тому подобное. Всякій англичанинъ отвѣтитъ, что эти льготы не входятъ въ кругъ дѣйствій верховной власти. Для него эти права уже не права политическія, не обезпеченія народной свободы, подчиненныя постановленіямъ закона; они срослись въ его глазахъ съ правомъ естественнымъ — какъ понятіе о собственности, о семействѣ и такъ далѣе. Со всѣхъ сторонъ жизни обезпеченныхъ такими убѣжденіями (а ихъ не мало), свобода англичанина изъята изъподъ воли общества, даже взятаго въ совокупности, она не зависитъ болѣе ни отъ формы правительства, ни отъ теченія времени. Въ такомъ разростаніи личной независимости, обращающемъ понемногу въ право естественное то, что было прежде только правомъ политическимъ или гражданскимъ, во всякомъ случаѣ условнымъ — заключается, очевидно, единственное существенное развитіе народной жизни, обезпечивающее, въ одинаковой степени, и личность, и порядокъ. На европейскомъ материкѣ такихъ укорененныхъ понятій очень мало, разростанія же ихъ вовсе не видно, отчего и общественный строй имѣетъ тамъ видъ условный и шаткій. Какое твердое развитіе возможно, напримѣръ, во Франціи, гдѣ общественная власть присвоиваетъ себѣ право (почти уже цѣлое столѣтіе) запрещать неразрѣшенное полиціей сборище свыше 21-го лица, даже для

пріятельскаго обѣда, или право разомъ закрывать всѣ церкви и не позволять людямъ молиться? Въ Россіи мы никогда не знали стѣсненій такого рода, вслѣдствіе непрерывности своего историческаго движенія и довѣрчиваго отношенія власти къ народу; тѣмъ не менѣе, выгороженныхъ изъ-подъ общественной опеки сторонъ жизни у насъ также нѣтъ, кромѣ одной—относящейся къ народному вѣроисповѣданію. На вопросъ, конечно фантастическій: могла ли бы наша государственная власть измѣнить господствующую вѣру, каждый русскій отвѣтитъ, какъ англичанинъ отвѣчаетъ въ другихъ отношеніяхъ — нѣтъ, это право не входитъ въ кругъ ея дѣйствій. Между тѣмъ одинъ изъ англійскихъ королей могъ измѣнить народную религію своимъ личнымъ указомъ, хотя другой поплатился престоломъ за такую попытку. Это значитъ только то, что при Генрихѣ VIII католичество расшаталось въ душѣ его подданныхъ, а при Яковѣ II протестантство успѣло уже срости вновь съ ихъ душой; то, также, что свобода оставаться православными составляетъ для громаднаго большинства русскаго населенія право отвлеченное, естественное, а не условное, подлежащее дѣйствію закона. То же должно сказать и о другихъ русскихъ религіозныхъ толкахъ: ихъ можно было преслѣдовать какъ меньшинство, но нельзя было сломить; они удержали свое естественное право вѣрить въ то, во что имъ вѣрилось. Между тѣмъ протестантство, распространившееся одно время такъ сильно во Франціи и въ Польшѣ, было искоренено властію. Можно заключить, что духовная самостоятельность въ русской природѣ сильнѣе и что мы способны превращать постепенно преходящія льготы въ естественныя права, сростающіяся съ понятіемъ людей, т. е. ограничивать все болѣе и болѣе кругъ дѣйствій общественной власти, каковы бы ни были ея формы—въ чемъ и состоитъ истинное упроченіе свободы. До сихъ поръ эта способность проявлялась только въ одномъ направленіи, вслѣдствіе неодолимыхъ внѣшнихъ условій, тяготѣвшихъ надъ нашею жизнію во все продолженіе прожитой нами исторіи; но если, какъ можно думать, она существуетъ въ насъ, то она проявится и въ другихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, при тѣсномъ единеніи власти съ народомъ, какъ у насъ, предстоящія намъ формы развитія (очевидно совѣщательныя, а не конституціонныя на западный ладъ, основанныя на полюбовномъ соглашеніи, а не на силѣ, существенно измѣнчивой) несрав-

ненно благопріятнѣе для выработки коренныхъ и повсемѣстныхъ убѣжденій, переливающихся понемногу въ понятіе о естественномъ правѣ, чѣмъ захваты партій, всегда оспариваемые противоположною партіею, всегда условные, въ которыхъ заключается суть европейскаго материковаго развитія, если только оно можетъ быть названо развитіемъ. Лишь въ Англіи и Америкѣ данное разъ никогда не отымается, потому что тамошнія партіи давно согласились въ общихъ основаніяхъ, потому что онѣ въ прямомъ смыслѣ—не партіи на подобіе французскихъ и нѣмецкихъ, а группы практическихъ мнѣній, взаимно уважающихъ другъ друга, вслѣдствіе чего въ этихъ странахъ общество все болѣе и болѣе выгораживается изъ подъ опеки писанныхъ условій. Благодаря цѣльности нашего кореннаго начала, нашей исторической верховной власти, устраняющей всякій споръ объ *основаніяхъ*, намъ придется не только кончить, но и начать свое общественное развитіе въ англосаксонскомъ духѣ—группами единомышленниковъ, стоящими на одной и той же почвѣ, разнящимися только въ практическихъ выводахъ. Тѣмъ прочнѣе будутъ укореняться въ русскомъ народѣ основныя мнѣнія, вырабатываемыя общественною жизнію и не раздираемыя антиподною противоположностію партій; тѣмъ быстрѣе будутъ развиваться понятія о *естественномъ правѣ* общества и личностей. Всякое же такое понятіе, разъ укоренившееся, по неизбѣжному закону исторіи, находитъ формы и пути для заявленія о себѣ, постепенно порождаетъ соотвѣтствующія ему учрежденія, сила которыхъ заключается въ установленности и общемъ довѣріи, а не въ томъ—совѣщательныя онѣ или парламентарныя, развиты-ли онѣ обычаемъ или скрѣплены пергаментомъ. При продолжающихся еще покуда формахъ воспитательнаго періода, подчиняющихъ все и всѣхъ ежечасному бюрократическому надзору, обычай не имѣетъ у насъ никакого значенія въ публичной жизни, ему неоткуда даже возникнуть; но при обществѣ самодѣятельномъ онъ необходимо получитъ значеніе первостепенное, станетъ неписаннымъ закономъ, предшествующимъ закону писанному и поясняющимъ его. Можно надѣяться, что такимъ образомъ мы пойдемъ къ развитію соразмѣрному даннымъ намъ силамъ, безъ перерыва, путемъ гораздо вѣрнѣйшимъ, болѣе сознательнымъ и искреннимъ, чѣмъ идутъ народы европейскаго материка. Но для того нужно прежде всего подчинить стихійныя

влеченія народному разуму, поставить въ головѣ толпы объединенное культурное сословіе, признанное политическою силою русской земли и исключительнымъ орудіемъ верховной власти.

Положеніе наше безпримѣрное. Намъ приходится складывать свое сознательное общество, вездѣ вырабатывавшееся исподоволь, въ состояніи зрѣлаго государственнаго возраста. Въ этомъ отношеніи между нами и другими народами оказывается такое же различіе, какъ между филологомъ, изучающимъ новый языкъ съ помощію сравнительнаго языкознанія, и ребенкомъ, перенимающимъ его отъ няньки. Послѣдствія явны: наша національная политическая и общественная жизнь долго не станетъ такою же развязною, какъ у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ; но она можетъ стать болѣе сознательною и прочною.

Заключительная мысль этой книги очевидна: наша родная Россія, въ настоящемъ ея видѣ, предоставленная естественному теченію дѣлъ, не разовьется ни во что, несмотря на безпримѣрное богатство духовнаго содержанія — по неимѣнію въ себѣ дрожжей—какихъ либо самодѣйствующихъ общественныхъ силъ, способныхъ поднять насъ и дать намъ опредѣленный обликъ. Насъ можетъ поставить на ноги только рука верховной власти, новый правительственный починъ, дополняющій великія послѣдствія преобразованій, совершенныхъ преимущественно съ отрицательной стороны,—положительною ихъ стороною, точно согласованною съ нашимъ историческимъ складомъ и всѣми дѣйствительностями нашей бытовой жизни. До сихъ поръ эта положительная сторона выразилась учрежденіями, смѣемъ сказать—искусственными, проникнутыми духомъ исключительной полосы времени когда онѣ созидались, и по большей части непринявшимися на нашей почвѣ. Есть надежда, что, разъ ставши на ноги, мы устоимъ, олицетворяя народную притчу о нашемъ сиднѣ Ильѣ Муромцѣ. Остается, стало быть, желать, чтобы большинство русскаго образованнаго слоя сознало отчетливо и высказало вслухъ нашу главную современную потребность — потребность общественнаго объединенія. Когда она будетъ признана значительнымъ числомъ мыслящихъ людей, то правительство, можно надѣяться, не затруднится осуществить ее; водвореніе нравственнаго порядка въ Россіи столь же необходимо власти, какъ и народу.

Тогда выкажется сама собой и форма, въ которую мы должны сложиться,—намъ не изъ чего выбирать. Надобно замѣтить еще слѣдующее: одни фантастическіе умы, вовсе непонимающіе дѣйствительности, могутъ воображать, что Россія—не только 19-го, но даже 20-го столѣтія—будетъ въ состояніи управляться сама собой, по образцу Англіи. Россіей надо,—и еще неопредѣленно долго будетъ надо—управлять; все дѣло только въ томъ, чтобъ ею хорошо управляли. Но правительство, какъ мы однажды выразились, состоитъ не изъ волшебниковъ, знающихъ народныя нужды лучше чѣмъ ихъ знаетъ народъ и его культурное сословіе; пора односторонникъ вопросовъ воспитательнаго періода, видныхъ лучше сверху чѣмъ снизу, уже миновала; задачи развитой общественной жизни стали несравненно сложнѣе, а потому вѣрное направленіе ихъ невозможно въ будущемъ безъ содѣйствія самаго общества, способнаго къ мѣстному самоуправленію и къ совѣщательному обсужденію передъ лицомъ власти обще-русскихъ вопросовъ. Заключеніе явно: связное и сознательное общество составляетъ такую же жизненную потребность наступившей эпохи, какую личное развитіе культурныхъ людей составляло въ эпоху, недавно законченную. Безъ общества мы можемъ прозябать, но жить не можемъ.

Въ природѣ духовной—въ исторіи, также какъ въ природѣ вещественной, великія и прочныя послѣдствія истекаютъ по большей части не изъ шумныхъ переворотовъ, а изъ постоянно дѣйствующихъ, мелкихъ съ виду причинъ, направляющихъ общее развитіе будущаго въ ту, а не въ другую сторону. Переходъ изъ нынѣшней русской безформенности къ благонадежной общественной организаціи, соотвѣтствующей нашему коренному складу, не требуетъ ни какой громкой передѣлки установленнаго порядка, никакого перелома въ коренныхъ законахъ, ничего похожаго на великое обновленіе шестидесятыхъ годовъ; онъ можетъ быть осуществленъ нѣсколькими, мало замѣтными для нашего народа и Европы, дополненіями къ дѣйствующимъ постановленіямъ. По нашему разумѣнію, эти дополненія заключаются въ слѣдующемъ.

1) Опредѣлить новыя права вступленія въ потомственное и личное дворянство, права соотвѣтственныя современному развитію нашего общества,—чтобы сомкнуть прямо или косвенно около высшаго сословія, остающагося главнымъ орудіемъ пра-

вительственнаго дѣйствія,—весь русскій культурный слой; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить этому сословію извѣстныя права надъ своими членами.

2) Перенести избраніе властныхъ лицъ уѣзднаго управленія въ дворянское собраніе, устроенное вышесказаннымъ образомъ, не трогая ни городскаго, ни крестьянскаго самоуправленія.

3) Поставить надъ волостями попечителей, по избранію дворянства.

4) Ограничить кругъ дѣйствія всесословныхъ земскихъ собраній утвержденіемъ земскихъ налоговъ и выборомъ лицъ, завѣдующихъ общественными суммами, съ представленіемъ мѣста въ собраніи всякому владѣльцу ценсоваго имущества или капитала, личному и сборному.

5) Отдать уѣздъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ полное завѣдываніе мѣстному самоуправленію, обращенному въ отвѣтственную инстанцію управленія государственнаго.

6) Предоставить губернскому предводителю право созывать *сословное* собраніе губернское, а собраніямъ этимъ—свободу сноситься между собою и дѣйствовать по отношенію къ правительству на основаніи существующихъ, никогда не отмѣненныхъ законовъ императрицы Екатерины II.

7) Сокращать постепенно бюрократію до необходимыхъ предѣловъ, по мѣрѣ передачи земству заботъ, лежащихъ теперь на ней *дѣйствительно*, обращая остатки отъ сокращеній на земскія потребности.

8) Явно отграничить гражданскія должности властныя отъ приказныхъ и замѣщать первыя преимущественно земскими дѣятелями.

9) Опредѣлить особыя обязательныя отношенія дворянства къ всесословной воинской повинности и къ службѣ въ арміи.

Исчисленныя мѣры, конечно, поведутъ со временемъ еще ко многимъ другимъ; но уже сами по себѣ онѣ дадутъ русской жизни прочное основаніе.

Ни одно изъ этихъ дополненій, истекающихъ прямо—или изъ нашихъ коренныхъ законовъ, или изъ нашихъ естественныхъ и обычныхъ отношеній, не будетъ носить на себѣ, ни въ какой степени, характера общественнаго переворота въ глазахъ современнаго поколѣнія; но итогъ ихъ дастъ совсѣмъ иное

направленіе нашему будущему; онъ замѣнитъ нынѣшнюю безформенность (слово, равнозначущее хаосу) разумно устроеннымъ обществомъ. Въ срокъ одного поколѣнія на мѣсто нынѣшней безсознательной нравственно безсильной Россіи станетъ Россія сознательная, способная выработать присущія ей духовныя силы въ опредѣленные образы.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

по поводу рецензій на «Чѣмъ намъ быть» *).

I.

(*3 октября 1879 года*).

Намъ не пришлось долго дожидаться серьезной оцѣнки нашей политической программы, проведенной въ рядѣ статей подъ заглавіемъ «Чѣмъ намъ быть». Не могло быть сомнѣнія, что такая оцѣнка станетъ появляться въ журналахъ и вызоветъ, наконецъ, на полемику по важности самаго предмета, и опредѣленности его постановки нашею газетой. Дѣло не въ томъ, насколько мы правы въ своихъ заключеніяхъ; но мы первые высказали систематически причины недовольства нынѣшнимъ общественнымъ состояніемъ и указали, по мѣрѣ нашего пониманія, выходъ изъ него къ лучшему будущему. Еслибъ русскаяпечать не отозвалась на этотъ трудъ и не представила своихъ собственныхъ взглядовъ по поводу нашихъ выводовъ, по поводу разъ поставленнаго вопроса: чѣмъ быть русскому обществу?—то она подтвердила бы только первое наше сужденіе, что до сихъ поръ печать у насъ составляетъ еще не дѣло, а лишь забаву для читателей. Ей оставалось подтвердить и второе сужденіе, что, несмотря на этотъ наружный, вовсе не лестный обликъ, въ ней и за нею кроется не мало крупныхъ силъ, слабо выказывающихся только по недостатку настоящаго дѣла. Читатели видятъ, что оба сужденія оправдались разомъ: сначала наша подробная программа была встрѣчена гримасами нѣсколькихъ фельетонистовъ, представляющихъ главный совре-

*) Эти статьи были напечатаны въ №№ 272 и 273 «Русскаго Міра» 1874 г.

менный характеръ русской (по крайней мѣрѣ, петербургской) печати; затѣмъ внутреннія силы выглянули наружу и начались серьезныя рецензіи. Характеръ нынѣшней печати выдержанъ какъ слѣдуетъ.

До сихъ поръ разборъ нашихъ статей появился въ двухъ журналахъ, противоположнаго направленія, можно сказать, въ двухъ журналахъ антиподахъ—въ «Недѣлѣ» и «Гражданинѣ». Мы очень рады случаю первой серьезной полемики, не для того, чтобы писать «антикритику» противъ высказанныхъ возраженій, но для того, чтобы объясниться и возстановить правильный взглядъ на дѣло, съ точки зрѣнія дѣйствительности. Добросовѣстная полемика не можетъ имѣть иного оборота. Подлежатъ обсужденію только логическіе выводы, истекающіе изъ даннаго положенія, а не душевныя стремленія личности; не пристрастіе ума къ тому или другому исходу, обусловливаемое далеко не одной логикой, а всѣми сторонами философскихъ, религіозныхъ и политическихъ взглядовъ, всѣми житейскими впечатлѣніями, складывающими личное направленіе. Чрезвычайно трудно, даже почти невозможно найти на свѣтѣ человѣка, общія заключенія котораго не находились бы подъ вліяніемъ, по большей части, безсознательнымъ, предвзятаго взгляда; человѣка, который далъ бы своему уму полную свободу опредѣлять истину безпристрастно, вмѣсто того, чтобы искать ее въ направленіи, приходящемся ему по вкусу. Особенно же трудно относиться съ логическимъ хладнокровіемъ къ истинѣ политической, всегда условной, преходящей и недостаточно ясной, пока она обсуждается только въ теоріи. Къ ней можно подходить съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, изъ которыхъ каждая права въ какомъ нибудь отношеніи, вслѣдствіе чего и существуютъ на свѣтѣ партіи, крайне противоположныя, но одинаково убѣжденныя въ своей правотѣ. Тѣмъ не менѣе, каждый народъ развивается въ какую нибудь одну сторону; разнообразіе взглядовъ не мѣшаетъ складываться руководящему большинству. Стало быть, практическая истина существуетъ и въ политикѣ. Но подступать къ этой практической истинѣ можно только съ точки зрѣнія дѣйствительности, съ того что есть, а не съ того, что можетъ и что могло бы быть; съ оцѣнки текущихъ потребностей, а не съ подчиненія этихъ потребностей личнымъ идеаламъ. Историческій кругозоръ человѣка весьма не великъ, исторія гораздо болѣе ведетъ

людей, чѣмъ люди складываютъ исторію, а потому, сходя съ почвы своего времени, дѣятель и публицистъ руководствуются уже не практическою истиной,—они сочиняютъ историческій романъ. Мы не сходили съ почвы, одинаково осязательной для каждаго, не сойдемъ съ нея и въ разборѣ выставленныхъ противъ насъ возраженій. Если мы окажемся правыми съ такой точки зрѣнія, то мы будемъ имѣть основаніе считать себя вполнѣ правыми.

«Гражданинъ», недалеко расходящійся съ нами въ общихъ началахъ, выражаетъ несогласіе съ нашими заключеніями лишь по поводу частностей, не имѣющихъ особеннаго значенія въ практическомъ примѣненіи. Главное различіе между нимъ и нами заключается въ теоретическомъ опредѣленіи существеннаго значенія русскаго дворянства. Въ глазахъ «Гражданина» нынѣшнее дворянство, хотя и не идетъ на западный ладъ, но все-таки сословіе *органическое*, взросшее *подъ* верховною властью, но *вмѣстѣ* съ нею, составляющее прямое продолженіе дворянства московскаго періода. Для насъ же настоящее дворянство, хотя несомнѣнно привитое къ корнямъ стараго московскаго, есть совсѣмъ новое растеніе, необходимое для нашего будущаго, долженствующее быть организованнымъ, но никакъ не органическое въ прямомъ смыслѣ, а *культурное сословіе*, созданное исключительно правительственною властью. Органическія сословія разбиваются иногда революціей, но не устраняются какимъ-либо текущимъ постановленіемъ, и даже не прямымъ, а только косвеннымъ смысломъ постановленія, какъ это случилось въ шестидесятыхъ годахъ. По нашему понятію, русское дворянство въ будущемъ можетъ стать сословіемъ дѣйствительно органическимъ, но не само по себѣ, не какъ дворянство, а какъ узаконенное средоточіе и центръ тяготѣнія русскихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, что совсѣмъ иное дѣло. Также точно «Гражданинъ» вѣритъ, кажется, возможности выдѣленія у насъ самаго крупнаго дворянства—аристократіи, особымъ высшимъ сословіемъ, по образцу пэрства; мы же считаемъ такую мысль призракомъ. Аристократія существуетъ и будетъ существовать у насъ, какъ вездѣ; значеніе русскихъ аристократовъ можетъ быть высоко полезнымъ для страны и очень завиднымъ, когда они рѣшительно станутъ во главѣ земства; но выдѣленіе аристократіи особою политической группой было бы на нашей почвѣ,

при явномъ неаристократическомъ складѣ нашего общества, только минутною декораціей, которая уронила бы потомъ надолго *личное* значеніе видныхъ родовъ. Нечего говорить о томъ, существуютъ-ли у насъ или нѣтъ матеріалы для аристократіи. Изъ такихъ матеріаловъ слагается что-либо прочное только въ эпоху безсознательности, и слагается само собою; а если мы дожили до 1874 года безъ выдѣленной аристократіи, то теперь уже поздно строить пэрскіе карточные домики, которые упали бы отъ перваго толчка. Развѣ аристократическое сословіе, сочиненное, несамостоятельное, зависящее даже въ своемъ существованіи отъ взгляда власти, имѣетъ какой нибудь смыслъ и можетъ быть для чего пригоднымъ, даже для самого себя? Нѣтъ сомнѣнія, что государственная власть могла бы создать у насъ выдѣленную аристократію, но такое учрежденіе, не соотвѣтствующее никакой дѣйствительности, было бы не болѣе какъ прихотью одного царствованія и кончилось бы вмѣстѣ съ нимъ. Современному же русскому поколѣнію, безплодно бьющемуся въ своемъ безформенномъ состояніи, надобно думать о закладкѣ прочнаго основанія подъ обществомъ. Прочнымъ же можетъ быть лишь вполнѣ дѣйствительное, явное каждому, независимо отъ личныхъ взглядовъ. Въ Россіи существуютъ только двѣ такія дѣйствительности: верховная власть, создавшая государство, укорененная въ понятіяхъ и нравахъ населеній, и—русскій народъ—конечно, не въ исключительномъ смыслѣ простонародья, народъ, какъ цѣльная масса, не раздробленная самобытными и крѣпкими общественными перегородками. Въ промежуткѣ между ними нѣтъ и едва-ли даже окажется когда либо мѣсто для чего нибудь самостоятельнаго. По крайней мѣрѣ, нынѣ ничего подобнаго нельзя предвидѣть; но въ этомъ промежуткѣ есть, очевидно, мѣсто для всякой формы, соотвѣтствующей потребностямъ, постояннымъ и временнымъ, обѣихъ русскихъ дѣйствительностей, потребностямъ власти и народа. Мы считаемъ организацію культурнаго сословія съ дворянствомъ въ сердцевинѣ за одну изъ такихъ формъ, за форму, совершенно необходимую текущему времени, безъ которой намъ нельзя жить и правильно развиваться,—даже никакъ нельзя развиваться,—а потому и стоимъ за нее. Но тутъ съ нашей стороны дѣло убѣжденія, а не вкуса. Мы сочувствуемъ дворянству, какъ единственному у насъ сознательно историческому сословію, желаемъ его возвышенія для

общихъ пользъ своего отечества, а не для него самого. Впрочемъ, какъ мы оговорили, различіе во взглядахъ между нами и «Гражданиномъ», насколько этотъ почтенный журналъ высказался въ своей рецензіи, относится больше къ теоріи и личнымъ сочувствіямъ, чѣмъ къ нашей практической программѣ, съ которою, какъ достаточно видно, онъ сходится въ общихъ чертахъ.

Мы даже вполнѣ согласны съ однимъ изъ замѣчаній «Гражданина» о неправильности употребленнаго нами выраженія: «русское дворянство какъ организація демократической монархіи». Мы должны были бы сказать «монархіи земской, цѣльной, сплоченной одинаково со всѣми слоями подданныхъ». Русскій народъ по духу совсѣмъ не демократическій въ европейскомъ смыслѣ.

Между «Гражданиномъ» и нами не видно различія въ непосредственныхъ практическихъ цѣляхъ, по крайней мѣрѣ въ первоначальныхъ шагахъ по направленію къ этимъ цѣлямъ.

Совсѣмъ иное дѣло рецензія «Недѣли». Этотъ журналъ разобралъ нашу систему въ двухъ очень талантливыхъ статьяхъ, выражая полное, нераздѣльное согласіе съ нами насчетъ несостоятельностей и потребностей текущаго часа, но въ то же время отвергая ее самымъ положительнымъ образомъ для пользы будущаго, долженствующаго истечь изъ нынѣшняго безформеннаго состоянія, будущаго, которое этотъ журналъ предетавляетъ себѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ оно представляется намъ. Собственно говоря, «Недѣля» не представляетъ вовсе того вожделѣннаго будущаго, не опредѣляетъ его никакимъ образомъ; она только надѣется, что хорошее будущее придетъ. Она говоритъ: мы очень хорошо понимаемъ всѣ сильныя стороны одного изъ этихъ взглядовъ (т. е. нашего) и слабыя другаго (своего). На сторонѣ перваго—вполнѣ реальныя выгоды культурныхъ классовъ, на сторонѣ втораго—какое то отвлеченное понятіе, совершенно не поддающееся точнымъ опредѣленіямъ. Первое опирается на присущее всякому образованному человѣку стремленіе къ личному и общественному развитію, второе—требуетъ какъ бы самопожертвованія, добровольнаго принесенія частныхъ выгодъ настоящаго въ жертву общимъ выгодамъ далекаго будущаго. Очевидно, что силы того и другаго далеко не равны. Но въ виду этого-то неравенства и слѣдуетъ желать, чтобы государственная власть по-

прежнему оставалась на той позиціи, какую она заняла въ шестидесятыхъ годахъ, и чтобы эта позиція была возведена въ принципъ, въ руководящее начало внутренней государственной дѣятельности.

Еще выше рецензія «Недѣли» говоритъ: «Мы, правда, не можемъ себѣ представить въ опредѣленныхъ чертахъ того типа общественнаго устройства, который сложится въ будущемъ на основаніяхъ, установленныхъ законодательствомъ шестидесятыхъ годовъ, но зато мы оставляемъ вопросъ открытымъ; принимая же планъ «Русскаго Міра», мы создаемъ опредѣленную общественную физіономію, но зато ставимъ своего рода «точку» общественно-политической организаціи народа, взятаго въ его цѣломъ».

Очевидно публицистъ «Недѣли» любитъ не идеалъ будущаго, имѣющаго вырости изъ настоящей безформенности, потому что самъ завѣшивается его покровомъ, не высказывается объ немъ; онъ любитъ безформенность на русской почвѣ для нея самой, вѣритъ въ нее какъ въ плодотворное начало, а потому и допускаетъ добрый плодъ «отъ добраго древа». Мы сказали въ началѣ этой статьи, что на почвѣ политики и вообще соціальныхъ предметовъ можно обсуждать только логическіе выводы, исходящіе изъ даннаго положенія, но нельзя спорить объ идеалахъ, обусловливаемыхъ личнымъ настроеніемъ. Это сужденіе, на нашъ взглядъ неоспоримое, прямо прилагается къ рецензіи «Недѣли». Рецензія признаетъ наши логическіе выводы въ *настоящемъ*, но отвергаетъ ихъ въ *будущемъ*, очевидно во имя своего общественнаго идеала. Мы же думаемъ, что о далекомъ будущемъ можно только мечтать, а не разсуждать, что практическія мѣры предписываются потребностями текущаго поколѣнія, а не неизвѣстными пользами поколѣній грядущихъ, и что въ такомъ преніи надобно устранить личные вкусы, хотя весьма естественные въ каждомъ человѣкѣ; вкусы эти имѣютъ значеніе лишь для лица, а не для предмета. Мы могли бы покончить споръ съ «Недѣлей» на этомъ пунктѣ, такъ какъ съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія дѣйствительности, она сама оправдываетъ насъ. Но мы желаемъ не діалектическаго успѣха, а всесторонняго разъясненія вопроса. Въ этомъ отношеніи, разсужденіе съ умнымъ противникомъ всегда бываетъ плодовито. Хотя, кажется, «Русскій Міръ» и «Недѣля» стоятъ на двухъ противоположныхъ концахъ политическаго и соціаль-

наго воззрѣнія, могутъ считаться антиподами, но это нисколько не мѣшаетъ взаимному пониманію и взаимной оцѣнкѣ доводовъ; такъ выходитъ даже лучше, потому что логика въ заключеніяхъ обязательна для всякаго образа мыслей, а дѣло идетъ между нами не объ основныхъ началахъ, не о направленіи, которыя мы оставимъ при себѣ, а о вопросѣ чисто практическомъ: о нынѣшней безформенности русскаго общества и о прямыхъ ея послѣдствіяхъ. Чѣмъ взгляды съ обѣихъ сторонъ противоположнѣе, тѣмъ шире выходитъ кругъ, охватываемый обсужденіемъ. Въ предстоящемъ случаѣ только это и нужно.

Съ публицистомъ «Недѣли» можно разсуждать. Онъ понимаетъ предметъ спора вполнѣ, понимаетъ его во всѣхъ оттѣнкахъ, хотя, конечно, смотритъ на него съ своей точки зрѣнія. Мы должны признать съ перваго слова, что онъ очертилъ въ немногихъ строкахъ нашу основную мысль не только вѣрно, но съ рѣдкой отчетливостью, не пропустивъ ни одной ея существенной черты. Онъ обошелъ только военный вопросъ, имѣющій въ нашихъ статьяхъ самостоятельное значеніе, такъ какъ для того, чтобы быть чѣмъ-нибудь, надо прежде всего просто быть; но онъ имѣлъ право уклониться отъ этого спеціальнаго предмета, принимая или отвергая его на вѣру. Во всемъ остальномъ онъ доказалъ мѣткость своего взгляда. Поэтому мы приступаемъ къ разсужденію съ нимъ въ увѣренности, что онъ можетъ освѣтить нѣкоторыя части предмета съ противоположной стороны, и во всякомъ случаѣ противъ логики спорить не станетъ.

Публицистъ «Недѣли» доказалъ какъ нельзя лучше, что съ нашей точки зрѣнія мы правы. Мы считаемъ своей задачей доказать, что онъ *не правъ* съ его точки зрѣнія.

Мы постараемся развить наши доводы въ завтрашней статьѣ.

II.

(*4 октября*).

Во вчерашней статьѣ мы выразили намѣреніе объяснить публицисту «Недѣли», почему онъ не правъ съ его собственной точки зрѣнія, т. е. почему путь безформенности, предпочитаемый имъ, вовсе не ведетъ къ желательной для него цѣли—совсѣмъ напротивъ. Мы считаемъ этотъ предметъ довольно важнымъ, потому именно, что множество людей у насъ раздѣляютъ такой взглядъ, хотя не умѣютъ подвести подъ него

доводовъ, какъ подвелъ ихъ рецензентъ. Хотя «Недѣля» не опредѣляетъ положительно общественнаго идеала, долженствующаго, какъ она надѣется, вырости изъ безформенности лѣтъ черезъ сто, но въ общихъ чертахъ идеалъ этотъ можно вывести изъ ея словъ довольно ясно.

Рецензія говоритъ, по поводу нашего мнѣнія, что степень образованія, законно принадлежащая народу, есть грамотность:

«Не будемъ говорить о безсердечности и эгоистичности такой постановки вопроса. Спрашивается, будетъ-ли проектированный культурный слой представлять собой Россію на всемъ ея громадномъ пространствѣ?.. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить ссылка на тотъ фактъ, что ни въ какой странѣ народъ не участвуетъ всей своей массой въ общественной жизни и въ опредѣленіи ея физіономіи. Россія, по сознанію самого «Русскаго Міра», многимъ отличается отъ государствъ западной Европы, и одно изъ отличій состоитъ въ громадномъ безпримѣрномъ преобладаніи въ ней «чернаго народа» надъ культурнымъ сословіемъ. *Осудивъ* всю массу этого народа на одну *грамотность* и совершенную неподвижность, мы даже путемъ сосредоточенія культурнаго класса врядъ-ли создадимъ цѣльную русскую физіономію и прочно политическое общество».

Далѣе: «Способенъ-ли гарантировать проектъ «Русскаго Міра» ту правильность развитія, какую онъ совершенно основательно признаетъ необходимой для культурнаго класса? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать утвердительно тотъ, кто, подобно «Русскому Міру», совершенно игнорируетъ экономическіе вопросы нашего вѣка и причину различныхъ западно-европейскихъ движеній приписываетъ однимъ подстрекательствамъ неблагонамѣренныхъ людей». (Надобно замѣтить — мы никогда этого не говорили, напротивъ, выразили мнѣніе о законности рабочаго движенія, оторваннаго отъ революціи).

«Недѣля» признаетъ, что неизбѣжнымъ спутникомъ безформенности является узаконенная общественная неполноправность и господство бюрократіи. Тѣмъ не менѣе журналъ говоритъ: «Можно сказать, что перемѣна этой точки зрѣнія (шестидесятыхъ годовъ) не произведетъ ровно никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ положеніи низшихъ классовъ».

«Все это совершенно справедливо, если обсуждать вопросъ только въ интересахъ культурнаго класса, и со стороны настоящаго или ближайшаго будущаго. Въ этомъ случаѣ, какъ

мы сказали, другаго рѣшенія и быть не можетъ. Но все это представится въ иномъ видѣ, если взглянуть на вопросъ съ высотъ государственныхъ соображеній и *отдаленнаго будущаго.*

«Кажется ясно! Безформенность должна привести въ отдаленномъ будущемъ всю массу народа къ такому состоянію, въ которомъ не только способнѣйшіе люди изъ толпы станутъ, какъ вездѣ, пробиваться къ высшему образованію, но вся масса, *не осужденная уже на одну грамотность*, разовьется въ уровень съ культурными классами, порѣшивъ въ тоже время экономическіе вопросы нашего вѣка и возсоздавъ цѣльную русскую физіономію и прочное политическое общество въ самой себѣ. Состояніе Россіи въ этомъ отдаленномъ будущемъ остается еще туманнымъ, но оно все-таки получаетъ нѣсколько очерченный образъ».

Идеалъ дѣйствительно соблазнительный, и всякій былъ бы радъ стремиться къ нему, даже путемъ безформенности, но только при трехъ условіяхъ: 1) чтобы онъ оказался сбыточнымъ; 2) чтобы нѣсколько предшествующихъ поколѣній, назначаемыхъ публицистомъ «Недѣли» въ жертву, для осуществленія его, согласились на такую жертву и 3) чтобы путь безформенности велъ именно къ этому идеалу, а не къ чему нибудь совсѣмъ иному.

Насчетъ осуществимости предлагаемаго намъ идеала мы знаемъ только одно: ничего подобнаго въ исторіи не видано. Никогда вся масса населенія не доростала до состоянія культурныхъ слоевъ, никогда она не выражала сознательно народной физіономіи, а доставляла для нея одни сырые матеріалы, вырабатываемые опредѣленно уже образованнымъ обществомъ. Просвѣщеніе въ уровень вѣка расширяется медленно и составляетъ вездѣ привилегію одного верхняго пласта, который потому и держитъ власть въ рукахъ, даже между взбунтовавшимися неграми Гаити. Конечно, будущее нельзя мѣрить прошедшимъ, но только въ смыслѣ размѣровъ, а не сущности дѣла. Мы также сильно надѣемся, что нашъ культурный слой будетъ утолщаться значительно быстрѣе, чѣмъ было до сихъ поръ, но если онъ долженъ когда нибудь охватить всю массу, то это произойдетъ никакъ не черезъ сто, а развѣ черезъ тысячу лѣтъ, и того сказать мало. А тысяча лѣтъ, по 33 года на поколѣніе, составляетъ 30 поколѣній, которыми надо пожертвовать для осуществленія идеала «Недѣли». Не слиш-

комъ-ли ужъ это много? «Русскій Міръ» дѣйствительно утверждаетъ, какъ это уже стало ясно для всѣхъ въ настоящую эпоху, что основанія, на которыхъ развивается Россія, глубоко отличны отъ западно-европейскихъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, какъ говоритъ «Недѣля, чтобы къ намъ былъ неприложимъ тотъ всемірный фактъ, что ни въ какой странѣ народъ не участвуетъ всей своей массой въ общественной жизни. Различная пища не производитъ различія въ законахъ пищеваренія, а историческій процессъ одинъ и тотъ же на всей землѣ, потому что онъ составляетъ часть общаго міроваго порядка,—до этой истины люди давно добрались. Какъ бы ни было велико численное преобладаніе стихійныхъ слоевъ на русской почвѣ, они отъ того не становятся самостоятельнѣе нравственно; милліоны людей, незнающіе чего нибудь и не способные къ чему-либо, также точно не знаютъ и не могутъ, какъ и одиночный человѣчекъ. Русскій культурный слой, дѣйствительно, такъ жидокъ, что у насъ нѣтъ больше ста тысячъ покупателей на книги и журналы. Но изъ этого слѣдуетъ то лишь, что возростаніе культурнаго слоя желательно ускорить, а вовсе не то, чтобъ онъ могъ быть замѣненъ людьми вовсе неразвитыми. Насчетъ же «экономическихъ вопросовъ вѣка», которые, по нашему мнѣнію, могутъ быть рѣшены окончательно только открытіемъ средства дѣлать бифстексы изъ простыхъ химическихъ элементовъ, пусть прежде похлопочутъ объ ихъ рѣшеніи тѣ народы, которые ихъ затѣяли, а мы подождемъ и посмотримъ; намъ торопиться некуда. Россія—государство земледѣльческое, обладающее, такъ же какъ Америка, безконечными плодородными пространствами, способными вмѣстить многія сотни милліоновъ людей, — пространствами, по которымъ русское населеніе разливается медленно именно вслѣдствіе *безформенности*, связывающей его буквою положеній и лишающей просвѣщеннаго руководства. Едва-ли какіе бы то ни было «экономическіе вопросы вѣка» вознаградятъ русскій народъ за такое состояніе, имѣющее продлиться тысячу лѣтъ.

Насчетъ пожертвованій многими поколѣніями, мы прежде всего спросимъ у публициста «Недѣли»: имѣетъ-ли кто нибудь право жертвовать поколѣніемъ безъ его согласія? Если нѣтъ, то пришлось бы спрашивать у каждаго нарождающагося русскаго поколѣнія, желаетъ-ли оно быть пожертвованнымъ въ

пользу своихъ отдаленныхъ потомковъ? И если одно только изъ нихъ скажетъ: нѣтъ! то и кончено, идеалъ не можетъ осуществиться. Отдаленные потомки—это все равно, что отдаленные предки, что жители другой планеты. Вопросъ; согласны-ли вы на жертву въ пользу людей 2874 года? совершенно равняется другому вопросу: согласились-ли бы вы пожертвовать собою для счастія подданныхъ Рюрика 874 года, за то, чтобъ эти подданные жили въ свое время не такъ, какъ они жили, а съ совершеннымъ благополучіемъ? Что же, согласны-ли вы? Вопросы эти не совсѣмъ шуточные, они имѣютъ глубокое значеніе, но только для кого?—для людей, твердо вѣрующихъ въ безконечную будущность человѣческой личности и въ осмысленныя, не земныя, конечныя цѣли человѣческой исторіи. Христіанскій проповѣдникъ идетъ на костеръ для просвѣщенія чуждыхъ ему племенъ,—онъ пойдетъ на костеръ и для спасенія чуждыхъ ему поколѣній. Мы не знаемъ религіозныхъ убѣжденій публициста «Недѣли» и никогда не позволимъ себѣ касаться тайника чужой души. Но онъ понимаетъ, что самопожертвованіе, особенно цѣлаго поколѣнія, возможно только съ этой точки зрѣнія; съ почвы же «экономическихъ вопросовъ нашего вѣка» оно не имѣетъ никакого смысла, объ немъ нельзя и говорить.

Наконецъ, приведетъ-ли насъ путь *безформенности* не только къ идеалу, рисуемому публицистомъ «Недѣли», несбыточному по сущности, но даже къ какому-либо удовлетворительному состоянію?

Разбирая въ нашихъ передовыхъ статьяхъ существующія въ Россіи мнѣнія о возможномъ исходѣ изъ нынѣшней безформенности, мы не касались двухъ разрядовъ людей: тѣхъ, которымъ безсословность мила по вкусу, которые любятъ ее въ отвлеченномъ смыслѣ либеральнаго учрежденія и видятъ въ ней воображаемое обезпеченіе правъ народа противъ захвата высшихъ сословій,—однимъ словомъ, людей, смотрящихъ на безсословность какъ на плодотворное начало въ самой себѣ и ожидающихъ отъ нея неизвѣстныхъ имъ самимъ, но во всякомъ случаѣ хорошихъ послѣдствій; тѣхъ также, для которыхъ безсословность составляетъ средство, а не цѣль. Спѣшимъ оговориться, что мы не имѣемъ и въ мысли причислять нашего дружелюбнаго противника ко второму разряду — онъ стоитъ твердо на законной почвѣ, даже болѣе твердо чѣмъ мы, потому

что сочувствуетъ не только основаніямъ, но и практическому примѣненію послѣднихъ преобразованій. Первые платоническіе сторонники безсословности очень многочисленны у насъ, но наклонность ихъ нельзя назвать прямо мнѣніемъ, она не основана на положительныхъ доводахъ,—это больше вкусъ, а о вкусахъ не спорятъ. Въ другихъ земляхъ иначе. Правильно или утопически понимаетъ свои пользы европейское фабричное населеніе, силясь высвободиться изъ-подъ культурныхъ слоевъ страны, но на Западѣ это движеніе существуетъ, оно было довольно сильно, чтобы провести законъ о всеобщемъ голосованіи, оно вызвало немало печальныхъ, но тѣмъ не менѣе крупныхъ явленій въ народной жизни, тамъ оно — дѣйствительность, а потому естественно находитъ въ образованныхъ кругахъ сторонниковъ и вожаковъ. Въ нашемъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ стремленій къ обособленію, по многимъ причинамъ, давно уже указаннымъ, между прочимъ указаннымъ и въ нашихъ статьяхъ. Русскій народъ—земледѣльческій, осѣдлый до такой степени, что даже въ Петербургѣ онъ не разрываетъ связи съ родной деревнею, не скученный въ городахъ, всегда бывшій собственникомъ на дѣлѣ, а теперь ставшій имъ и по праву; онъ, правда, не устроенъ еще вполнѣ въ качествѣ землевладѣльца, но не устроенъ потому, что бюрократическая опека, взявшая его на свое попеченіе, не въ силахъ идти далѣе наружнаго устройства; есть надежда, весьма сбыточная, что у насъ можетъ широко развиться артельное производство и что вслѣдствіе того, преобладаніе капитала надъ трудомъ не станетъ у насъ такимъ гнетомъ, какъ въ Европѣ; но даже этотъ вопросъ, при слабомъ развитіи русской промышленности, принадлежитъ еще будущему а не настоящему, и не можетъ доказывать покуда никакихъ практическихъ мѣръ. Затѣмъ сословной борьбы въ Россіи не было и не будетъ, по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ сословій въ западно-европейскомъ смыслѣ, а есть только два слоя—образованный и необразованный, изъ которыхъ первый по необходимости служилъ, служитъ и будетъ служить орудіемъ правительственнаго дѣйствія. Вопросъ въ томъ, какой видъ службы этого слоя наиболѣе соотвѣтствуетъ условіямъ времени—чисто казенный, какъ нынѣ, или земскій? Рѣчь идетъ не о передвиженіи господствующаго положенія изъ одного общественнаго пласта въ другой, что дѣйствительно отзывалось бы переворотомъ; оно неизбѣжно

остается въ томъ же самомъ слоѣ, способномъ его нести. Дѣло въ томъ, чтобы сложить образованныхъ русскихъ людей, пользовавшихся до сихъ поръ исключительнымъ значеніемъ казенныхъ чиновниковъ, въ связную, по возможности самостоятельную гражданскую группу, остающуюся, какъ и прежде, прямымъ орудіемъ верховной власти. Эта потребность вызывается не теоріей, а дѣйствительностью, такъ какъ нашъ разрозненный культурный слой, объединяемый только механически государственною службою, оказывается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе безсильнымъ передъ возникающими общественными задачами. Правительству выгодно, для собственнаго обезпеченія и удобства, обратить созданный имъ культурный слой—изъ слугъ наемниковъ въ вѣрноподданныхъ гражданъ, повѣряющихъ другъ друга передъ лицомъ всей земли. При безформенности, какъ и при общественной сомкнутости, значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, народъ находится подъ его же управленіемъ, но мѣра пользы, приносимая имъ, будетъ совсѣмъ иная. Споритъ о такомъ приспособленіи, сохраняющемъ чисто домашній характеръ между государственною властью и ея людьми, можно лишь въ смыслѣ политическихъ, а не соціальныхъ видовъ, которые, во всякомъ случаѣ, остаются тутъ не причемъ. Наконецъ, наша верховная власть, общенародная по своему происхожденію и духу, никогда не допуститъ преобладанія одной группы русскихъ людей надъ другою въ ея личную пользу, независимо отъ пользъ государственныхъ. При такомъ національномъ складѣ мы смѣло можемъ сосредоточивать помыслы на потребностяхъ *русской* текущей эпохи, не принимая въ расчетъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ западную Европу, и непробуя кроить себѣ политическаго платья съ запасомъ для неизвѣстныхъ нуждъ отдаленныхъ поколѣній. По самой сущности единственныхъ нашихъ русскихъ дѣйствительностей, образуемыхъ двумя полюсами—историческою верховною властію и духомъ народа, — потребное намъ осмысленное, современное устройство есть только форма, внѣшняя организація общества, соотвѣтствующая его росту; она не заковываетъ жизнь будущихъ поколѣній въ какой либо неизмѣнный типъ, нисколько не предрѣшаетъ того, что окажется нужнымъ Россіи черезъ сто или двѣсти лѣтъ. Наша исторія постоянно мѣняла орудія, посредствомъ которыхъ правительство проводило свое дѣй-

ствіе въ страну; стало быть, ей теперь нѣтъ надобности стѣснять себя изъ-за фантастическихъ соображеній о потребностяхъ грядущихъ поколѣній, тѣмъ болѣе, что человѣку не дано заглядывать такъ далеко въ будущее. «Нѣсть бо ваше вѣдѣніе времена и вѣки», сказалъ всемірный Учитель. Необходимое намъ общественное объединеніе не ставитъ точку въ нашемъ развитіи, какъ говоритъ рецензентъ: — оно даетъ, напротивъ, возможность идти впередъ не наугадъ, не съ завязанными глазами. Современныя нужды не только общества, но простонародья, требуютъ у насъ прежде всего совокупности, взаимодѣйствія и просвѣщеннаго руководства, невозможныхъ при разъединенности образованнаго слоя. Такое руководство необходимо болѣе всего самому же народу, чтобы развить врожденныя ему способности и научить его ими пользоваться; самъ по себѣ въ цѣлую тысячу лѣтъ онъ развился лишь до того состоянія, въ которомъ пребываетъ на нашихъ глазахъ. Русское простонародье понимаетъ свои выгоды несравненно яснѣе книжныхъ своихъ сторонниковъ: оно мало довѣряетъ выборному начальству изъ своей среды, полагается гораздо болѣе на мѣстнаго помѣщика, чѣмъ на либеральнаго чиновника, и считало-бы *осужденіе на одну грамотность* (разумѣется, не на свой скудный, а на государственный счетъ) великимъ благодѣяніемъ. Нельзя не остановиться надъ этимъ «осужденіемъ на одну грамотность» нашего публициста; оно показываетъ лучше всякихъ разсужденій, что такое выходитъ на практикѣ изъ книжной любви къ народу съ точки зрѣнія секты, даже въ умномъ человѣкѣ. Покуда въ Россіи навѣрное нѣтъ десяти процентовъ дѣйствительно грамотныхъ людей, умѣющихъ читать не по складамъ; ихъ нѣтъ главнѣйше отъ того, что нашъ народъ предоставленъ самъ себѣ, а вожаки его, такъ называемые міроѣды, заботятся, конечно, не о просвѣщеніи обираемыхъ ими людей. Нашъ публицистъ изъ любви къ народу, боясь, чтобы толпа не была осуждена на одну грамотность, желаетъ неопредѣленнаго продолженія состоянія, не позволяющаго ей выбиться изъ полной безграмотности; онъ сочувствуетъ поколѣніямъ несуществующимъ, во вредъ живымъ людямъ, съ которыми соприкасается поминутно,—или, лучше сказать, не соприкасается вовсе, оставаясь погруженнымъ въ фантастическій міръ теорій, откуда и проистекаетъ его «безсердечность» и «эгоистичность». Какимъ образомъ народная толпа

можетъ дойти сама собою изъ нынѣшней «безформенной» безграмотности до университетскихъ курсовъ черезъ сто лѣтъ, онъ этого не знаетъ и не указываетъ; мы также не знаемъ. Надобно полагать, что русскому простому люду показалось бы нѣсколько страннымъ предложеніе—потерпѣть еще очень долго неурядицу, противъ которой всѣ теперь вопіютъ, для того, чтобы когда нибудь, какое нибудь изъ русскихъ поколѣній не было стѣснено существующими формами въ свободномъ выборѣ своего общественнаго устройства. Объ этомъ, впрочемъ, легко справиться,—стоитъ поѣхать въ первую деревню и спросить. Слѣдуетъ думать также, что этому вожделѣнному поколѣнію пришлось бы даже не подъ силу строить что бы то ни было: оно слишкомъ отупѣетъ отъ вѣковой разладицы. Между тѣмъ, вотъ все, на что сводятся доводы платоническихъ любителей безсословности и безформенности. Умнѣйшіе изъ нихъ понимаютъ невозможность оставаться долго въ чисто хаотическомъ состояніи и ищутъ выхода — не въ общей и явной связности по закону и обычаю, а въ частномъ, какъ бы потайномъ сростаніи въ средѣ каждой общественной группы особо—что, во-первыхъ, подаетъ очень мало надежды на успѣхъ и вовсе не достигаетъ существенной цѣли, а во-вторыхъ, доказываетъ внутреннее признаніе самаго принципа, съ желаніемъ обойти его во что бы ни стало изъ-за личнаго вкуса. Между этими любителями безсословности есть, конечно, люди, горячо желающіе блага своему отечеству, — публицистъ «Недѣли» несомнѣнно такой человѣкъ; но они требуютъ прежде всего, что бы это благо достигалось путемъ, ими указаннымъ, а не какимъ либо инымъ. Путь для нихъ важнѣе цѣли. Каковы бы ни были взгляды нашихъ сторонниковъ безформенности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, они очевидно принадлежатъ къ еретической для науки сектѣ, вѣрующей въ самозарожденіе; они ждутъ всходовъ тамъ, гдѣ ничего не посѣяно, и не хотятъ понять, что безформенность, являющаяся не въ колыбели общества, а въ пору его сознательности, можетъ развиваться только въ свойственномъ ей духѣ, что безформенность текущаго дня обращается въ двойную безформенность завтрашняго и тройную послѣдующаго, пока, наконецъ, нравственныя силы народа, не высказавшись, придутъ въ разложеніе и нація начнетъ скатываться по обратному склону—«отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть». Къ этому печаль-

ному исходу могутъ привести народъ, даже великій, разныя причины, отмѣченныя однакожъ тѣмъ общимъ свойствомъ, что всѣ онѣ, въ свое время, помѣшали какъ нибудь правильному развитію жизни; въ Испаніи инквизиція не дала обществу мыслить, въ Россіи, если мы погонимся за идеаломъ «Недѣли», безформенность не дастъ ему жить. Затѣмъ, какъ извѣстно, когда принятый внутрь ядъ подѣйствовалъ, въ то единичномъ или сборномъ тѣлѣ, начинаются раньше или позже судороги, безплодныя революціи, въ свою очередь ускоряющія паденіе. Мы достаточно видимъ это на примѣрѣ крайняго европейскаго запада. Другихъ послѣдствій нельзя ждать отъ растлѣнія общественной жизни, развѣ только въ личныхъ грезахъ, создающихъ фантастическій міръ.

Мы имѣли, стало-быть, основаніе сказать, что публицистъ «Недѣли» не правъ даже съ его точки зрѣнія.

Нечего говорить много о небольшомъ числѣ людей, видящихъ въ нынѣшней безсословности лишь средство для осуществленія желаній, въ которыхъ они не могутъ признаться. Такой разговоръ въ печати невозможенъ и безплоденъ, — онъ остается безъ отвѣта. Но для насъ не составляетъ сомнѣнія тотъ выводъ, что даже эти люди, и даже съ ихъ основаній, глубоко ошибаются въ выборѣ пути. Массу можно поворотить въ какую бы то ни было сторону только связностію умственныхъ силъ, которыя должны образовать нѣчто цѣльное, способное слагаться въ опредѣленныя группы; иначе происходитъ только одно послѣдствіе — толпа впадаетъ въ китайскій застой, и всякое желаніе дѣйствовать на нее уподобляется тогда затѣѣ — вызвать бурю на морѣ, дуя на него съ берега. Возстановленіе общественной связности разсѣетъ, очевидно, утопіи этихъ искателей приключеній; они увидятъ свою ничтожность, какъ только можно будетъ сосчитать мнѣнія; но оно разсѣетъ ихъ утопіи лишь на практикѣ, между тѣмъ, какъ теперь онѣ несообразны даже въ самой теоріи. Увѣковѣченіе нынѣшней русской разобщенности не обѣщаетъ ни выгоды, ни успѣха никакому *мнѣнію*, ни съ какой точки зрѣнія; но въ то же время оно представляетъ положительный вредъ всякому *дѣлу*, общему и частному, — дѣлу всякихъ людей, каковы бы ни были ихъ личныя стремленія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

(Чѣмъ намъ быть?)

Гл. I. Наше современное общество 1
„ II. Европейская революція и русскія ея почитатели 21
„ III. Наши историческія силы. 39
„ IV. Естественный складъ русскаго общества 69
„ V. Воспитаніе; церковники какъ общественная группа; бюрократія и земство 96
„ VI. Армія въ отношеніи къ гражданскому обществу 109
„ VII. Условія нашего будущаго развитія 138
„ VIII. Полемическіе вопросы и общіе вопросы 167

Полемическія статьи.

(„Русск. Міръ“ 1874).

I. 209
II. 215

4.2

ПИСЬМА
О
СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РОССІИ.

„Письма о современномъ состояніи Россіи“ впервые были изданы въ 1881 году въ Лейпцигѣ *). Къ этому изданію было приложено слѣдующее предисловіе.

Печатаемыя нынѣ двѣнадцать писемъ о современномъ состояніи Россіи были представлены, какъ означено въ заглавіи, въ смутный годъ съ апрѣля 1879 по апрѣль 1880. Онѣ писаны двумя одномыслящими лицами вмѣстѣ, хотя подписывались лишь однимъ изъ нихъ. Изъ настоящаго изданія исключено все, касавшееся случайныхъ вопросовъ, злобы дня того года; обсужденіе основныхъ вопросовъ оставлено безъ измѣненія. Вѣроятно, письма эти остались бы еще долго подъ спудомъ, еслибъ недавнія сокрушающія событія не вынудили насъ считать дѣломъ совѣсти—высказать наше мнѣніе вслухъ.

---

*) См. обзоръ литературной дѣятельности Р. Фадѣева, т. I.

ПИСЬМО I.

11-го АПРѢЛЯ 1879 ГОДА.

Въ этомъ письмѣ мнѣ принадлежатъ только объединеніе фактовъ и выводъ изъ нихъ. Самые факты, извѣстные у насъ всѣмъ и каждому, не обращаютъ даже на себя вниманія по своей обыкновенности.

Незачѣмъ касаться механическихъ, полицейскихъ мѣръ для искорененія видимаго зла; онѣ одинаковы въ цѣломъ свѣтѣ. Можно сказать только слѣдующее: безумные фанатики, открыто жертвующіе собою для совершенія злодѣйства, чрезвычайно рѣдки, но звѣрскихъ душъ, готовыхъ на преступленіе, когда есть надежда скрыться отъ преслѣдованія, очень много. Единственно вслѣдствіе того, число такихъ случаевъ въ Европѣ исчерпывается нѣсколькими примѣрами въ столѣтіе; у насъ между двумя верховными покушеніями совершился рядъ открытыхъ убійствъ надъ лицами всякаго званія, отъ государственныхъ людей до гимназистовъ. Въ Европѣ этого нѣтъ, потому что тамъ нельзя совершить уличнаго убійства и не быть захваченнымъ; у насъ можно. Въ Европѣ городовой, видящій какъ злоумышленникъ, покусившійся на жизнь генерала Дрентельна, падаетъ на мосту, бросаетъ коня на произволъ судьбы и, хромая, плетется къ извозчику, понялъ бы, что этотъ человѣкъ спасается отъ преслѣдованія и задержалъ бы его; тамъ и другіе полицейскіе, снабженные на этотъ предметъ свистками, не дали бы ему скрыться изъ виду; тамъ дрожки, поджидавшія недѣлю на одномъ мѣстѣ убійцъ Мезенцова, были бы арестованы на другой день, и такъ далѣе. Очевидно, что русская полиція, даже въ Петербургѣ, гораздо слабѣе всякой

европейской, но зато и русскіе заговорщики мало прикрыты. Они отвергаются чрезвычайнымъ большинствомъ образованнаго слоя, а народъ готовъ растерзать ихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что энергическіе люди могутъ въ короткій срокъ раздавить безпочвенный русскій заговоръ, прекратить опасность съ его стороны на нѣкоторое время, но едва ли—вырвать съ корнемъ. Полицейскія мѣры ничего съ корнемъ не вырываютъ, а въ этомъ все дѣло.

Въ Россіи существуютъ до трехъ сотъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ каждаго заведенія выпадаютъ ежегодно нѣсколько воспитанниковъ. Значительная часть этого набора попадаетъ въ ряды нигилистовъ. Пока такое явленіе продолжается, нигилизмъ можно прижать, обезоружить, но не искоренить. Министерство Просвѣщенія тутъ ни причемъ; оно не можетъ отвѣчать за исключенныхъ и добровольно ушедшихъ. Можно замѣтить развѣ одно. Въ Европѣ за каждымъ учебнымъ заведеніемъ для культурнаго сословія стоитъ нѣсколько низшихъ, обучающихъ умѣнью честно зарабатывать хлѣбъ и подбирающихъ неудачныхъ учениковъ, выбрасываемыхъ первыми. У насъ же между классическимъ преподаваніемъ и полною безграмотностію почти нѣтъ середины. Воспитаннику, которому теорія небесной механики оказалась не подъ силу, негдѣ учиться чему либо не столь высокому, но болѣе хлѣбному, и онъ идетъ въ нигилисты, чтобы не умереть съ голода; а въ тоже время техниковъ всякаго рода выписываютъ изъ заграницы по неимѣнію своихъ.

Но эта причина только усиливаетъ напряженіе нашихъ ядовитыхъ наростовъ. Созданы они отчасти искусственно вызваннымъ, несоразмѣрнымъ съ потребностію, наплывомъ дѣтей бѣднѣйшихъ сословій въ обще-образовательныя заведенія, отчасти легкомысленнымъ подражаніемъ нынѣшнимъ революціоннымъ идеямъ запада, какъ заговоръ 14-го декабря былъ подражаніемъ тогдашнимъ конституціоннымъ идеямъ. Своего въ нихъ ничего нѣтъ, а потому вопросъ объ ихъ происхожденіи имѣетъ лишь относительную важность. Другое дѣло, по какимъ причинамъ всесильное русское правительство не можетъ справиться съ давно обнаруженнымъ и безпочвеннымъ заговоромъ. Тутъ встаетъ вопросъ о правильности постановки всего правительственнаго дѣйствія, и по этой только причинѣ я считаю себя обязаннымъ высказать свое убѣжденіе.

Не трудно было бы искоренить враждебную обществу шайку, если бы всѣ органы власти, отъ крупныхъ до мелкихъ, въ точности исполняли свои обязанности; но правительство можетъ дѣйствовать лишь посредствомъ администраціи, какова она есть. Съ перваго же слова я обязанъ освѣтить неутѣшительную, но общеизвѣстную и несомнѣнную истину: въ настоящее время правительство не настолько владѣетъ своею администраціею, чтобы провести сверху до низу духъ какой либо мѣры; оно можетъ проводить только форму, которая часто прилагается на практикѣ въ смыслѣ, прямо противуположномъ правительственной волѣ.

Въ такомъ непомѣрно громадномъ бюрократическомъ механизмѣ, каковъ русскій, въ которомъ рѣшеніе по каждому дѣлу обусловливается хорошо подобранными формальностями, всякій начальникъ отдѣленія сильнѣе министра въ дѣлахъ своего круга дѣйствій, каждый изъ нихъ можетъ вынудить желательное для себя рѣшеніе у зауряднаго министра, теряющагося въ хаосѣ текущихъ дѣлъ.) Это такая доказанная истина, что о ней никто не споритъ. Каждый слышалъ десятки анекдотовъ о томъ, какъ министръ пробовалъ постановить рѣшеніе, сдѣлать назначеніе противъ воли начальника отдѣленія или директора,—и сдался. Но изъ этого выходитъ, что если вслѣдствіе какого-либо вреднаго направленія, вкравшагося въ общество, найдется въ длинномъ іерархическомъ ряду хотя одно лицо, имъ зараженное, то, начиная съ этой ступени, мѣра осуществляется въ духѣ этого лица, а не въ правительственномъ, конечно, съ точнымъ соблюденіемъ формальностей. Извѣстно, что тонкой прослойки какого-либо посторонняго тѣла между двумя стеклами достаточно, чтобы переломить лучъ, дать ему иное направленіе. Но какъ въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ сильно распространенъ духъ безсодержательнаго либерализма и недовольства всѣмъ настоящимъ, и какъ при томъ въ Россіи все выростающее изъ зипуна почти поголовно воплощается въ чиновничествѣ (кромѣ военныхъ), не говоря объ инородцахъ, часто враждебныхъ по принципу, то наша администрація переполнена лицами, дѣйствующими не въ правительственномъ духѣ, тѣми именно прослойками, въ которыхъ лучъ преломляется. До верховной власти не могутъ, конечно, доходить факты, ежедневно звенящіе въ ушахъ каждаго изъ насъ: какъ такой-то мѣстный начальникъ выгоняетъ чиновниковъ, выпи-

сывающихъ добросовѣстные журналы, а не нигилистическіе листки; какъ другой жалуется на тупоуміе ребенка-сына, читающаго Герцена какъ календарь, безъ увлеченія; какъ слѣдователь предупреждаетъ заговорщика, котораго онъ долженъ арестовать, чтобы тотъ скрылъ поличное; какъ вице-директоръ говоритъ своему чиновнику, радующемуся, что одинъ изъ убійцъ Мезенцова наконецъ пойманъ: «не далеко же вы пойдете на службѣ съ такими идеями»; какъ секретарь консисторіи отвѣчаетъ на замѣчаніе, что большинство нигилистовъ выходитъ изъ духовнаго званія: «еще бы, мы ближе къ народу, кому же стоять за него»—и такъ далѣе, безъ конца. Все это не безыменные анекдоты, а число ихъ легіонъ. Но если въ государственной службѣ оказывается не мало процентовъ такихъ личностей, то въ длинномъ іерархическомъ ряду почти каждая правительственная мѣра должна пройдти чрезъ руки одной изъ нихъ, и съ этого времени будетъ сбита съ прямаго пути. Изъ министровъ только три: иностранныхъ дѣлъ, военный и морской, по особому складу ихъ вѣдомствъ, могутъ проводить рѣшенныя мѣры въ ихъ подлинномъ духѣ. Многіе уже сознаютъ нынѣ и всѣ чувствуютъ, что наше правительство невполнѣ владѣетъ своей административной машиной, а потому оказывается не совсѣмъ властнымъ противъ общественныхъ явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ.

Есть еще другая причина этой немощи. (Если считать у насъ столько то процентовъ чиновниковъ неблагонадежныхъ и столько то вполнѣ надежныхъ, то остается еще гораздо большая масса среднихъ, податливыхъ въ своемъ мнѣніи,) но не утратившихъ завѣтнаго русскаго чувства и готовыхъ, по настроенію минуты, рисковать собою для предупрежденія злаго умысла,—или же оправдать Вѣру Засуличъ. Безъ малѣйшаго сомнѣнія большинство присяжныхъ надворныхъ совѣтниковъ, вынесшихъ это безобразное оправданіе, были не Минины, но и не Мараты, и думали прежде всего о себѣ; (они непремѣнно стали бы на сторону правительства и закона, еслибъ у насъ отдѣльному лицу можно было опереться на правительство.) Дѣло въ томъ, что надворные совѣтники стали въ процессѣ Засуличъ на сильнѣйшую сторону, сильнѣйшую въ тѣхъ мелкихъ отношеніяхъ, изъ которыхъ слагается ихъ жизнь. Уже въ то время, до убійствъ, красный кружокъ былъ у насъ единственной связной группой; поддакивавшіе ему избѣгали неудобства быть осмѣянными въ

уличныхъ листкахъ, представленными въ каррикатурѣ на балаганныхъ театрахъ, оскорбленными въ публичныхъ собраніяхъ извѣстнаго рода; они часто выигрывали противъ другихъ даже на службѣ, пользуясь общимъ безпристрастіемъ начальниковъ, людей прямыхъ, и особымъ покровительствомъ кривыхъ. Какъ ни была и есть ничтожна сила красныхъ въ русской массѣ, она все-таки связная сила, знающая и поддерживающая своихъ. *Наше правительство своихъ не знаетъ.* Всякій русскій человѣкъ можетъ быть выгнанъ изъ службы своимъ начальникомъ, краснымъ, за то, что онъ не красный, и нигдѣ не найдетъ управы. Каждый знаетъ много такихъ случаевъ. При всеподавляющемъ нашемъ бюрократизмѣ русское правительство для каждаго отдѣльнаго лица какъ бы не существуетъ. Гдѣ оно, въ чемъ оно, какъ до него достигнуть? Выходитъ, что изъ правящей дѣлами бюрократіи многіе становятся поперегъ правительству; огромное большинство, не имѣющее строго опредѣленнаго мнѣнія, не всегда находитъ лично удобнымъ для себя дѣйствовать въ правительственномъ духѣ; остающійся процентъ людей съ твердыми убѣжденіями не много можетъ сдѣлать. Какъ же разсчитывать на удачное преслѣдованіе цѣлей съ такимъ орудіемъ дѣйствія, когда при томъ оно единственное, незамѣнимое покуда орудіе, даже въ своемъ личномъ составѣ.

Самыя условія бюрократическаго быта служатъ проводникомъ безсодержательному красному либерализму, служащему, въ свою очередь, подпочвой для настоящаго нигилизма. Человѣкъ, живущій практическою жизнію въ какомъ бы то ни было званіи — въ земствѣ, на желѣзной дорогѣ, въ промышленномъ предпріятіи, ежедневно соприкасается съ толпою и видитъ собственными глазами исходъ своихъ мѣропріятій; онъ безпрестанно наталкивается на случаи, заставляющіе его свѣрять дѣйствительность съ идеями, взятыми имъ на вѣру; черезъ нѣсколько лѣтъ такой жизни онъ не можетъ уже оставаться глухимъ утопистомъ и проникается живою средою, не заносною, а своею, русскою, въ которой вращается. Для чиновника канцеляріи или учителя (къ нимъ еще надобно причислить большинство сотрудниковъ періодической нашей печати) рѣдко возможенъ житейскій опытъ. Чиновникъ, особенно же петербургскій, вычитываетъ свои идеи или принимаетъ ихъ съ чужихъ словъ, не видитъ практическихъ послѣдствій своихъ распоряженій, не можетъ повѣрять своихъ мнѣній на опытѣ и судитъ

все на свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи, къ которой однажды прилѣпился,—случайно или по складу своего ума. Оттого наши чисто-канцелярскіе дѣятели, дослужившіеся даже до званія дѣятелей государственныхъ (а такихъ не мало), остаются во многихъ отношеніяхъ существами полудѣтскими, съ заимствованными понятіями безъ собственной провѣрки. При такой закваскѣ людей самый утопическій либерализмъ, дѣйствительно привлекательный въ чистой теоріи, легко внѣдряется въ душу. Намъ же почти два вѣка ставили въ первое достоинство — объевропеиться; тѣ изъ насъ, которые жили преимущественно въ безвоздушномъ пространствѣ офиціальной среды, и объевропеились въ самомъ модномъ и прогрессивномъ вкусѣ. Все это въ порядкѣ вещей.

Нельзя не замѣтить также, что наша періодическая печать, издающаяся покуда, за немногими исключеніями, для того же казеннаго слоя людей, проникнута его же духомъ)—и по житейскому воспитанію своихъ дѣятелей, и въ видахъ лучшаго сбыта товара. Одно находитъ оправданіе въ другомъ, и обратно. Большинство казеннаго общества, единственнаго, стоящаго досихъ поръ на виду, заодно съ большинствомъ печати, мало соприкасаются съ русскою почвою, оба живутъ присочиненными идеалами, чужими готовыми выводами, легко переходящими въ крайность потому именно, что они у насъ не подлежатъ повѣркѣ домашнимъ опытомъ, какъ чужіе. Изъ такой постановки дѣла истекаетъ слѣдующее странное явленіе. Русскій либеральный чиновникъ желалъ бы одарить Россію учрежденіями либеральными до несостоятельности, до хаоса, но не хочетъ позволить обсуждать свои эксперименты тѣмъ, надъ которыми ихъ производитъ; онъ давитъ по мѣрѣ силъ всякое проявленіе земской, и вообще народной жизни, происшедшее безъ его предварительнаго разрѣшенія, какъ самовольство противъ своего офиціальнаго права; печать поступаетъ почти также въ защиту своихъ «либеральныхъ принциповъ». Земля покуда молчитъ,—кто же ее спрашиваетъ?—и все это навѣянное броженіе наповерхности въ слоѣ, который можно назвать чисто казеннымъ (созданнымъ правительствомъ и имъ живущимъ), совершенно безсильное для какого либо общаго дѣла, служитъ тѣмъ не менѣе подпочвой, хотя бы безсознательной, явленіемъ самымъ неподходящимъ, которыя за границей называются «революціоннымъ духомъ Россіи».

Возможно ли присмотрѣть сверху за безчисленной русской бюрократіей, сосредоточивающей въ себѣ всю власть и ежегодно размножающейся своей собственной силой. Уже покойный Государь замѣчалъ, что у насъ гораздо больше чиновниковъ, чѣмъ ихъ нужно для службы. Но каждый начальникъ желаетъ управлять сколь можно болѣе обширнымъ вѣдомствомъ; каждый русскій человѣкъ, перерядившійся въ нѣмецкое платье, считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ жить на казенный счетъ. При безмѣрной численности этой почти праздной массы, въ нее легко вкрадываются не только ненадежныя личности, но настоящіе злоумышленники, какъ оказывалось во время послѣдней польской смуты, какъ оказывается и нынѣ, при нашей смутѣ домашней.

Нѣтъ возможности исправить администрацію, оставляя ее на нынѣшнихъ основаніяхъ. Развѣ мыслимо улучшить ея личный составъ болѣе строгою разцѣнкою людей, когда всѣ грамотные и даже полуграмотные слои русскаго общества облечены уже въ казенный мундиръ? Въ другихъ странахъ, даже въ бюрократической Франціи, можно измѣнить наличный составъ администраціи въ правительственномъ духѣ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ лишь часть образованнаго общества; у насъ же, вслѣдствіе недостаточной еще глубины культурнаго слоя и непомѣрнаго, не имѣющаго подобія распространенія казенной службы на все и на всѣхъ, внѣ наличнаго административнаго состава не остается почти ничего. Для того, чтобы удалить всѣхъ неблагонадежныхъ людей, пришлось бы упразднять не лица, а мѣста и званія, по недостатку замѣстителей. Кромѣ того, кто же будетъ упразднять? Пусть послѣдуетъ Высочайшій указъ; на основаніи его добросовѣстный начальникъ удалитъ, можетъ быть, самыхъ сомнительныхъ, но начальникъ красный, какихъ много, выгонитъ подъ этимъ предлогомъ самыхъ благонадежныхъ. Произойдетъ только перекладываніе изъ одного ящика въ другой.

Худшее послѣдствіе такого положенія дѣлъ заключается не въ томъ даже, что правительство не вполнѣ владѣетъ своимъ орудіемъ-администраціей, а въ томъ, что у него нѣтъ покуда никакого другаго орудія даже на крайній случай. Когда правительство обращается къ Россіи, какъ не разъ случалось, оно употребляетъ аллегорію. Кромѣ простонародья, заключающаго въ себѣ громадныя силы, но для устоя а не

для дѣйствія, внѣ арміи и администраціи не существуетъ почти никакой сознательной Россіи, способной содѣйствовать правительству. Съ тѣхъ поръ какъ крупное помѣстное дворянство, бывшее дѣйствительнымъ продолженіемъ правительства, улетучилось неизвѣстно куда, въ русскихъ областяхъ попадаются кой какіе обрывки, отпадающіе на ходу отъ арміи и администраціи, обрывки болѣе благонадежные, можетъ быть, чѣмъ все прочее, такъ какъ они постепенно проникаются русскою жизнію, но они совершенно безсильны по неимѣнію значенія, средствъ и даже достаточной численности, для того, чтобы сплотиться въ нѣчто цѣлое. Безсильные сами по себѣ, эти обрывки кромѣ того не имѣютъ подъ собой никакой почвы, разъединены съ народомъ, такъ какъ, при дѣйствующихъ положеніяхъ, земскія учрежденія, хотя могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ распоряжаться населеніемъ, но совершенно лишены возможности руководить имъ.

Такимъ образомъ, для охраненія правильнаго развитія русской жизни правительство вооружено одною силою—казенною администраціею, не поддающеюся присмотру по своей громадности и разнородности, и представляющею по своей отчужденности отъ народной жизни богатое поле для распространенія тѣхъ именно вредныхъ уклоненій, которыя приходится и придется еще подавлять.

Исключительное владычество бюрократіи имѣло, конечно, свои причины въ нашей исторіи, какъ всякое явленіе дѣйствительности. Оно возникло въ ту еще пору, когда московскіе великіе князья стали собирать Россію и подводить подъ одинъ уровень самостоятельные прежде города и области; но разрослось и все поглотило съ того времени, когда великій Преобразователь взялъ на себя, независимо отъ управленія, еще и воспитаніе своего народа. При такой задачѣ правительство могло довѣрять только своимъ людямъ, выбраннымъ и наставленнымъ имъ чиновникамъ, не потому, чтобы оно сомнѣвалось въ вѣрности прочихъ, а потому, что эти прочіе не соотвѣтствовали духу новаго направленія. Вслѣдствіе того правительство временно выходило изъ своей прямой задачи — общаго руководства народною жизнію; оно уже не руководило, а все дѣлало своими руками, исключительно чрезъ своихъ людей, какъ великій императоръ дѣлалъ собственноручно модели на показъ своимъ неумѣлымъ кораблестроителямъ. Толчокъ былъ

данъ, правительственная опека разрослась и охватила самомалѣйшія проявленія общественной дѣятельности, можно сказать вытравила изъ Россіи самодѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучила всякаго русскаго человѣка, выучившагося съ грѣхомъ пополамъ геометріи, жить не иначе какъ на счетъ государства. Затѣмъ преобразованія Сперанскаго закрыли послѣдній промежутокъ, оставшійся между верховною властію и администраціей, слили ихъ въ одно, облекли послѣдняго чиновника полномочіемъ и окончательно обратили Россію въ чиновничье царство. Кромѣ этихъ преобразованій Сперанскаго, никогда не имѣвшихъ достаточнаго повода и заслонившихъ бюрократическою стѣною верховную власть отъ народа, создавшемуся порядку была, конечно, въ свое время законная причина, но порядокъ этотъ пережилъ свой законный срокъ и ведетъ въ настоящее время не къ силѣ, а къ обезсиленію правительства.

При дарованіи Россіи земскихъ учрежденій было упущено изъ виду, между прочимъ, то соображеніе, что въ государствѣ исключительно бюрократическомъ, какъ оно установилось въ теченіе воспитательнаго періода, плодотворная земская дѣятельность не можетъ легко развиться; для нея не остается ни людей, ни вещественныхъ средствъ. Люди поглощаются казенной службой, содержаніе ихъ поглощаетъ всѣ доходы земли. Къ этому естественному препятствію присовокупилось еще временное — разъѣздъ самостоятельныхъ владѣльцевъ послѣ упраздненія крѣпостнаго права; за временнымъ явилось предумышленное—явное недовѣріе, выказываемое земству сверху, заставившее устраниться отъ него послѣднихъ видныхъ людей. При такой обстановкѣ дѣла можно вызвать не земскую дѣятельность, а лишь игру въ неё, или же создать для будущаго законоположенія, остающіяся покуда мертвою буквою. Земская жизнь можетъ вполнѣ развиться у насъ тогда лишь, когда правительство рѣшится гласно признать свою воспитательную задачу оконченною и возвратится въ кругъ естественныхъ отправленій государственной власти, сокращая сообразно съ тѣмъ служебный составъ и расходы на него, возвращая излишекъ людей и денегъ земству. Столь великое преобразованіе, вѣнчающее прежнія преобразованія царствованія, разрѣшилось бы двумя послѣдствіями неизмѣримой важности.

1) На мѣсто нынѣшней, выбивающейся изъ рукъ адми-

страціи, которую можно назвать гуртовой, явилась бы администрація инаго склада, соразмѣрная по составу и стоимости съ своей задачей, набираемая изъ общественныхъ дѣятелей, уже выказавшихъ себя, дорожащая своимъ положеніемъ и уважаемая, всегда исправимая въ личномъ составѣ, доступная надзору, сознающая себя вполнѣ правительственною. Съ такою администраціею можно будетъ проводить на конецъ не форму только, а духъ мѣропріятій.

2) За администрацію станетъ тогда не воображаемая, а дѣйствительная, живая Россія, въ лицѣ своего сознательнаго слоя и крестьянскихъ обществъ, слоя, къ которому можно будетъ обращаться не безплодно. Русскія области снова наполнятся образованными и вліятельными людьми, хозяевами своей мѣстности, а при новыхъ вещественныхъ средствахъ, возвращаемыхъ землѣ, развитіе благосостоянія и просвѣщенія двинется вдвое быстрѣе. Кромѣ того, сокращеніе нынѣшнихъ непомѣрныхъ казенныхъ штатовъ соразмѣрно съ дѣйствительною потребностію дастъ еще значительную экономію и вслѣдствіе того, возможность облегчить рабочій народъ, нынѣ непосильно обремененный. Земское самоуправленіе станетъ прямымъ и отвѣтственнымъ продолженіемъ царской службы въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя ускользаютъ отъ глазъ и сознательнаго руководства государственной администраціи. Связное общество не потерпитъ въ средѣ своей противо-общественныхъ явленій, присмотритъ за ними лучше всякой полиціи, поможетъ правительству искоренить ихъ ради собственнаго спокойствія.

По личному моему убѣжденію (должно сказать, что убѣжденіе это начинаетъ преобладать у насъ внѣ служебной среды), въ одномъ лишь постепенномъ развитіи земства можетъ заключаться наша родная конституція, сохраняющая за Россіей ея русскую личность, признающая Царя Царемъ, а не главою исполнительной власти, не подражательная ложь, о которой мечтаютъ оторванные отъ почвы кружки, замѣняющая нравственную правду большинствомъ голосовъ и личную совѣсть Государя безличной и даже передъ Богомъ неотвѣтственной баллотировкой. Нынѣ выборъ между этими двумя направленіями становится неотложнымъ.

При сознательно подобранной администраціи и состоятельномъ земствѣ русское правительство будетъ знать своихъ лю-

дей и легко разоблачитъ отщепенцевъ. Отдѣльной личности станетъ тогда возможно опереться на власть, какъ на нѣчто живое и осязательное. Одно это послѣдствіе совершитъ полный переворотъ въ настроеніи умовъ. Всѣ не окончательно развращенные люди, которыхъ приходится девяносто девять на сто, были бы тогда, явно и тайно, съ верховною властію и присмотрѣли бы за общею безопасностію. Нынѣ же русскій человѣкъ, безъ казеннаго предписанія, имѣетъ только номинальное право, но не имѣетъ возможности присмотрѣть за чѣмъ нибудь. Явленія, подобныя русскому нигилизму, не вызываемыя никакими бытовыми условіями, заводятся и держатся только при спутанности общественныхъ началъ, когда никто прямо не отвѣтственъ и прямо не заинтересованъ въ общемъ дѣлѣ.

Смѣю ли присовокупить.

Не будучи славянофиломъ, невольно приходишь къ заключенію, что если со временъ великаго императора Петра мы далеко подвинулись въ просвѣщеніи и могуществѣ, то общественное развитіе Россіи едва ли не придется начать съ изнова, со для кончины Царя Алексѣя Михаиловича, какъ будто всего послѣдующаго, вплоть до великаго дня 19 февраля 1861 года, вовсе не существовало. Недавнее прошлое слишкомъ жертвовало внутреннимъ наружному. Если свѣтлыя надежды великодушнаго Монарха и съ нимъ всей Россіи, возлагавшіяся на этотъ поворотный въ русской исторіи день, до сихъ поръ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, то объясненія нечего искать въ другой причинѣ, кромѣ той, что ветхій государственный строй, созданіе иной эпохи и иныхъ потребностей, могъ только начертать новый порядокъ, но не могъ вдохнуть въ него жизнь. На насъ сбылась притча о новомъ винѣ и старыхъ мѣхахъ. Дарованное намъ право быть гражданами вызвало доселѣ неразвитіе русской дѣйствительности на обширной какъ міръ почвѣ отечества, которую оно нашло безлюдной, а грѣзы и безчинство въ искусственномъ столпленіи людей, созванныхъ воспитательной эпохой съ всѣхъ концовъ земли подъ казенную крышу. Чаемое и послѣднее преобразованіе истекаетъ само собою изъ преобразованій, уже совершенныхъ; оно не только вѣнчаетъ, но вызываетъ ихъ изъ идеи въ бытіе, даетъ всѣмъ имъ почву. Оно не могло осуществиться безъ личной свободы, безъ независимаго суда, безъ предварительныхъ узаконеній о зем-

ствѣ, а потому потребность въ немъ естественно вызывается послѣдними.

Всевѣнчающее преобразованіе положитъ конецъ нашему нравственному неустройству, возвращая каждое общественное отправленіе на его законное мѣсто и возбуждая самодѣятельность, которой теперь нѣтъ простора; но оно труднѣйшее изо всѣхъ, потому что у верховной власти не имѣется для проведенія его прямаго орудія, какимъ была служебная среда при освобожденіи крѣпостныхъ. Нельзя возложить на эту среду задачу рѣзать себя по живому тѣлу, какъ нельзя было въ первомъ случаѣ положиться вполнѣ на помѣстное дворянство, и еще въ гораздо большей степени. Горячее участіе къ осуществленію такой цѣли со стороны земства, общественнаго мнѣнія Россіи и печати несомнѣнно; созрѣвшую общественную истину достаточно назвать по имени, всякій её поймет. Совсѣмъ иное дѣло офиціальный міръ; старые порядки слишкомъ въѣлись въ его привычки, вкусы и понятія, слишкомъ для него выгодны и удобны. Но для воли русскаго Государя, когда онъ правъ передъ исторіей, нѣтъ препятствій въ предѣлахъ его царства.

ПИСЬМО II.

Существованіе у насъ революціоннаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ нигилизма, кажется съ перваго взгляда необъяснимымъ. По общему сознанію, оно лишено всякаго оправданія въ условіяхъ нашего быта, всякаго историческаго повода, и даже тѣни надежды хотя бы на минутный успѣхъ; и однакожъ оно не встрѣтило покуда никакого отпора со стороны общества, а до послѣднихъ событій находило даже снисхожденіе, не въ своей безобразной теоріи, всѣми отвергаемой, а къ преступнымъ личностямъ и къ ихъ увлеченію. Что это значитъ? Распространеніе соціалистическихъ мечтаній понятно въ такихъ странахъ какъ Франція и Германія, гдѣ двѣ пятыхъ населенія оторваны отъ почвы и скучены въ городахъ несвязною толпою гдѣ безвѣрныя массы погрузились въ соціализмъ не только какъ въ экономическую теорію, а какъ и религію; гдѣ онѣ періодически остаются безъ насущнаго хлѣба при каждомъ промышленномъ застоѣ, при каждомъ промахѣ хозяина фабрики; гдѣ имъ покровительствуютъ такія силы, какъ муниципальныя власти Парижа и крайнія партіи народнаго представительства; гдѣ сосредоточеніе всѣхъ отправленій жизни страны въ одномъ городѣ, каковъ Парижъ (относительно Прусскаго королевства можно сказать уже Берлинъ), наполненномъ извращенною чернью, представляетъ возможность захватить власть въ расплохъ; гдѣ верховная власть съизвѣка поддерживалась однѣми высшими сословіями и дорога имъ однѣмъ, а въ нынѣшнее время лишилась вдобавокъ своей неприкосновенности во мнѣніи, вслѣдствіе удававшихся революцій и уличныхъ бунтовъ. На западѣ революціонное движеніе имѣетъ поводы и надежду, независимо даже отъ степени осуществимости его конечныхъ стремленій;

тамъ оно сила по одной численности и, какъ всякая сила, находитъ вожаковъ, льстецовъ и слугъ въ политическихъ кругахъ и печати, а въ Германіи, со времени разрыва съ Римомъ, даже въ значительной части католическаго духовенства. Понятно, что тамъ его трудно подавить; но у насъ совсѣмъ не то. У насъ не существуетъ ни одного изъ этихъ условій: ни бездомнаго и безвѣрнаго народа, ни стѣсненія въ заработкѣ (до такой степени, что ни одинъ слуга и рабочій не дорожитъ своимъ мѣстомъ), ни зависимости труда отъ колебаній биржи, ни организованнаго покровительства врагамъ общества; наша верховная власть всесословна въ глазахъ самого народа и не расшатана. Со временъ самозванцевъ и до чигиринскаго дѣла мы не видали инаго способа къ возбужденіи смуты въ русской землѣ, кромѣ подлога царскаго имени или царской воли, чѣмъ самымъ подсѣкается въ корнѣ мысль о возможности сознательнаго переворота посредствомъ народа. При относительной же малочисленности, несамостоятельности, и отчужденности отъ почвы образованнаго слоя вся сила Россіи заключается въ народѣ. Но, кромѣ того, если только не впадать въ непростительную ошибку, принимая либеральное болтанье и недовольство нынѣшнимъ переходнымъ положеніемъ дѣлъ за революціонный духъ, то и въ образованномъ слоѣ развѣ одинъ человѣкъ на тысячу сочувствуетъ преступнымъ умысламъ; къ нимъ привлекаются почти исключительно оторванныя отъ общества, бездомныя личности. Нашихъ нигилистовъ никто не покрываетъ сверху и не поддерживаетъ снизу. Невольно спрашиваешь себя, могла ли бы въ другомъ мѣстѣ такая ничтожная горсть ничтожныхъ людей, идущихъ въ разрѣзъ общественному убѣжденію, обнаруживать свое существованіе—не говорю уже съ такою дерзостію какъ у насъ, но просто обнаруживать его? Въ Германіи полагаютъ около девятисотъ тысячъ соціалистовъ, но они считаютъ такую численность недостаточною для дѣйствія, на которое покуда и не покушаются, довольствуясь проповѣдью; тамъ нѣтъ отдѣла бунтарей, есть только распространители. У насъ нѣсколько тысячъ общественныхъ подонковъ, растворенныхъ въ сто милліонной отвергающей ихъ массѣ населенія, осмѣливаются мечтать о дѣйствіи! Есть же причина такой разницы. Съ другой стороны, заговоръ нѣсколькихъ тысячъ людей уже не заговоръ, а враждебная секта, происки которой не могутъ укрыться отъ глазъ общества. У насъ найдется не мало людей (самъ я

знаю такихъ), хотя и нетерпящихъ нашихъ революціонеровъ, но тѣмъ не менѣе знакомыхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ по разнымъ поводамъ, знающихъ многихъ другихъ по именамъ, даже попадавшихъ случайно на ихъ собранія, и все же невыдающихъ того, что знаютъ. Обществу въ массѣ извѣстно о заговорѣ едва ли менѣе чѣмъ правительству; общество заговору не сочувствуетъ и однако же молчитъ о немъ. Въ этомъ молчаніи заключается черта, существенно присущая нынѣшнему русскому настроенію и объясняемая отчасти (далеко не вполнѣ) убѣжденіемъ въ очевидной невозможности разшевелить Россію, не только въ пользу утопіи, но чего бы то ни было. Полное объясненіе иное. Если бы люди, о которыхъ я сказалъ, имѣли какой-нибудь просторъ дѣйствій, какую-либо свободу общественной группировки, они стали бы всѣми силами и сообща противодѣйствовать направленію, пагубному по ихъ убѣжденію, и не колеблясь соединили бы свои усилія съ усиліями правительства. Но прямо доносить они не пойдутъ. "

Какъ наглядный образчикъ такихъ отношеній, прошу позволенія привести недавній, извѣстный мнѣ случай. Къ одному изъ первыхъ нашихъ писателей явился молодой человѣкъ и разсказалъ, что недавно еще онъ былъ ярымъ нигилистомъ, членомъ тайныхъ ложъ; но прочитавъ разоблаченія этого писателя и свѣривъ ихъ съ собственнымъ опытомъ, пришелъ къ убѣжденію, что нашъ нигилизмъ есть дѣло напускное, иноземное, направленное внѣшними и внутренними врагами исключительно къ ослабленію Россіи; что, узнавъ это разъ, онъ не можетъ оставаться безучастнымъ къ подобному явленію; убѣдившись же, какъ бывшій заговорщикъ, въ недостаточности правительственныхъ средствъ для искорененія зла, предлагаетъ учредить общество, которое разоблачило и убило бы нравственно шайку нигилистовъ въ глазахъ Россіи. Что отвѣчалъ писатель? Онъ выразилъ, конечно, полное сочувствіе видамъ обращеннаго нигилиста, но отъ образованія всякаго общества отказался по увѣренности, что членовъ охранительнаго общества, соединившихся по собственному почину, потребуютъ къ отвѣту за недозволенныя сборища и не разрѣшенную пропаганду, а въ случаѣ утвержденія плана ихъ властями, они станутъ во всѣхъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ полицейскихъ агентовъ и утратятъ всякое значеніе. Молодой человѣкъ, готовый пойдти на борьбу со зломъ какъ гражданинъ, не хотѣлъ стать

доносчикомъ. Такихъ много. Этотъ одиночный случай рисуетъ ярко и вѣрно причину бездѣйствія лучшей, сознательной, а потому сильнѣйшей части нашего общества передъ всякимъ внутреннимъ зломъ.

Отношеніе къ этому явленію второй, болѣе многочисленной части верхняго русскаго слоя, части, которую можно назвать культурною толпою, иное. Половина эта имѣетъ очень смутное понятіе объ ученіи нигилизма, считаетъ также успѣхъ его не возможнымъ, а потому не опасается послѣдствій; на личность же нигилистовъ въ большинствѣ смотрѣла до послѣднихъ событій снисходительно, видя въ нихъ не болѣе какъ протестъ своего рода противъ гнетущаго произвола бюрократіи, въ которомъ, по ея наглядному сужденію, заключается весь нашъ государственный строй. Каждый изъ насъ много разъ слышалъ такое сужденіе. Замѣчательно, что оно высказывается всего чаще чиновниками же, умѣющими какъ-то искренно совмѣстить въ себѣ вѣру въ спасительность канцелярскаго управленія съ глубокимъ недовольствомъ его послѣдствіями.

Долженъ высказать по этому поводу несомнѣнную истину, бросающуюся въ глаза всякому, даже не наблюдательному человѣку. Чувство громаднаго большинства нынѣ живущихъ русскихъ людей культурнаго слоя распадается, можно сказать, на двое: съ одной стороны историческая, прочная вѣра въ личную верховную власть, съ другой стороны глубокое недовольство и полное недовѣріе ко всему правительственному строю, сверху до низу. Подобное недовольство—явленіе весьма извѣстное въ исторіи; оно наступаетъ неизбѣжно къ той порѣ, когда стародавнія формы государственнаго склада ветшаютъ и требуютъ обновленія, когда никто и ничто не чувствуетъ себя на мѣстѣ и не находитъ вокругъ себя достаточнаго простора для осуществленія назрѣвшихъ потребностей; особенно же когда изъ стараго порядка вырвана уже душа и остались однѣ формы. Большинство не умѣетъ назвать существенныхъ причинъ своего недовольства, высказываетъ только мелочи, какъ оно не умѣло бы опредѣлить причинъ тягостнаго вліянія испорченнаго воздуха на свое дыханіе, хотя бы ясно его чувствовало; но такое поголовное недовольство не подлежитъ у насъ сомнѣнію.

Должно сказать, что недовольство усиливается еще особой, самой законной причиной: общей тревогой русскихъ родителей,

отдающихъ дѣтей въ школу какъ на ставку азартной игры, въ которой на одного выигрывающаго двое и трое, если не больше, губятся, или нравственнымъ совращеніемъ, или выкидываніемъ вонъ съ «волчьимъ паспортомъ», какъ у насъ называютъ.

Изъ приведенныхъ и многихъ другихъ причинъ складывается общее настроеніе, которое нельзя назвать иначе, какъ повсемѣстнымъ недовольствомъ современнаго русскаго человѣка формами своей обстановки.

Очевидно, что такое общественное настроеніе, выражающееся обдуманнымъ безучастіемъ образованнаго слоя ко всякому злу, по невозможности самостоятельнаго противодѣйствія ему, и снисходительнымъ отношеніемъ значительной части слоя полу-образованнаго къ преступнымъ личностямъ, въ которыхъ она видитъ не болѣе какъ протестъ противъ положенія дѣлъ, смутно возбуждающаго ея неудовольствіе, что подобное настроеніе совершенно исключаетъ всякое общественное содѣйствіе въ борьбѣ съ появившимся зломъ. Противъ него остаются только административныя средства, не вполнѣ достаточныя даже во внѣшнемъ, полицейскомъ отношеніи, и совершенно безсильныя въ отношеніи нравственномъ.

Такимъ образомъ, въ русской общественной жизни образовалось, можно сказать, пустое мѣсто, до котораго не досягаетъ въ должной мѣрѣ ни одна изъ государственныхъ силъ. Въ этомъ пустомъ мѣстѣ могло завестись безнаказанно что угодно, а по повѣтрію времени завелся нигилизмъ. Какъ заговоръ, нигилизмъ слишкомъ распространенъ, чтобы полиція могла вполнѣ и скоро съ нимъ справиться; не такъ легко выловить изъ общественныхъ подполій нѣсколько тысячъ безъименныхъ заговорщиковъ, какъ задержать нѣсколько сотъ извѣстныхъ лицъ, участвовавшихъ въ свѣтскомъ заговорѣ 14-го декабря 1825 года. Но какъ политическая партія, эти нѣсколько тысячъ бездомныхъ людей ничтожны, и всякое общество, въ которомъ для подобнаго явленія не находится достаточныхъ соціальныхъ поводовъ, какъ у насъ, отвергающее его сверху и снизу, какъ у насъ, живо вымело бы съ помощію правительства этотъ соръ изъ избы; только у насъ нѣтъ и, при нынѣшнихъ государственныхъ формахъ, не можетъ быть пекущагося о себѣ общества.

Употребленное выраженіе «пустое мѣсто» не аллегорія; это пустое мѣсто дѣйствительно образовалось въ нашемъ государ-

ственномъ складѣ. Пока старая администрація имѣла дѣло съ Россіей, обращенной въ страдательный матеріалъ, съ Россіей, усыпленной на полтора слишкомъ вѣка воспитательной системой и сторожимой сборнымъ интересомъ помѣстнаго дворянства, *бюрократія могла проводить свои мѣры до почвы*, по крайней мѣрѣ механически; но съ 19-го февраля 1861 года, при первомъ признакѣ жизни со стороны управляемыхъ, она спуталась и раздѣлилась въ самой себѣ; въ виду новыхъ явленій у нея не оказалось ни правильнаго пониманія ихъ, ни большаго рвенія руководить ими въ правительственномъ духѣ, ни годныхъ орудій для содѣйствія или противодѣйствія чему нибудь. Между правительствомъ, какъ орудіемъ власти, и обществомъ, соприкасающимися съ тѣхъ поръ лишь наружно, положительно образовалась пустота, дающая просторъ всякому противозаконному явленію.

Пустотой этой воспользовалось западно-революціонное движеніе, такъ какъ покуда ничего самороднаго русскаго, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ, не оказалось для ея наполненія. Послѣднему неоткуда было взяться. Почти уже два вѣка тому назадъ внутренняя работа русскаго общества надъ собою была остановлена и замѣнена заносными, часто передѣлываемыми, чисто теоретическими формами. Все вниманіе правительства сосредоточивалось въ это время на личномъ образованіи русскихъ людей на западный ладъ; вмѣстѣ съ тѣмъ орудіе его, бюрократія, стала относиться къ управляемымъ, можно сказать, педагогически, какъ относятся наставники къ несовершеннолѣтнимъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ русской землѣ изчезли и не могли завязаться вновь единомышленные кружки, сборныя мнѣнія и даже интересы; общество разсыпалось. Одиночное же лицо, безъ связи съ другими, безсильно для дѣйствія, оно отвыкаетъ стоять дружно даже за личную пользу, какъ мы видимъ ежедневно на примѣрахъ нашихъ акціонерныхъ компаній; какъ же ему стоять за пользы правительства и общества? Разъединенные люди по неволѣ впустятъ въ свою среду всякую, даже ничтожную группу людей, обладающую сборною силою; такимъ образомъ они впустили въ Россію нигилизмъ. Проповѣдь его пришла и непремѣнно должна была придти къ намъ съ запада какъ ученіе, вмѣстѣ со всякимъ другимъ ученіемъ, также какъ контрабанда приходитъ рядомъ съ [illegible] пошлиною това-

ромъ. Что за дѣло до того, что оно не было вызвано никакою внутреннею потребностію? Въ соціализмѣ выражается такой же естественный плодъ западной мысли и жизни какъ все прочее, а насъ учили преклоняться передъ всѣмъ европейскимъ. Другой вопросъ, какимъ образомъ нигилизмъ успѣлъ у насъ привиться, если бы отвѣтомъ не служила наша несвязность; онъ воззвалъ исключительно къ безпочвеннымъ людямъ, какіе есть вездѣ, и положилъ зародышъ мелкой, но сплоченной группѣ людей въ разъединенномъ обществѣ. Не опасаясь скораго отпора со стороны бездѣйственной массы, онъ легко могъ укрыться на время отъ такой полиціи какъ наша, а затѣмъ русская учебная система дала ему рекрутъ въ изобиліи.

Должно сказать: система эта, какъ многія наши учрежденія, истекла не изъ внутреннихъ потребностей, а изъ отжившихъ понятій воспитательной эпохи, считавшей первою обязанностію (когда то правильно) прививать наибольшему числу русскихъ людей высшее европейское образованіе для самаго образованія, не справляясь съ тѣмъ, что имъ дѣйствительно нужно и полезно, не только по нашимъ, но даже по общимъ современнымъ условіямъ. На западѣ между народными школами для низшаго слоя населенія и классическими для высшаго устроенъ во всѣхъ городахъ и городкахъ цѣлый рядъ практическихъ училищъ, въ которыхъ каждое сословіе и каждая профессія находятъ потребное для себя знаніе; вслѣдствіе чего, за исключеніемъ выдающихся способностей или счастливаго случая, громадное большинство людей не выходитъ изъ наслѣдственной среды, что одинаково удобно и для нихъ самихъ, и для развитія народной производительности. У насъ же, гдѣ Петровскій переворотъ и безъ того раздвоилъ русскій народъ на два рѣзко противуположные пласта—объевропеившійся (бывшій до послѣдняго времени исключительно казеннымъ) и материковый, между которыми нѣтъ почти соприкосновенія по недостатку промежуточныхъ звеньевъ; гдѣ вслѣдствіе того человѣку нисшихъ слоевъ почти не открывается инаго способа выдвинуться, кромѣ того, чтобы выйти въ господа, т. е. попасть на казенное жалованье; гдѣ нельзя устроить вдали отъ промышленныхъ центровъ небольшаго завода, ни воспользоваться въ деревнѣ сельско-хозяйственной машиной по неимѣнію мастеровъ для исправленія испорченнаго механизма; гдѣ промышленная предпріимчивость нахо-

дится въ полномъ застоѣ, вслѣдствіе необходимости выписывать каждаго техника изъ-за границы, тамъ именно система народнаго образованія старается не исправить, а увѣковѣчить эту бѣду. За немногими исключеніями, въ Россіи существуютъ однѣ общеобразовательныя заведенія. Въ Европѣ онѣ воспитываютъ людей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, у насъ же исключительно кандидатовъ въ чиновники. Когда сынъ русскаго дьячка или мѣщанина хочетъ чему нибудь учиться, онъ можетъ выучиться только искусству надѣть вицмундиръ, стать чиновникомъ или учителемъ; иначе въ Россіи внѣ столицъ не преподается. Вмѣстѣ съ тѣмъ этому мѣщанскому сыну, лишенному предварительнаго домашняго развитія, чрезвычайно трудно слѣдить за курсами, установленными для дѣтей образованныхъ сословій, отчего большая часть отстаетъ на полу-пути. Наше общеобразовательное учебное устройство не даетъ готовыхъ дѣятелей для различныхъ слоевъ населенія, его готовый плодъ есть студентъ, окончившій университетскій курсъ; оно пригодно, слѣдовательно, лишь для того обезпеченнаго общественнаго слоя, дѣти котораго могутъ отдавать четверть человѣческаго вѣка на предварительное образованіе, не заботясь о средствахъ жизни. Но какъ внѣ этой учебной системы нѣтъ ничего, то при нынѣшнемъ повальномъ стремленіи къ диплому и его правамъ, по ней тянутся всѣ, имущіе и неимущіе. Каковы же послѣдствія? Исчислено, что изъ тысячи русскихъ студентовъ шестьсотъ не кончаютъ курса; въ гимназіяхъ пропорція отпадающихъ еще большая. Низшихъ и среднихъ техническихъ школъ, съ болѣе доступнымъ курсомъ, которыя могли бы подбирать не удавшихся классиковъ, въ областяхъ почти вовсе нѣтъ, такъ что выпадающіе падаютъ прямо на улицу. Изъ этой массы бѣдняковъ, вышедшихъ изъ своего званія и не попавшихъ въ иное, не знающихъ никакого занятія для снисканія хлѣба, не трудно набрать охотниковъ въ ряды какого бы то ни было тайнаго союза, дающаго имъ точку опоры.

Въ началѣ нынѣшняго царствованія въ Россіи пробудилось сильное стремленіе къ ученію, увѣнчавшее почти двухъ вѣковыя усилія преемниковъ Петра Великаго. Масса дѣтей самыхъ бѣдныхъ сословій хлынула въ школы. Еслибъ этимъ пробужденіемъ воспользовались для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей народа, крайне бѣднаго всякимъ производитель-

нымъ знаніемъ, оно дало бы богатѣйшую жатву, тьму людей, прирощающихъ силы государства во всѣхъ отношеніяхъ, сытыхъ, довольныхъ и спокойныхъ; но его пустили по старой колеѣ, подготовляющей исключительно чиновниковъ. Путь оказался слишкомъ тернистымъ для большинства, чаемая чаша также оказалась переполненной, и всякій школьникъ новаго наплыва, отставшій отъ своего берега и не приставшій къ чужому, сталъ годенъ только въ рекруты нигилизма. Нельзя не замѣтить при этомъ, что достигающіе цѣли, т. е. какого нибудь жалованья или инаго пріюта на житейскомъ полѣ, почти всѣ замѣняютъ прежніе утопическіе идеалы самыми будничными стремленіями; можно по этому сказать съ увѣренностію, что не утопія, а голодъ и необходимость чьей либо поддержки влекутъ въ тайныя общества девять изъ десяти неудавшихся искателей казеннаго жалованья. У насъ возражаютъ иногда противъ этого, бросающагося въ глаза, вывода такими аргументами, что многіе магистры агрономіи и технологіи не находятъ занятій, а сосланные политическіе преступники отказываются отъ ручной работы, заявляя желаніе жить литературнымъ трудомъ. Разсуждающіе такимъ образомъ не отдаютъ себѣ отчета, кажется, въ той наглядной истинѣ, что магистры обыкновенно учатъ или надзираютъ, а не работаютъ сами, и что въ странѣ, гдѣ трудно отыскать мастероваго для починки зубчатаго колеса, не находится естественно большихъ занятій и для магистровъ технологіи; что человѣкъ, готовившійся всю молодость въ чиновники, не прокормится неизвѣстной и непривычной ему ручной работой.

Сводя вмѣстѣ вышеизложенные несомнѣнные факты оказывается:

1) Никакая, даже наилучше устроенная администрація, не могла бы собственными силами истребить въ корнѣ злой умыселъ, успѣвшій уже обратиться изъ заговора въ секту; тѣмъ менѣе способна на это русская администрація, представляющая собой не администрацію въ европейскомъ смыслѣ слова, а какое то поголовное административное ополченіе, лишенное внутренняго единства и связанное съ правительствомъ довольно слабо, во всякомъ случаѣ не органически.

2) Русское общество не имѣетъ покуда ни права, ни возможности дѣйствовать связно, почему при нынѣшнихъ порядкахъ нельзя разсчитывать на помощь съ его стороны. Созна-

тельная вѣрность правительству народа и громаднаго большинства образованнаго слоя, эта неизмѣримая нравственная сила, остается, такимъ образомъ, безплоднымъ личнымъ чувствомъ, нисколько не пособляющимъ власти въ борьбѣ со зломъ.

3) Зло притаилось, можно сказать, въ нравственныхъ пустотахъ нашего государственнаго строя, на которыя неорганизованное общество не въ состояніи воздѣйствовать и въ которыя администрація, со своими механическими средствами, не въ состояніи проникнуть; такъ что усиліе направляется покуда, и то не вполнѣ успѣшно, только противъ личности нигилистовъ; нигилизмъ же, какъ ученіе, остается безъ всякаго противодѣйствія.

4) Укрывшись относительно безопасно въ подпольяхъ общества, русское революціонное движеніе успѣло разростись, набирая въ свои ряды безпочвенныхъ, оторвавшихся отъ всякаго сословія людей, тѣхъ же самыхъ людей, изъ которыхъ набиралось въ старину казачество украинъ. Если нигилизмъ и пріобрѣлъ нѣсколькихъ покровителей въ высшихъ сословіяхъ, то значеніе его заключается никакъ не въ этихъ личностяхъ, а въ его бездомной толпѣ.

5) Толпу эту ему поставляетъ почти исключительно казенная школа, увѣковѣчивающая преданія воспитательнаго періода при условіяхъ, вовсе къ нему не подходящихъ.

6) Хотя послѣднія событія сильно потрясли безучастіе, столь долго оказываемое обществомъ къ появившемуся злу, но безучастіе это принесло уже свои плоды, давъ возможность враждебной шайкѣ устроиться на русской землѣ и примѣниться къ ея условіямъ, такъ что она теперь можетъ пополняться многочисленными существенными выкидышами, даже помимо снисхожденія несвязной окружающей среды.

Заключеніе ясно. Революціонное движеніе не нашло въ Россіи почвы въ смыслѣ общественныхъ условій, но нашло достаточно обильный личный матеріалъ. Трудно доступное въ своихъ подпольяхъ для преслѣдованія полицейскаго, и не опасаясь окружающихъ людей, какъ гражданъ, это революціонное движеніе, не искорененное во-время, грозитъ стать для современной Россіи нравственно тѣмъ же, чѣмъ была вещественно Запорожская Сѣчь для старой Польши: прибѣжищемъ всѣхъ отчаянныхъ людей, не находящихъ себѣ мѣста въ общественномъ строѣ. Подземная крамола не въ силахъ, конечно, поко-

лебать русскій государственный порядокъ, какъ видимая Сѣчь не разрушила польскаго, но можетъ затормозить дальнѣйшее его развитіе и тѣмъ самымъ довести до какой нибудь катастрофы.

Ясно также, что нигилизмъ составляетъ не сущность, а лишь форму нашей язвы. Въ промежуткѣ времени, какое мы переживаемъ, между разрушеніемъ крѣпостнаго государственнаго склада и полнымъ окончаніемъ новаго, общество естественно является не осѣвшимся, въ немъ появилось громадное число людей, выбитыхъ изъ привычной колеи или вызванныхъ изъ толпы новыми потребностями, къ которымъ они не успѣли еще приготовиться и примѣниться. Имъ нужно жить. Соціализмъ есть ничто иное, какъ случайное знамя этихъ людей, какъ современный ярлыкъ бродящихъ общественныхъ осадковъ, укрывшихся въ трещинахъ и пустотахъ нашего государственнаго зданія; онъ есть буквально особый видъ казачества второй половины XIX вѣка, явленіе, проходящее чрезъ всю русскую исторію, но съ соотвѣтствующимъ времени ярлыкомъ. Завтра имя этого осадка легко замѣнится инымъ, но главное дѣло все-таки будетъ не въ осадкѣ, а въ трещинѣ, дающей ему пріютъ. Наша администрація безъ общества уподобляется молоту безъ наковальни, который не раздробляетъ злыхъ сѣмянъ, а только глубже вгоняетъ ихъ въ почву. Можно думать, что соціализмъ, составляя явленіе заносное, чуждое русской жизни, все же безопаснѣе всякаго самороднаго противогосударственнаго произведенія собственной почвы, которое успѣло бы пріютиться въ нашихъ нравственныхъ пустыряхъ, за что нельзя ручаться въ будущемъ. Русскій простой народъ не увлечется западными теоріями, но у него есть свои мечтанія, которыми руководители, менѣе грубые чѣмъ нынѣшніе заговорщики, съумѣли бы, чего добраго, воспользоваться. Кромѣ того, что та же революціонная секта можетъ снова разростись изъ нѣсколькихъ не подобранныхъ сѣмянъ, но еслибъ удалось даже раздавить ее безъ остатка механическими мѣрами (что довольно сомнительно), оставляя по прежнему между правительствомъ и обществомъ пустое поле для посѣва будущихъ доморощенныхъ плевелъ, то такой успѣхъ принесъ бы, по всей вѣроятности, облегченіе весьма кратковременное. Въ дурныхъ явленіяхъ никогда не оказывается недостатка, если есть для нихъ просторъ.

Административныя мѣры заставятъ зло притаиться, но вы-

рвать его съ корнемъ можетъ только довершеніе великаго преобразованія, начатаго въ 1861 году. Послѣ полицейскихъ мѣръ Россія ждетъ законодательныхъ. Нынѣшнее царствованіе безповоротно положило начало новому періоду русской исторіи, замѣняющему Петровскій воспитательный періодъ, но, по общему закону переходныхъ эпохъ, продолжаетъ дѣйствовать посредствомъ прежнихъ заржавленныхъ орудій, не проникающихъ уже вглубь иной, имъ же вызванной жизни. Идеалъ новаго періода очевиденъ всѣмъ: органическое развитіе общества и органическое единеніе его съ правительствомъ и народомъ, вмѣсто управленія механическаго. Но подъ вновь вызванною жизнію, становящеюся уже дѣйствительностію въ своемъ духѣ, только пока безформенною, нѣтъ еще законно опредѣленныхъ основъ, вслѣдствіе чего общество не владѣетъ своими членами, также какъ у власти нѣтъ орудій для прямаго соприкосновенія съ нимъ.

Такъ какъ въ нигилизмѣ выражается не болѣзнь наша, а только ея признакъ, то считаю себя обязаннымъ высказать убѣжденіе тысячъ и тысячъ людей на счетъ того, чѣмъ мы дѣйствительно больны.

ПИСЬМО III.

Не подлежитъ сомнѣнію, что историческое развитіе, выразившееся у каждаго европейскаго народа разнообразными формами общественнаго устройства, поглощено въ Россіи единственною и исключительною формою—развитіемъ бюрократической опеки до крайняго предѣла, т. е. механическимъ отношеніемъ правительства къ текущей народной жизни и наоборотъ. Духъ русскаго народа и вѣра его въ верховную власть составляютъ наше нравственное наслѣдство, исходящее изъ совсѣмъ другихъ источниковъ, а потому ничего не предрѣшающее при обсужденіи современнаго удобства такого порядка; напротивъ, вѣра эта ясно указываетъ на возможность инаго. Тамъ, гдѣ народъ вѣритъ въ свою верховную власть, незыблемость ея и свобода дѣйствій не обусловливаются никакою исключительною формою.

Бюрократическій порядокъ управленія, дѣйствующій безразсудно, необходимо становится чисто механическимъ. Истина эта неоспорима. Одинъ изъ нашихъ сановниковъ говорилъ мнѣ: «На насъ, министровъ, возлагаютъ отвѣтственность за все происходящее въ Россіи, хотя въ сущности мы невиннѣе младенцевъ, избитыхъ Иродомъ. Мой идеалъ заключается въ томъ, чтобы когда нибудь управленіе дѣлами сосредоточилось хотя въ рукахъ директоровъ департаментовъ, все же это будетъ шагомъ впередъ; пока оно не восходитъ выше начальниковъ отдѣленій». Иначе не можетъ и быть. При формальномъ дѣлопроизводствѣ, учреждающемъ десять инстанцій для провѣрки одной другою, хозяиномъ дѣла всегда остается тотъ, кто подводитъ формальности. Съ одной стороны, нельзя требовать, чтобы всѣ начальники отдѣленій обладали способностями государ-

ственныхъ людей и единодушно стремились къ общей цѣли, не производя по своему множеству большой путаницы въ дѣлахъ; въ этомъ отношеніи маркизъ Сольсбери былъ правъ въ своей извѣстной рѣчи, утверждая, что въ Россіи нѣтъ единства цѣлей не только между министерствами, но даже между департаментами одного и того же министерства. Съ другой стороны, не смотря на разноголосицу мнѣній и дѣйствій каждой канцелярской ячейки, каждаго отдѣленія, всѣ онѣ проникнуты тѣмъ же самымъ кастовымъ духомъ, духомъ порабощенія всего сущаго, особенно же подающаго признаки жизни, своей опекѣ, всегда подчиняющей духъ формѣ. Вслѣдствіе того, какія преобразованія ни задумывало бы высшее правительство, такъ какъ дальнѣйшее руководство новыми учрежденіями сосредоточивается все-таки не въ рукахъ живыхъ лицъ, а въ канцеляріяхъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ отъ первоначальной мысли законодателя остается одна шелуха, наполненная формальностію, во всѣхъ нововведеніяхъ скоро оказывается, можно сказать, одинъ и тотъ же вкусъ—бюрократическій. Нельзя не сказать: при нынѣшнемъ русскомъ устройствѣ правительство можетъ ставить только новые заголовки надъ отправленіями общественной жизни, но не можетъ измѣнить ихъ чисто механическаго свойства.

Несомнѣнно то, что во всемъ объемѣ русской послѣ-петровской жизни нельзя отыскать ни одной стороны, которая не была бы подведена подъ бюрократическую мѣрку, не уложена въ ящикъ, препятствующій естественному росту, покуда ящикъ цѣлъ. Слава Богу, у насъ до сихъ поръ ящиковъ не ломаютъ, но въ нихъ задыхаются—это вѣрно. Какой можетъ быть при такихъ условіяхъ подъемъ нравственныхъ силъ народа, источника всего его внѣшняго могущества и всей его внутренней жизненности.

Но, кромѣ того, русская владычествующая бюрократія, имѣвшая когда то значеніе орудія власти для перевоспитанія народа, а нынѣ служащая только къ подавленію народнаго роста, не можетъ устоять долго сама по себѣ, независимо даже отъ ея несвоевременности. Она неизбѣжно приведетъ государство къ банкротству.

Вотъ факты.

«Введеніе новыхъ судебныхъ и общественныхъ учрежденій, отнявшее у существовавшихъ мѣстныхъ органовъ большую и

самую существенную часть ихъ дѣятельности, нисколько не повліяло на уменьшеніе расходовъ на ихъ содержаніе; напротивъ, расходы эти почти удвоились, а содержаніе новыхъ учрежденій (только въ 32-хъ губерніяхъ) легло на народъ бременемъ въ 30 новыхъ милліоновъ» *).

Напримѣръ, бюджетъ разныхъ вѣдомствъ (привожу лишь нѣкоторыя) поднялся со времени послѣднихъ преобразованій, по стоимости старыхъ учрежденій, не считая новыхъ:

Бюджетъ министерства государственныхъ имуществъ, утратившаго главное свое значеніе со дня выхода изъ подъ его вѣденія казенныхъ крестьянъ и упраздненія особой для нихъ администраціи:

съ 9.337.000 (1865 годъ) на 11.060.000 руб.

Стоимость эта показана безъ горнаго вѣдомства, бюджетъ котораго поглощаетъ 6.364.000 изъ 6.474.000 руб. приносимыхъ казенными заводами, такъ что доходъ съ этой части, стоившей государству неимовѣрныхъ затратъ, ограничивается 110-ю тысячами рублей, между тѣмъ какъ горные заводы въ частныхъ рукахъ дали бы казнѣ значительную аренду безъ всякой траты съ ея стороны.

Бюджетъ губернскихъ правленій, передавшихъ земству попеченіе о народномъ хозяйствѣ, а судамъ многія изъ прежнихъ своихъ правъ и избавленныхъ вслѣдствіе того отъ половины бывшихъ занятій:

съ 1.394.000 (1864 годъ) на 2.862.000 рублей.

Акцизныя учрежденія, созданныя вновь рядомъ со старыми казенными палатами, завѣдывавшими до того питейнымъ сборомъ безъ всякаго затрудненія и остающимися приблизительно въ прежнемъ составѣ:

съ 0 на 1.834.000 рублей.

Полиція съ 4.000.000 (1864 года) на $10^1/_2$ милліоновъ слишкомъ, считая земскихъ урядниковъ. Усиленіе расхода на полицію могло бы считаться не безплоднымъ, если бы оно ее видимо улучшило, чего нѣтъ.

Здѣсь приведены лишь нѣкоторыя, особенно бросающіяся въ глаза данныя, но вся государственная роспись представляетъ рядъ такихъ данныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ.

---

*) Разборъ государственной росписи Думашевскаго

Вслѣдствіе того стоимость однѣхъ центральныхъ учрежденій возрасла до 19.292.000 (во Франціи 6.000.000 руб., въ Пруссіи 2.259.000 руб.). Въ томъ числѣ главное управленіе министерствомъ финансовъ 6.667.000 (во Франціи 2.000.000 въ Пруссіи 960.000 рублей).

Наградныя деньги чиновникамъ центральныхъ управленій, не говоря о прочихъ, и воспитаніе ихъ дѣтей (статьи расхода неизвѣстныя въ остальномъ свѣтѣ) простираются ежегодно до 7.650.000 руб.

Разсчитано, что, кромѣ помѣщенія, дѣйствительно нужнаго всѣмъ учрежденіямъ, занимающимъ нынѣ казенные дома, этихъ домовъ остается еще на сумму свыше 200 милліоновъ рублей, не приносящихъ ни копѣйки дохода и требующихъ большаго расхода на ремонтъ.

Исчислено, что упраздненіе учрежденій и должностей, *явно* утратившихъ значеніе послѣ совершенныхъ съ 1861 года преобразованій, сняло бы съ съ гражданской половины нашего бюджета около 26 милліоновъ.

Возвышеніе расходовъ на администрацію официально приписываютъ общему вздорожанію жизненныхъ потребностей. Но вопросъ не въ томъ, почему тотъ же чиновникъ получаетъ нынѣ болѣе чѣмъ въ 1864-мъ году, а въ томъ, почему осталось и еще возросло число чиновниковъ послѣ убавленія на половину ихъ прежнихъ обязанностей?

Западные финансисты никакъ не могутъ понять того явленія, что при русскихъ преобразованіяхъ не происходитъ никакого перемѣщенія государственныхъ расходовъ, а только приращеніе ихъ; что послѣ преобразованій денежные отпуски на всѣ существовавшія до того учрежденія остаются безъ перемѣны, но къ нимъ прибавляются новыя,—что противорѣчитъ самому слову «преобразованіе».

Когда была учреждена послѣдняя коммиссія для сокращенія расходовъ, во всей Россіи не нашлось одной души (можно сказать съ убѣжденіемъ: даже между чинами коммиссіи), повѣрившей въ сокращеніе чего-нибудь, кромѣ развѣ копѣечныхъ статей. Независимо отъ давняго опыта, такое невѣріе основывается еще на очевидности: можно ли мечтать о серьезномъ убавленіи расходовъ тамъ, гдѣ практическое веденіе дѣлъ находится исключительно въ рукахъ третьестепенныхъ агентовъ,

не отвѣтственныхъ за общій исходъ и заинтересованныхъ гораздо болѣе личною, чѣмъ государственною пользою.

Въ канцеляріяхъ нѣтъ лѣкарства противъ этой болѣзни. Сущность бюрократическаго устройства заключается въ томъ именно, что мелкіе относительно чиновники управляютъ въ дѣйствительности дѣлами и сами рѣшаютъ вопросы о размѣрѣ средствъ, потребныхъ для ихъ вѣдомствъ. Какъ доказать, что нужно или не нужно для улучшенія письменнаго управленія такимъ-то гражданскимъ вѣдомствомъ, особенно при нашей системѣ, ставящей трехъ и четырехъ чиновниковъ на мѣсто одного европейскаго—отчасти вслѣдствіе крайней сложности нашего дѣлопроизводства, отчасти по заведенному обычаю привлекать весь верхній слой населенія къ государственной службѣ. Вслѣдствіе равнодушія, порождаемаго невозможностію пролить свѣтъ на дѣла этого рода (какъ то слишкомъ хорошо извѣстно всей Россіи), у насъ давно уже перестали строго взвѣшивать относительную пользу какого-либо вновь испрашиваемаго расхода, а тѣмъ менѣе вести очередь необходимымъ тратамъ, и приняли болѣе простой способъ: давать просимыя средства, если въ ту пору министерство финансовъ неособенно стѣснено и по личнымъ отношеніямъ не хочетъ препятствовать; въ противномъ случаѣ—отказывать въ самой вопіющей потребности, хотя бы то вело къ прямому ущербу государственнаго интереса.

Но такимъ образомъ самыя необходимыя преобразованія остаются въ прямой зависимости отъ открытія новыхъ источниковъ дохода. Это явленіе, исключительно намъ свойственное, совершенно понятно: когда преобразованіе не преобразовываетъ стараго, а только дополняетъ его новымъ, то, конечно, оно становится невозможнымъ безъ предварительнаго приращенія доходовъ. Изъ этого однако слѣдуетъ и доказывается двумя послѣдними вѣками нашей исторіи, что бюрократическое устройство, остающееся господствующимъ, господствуетъ дѣйствительно и не допуститъ новаго на счетъ стараго, что оно фактически поставитъ «veto» законодателю въ его цѣляхъ.

Но даже помимо преобразованій, удвоеніе съ 1864 года стоимости многихъ старыхъ учрежденій, избавленныхъ отъ половины прежнихъ занятій новыми, частью же ставшихъ вовсе не нужными, показываетъ наглядно, надолго ли протянется возможность сохранить устарѣвшіе порядки, хотя бы только съ экономической точки зрѣнія. Если бы даже содержаніе

административной старины оставалось въ постоянной нормѣ, то оно все-таки поставило бы передъ правительствомъ безвыходную задачу: удовлетворять новымъ потребностямъ государства, выдвигаемымъ исторіей на смѣну прежнихъ, одними излишками въ доходахъ; но какъ стоимость этой старины растетъ съ каждымъ годомъ, то ранѣе или позднѣе верховная власть будетъ приведена необходимостію къ одному изъ двухъ рѣшеній: или отказаться отъ всякаго движенія впередъ, или же расчистить русское поле для нуждъ настоящаго и будущаго.

Должно присовокупить: если существуетъ возможность разсчитать съ нѣкоторою приблизительностію, насколько господство бюрократическаго управленія разоряетъ русское государственное хозяйство, то какъ исчислить, чего оно стоитъ хозяйству народному, насколько задерживаетъ его ростъ своею регламентаціей, произвольными рѣшеніями издали и безконечнымъ затягиваніемъ всякой мѣры, необходимость которой давно сознана на мѣстѣ. Можно сказать одно: еслибъ верховной власти угодно было поручить довѣренному лицу (не коммиссіи) собрать отзывъ земскихъ и городскихъ учрежденій и отдѣльныхъ обывателей въ какомъ бы ни было углу Россіи о послѣдствіяхъ тяготѣющей надъ всѣмъ бюрократической опеки, то въ отзывахъ оказалось бы рѣдкое въ этомъ свѣтѣ единогласіе съ тѣмъ выводомъ, что при такихъ порядкахъ серьезному человѣку нѣтъ охоты браться за веденіе общественныхъ дѣлъ.

Но на виду стоитъ только ущербъ гласный, а сколько же составляетъ негласный? Не охотно, но обязательно должно повторить слова, раздающіяся нынѣ чаще всякихъ другихъ въ русской землѣ и противъ которыхъ не слышно ни единаго возраженія: въ послѣднія два десятилѣтія продажность и незаконные поборы возрасли у насъ въ нѣсколько кратъ. Появленіе подобнаго растлѣнія составляетъ постоянный признакъ общественныхъ учрежденій, утратившихъ жизненную силу и вѣру въ себя, и въ то же время подчиненныхъ лишь самимъ себѣ, безъ надзора со стороны. Дѣятели такихъ учрежденій, сознавая вмѣстѣ полную безнаказанность и свое безсиліе для общаго дѣла, начинаютъ безъ зазрѣнія совѣсти обращать данную имъ власть въ пользу личнаго интереса; а какъ язва лихоимства никогда не переводилась въ Россіи, то при такихъ условіяхъ она и разрослась до небывалыхъ размѣровъ, а что

всего хуже, до небывалой беззастѣнчивости. Безобразныя оправданія присяжными казнокрадства и продажности чиновниковъ показываютъ наглядно, что общее мнѣніе не ставитъ ихъ болѣе въ вину личности. Мы пришли къ такому нравственному разложенію роковымъ склономъ. Въ началѣ текущаго столѣтія преобразованія Сперанскаго сняли съ русской администраціи послѣднюю тѣнь контроля, принадлежавшаго сенату, общественное мнѣніе не имѣетъ у насъ значенія, дѣла ведутся въ сущности второстепенными агентами, которымъ нѣтъ выгоды уличать другъ друга; наша бюрократія осталась предоставленной самой себѣ въ виду удесятерившихся денежныхъ оборотовъ, зависящихъ отъ ея разрѣшенія. Многіе ли люди устоятъ противъ подобныхъ искушеній? Тѣмъ не менѣе у русской государственной власти, кромѣ этого малонадежнаго орудія, нѣтъ никакого инаго для воздѣйствія на страну; съ такимъ орудіемъ правительству предстоитъ идти на встрѣчу самымъ загадочнымъ вопросамъ будущаго, очевидно надвигающимся на насъ.

ПИСЬМО IV.

До сихъ поръ я ограничивался внѣшнею стороною нашихъ общественныхъ дѣлъ. Надобно теперь высказаться, по мѣрѣ силъ и очевидныхъ фактовъ, о послѣдствіяхъ почти двухвѣковаго вліянія безраздѣльной бюрократической опеки и усыпленія общества — на духовную сторону русской жизни. Нравственная жизнь народовъ выражается всего нагляднѣе въ двухъ проявленіяхъ: въ повседневной печати, т. е. въ отношеніяхъ общественнаго сознанія къ житейскимъ дѣламъ, и въ отечественной церкви, т. е. въ отношеніяхъ этого сознанія къ внутренней сторонѣ человѣческаго духа.

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ нельзя затормозить надолго вліяніе и просторъ печати. Убѣжденіе массъ всегда оказывается всесильнымъ и вездѣ, ранѣе или позже, осуществляетъ свои стремленія; оно послѣдовательно измѣняло въ исторіи духъ законодательства, общества, церкви, всего на свѣтѣ. Нынѣ же органомъ общественныхъ убѣжденій служитъ печать, а вслѣдствіе того значеніе печати равняется числу грамотныхъ людей въ государствѣ; съ распространеніемъ грамотности возрастаетъ и значеніе печатнаго слова. Конечно, полная свобода печати допущена только въ Америкѣ и Англіи, на материкѣ правительства удерживаютъ за собой право ставить предѣлы ея излишеству, на что у насъ есть еще больше причинъ; но на западѣ предѣлы эти не только гораздо шире, а главное, ясно обозначены практикою и всѣмъ извѣстны, чего у насъ нѣтъ.

Русская печать и безъ того находится въ положеніи крайне неправильномъ, не имѣя подъ собой общественной почвы. Въ Европѣ положительно не существуетъ политическаго органа, котораго направленіе зависѣло бы исключительно отъ его ре-

дактора; каждое изданіе воспроизводитъ тамъ мнѣнія цѣлой группы людей, большой или малой, дѣйствительно сложившейся въ обществѣ, безъ чего оно не пойдетъ. Давно сказано, что настоящіе редакторы европейскаго журнала,—это его подписчики. Изъ такой связи періодической печати съ общественной жизнію, изъ ихъ взаимодѣйствія, истекаютъ вмѣстѣ и обдуманность печатнаго слова, и извѣстная степень его дисциплины. Какъ бы партія ни была малочисленна, она не можетъ впасть въ легкомысліе одиночнаго лица; она взвѣшиваетъ свои интересы и не станетъ рисковать ими изъ-за эффекта пустыхъ фразъ. Въ Россіи общественныя группы не могли покуда сложиться, а потому и не отражаются въ печати. Наши журналы выражаютъ не болѣе какъ личныя, рѣдко даже выдержанныя мнѣнія, мимолетныя впечатлѣнія петербургскаго или московскаго дня. При всемъ томъ запросъ на періодическую печать сильно растетъ; а какъ русскіе читатели живутъ въ обществѣ безсвязномъ, не принадлежатъ въ большинствѣ ни къ какой группѣ мнѣнія, выдѣлавшей самостоятельный взглядъ и способной къ отпору, то они чрезвычайно легко поддаются вліянію *своего* журнала. Очевидно, что такая печать не можетъ вести систематически читателей и не знаетъ куда ихъ вести, но она можетъ ежедневно растравлять ихъ, что и дѣлаетъ для лучшаго сбыта своего товара.

Въ виду общаго положенія печати наши журналисты, кромѣ единичныхъ исключеній, когда за изданіемъ оказывается нѣкоторое подобіе партіи (какъ было съ славянофилами и одно время съ «Московскими Вѣдомостями»), не могутъ поступать иначе, еслибъ даже хотѣли. Для кого они пишутъ? Каждый столичный журналъ расходится на двѣ трети и болѣе между городскими покупателями, а потому естественно соображается со вкусами большинства своихъ читателей и занимается больше всего тѣмъ, что ихъ интересуетъ. Никакое *дѣло* не выражается до сихъ поръ печатно въ нашихъ областяхъ; оттуда доходятъ въ столичные листки только анекдоты и сплетни. А изъ кого состоитъ преимущественно читающее населеніе столицъ, особенно Петербурга? Изъ чиновниковъ, изъ спекулянтовъ всякаго рода, да изъ людей нашихъ новыхъ либеральныхъ профессій, т. е. фрачной толпы, сильно замѣшанной инородческими элементами окраинъ, въ громадномъ большинствѣ почти совсѣмъ оторвавшейся отъ почвы, чуждой практически всякому мѣст-

ному русскому дѣлу и пробавляющейся разными присочиненными мечтаніями и не провѣренными заголовками идей, о которыхъ я говорилъ въ первомъ письмѣ. Областные подписчики, состоящіе въ значительномъ меньшинствѣ, обращаютъ до сихъ поръ мало вниманія на цвѣтъ журнала, ищутъ главнѣйшее обильныхъ новостей, въ отношеніи чего редакторы и стараются ихъ удовлетворить. При такой обстановкѣ редактору русскаго журнала приходится быть самостоятельнымъ политическимъ умомъ, *почерпать все изъ себя*, чтобы вести дѣльный органъ,— можно ли этого требовать? Единственное *дѣло* доступное нашимъ газетамъ, дѣло, происходящее на ихъ глазахъ, это интересы и спекуляціи мѣстныхъ денежныхъ круговъ, да рѣшенія городской думы, — объ этихъ предметахъ и газеты наши высказываютъ опредѣленныя, не теоретическія мнѣнія (пристрастныя или нѣтъ, вопросъ не въ томъ). Нѣкоторые журналы, даже изъ нынѣ существующихъ, доросли бы, можетъ быть, до состоятельныхъ мнѣній и въ обще-русскихъ дѣлахъ, еслибъ наши области жили и заявляли о себѣ. Покуда же подъ русской печатью нѣтъ никакой почвы.

До сихъ поръ наша періодическая печать вращается въ очень тѣсномъ кругѣ читателей, такъ какъ общее число подписчиковъ на политическіе журналы чрезвычайно ограничено; со времени войны подписка на большіе журналы значительно еще понизилась въ пользу малыхъ, дешевыхъ, занимающихся исключительно сплетнями. Количество людей, читающихъ русскіе политическіе журналы, едва ли превышаетъ полъ-милліона, считая даже нѣсколько читателей на каждый экземпляръ, что составляетъ $^1/_2\%$ населенія имперіи. Съ этой точки зрѣнія многіе, особенно же офиціальные люди, придаютъ нашей печати весьма неважное значеніе. Но кромѣ того, что съ наростающимъ поколѣніемъ кругъ читателей долженъ расшириться въ нѣсколько кратъ, въ этомъ полумилліонѣ, для котораго покуда издаются большіе журналы, заключается весь культурный слой страны, изъ него исходятъ всѣ тревоги, озабочивающія правительство, не смотря на полное спокойствіе народныхъ массъ; онъ же поставляетъ учителей, и такимъ образомъ упрочиваетъ свои воззрѣнія и пріемы даже въ будущемъ. Нельзя по этому смотрѣть легко на современную періодическую печать, нельзя съ нею не считаться. Въ близкомъ будущемъ очень многое будетъ зависѣть отъ степени ея зрѣлости.

Думать объ исправленіи нынѣшнихъ недостатковъ печати какъ о дѣлѣ самостоятельномъ, внѣ отношеній ея къ обществу, стремиться къ созданію печати, проникнутой серьезнымъ направленіемъ и нравственной дисциплиной при несвязномъ, лишенномъ чувства круговой отвѣтственности, бездѣйственномъ обществѣ, значило бы искать квадратуру круга. Покуда русское общество не станетъ жить широкою жизнію, русская печать не обратится въ орудіе этой жизни, останется въ большинствѣ калейдоскопомъ взятыхъ на прокатъ модныхъ мнѣній, безпричинныхъ, безцѣльныхъ и крайнихъ, какъ всякая мода. Для воздѣйствія на печать правительство располагаетъ въ текущее время только внѣшними, бюрократическими мѣрами. Какова дѣйствительность этихъ мѣръ, показываютъ слѣдующіе факты.

Броженіе заносныхъ революціонныхъ идей, изъ которыхъ выросъ нигилизмъ, возникло въ самомъ началѣ царствованія подъ впечатлѣніемъ неудачной войны. Отъ него до сихъ поръ осталось въ нашей печати достаточно отголосковъ, но этихъ отголосковъ, пробивающихся въ самыхъ ничточныхъ журналахъ, нельзя поставить даже въ сравненіе съ яростною проповѣдію разрушительныхъ началъ, проводимою около 1860 года главными нашими редакціями заодно съ вольною заграничною печатью. Съ тѣхъ поръ привлекательность новизны изсякла; житейскій опытъ взялъ свое, и гласную часть нынѣшней печати, освобожденную отъ предварительнаго надзора, можно назвать только не дисциплированной, часто не по разуму заносчивой, но никакъ не революціонной. Начальная же проповѣдь нигилизма, причина зла, появилась подъ полнымъ владычествомъ цензуры. Наши цензоры вычеркивали слова, но оставляли мысли. Даже нынѣ изданія съ положительно вреднымъ оттѣнкомъ упорно остаются подъ цензурою, не смотря на многократныя предложенія выйти изъ-подъ нея. Подъ покровомъ цензуры онѣ прячутъ возмутительный смыслъ статьи за ея буквой и ничѣмъ не рискуютъ. Это прятанье за цензуру показываетъ наглядно мѣру состоятельности полной канцелярской опеки надъ печатью.

Но тѣ же самыя послѣдствія, въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, истекаютъ изъ произвольной полу-карательной опеки главнаго управленія по дѣламъ печати въ нынѣшнемъ ея видѣ. Безъ особаго покровительства очень сильнаго лица въ русской

періодической печати нельзя проводить связныхъ политическихъ воззрѣній. Между многими примѣрами, многолѣтнее преслѣдованіе такъ называемыхъ славянофиловъ достаточно подтверждаетъ сказанное. Каково бы ни было мнѣніе о теоріи славянофиловъ (побѣдившей, надо сказать, многіе крупные предразсудки нашего западнаго воспитанія), нельзя не отдать имъ той справедливости, что эти люди положили завязку первому единомысленному кружку въ безсвязномъ русскомъ обществѣ, кружку, проникнутому по своей руководящей мысли безграничною преданностію всѣмъ кореннымъ русскимъ началамъ. Недавнія событія показали насколько мнѣнія этого кружка могутъ проникать вглубь народныхъ массъ. На пустомъ полѣ русскаго общества появились до сихъ поръ, съ противуположныхъ концовъ, только два зачатка нѣкоторой организаціи—славянофильскій и нигилистскій. Кажется, нельзя было сомнѣваться ни въ томъ, какой изъ этихъ кружковъ долженъ быть милѣе правительству, ни въ выгодѣ открыть русской молодежи широкій доступъ къ первому, хотя для того, чтобъ отвлечь ее отъ втораго. На дѣлѣ оказалось обратное. Ни одно изъ изданій славянофиловъ не могло просуществовать далѣе нѣсколькихъ нумеровъ; свои книги они были вынуждены печатать за границей, между тѣмъ какъ нигилистская и полунигилистская печать пользовалась, да и теперь пользуется весьма широкимъ снисхожденіемъ, подъ единственнымъ условіемъ—не называть предметовъ ихъ собственнымъ именемъ, что вовсе и не нужно для яснаго уразумѣнія написаннаго. Напрасно объяснять это явленіе иностранцамъ, ни одна иностранная голова не вмѣщаетъ въ себѣ такой логики. Для насъ же, русскихъ, она совершенно понятна: нигилисты просто вредны, славянофилы же бывали часто непріятны. Покуда нигилисты не обнаружили себя дѣйствіемъ, какое высокопоставленное лицо задавалось заботою о растлѣніи ими какихъ нибудь семинаристовъ, да и кто слѣдилъ за ихъ полуграмотными писаніями? Славянофилы же люди свѣтскіе, равные всякому, отличные писатели, каждое слово ихъ ложилось вѣско. Этого достаточно. Иныхъ отношеній у бюрократіи нѣтъ ни къ чему, нѣтъ, стало быть, и къ печати.

Можно было бы привести много случаевъ, въ которыхъ управленіе по дѣламъ печати, и отъ своего лица, и по указаніямъ III-го отдѣленія тѣснило самыхъ благонамѣренныхъ пи-

сателей и редакторовъ, мирволя очень вреднымъ. Добросовѣстность лицъ, поставленныхъ во главѣ управленій, вліяющихъ на печать, несомнѣнна; но несомнѣнно и то, что лица эти столь же не властны противъ своей бюрократической обстановки, какъ и въ другихъ вѣдомствахъ. Если вообще правительство далеко не всегда можетъ проводить чрезъ современную бюрократію свои виды въ ихъ подлинномъ духѣ, если оно не въ состояніи узнавать вѣрныхъ людей и недоброжелателей въ государственной службѣ, то оно не можетъ этого и по дѣламъ печати.

Послѣдствія выходятъ очень печальныя. Ихъ два. Первое: въ русской печати установился совсѣмъ особенный, нечестный способъ писанія, состоящій въ томъ, чтобы сказать все желаемое въ полъ-слова, понятное читателю и избавляющее отъ необходимости доказывать свою мысль, изъ опасенія, будто бы, слишкомъ явно ее обнаружить. Очевидно, что умѣнье такъ писать есть фокусничество и требуетъ людей, способныхъ быть фокусниками, людей безъ убѣжденія, размышленія и добросовѣстности. У насъ дѣйствительно сложилась цѣлая клика журналистовъ такого свойства. Эта растлѣнная клика, равняющаяся самымъ презрѣннымъ явленіямъ въ исторіи другихъ эпохъ и странъ, вліяетъ понемногу на мнѣнія массъ, изъ котораго *складывается все на свѣтѣ*. Но кто же въ этомъ виноватъ, русскій духъ или русскіе офиціальные порядки? Недавно одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей сказалъ мнѣ: «наша печать развращена цензурнымъ рабствомъ въ такой же мѣрѣ, какъ наше общество развращено крѣпостнымъ правомъ».

Второе послѣдствіе: такъ какъ въ нашей печати преслѣдуется не столько вредное, сколько непріятное, то мыслящему и чистосердечному человѣку, кромѣ рѣдкихъ случаевъ особаго покровительства, совсѣмъ нельзя высказываться въ періодической печати; онъ подвергаетъ редакцію опасности карательныхъ мѣръ прежде чѣмъ мысль его будетъ достаточно выяснена. Кромѣ того, хотя въ современной русской мысли не ставится, да и по самой силѣ вещей не можетъ быть поставлено вопроса о нашихъ основныхъ государственныхъ началахъ, съ которыми громадное большинство согласно, хотя дѣло идетъ только о формѣ и способахъ правительственнаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе многіе предметы, наиболѣе занимающіе

умы, совсѣмъ изъяты изъ обсужденія. Что же выходитъ? Мыслящіе люди по большой части молчатъ, важные вопросы не затрогиваются и общественное сознаніе не выясняется; а клика не мыслящихъ журнальныхъ фигляровъ, замкнувшись въ кругѣ мелкихъ текущихъ событій, ежедневно растравляетъ массу своими полусловами. Явленіе это происходитъ въ первые самые рѣшительные дни эпохи обновленія, когда очевидно и несомнѣнно на мѣсто Петровской Россіи становится новая Россія Александровская, воспринимаемая въ подобной купели.

У насъ не можетъ народиться вполнѣ сознательной и нравственной печати, пока ея вдохновляющимъ источникомъ не станетъ оживившее общество, но тѣмъ не менѣе было бы крайне опасно, еслибъ призваніе общества къ жизни происходило подъ вліяніемъ такой печати, какова нынѣшняя. Преобразовать ее вполнѣ можетъ только народный духъ, но правительство имѣетъ возможность исправить ея обстановку посредствомъ мѣръ, вполнѣ отъ него зависящихъ. По убѣжденію многихъ, къ этой цѣли ведутъ четыре главныя средства.

1) Дать жизнь и голосъ областямъ, безъ чего никто не можетъ знать ни русскихъ дѣлъ, ни русскихъ мнѣній; всякій будетъ подставлять подъ ними свои мечты. Дѣло идетъ не объ оживленіи областной печати въ ея нынѣшнемъ видѣ, какъ частной спекуляціи; печать такого рода останется навсегда блѣднымъ сколкомъ со столичной, хотя и она принесетъ свою долю пользы. Важно то, чтобъ каждое земство имѣло право основать своей безцензурный журналъ.

2) Повсемѣстное упраздненіе предварительной цензуры, подъ покровомъ которой проводятся самыя нецензурныя внушенія. Въ университетскихъ городахъ имѣются средства для ежедневнаго надзора за печатью; въ другихъ же частныхъ газетъ и безъ того почти не издается.

3) Устраненіе отъ печати бюрократическаго произвола. Правительству очевидно выгодно для собственнаго обезпеченія отъ неправильнаго примѣненія его воли и для внушенія уваженія къ приговору, ввѣрить это право суду, хотя бы покуда даже административному, хотя бы изъ тѣхъ же членовъ главнаго управленія, но рѣшающихъ дѣло гласно, большинствомъ голосовъ, послѣ формальнаго обвиненія и защиты. Конечно, такая форма суда можетъ быть лишь переходной. Тогда и кара можетъ стать строже нынѣшней, стать вмѣстѣ денежной

и личной, особенно при допущеніи апелляціи въ сенатъ, и пресѣчь, между прочимъ, нынѣшнія омерзительныя личности журналистики. Приговоры суда получатъ осмысленное значеніе въ глазахъ общества и самой печати, они выработаютъ понемногу сознательный кодексъ правъ русскаго слова.

4) Свободное, добросовѣстное обсужденіе государственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, также какъ внѣшней дѣятельности учрежденій, безъ чего и правительство и подданные останутся въ непроглядномъ мракѣ, будутъ слышать личные намеки, а не мнѣніе общества, безъ опоры котораго нельзя больше ступить шагу ни въ какую сторону. При этихъ только условіяхъ общественныя стремленія будутъ въ состояніи выясниться и разумное большинство возьметъ верхъ надъ мечтаніями кружковъ.

Нынѣ же русская печать, вмѣстѣ со многими другими сторонами нашего современнаго склада, и все по одной и той же причинѣ, представляетъ явленіе несообразное и невиданное въ остальномъ свѣтѣ, что выказывается очень рѣзко въ странномъ видѣ вліянія ея на разрозненныхъ людей, которыхъ она смущаетъ, не умѣя направлять.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ IV.

Русская печать содержитъ въ себѣ несомнѣнно большія силы, хотя обыкновенно скрытыя. Во время послѣдняго польскаго мятежа мы видѣли явленіе, небывалое въ другихъ странахъ—газету, пріобрѣвшую руководство надъ умами, собравшую и укрѣпившую нравственныя силы общества для борьбы. Можно было бы привести еще другіе, хотя не столь крупные примѣры способности нашей печати сильно вліять на народное мнѣніе. Въ тоже время нѣтъ въ свѣтѣ печати, болѣе отзывчивой на всякое благое начинаніе власти, какъ наша. Но силы, которыя она могла бы обнаруживать обыденно съ великою пользою для страны и правительства, закупоренныя черезъ мѣру, не только пропадаютъ даромъ, но даже угрожаютъ опасными выходками при первомъ удобномъ случаѣ.

Безъ извѣстной свободы слова мы не выйдемъ изъ нынѣшнихъ недоразумѣній. Наши безспорные вопросы исчерпаны уже въ шестидесятыхъ годахъ, а изъ тѣхъ, которые стоятъ за ними на очереди, ни одинъ не выясненъ покуда окончательно. Причина понятна: рѣшенные вопросы—объ упраздненіи крѣпостнаго права, о независимомъ судѣ и необходимости нѣкотораго участія народныхъ силъ въ мѣстномъ управленіи не вызрѣвали на русской почвѣ; мы приняли ихъ изъ рукъ заимствованной цивилизаціи; слѣдующіе за ними составляютъ уже наше домашнее дѣло, позаимствовать рѣшенія ихъ не откуда, мы должны додуматься до него самолично, что слишкомъ трудно при продолжающемся у насъ стѣсненіи мысли. Мы можемъ оставаться въ такомъ положеніи неопредѣленное время, а между тѣмъ отравляющія нашу народную жизнь недоразумѣнія растутъ безостановочно. Прежде всего, даже прежде приступа къ устройству порядка

вещественнаго, необходимо внести порядокъ и ясность въ русскую мысль предоставленіемъ ей достаточнаго простора, въ предѣлахъ по крайней мѣрѣ нашихъ общепризнанныхъ историческихъ началъ.

Общественное сознаніе ищетъ исхода. Въ послѣдніе годы печатаніе за границею русскихъ книгъ и брошюръ, писанныхъ очень благонамѣренными людьми, стало явленіемъ обыденнымъ, вынуждаемымъ неизвѣстностію предѣловъ печатнаго слова дома; при самомъ искреннемъ желаніи не нарушать установленій печати, у насъ невозможно разграничить заранѣе дозволенное отъ недозволеннаго — все зависитъ отъ весьма измѣнчиваго взгляда начальствующихъ лицъ. Авторы такихъ заграничныхъ сочиненій не только не подвергались преслѣдованію, но нѣкоторымъ дозволялось даже распространять ихъ книги въ Россіи подъ извѣстными условіями. Подобнымъ снисхожденіемъ правительство явно показывало, что по собственному его сознанію русская мысль переросла уже стѣсняющія ее рамки и что оно желаетъ дать ей нѣкоторый просторъ, не зная покуда какъ совмѣстить этотъ просторъ съ привычными пріемами допущенной имъ гласности.

Прежде чѣмъ карать за мысль, надо дать ее договорить. Достаточно признать эту азбучную истину и рѣшительный шагъ будетъ сдѣланъ, русское общество получитъ возможность выяснить себѣ современные вопросы, отъ способа рѣшенія которыхъ зависитъ въ близкомъ будущемъ охраненіе основныхъ началъ нашего государственнаго порядка; а вмѣстѣ съ тѣмъ правительство привыкнетъ слышать вокругъ себя разсужденія такого рода, слышныя нынѣ всѣмъ кромѣ его одного, сниметъ съ нихъ тѣмъ самымъ нынѣшнее подпольное зажигательное свойство. Сложившееся разъ отчетливое мнѣніе большинства освѣтитъ и въ высшей степени облегчитъ правительству дальнѣйшій путь. Но еще до того, пренія такого рода принесутъ ту громадную пользу, что пріучатъ русскихъ людей называть вещи ихъ подлиннымъ именемъ, разсѣютъ ту невѣроятную сбивчивость понятій, которая, подъ названіемъ конституціонныхъ идей, бродитъ покуда въ головахъ и побуждаетъ каждаго чиновника, не получившаго награды къ празднику, взывать къ конституціи, какъ къ вѣрнѣйшему средству для поправленія своихъ личныхъ дѣлъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что пишетъ Leroi-Beau-

lieu о положеніи русской печати. Онъ говоритъ о Россіи очень сочувственно, ничего не преувеличиваетъ, а между тѣмъ русскій человѣкъ краснѣетъ до ушей читая его, до такой степени картина выходитъ похожею на то, что могло бы происходить развѣ въ Тунисѣ. Дѣло не въ одной узкости рамокъ, стѣсняющихъ русское слово; краснѣть заставляетъ безцеремонное, прихотливое отношеніе представителей власти къ печати, а еще болѣе наивные пріемы, употребляемые до сихъ поръ для огражденія насъ отъ зловредныхъ вліяній. Каково видѣть, напримѣръ, цѣлыя страницы иностранныхъ журналовъ, выписываемыхъ, конечно, не для толпы, а для образованнаго общества, покрытыхъ такъ называемой икрой, между тѣмъ какъ сотни тысячъ выѣзжающихъ за границу русскихъ читаютъ ихъ безпрепятственно. И какіе при томъ пустяки замазаны такимъ образомъ! Власть можетъ быть, пожалуй, суровой, но, для избѣжанія самоубійства, никогда, ни на какихъ ступеняхъ не должна становиться смѣшной; а чѣмъ же она выказывается, спасая мою душевную чистоту посредствомъ замазыванія заразительныхъ мыслей въ «Revue des deux mondes?» Я уже говорилъ, что въ нашей печати преслѣдуется главнѣйше не вредное, а почему либо неудобное властнымъ, даже мелко властнымъ людямъ, вліяющимъ на главное управленіе печати или состоящимъ въ пріязни съ нимъ. Но кто же при этомъ выигрываетъ? Внѣ офиціальной сферы всѣмъ, и большимъ и малымъ, хорошо извѣстно, что выигрываютъ однѣ подпольныя стремленія, высказывающіяся очень ясно окольными путями для своихъ читателей и распространяющія превратныя ученія почти безъ противорѣчія, такъ какъ благонамѣренныя и обдуманныя мнѣнія, требующія для своего выясненія не полусловъ, а связнаго развитія, должны молчать.

Очевидно, однакоже, что при такой искусственной безгласности мнѣнія, начинающаго сильно бродить внизу, но лишеннаго возможности выработаться связно и сознательно, правительство остается въ полной нравственной пустотѣ, внѣ всякаго умственнаго соприкосновенія со страною; оно не можетъ почерпать своихъ мѣропріятій изъ дѣйствительности, ему неизвѣстной, и вынуждено придумывать ихъ въ канцеляріяхъ. Выйдемъ ли мы изъ нынѣшнихъ недоумѣній при такой постановкѣ дѣла? Гласное выраженіе мнѣнія не можетъ быть замѣнено никакимъ инымъ способомъ. Еслибъ даже власть стала

призывать для совѣщанія самыхъ опытныхъ земскихъ людей, то и они могли бы изложить только свое одиночное сужденіе, но не могли бы дать того, что покуда совершенно неизвѣстно и въ чемъ вся сила—мнѣнія русскаго большинства. По той же причинѣ никакое общее собраніе земскихъ людей, хотя очень способное освѣтить многія частныя и мѣстныя стороны дѣла, не оказалось бы покуда состоятельнымъ въ смыслѣ рѣшенія коренныхъ вопросовъ; оно стало бы бродить въ лабиринтѣ личныхъ, не провѣренныхъ общимъ сознаніемъ взглядовъ. А въ то же время одиночныя мечтанія, руководимыя не разумомъ, а впечатлѣніями, по большей части озлобленными, продолжаютъ быстро накипать внизу.

Не давая сложиться мнѣнію большинства, несомнѣнно благонамѣреннаго, вѣрноподданнаго и дорожащаго всѣми нашими историческими основами, правительство какъ бы преднамѣренно подставляетъ почву враждебнымъ политическимъ сектамъ, которыя въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ однѣ могутъ складываться и привлекать сообщниковъ безъ простора гласности. Теперь изыскиваютъ мѣры, могущія внушить обществу довѣріе къ новому направленію, вселить въ него спокойное ожиданіе всего лучшаго отъ власти въ будущемъ; но никакая мѣра не равняется своею дѣйствительностію той, которая предоставила бы наконецъ русскому человѣку возможность обсуждать свои общественныя дѣла европейскимъ способомъ, а не шептаньемъ другъ другу на ухо, какъ въ Азіи; никакая другая мѣра, ни расширеніе правъ земства, и ни что иное не подѣйствуетъ благотворно на умы безъ этой послѣдней. Кто повѣритъ въ успѣшность леченія нашей сложной болѣзни ветеринарнымъ способомъ, безъ распроса больнаго о томъ, что у него болитъ.

Было бы трудно, во всякомъ случаѣ долго составлять новое законоположеніе о печати на тереотическихъ основаніяхъ, да едва ли и повело бы оно къ чему нибудь положительному. Когда разъ надъ мыслію существуетъ начальство, то все зависитъ отъ взгляда начальствующихъ лицъ, а взглядъ этотъ обусловливается болѣе всего привычкою. Что у насъ привыкли считать дозволеннымъ, то и есть дозволенное. Существенно важно замѣнить личный приговоръ по дѣламъ печати приговоромъ суда, хотя бы покуда спеціальнаго, для одного этого дѣла. Что же касается до новаго узаконенія о предѣлахъ печатнаго слова, которое въ такомъ неуловимомъ дѣлѣ можно примѣнять какъ угодно, то на мой взглядъ гораздо

удобнѣе провести сначала въ русскую печать необходимую ей долю свободы практическимъ путемъ, даннымъ однажды примѣромъ. Такъ въ сущности произошло и въ началѣ нынѣшняго царствованія, при первомъ подъемѣ русскаго слова. Судъ выработаетъ впослѣдствіи рядомъ своихъ приговоровъ практическіе предѣлы правъ печати гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ выработала бы ихъ какая бы то ни было коммиссія. Въ такомъ способѣ проведенія новыхъ началъ въ жизнь заключается одно изъ преимуществъ самодержавія: оно можетъ замѣнять букву духомъ, не предрѣшая несвоевременно потребностей будущаго, предоставляя имъ обнаруживаться и облекаться постепенно формальною законностію. Подобный починъ вызоветъ голосъ не только присяжныхъ писателей, но, что гораздо важнѣе, голосъ земскихъ людей, вожаковъ мнѣнія своей мѣстности, и мыслящихъ людей по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной дѣятельности, опытность которыхъ служитъ доселѣ имъ однимъ, не просвѣщая никого другаго.

Публичность нужна не только для одиночной мысли, она необходима для цѣлыхъ отраслей народнаго управленія. Земства, напримѣръ, чрезвычайно затрудняются слишкомъ келейнымъ способомъ обсужденія своихъ потребностей, онѣ не могутъ освѣтить ихъ достаточно безъ своего мѣстнаго органа печати. Земства покуда разъединены между собою совершенно, даже нравственно. Очевидно, что впослѣдствіи необходимо будетъ узаконить должную связь между ними въ случаяхъ надобности; но до тѣхъ еще поръ эта связь, часто крайне настоятельная, могла бы поддерживаться взаимною гласностію, безъ которой невозможно выдѣлать кодексъ обычаевъ и практическихъ пріемовъ, часто болѣе важный, чѣмъ кодексъ положительныхъ правъ. Но нельзя не видѣть, что при нынѣшнихъ условіяхъ печати, земскіе листки обратились бы въ краткій перечень засѣданій, что самыя вѣскія и любопытныя заявленія гласныхъ часто не могли бы быть воспроизведены вполнѣ.

При переходѣ изъ одной эпохи въ другую, разъединенныя мѣры не ведутъ ни къ чему, нужны мѣры общія. Для того, чтобы не сбиться съ пути, надо предоставить мысли свободу во всѣхъ ея благонамѣренныхъ проявленіяхъ, и если карать, то лишь за то, что говоритъ человѣкъ, а не за предметъ, о которомъ онъ говоритъ.

ПИСЬМО V.

Рѣшаюсь, наконецъ, высказать свой взглядъ на положеніе русской церкви, несущей на себѣ, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, гнетъ мертвящаго бюрократизма. Какъ сознательная мысль, убѣжденіе мое весьма распространено между образованными людьми; какъ чутье, оно разлито поголовно, высказывается повседневно и въ отношеніяхъ народа къ церкви и въ состояніи умовъ культурнаго слоя.

Членъ государственнаго совѣта П*** произнесъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ совѣтѣ замѣчательную, хотя, конечно, не договоренную рѣчь о положеніи, созданномъ русской церкви Петровскимъ преобразованіемъ. Сущность рѣчи заключалась въ томъ, что современная русская церковь совсѣмъ не церковь, а государственное учрежденіе, служба котораго отправляется чиновниками, облеченными въ епископскій и іерейскій санъ, подъ надзоромъ канцелярій, какъ въ прочихъ вѣдомствахъ, вслѣдствіе чего, естественно, жизнь начинаетъ въ ней оскудѣвать и собраніе вѣрующихъ, лишенное общей связи, мертвѣетъ. Ораторъ высказалъ въ заключеніе, что церковное дѣло не можетъ оставаться въ такомъ положеніи безъ смертельной опасности, для нравственной будущности русскаго человѣка. Г. П*** до такой степени правъ въ отношеніи чиновничества нашего клира, что я слышалъ лично, какъ одинъ епископъ, говоря о священникахъ своей епархіи, выражался «мои чиновники». Г. П*** не счелъ возможнымъ высказать еще многіе факты, между прочими тотъ, что въ духовныхъ академіяхъ и многихъ семинаріяхъ читается съ каѳедры, что русская церковь состоитъ со временъ Петра Великаго въ плѣну у государства, въ такомъ же плѣну, въ какомъ церковь ветхозавѣтная нахо-

дилась въ Вавилонѣ. Говорятъ это несомнѣнно самые честные и чистосердечные профессора, не желающіе скрывать, «ради страха фарисейска» чувства, гнетущаго души вѣрующихъ.

Тяжкая ошибка великаго преобразователя очевидна нынѣ всякому. Хотя мысль о преобразованіи церковнаго управленія не возникла въ его умѣ произвольно, а была отвѣтомъ на недавнія притязанія патріаршества при Никонѣ, проникнутыя католическими вѣяніями, тѣмъ не менѣе очевидно, что крутыя мѣры, принятыя Петромъ, зашли гораздо далѣе предполагавшейся цѣли. Для облегченія переворота, громаднаго и необходимаго, но временнаго, какъ все въ исторіи, онъ занесъ руку на дѣло, до основаній котораго рука человѣческая не должна касаться, разрушилъ свободу и самостоятельность многовѣковаго строя отечественной церкви, разорвалъ существовавшее до тѣхъ поръ живое взаимодѣйствіе между клиромъ и обществомъ, подчинилъ отправленіе церковной жизни бюрократіи, принизилъ духовенство и тѣмъ пресѣкъ приливъ къ нему общественныхъ силъ, вслѣдствіе чего наше духовенство должно было замкнуться въ себѣ и обратиться въ наслѣдственную касту. Съ тѣхъ поръ русская церковь дошла понемногу до состоянія государственнаго учрежденія, о которомъ говорилъ Г. П***. Великій императоръ ужаснулся бы предъ этими послѣдствіями, если бы могъ ихъ предвидѣть, но зародышъ ихъ заключался неизбѣжно въ совершенномъ имъ церковномъ преобразованіи. Плодъ созрѣлъ и мы собираемъ жатву: церковь, росписанная по табели о рангахъ и связанная, утратила вконецъ нравственное вліяніе на русскаго человѣка—не только на общество, но и на народъ; духовенство, служившее во всѣ вѣка Россіи первою опорою Престолу, прониклось глухимъ недовольствомъ, такъ что теперь почти каждый русскій левитъ, не попавшій къ алтарю, становится въ ряды общества и государственной службы врагомъ существующихъ порядковъ. Еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ направленіи, и противники государства найдутъ можетъ быть союзниковъ у самаго алтаря.

Какъ ни велико это зло, оно еще не главное. Гибельныхъ послѣдствій можно насчитать много, но всѣ онѣ меркнутъ передъ тѣмъ невѣроятнымъ послѣдствіемъ, что охлажденіе большинства образованнаго общества къ вѣрѣ и постоянно продолжающійся выходъ огромныхъ народныхъ массъ изъ вселенской церкви въ расколы, истекшіе на западѣ, въ римскомъ

католичествѣ и протестантствѣ. изъ глубины историческихъ, ни отъ кого лично не зависѣвшихъ причинъ, созданы у насъ искусственно руками самой власти, конечно, не преднамѣренно. Да будетъ позволено мнѣ освѣтить въ короткомъ отступленіи причину такого заключенія.

Въ католичествѣ отпаденіе личной совѣсти отъ церкви объясняется ярче дня словами одного извѣстнаго бельгійскаго каноника, принадлежавшаго къ либеральной церкви, Монталамбера. Онъ говорилъ: «я вѣрующій человѣкъ, но не могу признавать двухъ разныхъ Боговъ, Бога римскаго и Бога исторіи; между тѣмъ Римъ признаетъ католикомъ только христіанина XIV-го столѣтія, отвергаетъ право личной совѣсти и считаетъ все, происшедшее съ конца среднихъ вѣковъ, навожденіемъ. Усилія нашей партіи, считавшей возможнымъ примирить церковь съ современнымъ человѣкомъ, доказали тщетность такой надежды. Папа думаетъ иначе чѣмъ либеральные католики, а кто думаетъ не такъ какъ папа, тотъ не правовѣрный. Достаточно выяснено, что положеніе самого вѣрующаго католика, не могущаго отрѣшиться отъ своего человѣческаго развитія и отъ духа своего вѣка—положеніе безвыходное».

Всемірное фіаско протестантства стоитъ у всѣхъ на глазахъ. Послѣ отчаянныхъ усилій открыть истинную вѣру, какъ открываютъ физическую достовѣрность, утвердиться на непреложныхъ основаніяхъ собственнаго изобрѣтенія и успокоиться въ одиночной вѣрѣ внѣ церкви, большинство протестантовъ, въ томъ числѣ самые разсудительные люди, махнули наконецъ рукой на это новое исканіе филосовскаго камня и стали поневолѣ относиться къ религіи только съ политической и нравственной стороны. Въ общихъ исповѣданіяхъ серьезные люди стали выдѣляться изъ отечественной церкви лишь по мѣрѣ того какъ почва, вопреки ихъ волѣ, сама уходила изъ-подъ ихъ ногъ.

Въ православіи не существуетъ никакой логической причины къ повальному отпаденію душъ отъ церкви. Православіе не приковываетъ вѣрующаго къ какому-либо столѣтію, ни духовно, ни политически, открываетъ его гражданскому развитію неограниченное поле въ той же мѣрѣ какъ самое крайнее протестанство, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ незыблемую опору союзу вѣрующихъ, соединяя ихъ въ церковь. На такой почвѣ личное

невѣріе, всегда обыкновенное между людьми, не ведетъ ни къ какимъ общимъ послѣдствіямъ, остается единичнымъ психологическимъ фактомъ, не имѣя никакого побудительнаго повода, никакой цѣли сливаться во враждебный церкви союзъ, такъ какъ церковь не только не препятствуетъ успѣхамъ общества, но живитъ ихъ, охраняя нравственность и скрѣпляя духовную связь между людьми. Наша церковь, располагающая прежнею свободою дѣйствій, отстояла бы по всей вѣроятности свое нравственное значеніе противъ напора такъ называемаго духа вѣка, но для этого она должна была оставаться церковію, не обращаясь въ гражданское зависимое учрежденіе, должна была видѣть свою опору въ совѣсти вѣрующихъ, а не въ покровительствѣ мірской силы.

По духу православной іерархіи она не составляетъ нигдѣ, какъ не составляла до Петра и у насъ, замкнутаго въ себѣ круга пастырей, пасущихъ безсловесное стадо, подобно католической. Міряне служили церкви не одними вкладами, а мыслію и дѣломъ, участвовали въ ея совѣтахъ, проводили ея начинанія, какъ и теперь это происходитъ на востокѣ, а церковь съ своей стороны оставалась въ тѣсномъ единеніи съ обществомъ, принимала живое участіе во всѣхъ явленіяхъ народной жизни. Съ тѣхъ поръ прямое, дѣятельное общеніе міра съ церковію прервалось въ Россіи, осталось одно наружное: со стороны церкви, потому что она не можетъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія; со стороны мірянъ, потому что за каждымъ дѣйствіемъ церкви они видятъ скрѣпу оберъ-секретаря святѣйшаго синода, съ которымъ религіозное чувство не можетъ имѣть ничего общаго. Замѣчательно то, что коренной духъ православной церкви, устоявшій непоколебимо предъ всѣми ухищреніями іезуитства въ Польшѣ и Австріи, и передъ мусульманскимъ изувѣрствомъ въ Турціи, не устоялъ передъ регламентаціей своего православнаго правительства. Явленіе это однакожъ очень естественно. Православіе, сильное своей исторической правдой, не ограждено ни внѣшнимъ, вещественнымъ и недосягаемымъ авторитетомъ латинства, противъ котораго правительства до сихъ поръ оказываются безсильными, ни способностію протестантства, не имѣющаго центра, замыкаться въ душѣ человѣка какъ улитка въ раковинѣ и оставаться въ ней неуязвимымъ для внѣшней силы; у него есть стройная іерархія, на которую своя, законная и православная власть, и только законная и православная, мо-

жетъ наложить руку, какъ доказано опытомъ. Послѣдствіемъ произошло то, что изъ русскаго духовнаго міра вынута связующая сердцевина и начался нравственный разбродъ. Церковь, лишенная внутренней жизни, ограничилась исполненіемъ требъ, такъ что извѣстный де-Местръ былъ правъ, утверждая, что русскій священникъ представляетъ собою не болѣе какъ трубу органа—онъ поетъ. Общество, охладѣвъ къ церкви, естественнымъ образомъ скоро охладѣло и къ вѣрѣ. Народъ, видя въ церкви одну внѣшнюю формальность, сталъ искать «божественнаго» внѣ ея. Духовное просвѣщеніе грамотныхъ русскихъ сословій ограничилось заучиваніемъ краткаго катихизиса въ школѣ и разрѣшилось полнѣйшимъ невѣдѣніемъ въ дѣлахъ вѣры, а потому и равнодушіемъ къ ней. Для ясности считаю себя обязаннымъ изложить вкратцѣ значеніе этихъ трехъ главныхъ послѣдствій церковнаго онѣмѣнія.

Многіе объясняютъ наше религіозное охлажденіе общимъ невѣріемъ вѣка, но объясненіе это крайне легкомысленное. Въ наиболѣе развитомъ изъ человѣческихъ племенъ, англо-саксонскомъ, есть скептики, какъ и вездѣ, но нѣтъ охлажденія къ вѣрѣ. На свѣтѣ много узкихъ умовъ, отрицающихъ все сплеча, но по самой своей узкости они лишены вліянія на общее сознаніе; мыслящіе же люди, настоящіе вожаки мнѣнія, хотя и распадаются по своему душевному складу на вѣрующихъ и сомнѣвающихся, но сомнѣніе серьезныхъ людей рѣдко переходитъ въ систематическое отрицаніе. Если отечественное вѣроученіе не стоитъ въ разрѣзъ съ задачами вѣка, то большинство даже колеблющихся людей не выдѣляется изъ общей религіозной жизни народа, работаетъ для нея за одно съ вѣрующими, видя въ ней источникъ всякаго нравственнаго начала. Мы постоянно наблюдаемъ это явленіе въ свободныхъ протестантскихъ земляхъ, Англіи и Америкѣ. Еслибъ въ Россіи устояла живая и дѣятельная церковь, проникающая весь объемъ народной жизни въ духъ любви и свободы, а не принужденія, и проникаемая въ свою очередь воздѣйствіемъ на нее общества, какъ было прежде, но при силахъ, усугубленныхъ современнымъ просвѣщеніемъ, еслибъ на твердой почвѣ православія созрѣла свободная религіозная дѣятельность, какую мы видимъ на зыбкой почвѣ англійскаго протестантства, то нравственное настроеніе русской жизни стояло бы несомнѣнно столь же высоко на сколько оно стоитъ теперь низко, а въ нравственномъ

настроеніи заключается все остальное. Тѣ же самые люди, которые рубятъ нынѣ сплеча все сущее, подчинились бы, какъ личности вообще несамостоятельныя, иному, новальному теченію и служили бы дѣйствительнымъ потребностямъ общества, тѣсно сплоченнаго съ церковію. Нынѣ же не только сомнѣвающіеся, но даже твердо вѣрующіе, лишенные средоточія и взаимной связи, находятся у насъ болѣе чѣмъ въ протестантскомъ разбродѣ. Образованные люди, жаждущіе живаго слова и не находящіе его дома, кидаются на Редстока и тому подобныхъ; подростки, неслыхавшіе о серьезномъ духовномъ руководствѣ, переходятъ легко въ религію нигилизма, такъ какъ нигилизмъ также религія, только въ вывороченномъ видѣ. Церковь, какъ единеніе вѣрующихъ, обратилась у насъ въ отвлеченное понятіе, совершенно неуловимое на практикѣ.

Въ простомъ русскомъ народѣ поражаетъ то явленіе, что жизнію сознательною, жизнію съ движеніемъ мысли, съ какими бы то ни было нравственными идеалами, съ духовною связью между людьми, живутъ только населенія, выдѣлившіяся въ расколъ; одни эти населенія способны и въ мірскихъ дѣлахъ къ общему почину и дружному взаимодѣйствію; потому же они неуязвимы какъ крѣпость для тлетворныхъ ученій политическихъ. Русскій простолюдинъ идетъ въ расколъ для удовлетворенія душевной потребности жить сознательною религіозною жизнію, которой онъ лишенъ въ нынѣшней отечественной церкви, ограниченной наружною обрядностію. Для него не существовало бы никакой причины выходить изъ живой воспріявшей его церкви, утвержденной на вселенскихъ основаніяхъ и предоставляющей ему ту же свободу духовной дѣятельности, какую онъ встрѣчаетъ въ расколахъ; но въ томъ то и дѣло, что онъ не находитъ этого простора въ подневольной официальной церкви, какъ не находитъ въ ней его и свѣтскій человѣкъ, обращающійся къ Редстоку. Въ этой причинѣ заключается настоящее объясненіе упорства раскольниковъ: они не хотятъ духовнаго рабства. Въ продолженіе столькихъ вѣковъ, пережитыхъ церковію, появлялось не мало ложныхъ вѣроученій, но ни одно изъ нихъ не оказалось живучимъ; наша религіозная смута второй половины XVII вѣка облеклась тѣломъ и окрѣпла только въ послѣдовавшее царствованіе Петра, поработившее церковь государству. Въ позднѣйшее время, какъ и доселѣ, притяженіе оказываемое расколомъ на народныя массы уси-

ливается соразмѣрно онѣмѣнію церкви. Недалекъ можетъ быть день, когда центръ тяготѣнія народныхъ вѣрованій передвинется изъ православія въ расколы. Хотя русскіе отщепенцы (особенно старообрядцы) несомнѣнно вѣрны Царю, но для участи великаго народа важно не одно только наружное спокойствіе. Еслибъ не дошло даже до численнаго перевѣса раскола, то нравственный перевѣсъ его послѣдователей надъ тупѣющими массами православнаго населенія можетъ разрѣшиться послѣдствіями слишкомъ очевидной важности.

Необходимо наконецъ сказать нѣсколько словъ о состояніи духовнаго просвѣщенія въ Россіи—такъ какъ человѣкъ можетъ сочувствовать только тому что знаетъ. Въ учености наша іерархія не уступитъ никакой другой, и кромѣ того, у насъ лишь есть небывалое въ свѣтѣ явленіе: множество простолюдиновъ, способныхъ состязаться съ первыми европейскими богословами; но только эти феномены-простолюдины принадлежатъ исключительно расколу. Есть еще небольшое число свѣтскихъ лицъ, преимущественно изъ примыкающихъ къ славянофильскому кружку, изучившихъ религіозные вопросы, и есть купцы или нѣкоторые старосвѣтскіе люди другихъ званій, знакомые съ ними наружнымъ образомъ. Затѣмъ сверху до низу, отъ государственныхъ людей и извѣстныхъ писателей до безграмотнаго пастуха православнаго села, нѣтъ ничего кромѣ полнаго незнанія—не только основныхъ вопросовъ вѣры и церкви, но даже самаго существованія этихъ вопросовъ. Причина достаточно ясна. Во всякой христіанской странѣ надъ просвѣщеніемъ душъ трудятся или церковь, или замѣняющія ее общины, трудятся отъ себя, отъ сердца, а не по казенному заказу. Религіозные вопросы не исчерпываются тамъ преподаваніемъ краткаго катехизиса, они осаждаютъ человѣка всю жизнь, независимо отъ его вѣры или безвѣрія, потому что дѣятельность вѣрующихъ, тѣсно сплоченныхъ между собою, проникаетъ тамъ всѣ изгибы общественныхъ дѣлъ. Такъ происходитъ даже въ государствахъ, открыто отрекавшихся отъ христіанской вѣры, тамъ гдѣ большинство населеній до сихъ поръ утопаетъ въ безбожіи. Въ одной только благочестивой Россіи (дѣйствительно благочестивой, и по душевному складу человѣка и по твердому убѣжденію столькихъ милліоновъ людей), живое слово къ обществу и народу исходитъ не изъ лона отечественной церкви, полтора вѣка уже безвы-

ходно запертой въ храмовой оградѣ; оно заносится къ намъ въ видѣ контрабанды—или поморскимъ бѣгуномъ, или заѣзжимъ англичаниномъ.

Большинство серіозныхъ умовъ считаетъ однакожъ непреложною истиной, что сознаніе долга составляетъ въ человѣкѣ отголосокъ его вѣрованій, на меньшій конецъ исторически религіознаго воспитанія среды, въ которой онъ живетъ, не успѣвшаго еще улетучиться безслѣдно; что безъ воздѣйствія высшихъ помысловъ онъ возвращается къ откровенному эгоизму звѣря. На этомъ основаніи всѣ правительства въ свѣтѣ заботятся объ охраненіи между людьми святыни. Предъ нашими глазами своитъ въ лицѣ нигилистовъ образецъ перерожденія человѣка въ хищное животное, вслѣдствіе безвѣрія. Очевидно что въ нигилизмѣ, увлекающемъ русскихъ подростковъ почти эпидемически, выразилось прямое послѣдствіе церковнаго онѣмѣнія, оскудѣнія связности и дѣятельности православнаго общества. Предоставленныя собственнымъ мечтаніямъ, молодыя поколѣнія идутъ въ разбродъ,—какъ же могло быть иначе? Въ послѣднее время наше правительство не разъ указывало на причину зла, на ослабленіе у насъ религіознаго воспитанія и руководства, хотя не иное что какъ система, столь долго имъ самимъ проводимая, довела насъ до этого состоянія.

Кромѣ общихъ послѣдствій истекающихъ изъ церковной подневоли, эта же причина служитъ неизсякаемымъ источникомъ раскола въ русской церкви. Къ дѣлу о расколѣ нельзя относиться равнодушно или свысока, въ немъ содержится вопросъ неизмѣримой важности, вопросъ о томъ, устоитъ ли окончательно большинство русскаго населенія въ лонѣ вселенской православной церкви; дѣло идетъ о почвѣ, на которой должно рости все наше будущее развитіе, политическое и общественное. Но, забывая даже — если кто можетъ забыть — эту существенную точку зрѣнія, вопросъ о расколѣ стоитъ клиномъ поперегъ самыхъ будничныхъ заботъ и ежедневно напоминаетъ о себѣ. Съ одной стороны нельзя длить безъ конца такого состоянія дѣлъ, при которомъ въ государствѣ, признающемъ вѣротерпимость своимъ основнымъ закономъ, значительная и во многихъ отношеніяхъ лучшая часть кореннаго населенія не можетъ открыто исповѣдывать своей вѣры; нельзя также, особенно въ виду нынѣшняго смутнаго состоянія умовъ, продолжать отталкивать отъ власти въ ряды

недовольныхъ четверть владычествующаго народа; съ другой же стороны невозможно смотрѣть на русскихъ отщепенцевъ, отличающихся отъ православныхъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ малочисленныхъ сектъ) немногими обрядовыми формами или даже только рѣченіями, какъ на иностранное исповѣданіе, и рвать пополамъ изъ-за этихъ рѣченій церковь и душу русскаго народа. Всякій, даже умный и добросовѣстный старообрядецъ, понимаетъ про себя эту невозможность. Приходится покуда пробиваться неправдою, противорѣчіемъ собственному убѣжденію, и жить со дня на день, не заглядывая въ будущее,—относиться снисходительно къ расколу на практикѣ, сознавая неосуществимость законнаго его признанія и самостоятельнаго устройства. Еслибъ даже правительство могло согласиться передать столько милліоновъ коренныхъ русскихъ людей въ вѣдѣніе департамента иностранныхъ исповѣданій, то и тогда даже никакое разрѣшеніе свыше не сложило бы наше старообрядчество въ самостоятельную церковь или церкви. Когда старо-католичество, оторвавшееся отъ Рима вслѣдствіе явнаго искаженія послѣднимъ догмата, не могло выработаться въ связное вѣрованіе, то достижима ли эта цѣль для русскихъ старообрядцевъ, право которыхъ на отдѣльное церковное существованіе заключается въ хожденіи посолонь и удержаніи нѣсколькихъ описокъ въ литургіи? Какъ узаконить такія неясныя очертанія? Съ устраненіемъ же окончательныхъ мѣръ до другаго времени, всякія полумѣры противъ раскольниковъ становятся излишними. Въ послѣдніе полъ-вѣка было испытано не мало средствъ для возсоединенія отдѣлившихся съ церковію, но успѣха не послѣдовало. Старообрядцы поповщинскіе требуютъ прежде всякаго разговора снятія съ нихъ отлученія, что невозможно безъ вселенскаго собора, немыслимаго при нынѣшней казенной церкви; безпоповщина и секты, совсѣмъ оторвавшіяся отъ церковнаго преданія, не идутъ еще покуда на примиреніе ни на какихъ условіяхъ. При настоящемъ положеніи русской церкви остается возможнымъ одинъ лишь видъ отношенія къ расколу: негласная, хотя широкая терпимость, не вводимая въ положительный законъ. Конечно, выдѣлившіяся вѣрованія не удовлетворятся такою терпимостію, она не можетъ дать имъ ни признанной закономъ іерархіи, ни права открытыхъ процессій внѣ церкви, ни даже свободы воздвиженія храмовъ, кромѣ домовыхъ. Пока продолжается плѣненіе

русской церкви, власть отвѣтственна, по крайней мѣрѣ, за ея наружную цѣлость и нравственно не располагаетъ правомъ брать на себя починъ такихъ коренныхъ рѣшеній; негласное снисхожденіе, оказываемое исполнителями англійскаго закона къ диссидентамъ со времени Вильгельма III-го и до недавняго еще времени составляетъ крайній предѣлъ уступокъ, позволительныхъ покуда для власти. Можно и должно остановить на практикѣ всякое преслѣдованіе противъ мѣръ, принимаемыхъ раскольниками для ихъ внутренняго устройства; необходимо узаконить гражданскимъ порядкомъ ихъ браки и метрическія записи, — но далѣе покуда нельзя идти. Должно признаться: высшая терпимость правительства имѣетъ возможность покуда дать старообрядцамъ менѣе, чѣмъ либеральный паша предоставляетъ райямъ, воздвигающимъ хотя бы свои храмы безпрепятственно; но поступить иначе, узаконить русскій расколъ какъ иностранное исповѣданіе, значило бы подорвать преждевременно и неисправимо нашѣ духовное будущее, до сихъ поръ далеко еще невыяснившееся. Безвыходность этихъ отношеній истекаетъ наглядно изъ произвольной и неправильной постановки всего нашего церковнаго вопроса. Всякій русскій человѣкъ чуетъ сердцемъ, что въ этомъ семейномъ недоразумѣніи, между враждой и единеніемъ одинъ только шагъ; только никто не можетъ покуда ступить этого шага. Въ семьѣ ссора затягивается тогда лишь, когда обѣ стороны не совсѣмъ правы, а до сихъ поръ мы сваливали всю вину на отдѣлившихся отъ церкви, забывая, что противъ нашихъ неоспоримыхъ каноническихъ доказательствъ, имъ остается хотя одно, но неопровержимое возраженіе: они нехотятъ духовной подневоли и мертвенности. Между ними и нами стоитъ, какъ непереходимая грань, казенная церковь, которую наши же профессоры богословія называютъ плѣнною, не допускающая свободнаго шага другъ къ другу ни съ нашей, ни съ ихъ стороны. Выводъ: отлагая законодательныя мѣры до того неизвѣстнаго часа, когда духъ замѣнитъ у насъ букву въ церковномъ вопросѣ, правительству приходится отыскивать modus vivendi съ многими милліонами своихъ коренныхъ, вполнѣ вѣрныхъ ему подданныхъ, ограничиваясь этимъ modus vivendi.

Высказавъ душу, осмѣливаюсь поставить вопросъ: кому можетъ быть выгодно такое безличное состояніе церкви, религіознаго сознанія и человѣческихъ душъ въ Россіи, тѣмъ болѣе,

что оно чисто искусственное? Оно могло быть выгоднымъ на время Петру Великому, расчищавшему путь своимъ преобразованіямъ; но кому оно выгодно въ настоящее время? Конечно не правительству, имѣющему причины тревожиться нравственной пустыней, созданной имъ вокругъ себя, взывающему все чаще къ благочестивой Россіи, хотя на такой зовъ не слышится уже отклика; конечно, не имущественному слою, основанія котораго подрываются такимъ положеніемъ дѣлъ; конечно, и не народу, постепенно погружающемуся въ отупѣніе или переходящему въ расколъ, для удовлетворенія духовной жажды, его томящей. Невозможно помыслить, чтобы верховная власть держала церковь въ плѣну преднамѣренно, изъ опасенія ея политическаго преобладанія или слишкомъ большой самостоятельности, которыхъ не опасался ни одинъ восточный императоръ и ни одинъ русскій царь прежней эпохи. Объясненіе этому явленію совсѣмъ иное: насъ сковываетъ съ нимъ самая тяжелая изъ цѣпей, налагаемыхъ исторіей на бездѣйственныя общества, цѣпь полутора-вѣковой необсуждаемой привычки, укрѣпляемая всеобщностію такого же отношенія правительства ко всѣмъ безъ изъятія сторонамъ русской жизни. Изъ-за чего бюрократическая опека надъ церковію будетъ особенно колоть глаза, когда все остальное стоитъ подъ такою же опекой?

Рѣшившись поставить первый вопросъ, вынужденъ поставить и второй: можетъ ли правительство, однимъ своимъ рѣшеніемъ измѣнить настоящее положеніе церкви? Думаю, что возможенъ только условный отвѣтъ; несомнѣнно можетъ, покончивъ съ бюрократической опекой воспитательнаго періода и замѣнивъ ее общественными силами во всѣхъ отправленіяхъ, имъ свойственныхъ, въ томъ числѣ и церковномъ; и положительно не можетъ въ предѣлахъ одной церкви. Какъ выдѣлить церковную жизнь изъ общей жизни государственной, оставляемой на прежнихъ основаніяхъ? Какъ развязать руки русскому человѣку на одинъ часъ въ день, на тотъ именно часъ, когда онъ станетъ заниматься церковными дѣлами? Въ первомъ же случаѣ, при полномъ и рѣшительномъ переходѣ изъ петровскаго періода въ александровскій, открытый уже, но нескрѣпленный признаніемъ подлиннаго его характера и окончательными мѣрами (придавшими безповоротную крѣпость преобразованію Петра Великаго), новое соглашеніе со вселенскою церковію, въ томъ числѣ требуемое старообрядцами снятіе съ

нихъ отлученія, безъ особаго труда исправить промахи соглашеній конца 17-го и начала 18-го столѣтій. Тогда только можно будетъ думать о законодательныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ выдѣлившимся изъ церкви русскимъ людямъ.

Нравственныя послѣдствія всего совершившагося не излечатся конечно внезапно; по крайней мѣрѣ будетъ очищенъ путь къ иному, болѣе свѣтлому будущему. Остальное въ волѣ Божіей.

ПИСЬМО VI.

Онѣмѣніемъ духовной жизни можно закончить правдивый перечень послѣдствій почти двухъ-вѣковаго подавленія жизни бюрократическою формальностію. Я позволилъ себѣ назвать лишь самыя крупныя, но ихъ много. Рядъ и безъ того вышелъ длинный: безсиліе несвязнаго общества и исходящее изъ того полное равнодушіе къ покушенію на самыя существенныя основы; фактическое (къ счастію не нравственное) отчужденіе подданныхъ верховной власти, отгороженной отъ нихъ непроницаемою стѣною бюрократіи; поголовное недовольство правительственными порядками и общее недовѣріе къ орудіямъ власти; пустые промежутки въ государственномъ строѣ, недосягаемые ни сверху ни снизу, въ которыхъ всякое злоумышленіе безпрепятственно можетъ свить себѣ гнѣздо; постепенное разореніе государства вслѣдствіе нагроможденія новыхъ учрежденій надъ старыми не уступающими своего мѣста; сосредоточеніе всей дѣйствительной практической власти правительства въ рукахъ второстепенныхъ, невидныхъ и не отвѣтственныхъ агентовъ; безмѣрное разростаніе злоупотребленій вслѣдствіе этой безотвѣтственности; безобразное положеніе печати, которая тѣмъ не менѣе прямо вліяетъ на настроеніе русскихъ умовъ; наконецъ омертвѣніе церкви и оскудѣніе или уклоненіе въ сторону нашей религіозной жизни. Въ заключеніе полнѣйшее безсиліе бюрократіи, на которой зиждется покуда охраненіе всего нашего государственнаго порядка.

Сводя вмѣстѣ эти явленія, можно удивляться не тому, что не все у насъ идетъ правильно, а тому, развѣ какъ мы имѣемъ еще здоровый видъ и такой неистощимый запасъ внутреннихъ силъ съ подобными язвами въ своихъ нѣдрахъ.

Между тѣмъ милость свыше явно покровительствовала намъ въ послѣднія столѣтія, не только счастливымъ исходомъ изъ самыхъ великихъ затрудненій, но тѣмъ осязательнымъ и совершенно независимымъ отъ человѣческой воли и историческихъ причинъ явленіемъ, что намъ былъ данъ послѣдовательный рядъ замѣчательныхъ Государей, богато одаренныхъ, мужественныхъ, исполненныхъ сознаніемъ своего долга. Значитъ, источникомъ нынѣшняго смутнаго состоянія Россіи были не личныя ошибки правителей, а независѣвшая отъ ихъ воли причина, отравлявшая нашу народную жизнь.

Причина извѣстна. Въ одинъ изъ критическихъ часовъ нашей исторіи, когда Европа, во всеоружіи просвѣщенія, стала явно надвигаться на отставшую и неспособную къ отпору Россію, верховная власть взяла на себя, должна была взять на себя задачу двинуть свой народъ впередъ вопреки ему самому и стать изъ правительства Провидѣніемъ Россіи. Для осуществленія задачи власть остановила естественное возрастаніе общественной жизни, взяла подъ опеку церковь, просвѣтила но обезличила и разъединила съ народомъ высшее сословіе, обратила прикрѣпленіе хлѣбопашца къ землѣ въ личное крѣпостное право, приняла на себя самую полную отвѣтственность за русскаго человѣка и вслѣдствіе того отнеслась къ своему народу какъ наставникъ къ несовершеннолѣтнимъ. Задача, въ то время еще совершенно внѣшняя, механическая, а потому въ извѣстной степени посильная, осуществилась блестящимъ образомъ. Русская имперія была создана и великій преобразователь имѣлъ право произнести на смертномъ одрѣ свои знаменитыя слова: «народъ, который я возвелъ изъ мрака невѣжества на такую высокую степень могущества и славы, долженъ быть мнѣ благодаренъ». Благодаренъ во вѣки, несомнѣнно. Но эти временныя отношенія верха съ низомъ далеко пережили свой законный срокъ; они затянулись съ 1689 года на 190 лѣтъ и, вмѣсто задачъ исключительно внѣшнихъ, встрѣтились съ рядомъ вопросовъ нравственныхъ. Въ виду этихъ вопросовъ правительство не могло замѣнить пріостановленнаго общественнаго роста дѣятельностію своей бюрократіи, а потому неудивительно, что при первомъ прикосновеніи къ старымъ порядкамъ обнаружился рядъ явленій одно затруднительнѣе другаго, накопившихся въ теченіе этого долгаго періода внѣшняго блеска и

внутренняго оцѣпененія. Намъ приходится восполнять разомъ пробѣлъ двухъ-вѣковаго бездѣйствія.

Трудно не признать, что Самодержавіе, неприкосновенное у насъ какъ источникъ власти, не можетъ даже для себя удерживать долѣе свойство Провидѣнія, ведущаго русскаго человѣка къ таинственнымъ цѣлямъ безсознательно для него самого. Такой способъ осуществленія самодержавной воли, установившійся со времени Петра Великаго, не только не единственный, напротивъ, самый исключительный и односторонній изъ способовъ ея выраженія, нѣчто въ родѣ осаднаго положенія, учрежденнаго преобразователемъ на время и затянувшагося съ тѣхъ поръ на два столѣтія. Наши Государи до Петровской эпохи были вполнѣ самодержцами, но вели Россію не иначе какъ съ ея вѣдома, освѣщая общими силами каждый важный вопросъ. Исходная точка нашего развитія въ будущемъ лежитъ очевидно не въ предѣлахъ Петровскаго періода.

Нельзя не сознать, что до упраздненія крѣпостнаго права правительство не имѣло возможности выйдти изъ установленныхъ порядковъ, какъ и того, что приступивъ разъ къ ломкѣ стараго зданія, оно поставило себя въ необходимость не медлить слишкомъ сооруженіемъ новаго. Всякій день, длящій съ тѣхъ поръ прежніе порядки, выказываетъ все ярче несостоятельность отжившаго правительственнаго строя, разрушаетъ довѣріе къ государственнымъ учрежденіямъ и тѣмъ самымъ подрываетъ наши историческія основы, исключительно нравственныя, неогражденныя вещественною силою, какъ я имѣлъ смѣлость высказать еще въ 1872 году. Невозможно разсчитать заранѣе упругость нравственной связи, какъ расчисляютъ упругость вещественную, а потому, смѣю думать, никакъ не слѣдуетъ напрягать ея до конца безъ особой крайности. Между тѣмъ весь устой русскаго государства исчерпывается нынѣ четырьмя словами: народная вѣра въ Царскую власть. Все остальное, вся наша административная, общественная и умственная неурядица, помноженная на недоразумѣнія переходнаго времени, влечетъ насъ ко дну, къ какой то безъименной безднѣ, безъименной, такъ какъ русская исторія складывается самобытно и объ ея явленіяхъ, еще не выяснившихся, нельзя судить по чужимъ примѣрамъ. Первая наша потребность и первое обезпеченіе—сократить по возможности переходные годы и снова осѣсться. Верховная власть можетъ безъ препятствій

вызвать русскую жизнь на свѣтъ и снова окружить себя вѣрующими въ нее народными силами, чтобы стать изъ невидимой пружины, скрытой въ бюрократическомъ механизмѣ, живою главою народа, какъ прежде.

Если весь нашъ государственный строй зиждется, какъ очевидно, на одномъ нравственномъ чувствѣ—на народной вѣрѣ въ Царскую власть, и если вмѣстѣ съ тѣмъ правительственный складъ, созданный Петромъ Великимъ и его преемниками, основанный на механической администраціи (т. е. на выдѣленіи изъ народной семьи по выбору или случаю извѣстнаго числа людей, которые исключительно считаются правительствомъ своими и одни внушаютъ ему довѣріе), пережилъ свою посильную задачу и въ настоящее время не связываетъ уже, а разъединяетъ власть съ народомъ, то заключеніе истекаетъ само собою: надо основаться на дѣйствительной силѣ вмѣсто мнимой, перенести центръ тяжести съ песка на камень. Извѣстно, что подъ вліяніемъ иностранныхъ идей и привычки мѣрить Россію чужимъ аршиномъ, многіе официальные люди выводятъ заключеніе, что наше правительство должно, подобно другимъ, опираться исключительно на своихъ людей, т. е. вѣроятно на людей, получающихъ жалованье по казеннымъ ассигновкамъ, такъ какъ инаго отличія между своими и несвоими у насъ нельзя придумать. Въ Европѣ это иначе, я высказалъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣніе объ этой несомнѣнной разницѣ. Въ Европѣ исторія дѣйствительно сложила вокругъ правительствъ цѣлыя сословія и корпораціи, которыя они имѣютъ право считать исключительно своими, но за то все прочее для нихъ чужое. Наше правительство также имѣло своихъ людей въ лицѣ помѣстнаго дворянства, въ теченіе короткаго относительно срока существованія крѣпостнаго права, и однакоже не захотѣло мѣнять долѣе Россію на партію, хотя бы дѣйствительно вѣрную и крѣпкую, какой была дворянская, которую оно легко могло упрочить, несмотря на отмѣну крѣпостныхъ отношеній. Возможно ли помыслить, чтобы верховная власть, пожертвовавшая въ сознаніи своей всесословности и потребностей будущаго такою силою какъ дворянская, захотѣла снова съузить подъ собой почву и основаться, хотя бы временно, на такой *своей* силѣ, каково нынѣшнее полу-красное и несвязное чиновничество? Есть ошибки, невозможныя для вѣковыхъ правительствъ.

Государственная власть не можетъ найти болѣе прочной основы чѣмъ самая общественная почва, если только народъ искренно вѣритъ въ династію, какъ у насъ. Но если устой основывается на массѣ, а не на какихъ либо выдѣленныхъ сословіяхъ или искусственныхъ группахъ, то первое условіе его прочности заключается въ томъ, чтобы народъ былъ относительно доволенъ своею участію, для чего надо дать вздохнуть рабочему податному плательщику. Облегченіе его окажется важнѣе всѣхъ улучшеній, вмѣстѣ взятыхъ. Какъ ни вѣренъ власти русскій простолюдинъ, но онъ обремененъ сверхъ силъ, а потому не можетъ быть довольнымъ, на что преимущественно разсчитываютъ враги порядка. При довольномъ же народѣ правительство станетъ всесильнымъ, не только внѣшнимъ образомъ, какъ всегда, а нравственно, во мнѣніи каждаго, вслѣдствіе чего наши внутреннія затрудненія улягутся сами собою, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Кто станетъ пытаться смутить вѣрующій во власть народъ, которому въ большинствѣ легко живется? Но достиженіе такой цѣли не осуществимо при нынѣшнемъ бюрократическомъ устройствѣ, нагромождающемъ новыя учрежденія на старыя, истрачивающемъ на себя послѣднюю трудовую копѣйку русскаго рабочаго. Въ обоихъ отношеніяхъ нельзя ничего исправить посредствомъ учрежденій Петровской эпохи, очевидно совершенно отжившихъ. Каждое исправленіе требуетъ прежде всего простора въ средствахъ, явно имъ исключаемаго.

Для насъ необходимѣе всего снова осѣсться, но нельзя осѣсться на почвѣ, которая сама уходитъ изъ-подъ ногъ. Передъ нами только два исхода, всякій это знаетъ и чувствуетъ. Большинство служебной среды вмѣстѣ съ инородцами всякаго званія мечтаетъ объ увѣнчаніи подражательныхъ Петровскихъ порядковъ подражательною же конституціей на западный ладъ, хотя такое лекарство не имѣетъ ничего общаго съ нашею болѣзнію. Русскіе люди, твердо стоящіе на народной почвѣ, необращенные въ космополитовъ, видятъ передъ собой иной путь: они желаютъ закладки современнаго государственнаго строя снизу, желаютъ развитія дѣйствительно всесословныхъ земскихъ учрежденій до законнаго ихъ предѣла и выхода *домашней* русской жизни на свѣтъ.

ПИСЬМО VII.

Въ нашей исторіи не разъ высказывалось, можно сказать, чувствуемое руководство свыше; невольно видится оно и въ часѣ, предназначенномъ для поворотнаго событія нашей исторіи, дарованія свободы крѣпостнымъ. Въ предшествовавшія царствованія наше общество руководилось еще чужими, заносными понятіями и не сознавало подлинной личности Россіи. Лучшіе русскіе умы мечтали о томъ лишь, чтобы перенести къ намъ европейскую культуру во всей ея полнотѣ, въ ея личномъ, какъ и политическомъ смыслѣ. Лишь къ концу позапрошлаго царствованія зародилось сомнѣніе, пригодны ли намъ готовые выводы западнаго образованія, не имѣемъ ли мы права на самостоятельное развитіе? Лишь къ этому времени русскій духъ пророс вновь сквозь чуждую наслойку воспитательной эпохи. Послѣ великаго обновленія 1861 года наше историческое сознаніе окрѣпло, затѣмъ высказалось во внѣшнихъ дѣлахъ, всегда ранѣе доступныхъ пониманію, и по естественному закону проникаетъ нынѣ во внутрь, выдѣлывая постепенно взгляды русскаго человѣка на общественные вопросы. Лѣтъ сорокъ тому назадъ переломъ 1861 года, обусловливающій въ принципѣ выходъ изъ-подъ опеки Петровской эпохи, повлекъ бы неотраимо мнѣніе общества къ западнымъ идеаламъ, къ общему желанію конституціи на старо-французскій ладъ (такъ какъ въ этой формѣ выразился всего полнѣе единственно возможный способъ примѣненія англійскихъ порядковъ къ материку Европы). Теперь не то. Теперь стремленіе большинства, не вполнѣ сознательное, правда, но искреннее, обращается уже не наружу, а внутрь, къ самостоятельному, совсѣмъ не подражательному развитію нашихъ почвенныхъ силъ. Доказательство на лицо.

Какъ ни ограничено еще у насъ прямое воздѣйствіе общества на печать, но тѣмъ не менѣе въ массѣ печатнаго слова выражается воззрѣніе современной русской мысли соотвѣтственно ея распространенію. Заключеніе же серьезныхъ органовъ печати, за исключеніемъ тѣхъ, которые издаются для безпочвенной части петербургскаго фрачнаго населенія, о формахъ естественнаго и желательнаго для насъ государственнаго устройства, совершенно совпадаютъ съ вышесказаннымъ. Наша печать не можетъ открыто высказываться о подобныхъ вопросахъ, чѣмъ чрезвычайно затрудняется ея задача и чрезмѣрно перепутываются понятія читателей; но общій взглядъ лучшей ея части тѣмъ не менѣе ясенъ и можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ.

Всѣ европейскія конституціи кромѣ англійской—ложь, ведущая только къ растратѣ общественныхъ силъ въ безплодной борьбѣ; англійская же конституція, какъ произведеніе особыхъ вѣковыхъ условій, не поддается пересадкѣ на иную почву. По непреложному закону человѣческихъ обществъ верховная власть можетъ быть только одноличной и всегда бываетъ такою въ лицѣ монарха, диктатора или ловкаго вожака мнѣнія; ясно, стало быть, что первое благо для народа—наслѣдственная власть, избавленная отъ ежедневной заботы о своемъ охраненіи, а потому свободная и чистосердечная въ отношеніи къ народу. Принципъ раздѣленія властей въ государствѣ—неосуществимая мечта, такъ какъ одна только исполнительная власть, распоряжающаяся войскомъ, полиціей, выборомъ начальствующихъ лицъ и расходованіемъ денегъ, есть власть дѣйствительная; она соглашаетъ свои дѣйствія въ конституціонномъ государствѣ съ большинствомъ представительнаго собранія, какъ въ самодержавномъ дѣлаетъ уступки напору мнѣнія, выражающагося инымъ способомъ; но эта разница не измѣняетъ существеннымъ образомъ ни ея природы, ни даже свойства ея отношеній къ подданнымъ.

Представительныя собранія неспособны къ прямому вмѣшательству въ управленіе, какъ доказано всемірнымъ опытомъ. У нихъ нѣтъ и не можетъ быть основныхъ, твердо установленныхъ воззрѣній во внутренней и внѣшней политикѣ, охраняющихъ единство историческихъ цѣлей народа. Кромѣ того, всякому сборищу людей недостаетъ того именно краеугольнаго камня, на которомъ зиждется историческій міръ: личной со-

вѣсти и чувства нравственной отвѣтственности, говорящихъ лицу, а не толпѣ; а гдѣ отсутствуетъ личная совѣсть, тамъ нѣтъ уже ни бѣлаго, ни чернаго, нѣтъ нравственной основы, безъ которой никакое современное христіанское общество не можетъ избѣжать безпрерывныхъ судорогъ и окончательнаго растлѣнія. По этой послѣдней причинѣ, еще болѣе чѣмъ по всѣмъ прочимъ, верховная власть, не мыслимая безъ сознанія долга, можетъ быть только одноличной и полномочной въ своемъ кругѣ дѣйствія. За представительными собраніями признается важная способность другаго рода, способность къ надзору за законностію дѣйствій орудій власти, къ повѣркѣ бюджетнаго плана въ отношеніи итога и источниковъ государственныхъ налоговъ, къ выраженію передъ властію назрѣвшихъ мнѣній и потребностей страны. По заключенію всѣхъ оттѣнковъ русской мысли безъ этихъ трехъ условій всякое правительство будетъ ходить во мракѣ, въ такой же степени какъ и народное сознаніе, вслѣдствіе чего между ними возникаетъ постоянное непониманіе, не могущее привести ни къ чему доброму.

Эти основныя понятія дѣйствительно выражаются лучшими по качеству органами русской печати.

Примѣненіе теоретическихъ положеній къ нашему общественному дѣлу довольно затруднительно для печати; но господствующее мнѣніе выражается достаточно ясно тѣмъ кореннымъ началомъ, что въ политическомъ устройствѣ нельзя ничего основать на лжи, что всякая узаконенная ложь есть величайшее бѣдствіе для народа, а потому для обезпеченія странѣ прочнаго будущаго, можно признавать права только дѣйствительныхъ, явныхъ силъ общества, а не мнимыхъ; силы эти даются исторіей и не сочиняются людскою волею. Признаніе самостоятельныхъ правъ за общественными группами, не имѣющими самостоятельнаго значенія, способно отравить всю будущность народа, замѣняя правду въ отношеніяхъ между людьми фальшью и призраками, вызывая неизбѣжно насиліе и нарушеніе закона, такъ какъ господствующая сила не можетъ, если бы даже чистосердечно хотѣла въ началѣ, долго уступать призраку силы; такое искусственное подчиненіе сильнаго слабому, противорѣчитъ природѣ человѣка и общества. Въ отношеніи къ Россіи примѣненіе стало быть ясно. У насъ нѣтъ организованныхъ общественныхъ группъ, нѣтъ вліятельныхъ сословій. Люди образованныхъ и имущест-

венныхъ слоевъ не стоятъ у насъ въ головѣ народа, едва ли даже считающаго ихъ вполнѣ русскими. Народъ вѣритъ въ царскую власть и никогда не допустилъ бы притязаній верхняго слоя, нравственно ему почти чуждаго, на какое-либо политически-самобытное положеніе вопреки власти, что слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Вслѣдствіе того, русское образованное общество, имѣющее несомнѣнно великое призваніе для дѣятельности во имя верховной власти, не можетъ ровно ничего сдѣлать въ свое собственное имя. Но монархическая конституція дается исключительно обществу и для общества, для людей переросшихъ уровень толпы, тамъ гдѣ сила заключается въ нихъ; народныя массы не могутъ извлекать изъ нея выгоды и всегда остаются къ ней совершенно равнодушными. Кто же явился бы въ Россіи охранителемъ новыхъ правъ?

Съ другой стороны, понятна логика англійской конституціи, вѣнчающей самоуправленіе каждой общественной ячейки высшимъ самоуправленіемъ государственнымъ; но при нынѣшнемъ складѣ Россіи, намъ могла бы быть дана лишь конституція на французскій или прусскій ладъ, въ силу которой всѣми отправленіями народной жизни завѣдываетъ полновластное чиновничество, подъ прихотливымъ надзоромъ представительныхъ собраній. Для осуществленія такого образца, дѣйствительно, можно пришить къ нашимъ нынѣшнимъ учрежденіямъ палату выборныхъ и наружно новая Франція будетъ готова. Не ясно ли однакожъ, что именно вслѣдствіе непомѣрности задачи, удержанной за собою французскимъ правительствомъ, вслѣдствіе поглощенія имъ въ себѣ всѣхъ видовъ публичной дѣятельности и власти съ устраненіемъ всякаго мѣстнаго самоуправленія, всякой отвѣтственности общества за свои дѣйствія, вслѣдствіе удерживаемой имъ опеки надъ частными дѣлами подданныхъ, никакая форма его не можетъ угодить большинству, съ него требуютъ отвѣта за все, и черезъ самый короткій срокъ вновь передѣланная форма правительства снова становится ненавистной, чѣмъ болѣе всего объясняются постоянные французскіе перевороты. Очевидно, что въ такомъ видѣ никакое правительство не можетъ дать даже половины того, чего отъ него требуютъ. Въ глазахъ частнаго человѣка, вынужденнаго проходить черезъ двадцать инстанцій для устройства переѣзда черезъ рѣченку, пересѣкающую его землю, какъ это происходитъ во Франціи, администрація совершенно за-

крываетъ правительство; онъ переноситъ на послѣднее всякую досаду, причиненную ему мелкимъ мѣстнымъ агентомъ. Когда разъ идетъ рѣчь о преобразованіяхъ, то увѣнчанія ли такихъ порядковъ желать намъ? Современная русская тяжба возникаетъ не между Царемъ и народомъ, какъ на западѣ, а между бюрократическимъ полчищемъ и вѣрною Царю землею. Непроходимая грань между Россіей и западно-европейскими странами, недопускающая подражанія имъ, если бы даже того пожелали, состоитъ въ томъ именно, что у насъ уцѣлѣлъ народъ, вопреки которому не можетъ быть предпринято никакой коренной перемѣны; на западѣ же народъ постоянно отдаетъ наростъ своихъ силъ буржуазіи и самъ остается безличнымъ, съ нимъ не считаются. Парламентаризмъ составляетъ лекарство, наименѣе подходящее къ современному русскому недугу. Какой парламентаризмъ сверху можетъ распутать хаосъ нашихъ домашнихъ мѣстныхъ дѣлъ, поставить русскаго человѣка хозяиномъ своего угла, въ чемъ заключается наша главная современная задача? Намъ нужна жизнь, а не ученый механизмъ. Конституція не исправляетъ недостатковъ обычнаго народнаго строя, она есть ни что иное какъ оборонительная мѣра большинства противъ власти, утратившей его довѣріе; у насъ же громадное большинство довѣряетъ одной Верховной власти. Противъ кого же конституція и со стороны кого? Даже теперь, при нынѣшней безгласности, ощутительно уже мнѣніе большинства о несогласимости западныхъ началъ съ нашею народною жизнію, о безплодности попытки—слить конституціонныя формы, желательныя и въ Европѣ однимъ культурнымъ сословіямъ, съ высшимъ началомъ всесословнаго и земскаго Царя, обусловливающимъ развитіе совсѣмъ инаго порядка. Насъ можетъ вылечить только историческая власть, стряхнувшая съ себя отжившія преданія, какъ сдѣлалъ Петръ Великій. Не избавившись дарованіемъ конституціи ни отъ одной изъ разъѣдающихъ насъ язвъ, правительство, во-первыхъ, лишило бы себя даже свободы дѣйствій къ уврачеванію ихъ, вооруживъ политическими правами людей, наиболѣе заинтересованныхъ въ охраненіи отжившихъ формъ; во-вторыхъ, представило бы свѣту зрѣлище по истинѣ потѣшное: преимущественно своихъ собственныхъ чиновниковъ въ качествѣ представителей народа, не знающаго и не хотящаго ихъ

знать, но тѣмъ не менѣе беззастѣнчиво наступающихъ на власть, вслѣдствіе разрѣшенія, даннаго властію же.

Очень естественно, что конституція на французскій образецъ составляетъ мечту значительной части русскаго чиновничества, вмѣстѣ съ денежной жидовщиной и тою частію печати, которую можно также назвать чиновничьею. Даже люди, злоупотребляющіе властію для личной выгоды, желаютъ того же, отлично понимая, что сочиненная конституція, спутывая еще болѣе неприглядность нашихъ домашнихъ дѣлъ, нисколько не помѣшала бы ихъ оборотамъ. Понятно, какъ было бы лестно, удобно и выгодно всякому крупному чиновнику, засѣсть въ палатѣ представителей, укрѣпить свое служебное положеніе политическимъ и дѣйствовать обѣими руками—на управляемыхъ въ качествѣ агента власти, на власть въ качествѣ избранника управляемыхъ. Но только подобное нововведеніе (если бы даже оно могло найдти для себя опорныя точки, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ) на первыхъ порахъ довольно невинное, привело бы со временемъ къ растлѣнію коренныхъ русскихъ началъ, которыми все у насъ держится, отучая народъ видѣть въ чемъ либо прямое проявленіе Царской воли, и не имѣя въ замѣнъ ея обаянія ровно ничего, даже въ будущемъ; привело бы также къ явной розни культурнаго слоя съ народомъ, уживающихся нынѣ подъ общимъ покровомъ Верховной власти, но ничѣмъ инымъ между собою не связанныхъ, къ розни, отъ которой не далеко уже до всякихъ потрясеній, чего наши любители конституціи въ своей слѣпотѣ не предвидятъ. Существующее же нынѣ недовольство общею обстановкою было бы разсѣяно новизной конституціи развѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ самая обстановка, вызывающая недовольство, осталась бы неприкосновенной. Такъ было бы въ случаѣ, еслибъ подражательный русскій парламентъ имѣлъ время обнаружить свои послѣдствія; въ дѣйствительности же, по всей вѣроятности, произошло бы иное. Зная среду, изъ которой онъ былъ бы преимущественно набранъ, можно несомнѣваться, что этотъ парламентъ, вызванный къ бытію единою властію и никѣмъ инымъ, серьезно вообразилъ бы себя представителемъ народа и сталъ бы дѣйствовать соотвѣтственно такой увѣренности. Власть, сознающая свое всемогущество и не привыкшая къ снисхожденію постепенно, не выдержала бы и прекратила это зрѣлище (дѣйствительно зрѣ-

лище) гораздо ранѣе срока, къ удовольствію низшихъ и большей половины высшихъ сословій. Произвольно присочиненная къ нашей исторіи попытка закрыла бы надолго путь къ развитію, дѣйствительно осуществимому и плодотворному.

Нельзя наконецъ не видѣть, что никакое окончательное рѣшеніе, обусловливающее на долгій срокъ общественное устройство, невозможно еще въ современной Россіи, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Мы не знаемъ покуда въ точности ни своихъ силъ, ни почвы, на которой стоимъ. Изо всѣхъ послѣднихъ преобразованій, выработанныхъ офиціальной средой, вышло на дѣлѣ совсѣмъ не то, чего отъ нихъ ждали; можно думать, что окончательное произведеніе этой среды оказалось бы не болѣе удачнымъ, чѣмъ предшествующія частныя. Предрѣшать невозвратно вопросы будущаго при такомъ состояніи невѣдѣнія даже настоящаго, значило бы не устроивать это будущее, а добровольно его подкапывать. Россіи нужно покуда не окончательное рѣшеніе, а достаточный просторъ общественной дѣятельности и достаточное сближеніе ея съ властію, для того, чтобы назрѣвающія потребности могли свободно облекаться, одна за другой, соотвѣтствующими имъ формами, выдерживая повѣрку опыта и дополняя себя взаимно, пока изъ нихъ сложится постепенно нѣчто цѣлое. Намъ нужны учрежденія, выработанныя жизнію, а не измышленныя канцеляріями.

Въ общемъ выводѣ несомнѣнно, что у насъ мечтаютъ о конституціи и парламентаризмѣ одни безпочвенные люди (правда, ихъ много), принимающіе, именно вслѣдствіе безпочвенности, свой единомышленный кружокъ за Россію.

Но если сочиненная конституція не могла бы повести Россію ни къ чему доброму, то изъ этого не слѣдуетъ чтобы можно было длить нынѣшнее тягостное состояніе, послѣдствіе и продолженіе слишкомъ долгаго стѣсненія русской жизни. Такое положеніе дѣлъ, при которомъ нельзя найдти во всемъ государствѣ ни одного довольнаго человѣка (что не подлежитъ сомнѣнію), при которомъ даже офиціальные люди, пользующіеся самымъ беззастѣнчивымъ образомъ неурядицей для своихъ личныхъ выгодъ, не стѣсняются выражать недовольство громче и рѣзче чѣмъ самыя жертвы неурядицы; при которомъ образованное общество и простой народъ заодно чувствуютъ неудобство своей обстановки, такое положеніе стано-

вится нравственно невозможнымъ, независимо даже отъ способовъ, которыми недовольство могло бы выразиться. Когда открытыхъ путей для него не существуетъ, то оно выказывается въ видѣ снисхожденія къ презираемому нигилизму, потому только, что онъ, возставая противъ всего на свѣтѣ, возстаетъ, между прочимъ, и противъ нашихъ нынѣшнихъ порядковъ. Никакое человѣческое общество не можетъ долго выдерживать поголовнаго недовольства, во всякомъ случаѣ не безпричиннаго. Путь къ исходу изъ этого положенія, духъ, связь, размѣры и формы желаемаго простора, всѣ эти вопросы, конечно, ставятся только покуда, разрѣшенія ихъ ожидаютъ всецѣло отъ власти; но ставятся они открыто и всѣми.

ПИСЬМО VIII.

Мы стоимъ въ настоящее время на перепутьи, изъ котораго двѣ противоположныя силы влекутъ насъ и непремѣнно увлекутъ на одинъ изъ двухъ путей: или на путь историческаго развитія русской жизни, или же на путь увѣковѣченія искусственнаго устройства воспитательной эпохи, увѣнчаннаго искусственною же конституціей на западный ладъ, что будетъ равняться совращенію съ пути и такой неизвѣстности во всемъ, о какой нельзя покуда даже составить себѣ понятія.

Первое рѣшеніе, окончательное упраздненіе Петровскихъ порядковъ, развитіе правильно поставленныхъ земскихъ учрежденій до законнаго ихъ предѣла, основанное на царскомъ словѣ, безъ хартій и обязательствъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, однимъ словомъ, возвращеніе на начальный путь царственнаго дома Романовыхъ, прерванный воспитательнымъ періодомъ, такой исходъ не ставитъ никакой неизвѣстности ни передъ правительствомъ, ни передъ народомъ. Если при этомъ есть вопросъ, то одинъ только: необходимость для правительства стать снова правительствомъ земнымъ, какимъ оно было до Петра Великаго, отказаться отъ роли Провидѣнія, ведущаго русскаго человѣка два почти уже столѣтія къ неизвѣстнымъ ему цѣлямъ безъ его вѣдома и спроса. Освобожденіе крѣпостныхъ было очевидно послѣднимъ дѣйствіемъ, которое можно совершить въ такомъ духѣ. Роль судьбы, не совмѣстимая съ человѣческими силами, вынуждено принятая на себя великимъ Преобразователемъ и пережившая свой законный срокъ, стала причиной оцѣпенѣнія общества, церкви и отдѣльно каждаго русскаго человѣка какъ гражданина, стала источникомъ всѣхъ затрудненій, удручающихъ нынѣ правительство и подданныхъ.

Развитіе земскихъ учрежденій до высшаго предѣла, до учрежденій всероссійскихъ, не ставитъ вопроса ни объ источникѣ власти, ни о раздѣленіи властей въ государствѣ, въ противоположность развитію конституціонному, существенно основанному на такомъ дѣленіи. По русскому сознанію, на сколько оно русское, а незаимствованное, Царь, какъ источникъ власти, и личная его совѣсть, охранительница всякой правды, составляютъ краеугольный камень государственнаго зданія. Смыслъ земскаго самоуправленія не подразумѣваетъ и не можетъ подразумѣвать никакого формальнаго опредѣленія правъ Государя; онѣ установляются нравственными отношеніями и обоюдною привычкою. Перенесеніе основаній на земство не перемѣняетъ центра тяжести государственной власти, а ведетъ лишь къ обновленію орудій и способовъ ея дѣйствія. Съ устраненіемъ же канцелярскаго возраженія о своихъ людяхъ, остается только одинъ вопросъ, если онъ вопросъ: возможно ли и желательно ли дальнѣйшее продленіе безцѣльной, безсильной, имѣвшей значеніе лишь для своего времени, разорительной бюрократической опеки воспитательнаго періода?

Въ Россіи не можетъ возникнуть вопроса о томъ, кому управлять? Всякій знаетъ кому. Выдвигается лишь вопросъ о томъ, чрезъ кого управлять. Въ этомъ и заключается наше коренное отличіе отъ западныхъ государствъ. Правительству болѣе чѣмъ выгодно въ настоящее время всеобщихъ недоразумѣній, чтобы неизбѣжные промахи мѣстныхъ управленій и нареканія на нихъ, главный источникъ недовольства, падали не на власть, а на самихъ управляемыхъ, которые должны заботиться и въ концѣ концовъ пріучаться заботиться о своей пользѣ.

Земскія учрежденія идутъ до сихъ поръ плохо, но по причинамъ, которыхъ нельзя имъ прямо ставить въ вину. Во-первыхъ, чего можно ждать отъ спеленанныхъ земствъ, которымъ дано не право и возможность, а лишь позволеніе развиться посреди государства, поглощающаго почти всѣхъ годныхъ людей и всѣ средства земли на казенную службу, которыя вынуждены облагать новыми поборами населенія, и безъ того до крайности обремененныя, для устройства первоначальныхъ и необходимѣйшихъ ихъ нуждъ, одновременно съ тѣмъ какъ удвоиваются расходы на бюрократическія учрежденія, сдавшія земству главныя свои занятія? Во-вторыхъ, факты и общій го-

лось не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, насколько уставы о земскихъ учрежденіяхъ оказались искусственными: съ одной стороны эти учрежденія, связанныя съ народными массами только наружно, не могутъ руководить ими; съ другой же стороны, напротивъ, проникнуты самымъ ложнымъ демократизмомъ. Сельское населеніе, представляемое въ земскихъ учрежденіяхъ посредствомъ тройнаго косвеннаго выбора, т. е. совершенной фикціи, придаетъ имъ своею безгласностію свойства мѣстнаго кумовства, а потому остается въ отношеніи къ нимъ чуждымъ и равнодушнымъ; а въ тоже время эта котерія мѣстныхъ дѣльцевъ основана на цензѣ владѣнія тремя стами десятинами земли, стоющей въ иныхъ мѣстностяхъ по четвертаку за десятину, что допускаетъ въ выборы самое явное барышничество. Въ городахъ же лучшіе слои населенія, люди осѣдлые и издерживающіе по тысячамъ рублей за квартиру, устранены отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи въ пользу приказчиковъ, платящихъ два рубля налога съ торговаго свидѣтельства. Дошло же до того, что цѣлые округа на Дону просили объ отмѣнѣ самоуправленія въ его нынѣшнемъ видѣ. При нашемъ историческомъ складѣ плодотворно только дѣйствительное, не фиктивное единеніе народныхъ массъ съ развитыми слоями ихъ мѣстности; отдѣльно, тѣ и другіе безпомощны. Затруднительно винить русское общество за то, что оно недовольно старательно пользуется тѣмъ, чѣмъ не можетъ хорошо пользоваться. Въ-третьихъ, слишкомъ извѣстно, что администрація умышленно, изъ обычной ревности къ своей власти, не давала и не даетъ окрѣпнуть земскому самоуправленію. Лучшіе люди его были систематически заподозрѣваемы въ неблагонадежности, утвержденіе его постановленій преднамѣренно оттягивалось на неопредѣленное время, данныя права постепенно урѣзывались новыми толкованіями. Одно время въ офиціальной средѣ принималось даже за принципъ, что земское учрежденіе противорѣчитъ основному складу нашего государства, и въ силу того, уничтоживъ дворянство въ корнѣ какъ сословіе, стали снова вызывать его тѣнь. Какая была охота серьезнымъ людямъ брать на себя неблагодарный трудъ земской службы при такой обстановкѣ? Очень естественно, что она стала приманкой для людей, ищущихъ въ ней только личной, а не общей пользы.

Сказаннаго еще недостаточно. Еслибъ всѣ исчисленныя пре-

пятствія, затормозившія земское дѣло, могли быть немедленно устранены, то, конечно, нѣкоторыя отправленія мѣстной жизни пошли бы лучше, но общее положеніе не было бы тѣмъ значительно исправлено. Благотворныя послѣдствія не могутъ истекать изъ слишкомъ односторонникъ началъ. Россіи нужны не улучшенныя, а совсѣмъ иныя земскія учрежденія. Давно выяснилось, что наше земство въ его настоящемъ видѣ вовсе не составляетъ части государственныхъ порядковъ; что оно не иное что, какъ частное товарищество, которому разрѣшено заниматься его личными, придуманными имъ для себя дѣлами. Тамъ, гдѣ мѣстное самоуправленіе дѣйствительно введено въ государственный строй, какъ въ Англіи, оно служитъ основаніемъ всей правительственной администраціи, составляетъ нижній, но самостоятельный ея этажъ. Извѣстный графъ С. Р. Воронцовъ, излагая англійскіе порядки по поводу учрежденія у насъ министерствъ, объяснялъ (вѣроятно, къ великому удивленію послѣднихъ), что въ Англіи должность статсъ-секретаря по внутреннимъ дѣламъ означаетъ только кресло въ министерствѣ, что у него почти нѣтъ занятій, такъ какъ мѣстныя дѣла начинаются и кончаются въ графствахъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность этого сановника нѣсколько расширилась, но только потому, что крайне исключительный складъ англійскаго землевладѣльческаго класса внушалъ ему заботу лишь объ общественномъ порядкѣ, а не объ улучшеніи быта низшихъ сословій, что и вынудило правительство вступиться въ это дѣло; у насъ же такой опасности никакъ не предвидится. Мы, русскіе люди, не мечтаемъ даже о доставленіи подобнаго спокойствія нашему министру внутреннихъ дѣлъ; но мы понимаемъ, что земскія учрежденія могутъ стать дѣйствительностію тогда лишь, когда изъ частнаго товарищества они обратятся въ звено, правильнѣе подслойку общаго управленія, когда они станутъ полными хозяевами мѣстности, принявъ въ свои руки всю экономическую и бытовую мѣстную жизнь, и когда губернскія и уѣздныя учрежденія, къ которымъ они покуда приставлены особнякомъ, будутъ переработаны въ связи съ ними, утверждены на земскомъ самоуправленіи какъ на своемъ основаніи, что потребно одинаково въ видахъ экономіи и цѣльности государственнаго устройства. Покуда же задача земства, имѣющая въ виду огульное мѣстное процвѣтаніе, безъ прямой связи съ дѣйствующими общими порядками, по своей

неопредѣленности и односторонности не можетъ считаться серьезной задачей. На тридцать милліоновъ ежегодно, которыхъ оно стоитъ народу сверхъ государственныхъ податей, можно было бы вѣроятно удовлетворить много потребностей, содержать въ лучшей исправности мосты и дороги, чѣмъ то возможно земству, расходующему едва-ли не половину сбора на свой личный составъ. При нынѣшнемъ назначеніи этого учрежденія оно должно считаться крайне неудачнымъ, слишкомъ дорогимъ и обременительнымъ для народа сравнительно съ своею цѣлію. Понятно, когда на извѣстной степени народнаго развитія правительственная власть выдѣляетъ въ руки общества изъ казенной администраціи заботы о мѣстныхъ распорядкахъ, за которыми не можетъ хорошо присмотрѣть, но выдѣляетъ вмѣстѣ съ личными силами, вещественными средствами, властію и кругомъ дѣйствія, которыми само располагало прежде на этотъ предметъ; когда обязанности земства и общей администраціи ясно разграничены между собою; когда мѣстное самоуправленіе, дѣйствуя въ указанныхъ ему предѣлахъ, не подчиняется никому кромѣ Верховной власти и закона; иначе должно выйти, какъ и вышло у насъ, какое-то филантропическое общество, съ принудительнымъ сборомъ въ свою пользу.

По всей вѣроятности, самый надежный путь для упроченія живыхъ земскихъ учрежденій заключался въ развитіи первоначальнаго установленія мировыхъ посредниковъ; въ ихъ лицѣ видимо завязывалась плодотворная связь между разумомъ народныхъ массъ и просвѣщеніемъ высшаго слоя мѣстностей. Кажется, что установленіе это было скошено вслѣдствіе ревности бюрократіи къ своей власти, и ничего инаго. Тѣмъ не менѣе, нельзя представить себѣ въ Россіи живаго земства иначе какъ при двухъ условіяхъ этого упраздненнаго учрежденія; непосредственной связи просвѣщенныхъ руководителей съ крестьянскимъ населеніемъ и самостоятельности ихъ положенія передъ мѣстными властями. Третье условіе заключается въ недѣлимости и самостоятельности круга дѣйствій, въ томъ, чтобы земство стало дѣйствительнымъ хозяиномъ всего хозяйства своей мѣстности, простирая свое дѣйствіе на владѣнія частныя, общественныя и государственныя, распоряжаясь взысканіемъ прямыхъ казенныхъ налоговъ и оброчныхъ доходовъ безъ вмѣшательства со стороны при его исправности, иначе поли-

цейская практика снова обратить зарождающееся самоуправленіе въ фикцію. Изъ опыта полутора десятка лѣтъ выяснѣли еще многія весьма распространенныя, убѣжденія о необходимыхъ измѣненіяхъ въ земскомъ положеніи, убѣжденія, которыя правительству легко провѣрить: о передачѣ земству надзора за крестьянскимъ управленіемъ, о прямомъ выборѣ гласныхъ сельскимъ населеніемъ, о возстановленіи званія мировыхъ посредниковъ въ лицѣ нынѣшнихъ мировыхъ судей, какъ въ Англіи, о снятіи съ этихъ судей по мѣрѣ возможности узкихъ рамокъ 10-го тома свода законовъ, о перенесеніи всякихъ административныхъ послугъ изъ волостей въ мировой участокъ, и прочее. Съ признаніемъ кореннаго начала, на которомъ только и можетъ быть установлено живое земство, эти послѣдствія выяснятся сами собою.

Очевидно, что развитіе земской самодѣятельности обусловливается на практикѣ духомъ отношеній къ ней, степенью безпристрастія государственнаго управленія въ областяхъ.

Обновленіе русскаго государственнаго строя не осуществится вполнѣ, будетъ на первыхъ же порахъ сбито съ прямаго пути, если необходимое правительственное руководство земскими учрежденіями станетъ проводиться по нынѣшнему, чрезъ министерскія канцеляріи. Опытъ не позволяетъ въ томъ сомнѣваться. Между двумя такими противуположностями въ одномъ и томъ же отправленіи немедленно возникнетъ противодѣйствіе, а какъ столичныя канцеляріи сильнѣе областнаго земства, что онѣ очень скоро вытравятъ изъ послѣдняго самостоятельность, даже въ той мѣрѣ, какая у насъ пока возможна. Русскій министръ не въ состояніи слѣдить лично за отправленіями областной жизни. Онъ судитъ о потребностяхъ за глаза и рѣшаетъ послѣ перекройки и переоцѣнки ихъ на каждой изъ многочисленныхъ ступеней іерархической лѣстницы; въ этомъ отношеніи именно начальникъ отдѣленія сильнѣе министра. Русскій губернаторъ не имѣетъ также достаточно значенія для самостоятельнаго дѣйствія по совѣсти; онъ не болѣе какъ чиновникъ, на котораго каждый министерскій департаментъ смотритъ свысока. Связью между правительствомъ и земствомъ можетъ служить только довѣренное Государемъ лицо, дѣйствующее на мѣстѣ, генералъ-губернаторъ или, по старинному, намѣстникъ. Въ краяхъ, гдѣ извѣдано значеніе высшаго посредника между правительствомъ

и населеніемъ, какъ, напримѣръ, въ Новороссійскомъ, всѣ того мнѣнія, что безъ мѣстнаго правителя, имѣющаго прямой доступъ къ Государю, не только теряется связь между мѣстностями, связанными общими интересами, но заявленія о потребностяхъ страны сейчасъ же сводятся на гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Учрежденіе высшихъ мѣстныхъ управленій не пошло у насъ, они упразднялись по всякому удобному предлогу единственно вслѣдствіе ревнивости министерскихъ канцелярій, которымъ гораздо удобнѣе дѣло имѣть съ губернаторомъ изъ своихъ же чиновниковъ, чѣмъ съ самостоятельнымъ лицомъ. Вся дѣйствительная власть замкнулась, такимъ образомъ, въ столицѣ, въ областяхъ остались лишь ея безгласные приказчики, чѣмъ и обусловилось нынѣшнее исключительное канцелярское управленіе, замѣняющее дѣло формальностію, пугающееся всякаго проявленія жизни, какъ задачи для него непосильной. Послѣдствіемъ вышло то, что самодержавіе изъ верховнаго начала обратилось въ бюрократическій произволъ, надъ которымъ Государь въ дѣйствительности не властенъ. Разумѣется, подъ такимъ управленіемъ развитіе земской жизни немыслимо. Лично для русскаго Царя самостоятельные земцы—вѣрные слуги и подданные; для министерскихъ канцелярій—они подданные бунтующіе. Всѣ мыслящіе люди у насъ одного мнѣнія въ этомъ отношеніи: снять съ груди Россіи такой спудъ, не дающій ходу никакому живому дѣлу, можно однимъ только средствомъ—разсредоточеніемъ власти. Пусть правитъ нами Государь лично, посредствомъ своихъ довѣренныхъ людей, а не начальники отдѣленій, на которыхъ нѣтъ управы какъ на силу безличную, почти стихійную. Но разсредоточеніе посредствомъ большей самостоятельности губернскихъ учрежденій, хотя необходимое само по себѣ, не представляетъ въ такомъ случаѣ дѣйствительнаго лекарства. Голосъ губерніи, составляющей около одной сотой части имперіи, не будетъ имѣть надлежащаго вѣса, и сто безъ малаго губернаторовъ не могутъ быть ничѣмъ инымъ какъ подчиненными чиновниками. Въ областяхъ же нужны не подчиненные министровъ, а люди имѣющіе прямой доступъ къ Государю. Для такого лица, генералъ-губернатора или намѣстника, земство и его нужды представляютъ не огульное понятіе, какъ для министра, онъ имѣетъ дѣло съ живыми людьми, нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому стоитъ за нихъ. Кромѣ того, такое безмѣрное

государство какъ Россія естественно дѣлится на полосы, представляющіе значительные оттѣнки экономическіе и этнографическіе и свои мѣстныя нужды, общія для нѣсколькихъ губерній. Подъ рукою умнаго генералъ-губернатора, особенно при взаимной связи земствъ ввѣренныхъ ему губерній, эти нужды могутъ добиться своего отдѣльнаго удовлетворенія, между тѣмъ какъ въ рукахъ самаго умнаго министра онѣ сливаются въ общую заботу о благѣ Россіи, слишкомъ широкую для одиночнаго пониманія. Можно оставить при этомъ заботу о цѣльности государства; на всемъ пространствѣ, занимаемомъ русскимъ племенемъ, оно спаяно навѣки еще московскими князьями и царями, и не нуждается болѣе въ попеченіи петербургскихъ канцелярій.

Безъ сомнѣнія, дѣйствія генералъ-губернаторовъ должны быть объединяемы сообразно съ видами правительства, насколько то допускается разнообразіемъ мѣстныхъ условій. Общее направленіе принадлежитъ естественно министрамъ, какъ непосредственнымъ органамъ верховной власти; но между такимъ способомъ управленія и нынѣшнимъ лежитъ цѣлая бездна. Руководить дѣйствіями генералъ-губернатора въ отношеніи къ земству и всему прочему министры будутъ и могутъ не иначе какъ лично, теперь же отправленіями областной жизни завѣдуютъ безотвѣтно ихъ начальники отдѣленій. Раскроеніе Россіи на сто разъединенныхъ губерній, зависимыхъ до мелочности отъ центральныхъ канцелярій (иначе это и быть не можетъ), отдаетъ управленіе государствомъ въ руки столоначальниковъ и исключаетъ возможность всякаго подъема мѣстной жизни. Нужны, конечно, не временные генералъ-губернаторы съ чрезвычайными полномочіями, а правители однородныхъ полосъ Россіи съ властію строго законною, въ лицѣ которыхъ мѣстное самоуправленіе ввѣренныхъ имъ губерній соприкасалось бы прямо съ верховною властію. Подъ руководствомъ довѣренныхъ лицъ гражданскіе губернаторы остались бы начальниками администраціи своей губерніи, съ отстраненіемъ отъ нихъ всякой политической задачи, въ общемъ итогѣ для нихъ непосильной.

Если для веденія дѣлъ внѣ спеціальныхъ вѣдомствъ нужны только полицейскіе чины и губернаторы съ своей канцеляріей, а для направленія дѣйствій высшихъ представителей власти въ областяхъ требуется единоличное, отнюдь не канцелярское

руководство со стороны министровъ, то очевидно, въ какой степени можетъ сократиться такимъ преобразованіемъ личный административный составъ. Цѣлыя вѣдомства могутъ быть почти безъ остатка растворены въ земствѣ, а другія, спеціальныя, отдать ему же очень многія, вовсе не спеціальныя, отрасли управленія, случайно попавшія въ ихъ руки. Кромѣ сказанныхъ сокращеній, упраздненіе столькихъ учрежденій, ставшихъ излишними въ своемъ полномъ составѣ или въ частяхъ послѣ недавнихъ преобразованій, также другихъ, хозяйственныхъ, оказывающихся безполезными по сравненію приносимаго ими доходасъ расходомъ, даетъ еще огромный остатокъ. Даже самыя спеціальныя вѣдомства, какъ финансовое, подлежатъ чрезвычайному сокращенію, что ставится внѣ сомнѣнія посредствомъ простаго сличенія нашихъ штатовъ съ иностранными въ статьяхъ, не представляющихъ никакой разницы мѣстныхъ условій. Кто приходилъ, напримѣръ, въ нашу таможню за полученіемъ сущей бездѣлицы и кого пересылали, въ продолженіи многихъ часовъ, черезъ 18 разныхъ отдѣленій, при смѣхѣ чиновниковъ, не скрывающихъ своего глумленія надъ подобными порядками, тотъ знаетъ по опыту, есть ли что сокращать въ нашихъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Также и государственному контролю подобаетъ скорѣе быть контрольнымъ департаментомъ сената, а не министерствомъ, и стоитъ милліонъ вмѣсто четырехъ милліоновъ. Кромѣ того, при замѣщеніи бюрократическаго надзора личнымъ, подлежатъ упраздненію всѣ инстанціи, не имѣющія инаго назначенія кромѣ взаимной повѣрки одной другою; нѣтъ по этому ни одного вѣдомства въ Россіи, кромѣ учебнаго и послѣ реформеннаго судебнаго, которое не подлежало бы большому сокращенію. Какъ только русская власть приметъ рѣшеніе сойдти съ бюрократическихъ подмостокъ на природную почву, безмѣрное излишество и гнилость этихъ опустѣвшихъ подмостокъ изумитъ всѣхъ.

Достиженіе этой цѣли немыслимо, однакожъ, иначе какъ при посредствѣ земскихъ людей. Я высказывалъ уже въ первомъ письмѣ мнѣніе объ этомъ предметѣ. Ни у какого вѣдомства не достанетъ самоотверженія добровольно рѣзать себя по живому тѣлу. Если бы даже всѣ главные начальники управленій пошли искренно на такое личное для себя преобразованіе, то второстепенные дѣльцы официальной среды, отъ которыхъ зависитъ практическій исходъ, никакъ не станутъ

жертвовать своими прямыми выгодами для отвлеченной пользы государства. Изъ всякой попытки сократить чиновничество собственными его руками выйдетъ тоже, что выходило изъ столькихъ комиссій для сокращенія расходовъ—новый расходъ на комиссію.

Сокративъ казенную администрацію до размѣровъ, соотвѣтствующихъ ея прямому назначенію—служить орудіемъ, руководящимъ общественною дѣятельностію, не трудно уже будетъ довести ее до состоянія образцовой и вполнѣ правительственной, выкинуть изъ нея неблагонадежныя прослойки. Матеріаломъ для обновленной администраціи послужитъ все земство съ его наиболѣе выдающимися дѣятелями, упразднивъ, конечно, табель о рангахъ, основный столбъ петровской эпохи. Всѣ властные люди, распорядители официальной среды, должны были бы впредь поставляться у насъ землею, выбираться правительствомъ изъ людей, заявившихъ себя въ общественной дѣятельности и облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, а не изъ выростающихъ на канцелярскомъ полѣ. Безъ такого обновленія ни правительству, ни намъ всѣмъ нельзя больше жить. При нынѣшнемъ административномъ составѣ, проникнутомъ въ большинствѣ, вслѣдствіе своей вѣковой отчужденности отъ почвы, путаницей самыхъ неправительственныхъ и нерусскихъ понятій и наклонностей, власть не знаетъ, на кого ей можно положиться, а земля чувствуетъ въ официальной средѣ стихію, чуждую себѣ, почти противоположную. Безъ настойчиваго, постепеннаго обновленія высшаго слоя администраціи изъ общественной среды, безъ полнаго измѣненія порядковъ, на основаніи которыхъ онъ до сихъ поръ набирался, наше отечество останется раздвоеннымъ въ себѣ и безсильнымъ воплотить въ жизнь самыя благія начинанія сверху, самыя зрѣлыя ожиданія снизу.

ПИСЬМО IX.

Очевидно, преобразованіе должно начаться. Постройка крыши безъ фундамента, передѣлка центральныхъ учрежденій при увѣковѣченномъ гнетѣ чиновничества, остающемся безъ измѣненія подъ всѣми видами правительства, — мы видѣли къ чему эти пріемы приводили на материкѣ Европы. Даже при революціяхъ тамъ нѣтъ рѣчи о дѣйствительномъ освобожденіи гражданъ, споръ идетъ только о томъ, кто и подъ какими формами будетъ отдавать приказанія казенной части населенія, правящей населеніемъ «партикулярнымъ». У насъ не можетъ быть помина о подобномъ порядкѣ переустройства, такъ какъ при цѣльности государственнаго начала вверху, форма центральныхъ учрежденій обусловливается исключительно порядками, на которыхъ основано мѣстное управленіе землею, не имѣетъ иной цѣли, какъ наилучшее примѣненіе къ послѣднимъ для руководства ими; составъ и кругъ дѣйствія учрежденій государственныхъ опредѣляется практически правами, предоставляемыми управленіямъ губернскимъ и уѣзднымъ, въ связи съ земствомъ. Участіе общественнаго мнѣнія въ правительственныхъ рѣшеніяхъ зависитъ у насъ всецѣло отъ степени его самостоятельности въ мѣстныхъ дѣлахъ. Нельзя говорить съ толкомъ о формахъ правительства, — которыя при самодержавіи, какъ общемъ источникѣ власти, могутъ быть столь же разнообразны, какъ при всякомъ другомъ, — не рѣшивъ вопроса объ управленіи уѣздномъ, иначе выйдетъ бюрократическая передѣлка на образецъ Сперанскаго, съ присутствіемъ или безъ присутствія земскихъ людей, это еще весьма не много значитъ. Кромѣ того, главная и основная задача текущаго времени, преобразованіе экономическое, облегченіе и оживленіе производительнаго труда,

доступно высшему правительству не иначе, какъ въ видѣ общихъ мѣръ, затрогивающихъ только наружную сторону дѣла, между тѣмъ какъ оно обѣщаетъ плодотворныя послѣдствія лишь при чрезвычайно разнообразномъ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ, къ чему способны только земскія и мѣстныя силы, каждая въ своей клѣткѣ, а никакъ не въ канцеляріи, всего же менѣе центральныя. По мнѣнію, начавшему складываться въ очень опредѣленную форму, приступъ къ необходимому преобразованію можетъ начаться успѣшно только въ мѣстныхъ комитетахъ, подобныхъ тѣмъ, которые были созваны для подготовки предварительныхъ работъ при освобожденіи крѣпостныхъ. Лишь въ этихъ первоначальныхъ ячейкахъ можетъ выработаться дѣйствительно русское мнѣніе о нашихъ неотложныхъ вопросахъ для освѣщенія правительству дальнѣйшаго пути. Совѣщательная работа комитетовъ протянется долго, будетъ время зрѣло обдумать сверху каждый послѣдовательный шагъ.

Когда правительству угодно будетъ вступить на этотъ путь, что произойдетъ ранѣе или позднѣе, но произойдетъ непремѣнно, если только мы не изнасилуемъ своей исторіи, то къ осуществленію плана будетъ приступлено, конечно, съ рѣшеніемъ довести его до конца, не торопясь, заложивъ предварительно прочное основаніе, но не упуская напрасно времени. Исходъ извѣстенъ. Мы имѣемъ на своей сторонѣ то неоцѣненное преимущество, что, идя впередъ, идемъ къ извѣстному, возвращаемся къ духу учрежденій, упрочившихъ на престолѣ нынѣ царствующій Домъ. Черезъ нѣсколько времени послѣдовательный рядъ мѣръ, расширяющихъ права земства и сближающихъ его съ властію, приведетъ нечувствительно, безъ измѣненія въ коренныхъ законахъ и безъ видимаго перелома, къ всероссійскимъ совѣщательнымъ земскимъ соборамъ, свободно созываемымъ властію. При этомъ Богъ избавитъ насъ, покуда стоитъ Россія, отъ какого либо клочка бумаги, похожаго на хартію, даже отъ тѣни договора между Русскимъ Государемъ и его народомъ. Сначала самодержавное слово и рядъ преобразованій, нечувствительно открывающихъ новую эру русской исторіи, впослѣдствіи—обоюдная привычка замѣнятъ намъ всякія хартіи. Нашей Верховной власти не съ кѣмъ заключать условій и незакѣмъ признавать политическихъ правъ, въ виду того, что народное мнѣніе не утвердитъ никакого самоотреченія съ ея стороны. Русскій государь воленъ придавать своему правительству всякія формы, соотвѣтствую-

щія потребностямъ времени, но даже онъ не можетъ совершить невозвратныхъ уступокъ, недѣйствительныхъ въ глазахъ большинства. На весь кругозоръ будущаго, доступнаго въ нѣкоторой мѣрѣ человѣческому предвидѣнію, наши всероссійскіе соборы останутся совѣщательными, освѣщающими передъ властію потребности и желанія страны и разныхъ угловъ ея. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что подавляющее большинство русскихъ людей удовлетворится такими отношеніями, также въ томъ, что при взаимномъ довѣріи между верхомъ и низомъ подобныя отношенія, хотя чисто нравственныя, окажутся вполнѣ достаточными для соглашенія правительственныхъ мѣръ съ народными потребностями и правительственнаго личнаго состава съ его текущими задачами. Совершенно непопулярный министръ станетъ при нихъ невозможнымъ. Судя по коренному взгляду на государственное устройство, пробивавшемуся во всѣхъ славянскихъ земляхъ, не подчинявшихся заноснымъ образцамъ, въ томъ числѣ и въ древней Россіи, сущность нашего дальнѣйшаго развитія будетъ, вѣроятно, заключаться не въ притязаніи на формальный надзоръ за властію, какъ на западѣ, а въ полюбовномъ размежеваніи съ нею, въ выдѣленіи изъ функцій государственнаго управленія, остающагося неприкосновенно въ рукахъ правительства, всего, что интересуетъ гражданъ лично, всѣхъ ихъ мѣстныхъ, общественныхъ и церковныхъ дѣлъ. Мысль эта требуетъ болѣе полнаго развитія и я указалъ на нее только вскользь; но и съ перваго взгляда видно, что при подобномъ полюбовномъ размежеваніи узаконенное вмѣшательство одной стороны въ дѣла другой легко замѣняется нравственнымъ давленіемъ, что совѣщательное собраніе вполнѣ достаточно для этой цѣли.

Заявленія нашихъ старинныхъ земскихъ соборовъ никогда не были принудительными для власти, и хотя оставались иногда безъ осуществленія, наравнѣ со столькими правительственными видами (когда обстоятельства препятствовали осуществленію), но тѣмъ не менѣе мы не знаемъ ни одного случая, чтобы эти заявленія были отвергаемы; да такого случая и не могло быть; правительство, живущее въ тѣсномъ общеніи со страной, не имѣетъ повода отвергать вызрѣвшія ея желанія, также какъ земскіе люди, при такихъ отношеніяхъ, не имѣютъ побужденія къ требованіямъ, явно неудобнымъ для власти. При оцѣнкѣ русскихъ соборовъ и нѣкоторыхъ, неисполнив-

шихся ихъ желаній, забываютъ, кажется, что и противъ европейскихъ формъ представительства власть вездѣ вооружена правомъ veto, которымъ нынѣ рѣдко пользуется потому только, что уступаетъ *нравственному* давленію, не хочетъ возбуждать неудовольствія страны. Этотъ видъ нравственнаго давленія одинаковъ и при формальномъ парламентѣ, и при совѣщательномъ земскомъ соборѣ; мы не разъ видѣли его дѣйствіе у себя и безъ всякихъ представительныхъ собраній.

По происхожденію и сущности русскаго собора у него всегда было мало общаго съ европейскимъ парламентомъ; при возобновленіи же соборовъ вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія земскихъ учрежденій, общаго окажется еще меньше, такъ какъ выборные земскіе люди будутъ представлять у насъ не огульное настроеніе толпы, господствовавшее во дни выборовъ и имѣющее выразиться впослѣдствіи, въ парламентѣ, по поводу всякихъ вопросовъ, которыхъ при выборахъ вовсе не имѣлось въ виду, какъ это происходитъ на Западѣ; они станутъ представителями опредѣленнаго мнѣнія пославшихъ ихъ земствъ, по вопросамъ, заранѣе постановленнымъ, а потому приблизительно уже обсужденнымъ ихъ довѣрителями. По ходу развитія русской исторіи у насъ выразится передъ правительствомъ не впечатлѣніе, подъ которымъ толпа подходила къ избирательнымъ урнамъ, а мнѣніе, предварительно уже организованное въ своемъ источникѣ, какъ оно получается, хотя подъ другими формами и по инымъ причинамъ, въ англійскомъ избирательномъ слоѣ.

Болѣе отдаленное будущее поставитъ можетъ быть новые вопросы, но когда разъ окрѣпнетъ семейный складъ этого вида отношеній между Верховною властію и народнымъ сознаніемъ, то и новые вопросы войдутъ безъ труда въ привычную рамку. Государственный строй, основанный на развитіи нашихъ историческихъ началъ, несомнѣнно окажется прочнымъ уже потому, что въ немъ не будетъ заключаться никакихъ фикцій, на которыхъ строются всѣ конституціи безъ исключенія, что все въ немъ окажется чистой правдой.

Какъ ни настоятельно преобразованіе, нельзя, однакожъ, упустить изъ виду вопроса о многихъ десяткахъ тысячъ (въ дѣйствительности, со всѣмъ канцелярскимъ штатомъ и всякими прикосновенными званіями сотняхъ тысячъ) людей, наслѣдственно живущихъ гражданскою службою и не знающихъ

другаго занятія; но какъ передѣлка порядковъ управленія не можетъ быть внезапной, подобно отмѣнѣ крѣпостнаго права, то перемѣщеніе служащихъ людей къ новымъ занятіямъ, открываемымъ развитіемъ жизни, произойдетъ исподоволь. Въ началѣ же преобразованій положеніе гражданскихъ чиновниковъ, кромѣ государственной службы для лучшихъ, обезпечивается въ значительной степени переходомъ на службу земскую, которой неоткуда болѣе взять людей для ея расширенной дѣятельности. Но если затѣмъ осталось бы еще не мало изъ нынѣ служащихъ—чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше,—которыхъ земство не могло бы вмѣстить, то для устройства этихъ остатковъ, очевидно, самыхъ плохихъ въ административномъ составѣ, возможно временное средство: выпускать ихъ въ отставку съ усиленной пенсіей, не дожидаясь истеченія узаконенныхъ для того сроковъ. При нашихъ квартирныхъ, наградныхъ, пособіяхъ на воспитаніе дѣтей и прочемъ, казна останется въ барышѣ съ назначеніемъ самыхъ высокихъ пенсій, кромѣ того, что постепенная убыль пансіонеровъ сведетъ черезъ нѣкоторое время этотъ расходъ къ нулю.

Можно, слѣдовательно, если бы было угодно, двинуть постепенно преобразованіе, не жертвуя ни одной живой душой.

Сущность нашего государственнаго склада не измѣнится скоро вслѣдствіе преобразованія, но отправленія его станутъ гораздо удовлетворительнѣе. Сущность его не можетъ измѣниться, пока не перемѣнится глубоко самая Россія, чего придется долго дожидаться. Даже при самоуправленіи, въ теченіе настоящаго столѣтія въ русской землѣ будетъ продолжаться управленіе, только живое. Внизу—оно станетъ отличаться отъ нынѣшняго бюрократическаго своею мѣстною, можно сказать, осѣдлою постановкой, не такимъ сброднымъ какъ теперь и болѣе сознательнымъ подборомъ управляющихъ людей, приставленныхъ ближе къ практическому дѣлу и связанныхъ съ населеніемъ общими интересами, живущихъ не въ безвоздушной офиціальной средѣ, обращающей людей въ космополитовъ—а посреди народа; вверху, сильно улучшенной и сосредоточенной въ рукахъ правительства администраціей, постояннымъ обмѣномъ взглядовъ и чувствъ съ народнымъ мнѣніемъ, непрерывнымъ притокомъ точныхъ данныхъ о положеніи дѣлъ. При такихъ условіяхъ не трудно сложить хорошее правительство въ настоящемъ значеніи слова. Если задача правитель-

ства, закончившаго свою временную воспитательную миссію заключается съ тѣхъ поръ вся, какъ очевидно, въ руководствѣ народными силами, то для осуществленія ея потребно небольшое число способныхъ и преданныхъ людей. Упрощенный до этой степени правительственный механизмъ, нынѣ непроглядный какъ морская пучина, станетъ прозрачнымъ насквозь, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ связнымъ и единомысленнымъ, чего покуда главнѣйше недостаетъ. Лицо не вѣдомство, представляющее у насъ государство въ государствѣ, оно отвѣтственно, вслѣдствіе чего при личномъ, не канцелярскомъ заправленіи дѣлами, какъ въ столицѣ, такъ и въ областяхъ, при сближеніи управляемыхъ съ источникомъ власти, всегда можно добиться ясности. Теперь же, когда высшее правительство не ограничивается руководствомъ, а само всѣмъ управляетъ, все рѣшаетъ въ своихъ центральныхъ канцеляріяхъ, ведетъ издали на помочахъ самомалѣйшее проявленіе русской жизни и вслѣдствіе того необходимо предоставляетъ дѣйствительное завѣдываніе дѣлами мелкимъ чиновникамъ,—теперь не только не можетъ оказаться въ немъ связности и единомыслія, не только управляемые не могутъ имъ удовлетворяться, но самая Верховная власть не владѣетъ вполнѣ этимъ орудіемъ, а потому, должно сказать,—давно уже нѣтъ у насъ органическаго правительства въ подлинномъ значеніи слова; есть только источникъ власти и безконечное множество властныхъ людей. Если признается въ современной Россіи какая-либо безспорная истина, то имено эта: отсутствіе у насъ органическаго правительства, способнаго преслѣдовать избранныя цѣли совокупностію своихъ силъ безъ раздѣленія въ самомъ себѣ, знающаго своихъ друзей и недруговъ, правительства, на которое добрые граждане могли бы опереться, силою котораго недоброжелатели не могли бы злоупотреблять противъ него самаго.

Иными словами: у насъ нѣтъ правительства *политическаго*, руководящаго русскою жизнію и даже собственными своими мѣропріятіями по ихъ сущности, есть только правительство *административное*, формальное, представляемое комитетомъ министровъ и довольно многочисленными, не обязанными однородностію направленія, личными докладчиками Государя. Комитетъ министровъ, служащій въ теоріи общею связью между вѣдомствами, въ дѣйствительности можетъ наблюдать только

за однородностію и законностію формъ, а не дѣйствій: онъ слишкомъ многолюденъ, члены его принадлежатъ самымъ различнымъ направленіямъ, результатъ его постановленій чисто механическій, основанный на большинствѣ голосовъ, онъ обремененъ мелочами, лишенъ иниціативы, и, наконецъ, каждый министръ можетъ обойдти его, пользуясь личнымъ докладомъ. Роль комитета кончается подписаніемъ журнала, далѣе онъ ни за чѣмъ не наблюдаетъ и примѣненіе его рѣшенія передается всецѣло подлежащему вѣдомству, въ нашей практикѣ положительно не отвѣтственному. При нынѣшнихъ порядкахъ управленіе Россіей можетъ объединяться только въ личномъ сознаніи Государя; но такой способъ объединенія былъ пригоденъ лишь при миѳологическихъ династіяхъ боговъ. Въ продолженіе воспитательной эпохи, пока выдвигались только правительственные вопросы и въ Россіи оказывался живымъ лишь одинъ верхній слой, недостатокъ этотъ не такъ бросался въ глаза; теперь иное дѣло. Всякій нынѣ понимаетъ, что самодержавіе, краеугольный камень русской исторіи въ настоящемъ и будущемъ, означаетъ въ сущности наше родовое опредѣленіе источника власти, также какъ фикція державнаго народа, le peuple souverain, составляетъ его теперь для нѣкоторыхъ другихъ странъ,—съ тѣмъ великимъ преимуществомъ въ нашу пользу, что нашъ принципъ одаренъ живою совѣстію, отсутствующею у втораго—условіе безмѣрно важное въ рѣшающіе часы исторіи; при обыденномъ же ходѣ дѣлъ все зависитъ отъ свойствъ правительственной обстановки, которою вызывается и проводится въ жизнь Высочайшая, какъ и народная воля. Нынѣшняя наша правительственная обстановка можетъ быть опредѣлена слѣдующими словами: добродушное, иногда заинтересованное расхищеніе Верховной власти разными несвязными вѣдомствами и лицами. Каждый черпаетъ изъ общаго источника власти сколько войдетъ въ его кувшинъ.

Всѣ чувствуютъ, что такъ не можетъ продолжаться. Иные, взываютъ къ возстановленію прежняго преобладающаго значенія правительствующаго сената, и это дѣйствительно необходимо для обузданія нестройнаго произвола министерскихъ канцелярій; но изъ сената не можетъ сложиться политическое правительство. При постепенномъ выдѣленіи земству значительной части нынѣшнихъ непосильныхъ правительственныхъ заботъ, при размежеваніи центральной власти съ мѣстными само-

управленіями и областными начальствами, при ограниченіи бюрократіи ея естественными предѣлами, въ головѣ нашего государственнаго порядка сложится силою вещей правильная и ясная обстановка верховной власти; но этого еще долго ждать, а объединенное правительство необходимо сейчасъ, безъ него нельзя ступить шагу ни въ какую сторону. Объ установленіи званія перваго министра незачѣмъ говорить. Въ конституціонныхъ государствахъ этимъ званіемъ облекается глава партіи, взявшей верхъ,—тамъ дѣло совсѣмъ иное; но въ неограниченной монархіи первый министръ возможенъ только при извѣстномъ складѣ характера Государя, во всякомъ случаѣ онъ дается судьбою, а иначе будетъ только фаворитомъ и внесетъ въ управленіе раздоръ хуже прежняго. Въ самыхъ привычныхъ къ такому учрежденію государствахъ, какъ въ старинной Франціи, должность перваго министра оставалась незанятою по многимъ десяткамъ лѣтъ, пока не являлось подходящее лицо. Надо найти иной путь къ единству. Никакое преобразованіе не придастъ комитету министровъ однородность и способность къ дѣйствію, и не по одной причинѣ многолюдства. Конституціонные кабинеты бываютъ иногда очень многолюдны (хотя все-же не въ такой степени), но на то есть причина—необходимость ввести въ правительство всѣхъ главныхъ вожаковъ партіи; есть и поправка—кабинетъ состоитъ изъ людей одной группы мнѣнія, обязательно поддерживающихъ другъ друга въ рѣшеніи и исполненіи мѣръ; такого условія нашъ Комитетъ никакъ не можетъ осуществить. Для немедленнаго образованія сплоченной и дѣятельной, однимъ словомъ—живой власти остается одинъ исходъ: выдѣлить нѣсколькихъ выдающихся государственныхъ людей, облеченныхъ по роду своего вѣдомства или по личному довѣрію дѣйствительною политическою важностію, въ числѣ пяти-шести лицъ, въ постоянный кабинетный совѣтъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя или временно назначаемаго имъ замѣстителя, и принимать официальные доклады въ средѣ этого совѣта, кромѣ особыхъ случаевъ, конечно, когда, Государю будетъ угодно поступить иначе; докладывать при томъ только о дѣлахъ политическаго или обще-государственнаго свойства, всѣ-же текущія административныя дѣла, требующія нынѣ Высочайшаго утвержденія, предоставить разрѣшенію комитета министровъ въ его настоящемъ составѣ; подчинить главныхъ мѣстныхъ начальниковъ

(присутствіе которыхъ желательно по всему лицу государства) исключительно высшему совѣту во всемъ, имѣющемъ политическій оттѣнокъ. При такой постановкѣ, Россія почувствовала бы наконецъ надъ собою (по крайней мѣрѣ могла бы почувствовать, все зависитъ отъ устойчивости принятаго рѣшенія) живую правительственную власть, безъ которой намъ нельзя долѣе существовать. Несостоятельность уложенія о министерствахъ и особенно его примѣненія была обнаружена съ самаго начала (напримѣръ письмомъ графа С. Р. Воронцова). Съ тѣхъ поръ оно все ухудшалось. У насъ упустили изъ виду, между прочимъ, то соображеніе, что не всякое вѣдомство, хотя-бы требующее полной административной самостоятельности, и не всякій, хотя бы высшій государственный постъ, обладаютъ политическимъ значеніемъ, которое должно быть сосредоточено въ возможно меньшемъ числѣ рукъ. Постепенно наше правительственное учрежденіе лишилось всякаго средоточія. Въ итогѣ оказалось случайное и нестройное расхищеніе власти, а послѣдствіемъ то, что правительство съ трудомъ только можетъ разглядѣть что-либо въ разлегшемся подъ нимъ бюрократическомъ туманѣ, закрывшемъ отъ его глазъ землю съ ея дѣйствительною жизнію.

Высказавъ убѣжденія, которыя не имѣю даже права назвать лично своими, до того они прочувствованы тысячами, и которымъ я только придалъ осязательную форму, я руководился сознаніемъ исключительной важности и невозвратимости текущаго времени. Нынѣ обаяніе власти еще цѣло, она можетъ закрѣпить себѣ будущее предосмотрительнымъ отношеніемъ къ нему; но въ виду постоянно возрастающихъ недоразумѣній между верхомъ и низомъ едва ли удобно откладывать рѣшеніе. Порядки воспитательнаго Петровскаго періода, выразившіеся въ бюрократической опекѣ, совсѣмъ истлѣли. Между властію и подданными нужны иныя отношенія. Покуда одиночное непокорство русскаго человѣка проявлялось разбоемъ въ лѣсу, можно было жить даже при скованномъ обществѣ, администрація оказывалась состоятельной; но какъ только непокорство стало принимать политическій оттѣнокъ, правительство не можетъ уже обойтись безъ содѣйствія общества. Самомалѣйшая сборная сила во столько кратъ сильнѣе всякаго числа несвязныхъ единицъ, что никакое, самое прочное государство не устоитъ, если въ его нѣдрахъ будетъ от-

крываться людямъ возможность сплачиваться только въ тайные союзы, если на встрѣчу этимъ противузаконнымъ союзамъ и всему подрывающему общія основы не будутъ въ правѣ явно выступить законные союзы между гражданами, для чего нужна общественная организація въ замѣнъ нынѣшняго разброда, нуженъ просторъ въ дѣйствіяхъ и личномъ починѣ, котораго покуда недостаетъ. Но это еще не все. Не въ ничтожной шайкѣ революціонеровъ заключается наша болѣзнь, шайка только ея признакъ; болѣзнь состоитъ въ томъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ лучшіе русскіе люди не могутъ ничего предпринять въ пользу Государя и государства. Опасный оборотъ болѣзни наступитъ въ тотъ часъ, когда эти лучшіе люди убѣдятся въ безвыходности общаго положенія. Такого полнаго разочарованія именно не слѣдуетъ дожидаться.

Въ 1861 году, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, власть могла упрочить помѣстное дворянство на новыхъ основаніяхъ и опереться, подобно западнымъ правительствамъ, на своихъ людей; но когда разъ она предпочла иной, болѣе широкій путь, то теперь нѣтъ уже выбора; или земскіе люди будутъ признаны властію своими, заслуживающими полнаго довѣрія, или у нея совсѣмъ не останется своихъ людей. Иной опоры у насъ нѣтъ. Изъ нашихъ чиновниковъ и даже офицеровъ нельзя образовать выдѣленной изъ народа правительственной группы какъ на Западѣ; корпораціи не прививаются у насъ. Какъ достаточно доказано опытомъ, значительнѣйшая часть русскихъ чиновниковъ и офицеровъ идетъ по теченію преобладающаго въ странѣ мнѣнія, а потому дѣйствительной опоры взамѣнъ дворянства надо искать въ той силѣ, которая представляетъ страну самымъ несомнѣннымъ образомъ — въ земствѣ.

Для упроченія будущаго необходимо перенести центръ тяготѣнія съ песка на камень, справляясь только съ нашей исторіей, а не съ чужими примѣрами. Подражательная конституція, въ которую мы втянемся неизбѣжно, если нынѣшнія недоумѣнія затянутся на нѣкоторое время, собьетъ насъ окончательно съ пути и приведетъ очень скоро къ новой, гораздо худшей смутѣ. Остается другой исходъ, русскій. Еслибъ можно было сложить всѣ людскія головы необъятной Россіи въ одну, то и эта сверхъ—человѣческая голова не придумала бы иного.

ПИСЬМО X.

Государство, въ которомъ земледѣліе въ упадкѣ, идетъ къ окончательному разоренію и къ гибели. Въ особенности этотъ принципъ приложимъ къ тѣмъ государствамъ, которыя, въ виду вообще низкой культуры, являются почти исключительно производителями сырья, а къ такой категоріи именно и принадлежитъ Россія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ Россіи за послѣдніе годы ухудшилось и то первобытное сельское хозяйство, которое практиковалось при существованіи крѣпостнаго права; доказывать незачѣмъ, факты говорятъ сами за себя; годъ за годомъ все рельефнѣе выступало экономическое оскудѣніе деревни и наконецъ разразилось голоднымъ кризисомъ.

Настало время, когда правительству приходится положить предѣлъ этой экономической безурядицѣ и принять неотложно рядъ такихъ мѣръ, которыя, будучи правильно примѣнены, были-бы въ состояніи вывести наше сельское хозяйство на вѣрный путь къ наивозможно большему развитію.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ соображеній по этому предмету, два слова о представителяхъ нашего землевладѣнія: таковыми являются помѣщики и крестьяне: Довольно значительный процентъ первыхъ уже улучшаетъ или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ улучшать свое хозяйство, но есть еще много такихъ, которые, управляя имѣніями изъ городовъ, или по неумѣнью вести дѣло и расточительности, разоряютъ имѣнія. Силою непреодолимыхъ законовъ логики они въ скоромъ времени исчезнутъ и замѣнятся другими, которые заведутъ раціональное хозяйство, или сами, въ свою очередь,

уступятъ наконецъ мѣсто дѣйствительно заботящимся о своей землѣ хозяевамъ.

Заботливость государства относительно помѣщиковъ должна простираться на столько, чтобы развитіе вообще земледѣлія не стѣснялось, а иногда и въ конецъ не подрѣзывалось сторонними обстоятельствами. Такъ, напр., желательно было-бы видѣть болѣе упрощенную акцизную систему, не стѣсняющую возникновеніе небольшихъ винокурень, вполнѣ соотвѣтствующихъ потребностямъ земледѣлія и скотоводства. Желательно было-бы принятіе мѣръ, которыя организовали-бы правильную, скорую перевозку сельско-хозяйственныхъ, а также и другихъ грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. Желательно было бы видѣть осуществленіе дѣйствительнаго полицейско-санитарнаго надзора за скотомъ, перевозимымъ по желѣзнымъ дорогамъ, прогоняемымъ гуртами и наконецъ заболѣвающимъ на мѣстѣ. За послѣдніе годы падежи отъ заразительныхъ болѣзней приняли такіе ужасающіе размѣры, что страшно становится за будущее отечественнаго скотоводства, съ которымъ такъ тѣсно связано земледѣліе. Входить въ дальнѣйшую опеку надъ помѣщиками нѣтъ необходимости. Искусственная поддержка лицъ, разоряющихся по своей винѣ, не входитъ въ задачу правительства, идущаго цѣлесообразнымъ путемъ.

Крестьянское хозяйство за очень рѣдкимъ исключеніемъ вездѣ въ упадкѣ. Здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, причина неустройства стоитъ внѣ вліянія землепашца, а затѣмъ къ этой категоріи лицъ, въ виду отсутствія всякаго образованія, и не можетъ быть приложима строгая критика ихъ дѣятельности. Къ тому-же, неудачные помѣщики находятъ и найдутъ себѣ мѣста въ государственной и общественной службѣ, слѣдовательно, такъ или иначе существованіе ихъ будетъ обезпечено; разоренные-же милліоны крестьянъ,—это пролетаріатъ, съ которымъ государству придется считаться. Остающіеся за ними безплодные, выпаханные, разбросанные лоскутки земли, не окупающей выкупныхъ платежей, не измѣняютъ существа дѣла.

Вопросъ о поднятіи уровня благосостоянія главнаго плательщика казнѣ является вполнѣ настоятельнымъ. Постараюсь изложить тѣ мѣры, которыя на мой взглядъ кажутся наиболѣе цѣлесообразными для достиженія благосостоянія селянина,

а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственнаго благоустройства. Для большей наглядности формулирую ихъ категорично, вкратцѣ, только мотивируя ихъ необходимость. Спѣшу оговориться, что при обширности русской монархіи, при разнообразіи мѣстныхъ потребностей, я не могъ предвидѣть тѣхъ видоизмѣненій, которыя по мѣстнымъ условіямъ будутъ необходимы для той или другой области Имперіи. Дѣло губернскихъ земствъ высказаться по этому поводу.

1) *Необходимо пересмотрѣть во всей Россіи выкупную оцѣнку. Принять во вниманіе не фиктивную, а дѣйствительную стоимость земли и количество накопившихся недоимокъ. Во всякомъ случаѣ тахітит платежей долженъ остаться нынѣ существующій. Оцѣнка должна быть произведена выбранными отъ земства коммиссіями при контролѣ правительственныхъ чиновниковъ, въ назначенный, по возможности, короткій срокъ.*

Вслѣдствіе различныхъ причинъ, излагать которыя здѣсь не мѣсто, крестьянамъ выдѣлялась худшая земля, оцѣнка земли между тѣмъ была сдѣлана значительной стоимости. Правительство при изданіи положенія 1861 г. предполагало назначить переоцѣнку черезъ 10 лѣтъ, но затѣмъ отложило эту мѣру; теперь въ этомъ ощущается крайняя необходимость.

2) *Оставшіеся еще въ большой массѣ временно-обязанные крестьяне должны быть переведены на выкупъ.*

Удерживать ихъ долѣе для личныхъ выгодъ помѣщиковъ въ такомъ положеніи было бы анахронизмомъ.

3) *Необходимо обязать сельскія общества утвердить передѣлъ если не на все выкупное время, то, во всякомъ случаѣ, не менѣе, какъ лѣтъ на двѣнадцать. При этомъ каждый надѣлъ по возможности отмежевывать къ одной межѣ.*

Дѣйствительно, есть ли возможность перехода къ болѣе интенсивной обработкѣ при разбросанномъ ленточками надѣлѣ? Есть ли возможность двинуть впередъ сельскую культуру, когда обработывающій пашню не увѣренъ, что на слѣдующій годъ она останется въ его пользованіи и, быть можетъ, плоды трудовъ его по удобренію и обработкѣ достанутся другому? Отстаивая передѣлъ, защитники его видятъ въ немъ непремѣнную принадлежность сельской общины и обезпеченіе противъ перехода земель въ чужія руки; въ этомъ смыслѣ желательно сохраненіе и распространеніе его; но сохранять такія аномаліи,

которыя сознаются самыми крестьянами, во имя отвлеченной идеи, было бы непростительно.

Грозящій въ будущемъ недостатокъ надѣла для разросшейся семьи поправимъ и безъ передѣла такими мѣрами, какъ переселеніе и покупка земель. Нельзя тоже не принять во вниманіе громадное экономическое значеніе многолюдной семьи. Лишнія рýки въ крестьянскомъ хозяйствѣ найдутъ себѣ заработокъ, большая, но крѣпко сплоченная семья — это не маловажная сила. При отбываніи воинской повинности однимъ изъ членовъ подобнаго семейства, хозяйство его, если и терпитъ, то далеко не въ такой степени какъ у одиночекъ, при взятіи которыхъ на службу оставшіяся дома жена и дѣти зачастую терпятъ не малую нужду, лишаясь послѣдняго работника. Только выморочные или оставленные хозяевами участки могутъ быть назначены общиной членамъ какой нибудь сильно увеличившейся семьи. Передѣляя же постоянно землю на дѣйствительное число общинныхъ душъ, скоро можно дойти до такого *minimum'a* надѣла, обработкой котораго будетъ смѣшно заниматься.

Прекращеніе необдуманнаго раздѣла семей принесетъ еще ту великую пользу, что тогда можно будетъ составлять сходъ исключительно изъ домохозяевъ, людей зрѣлыхъ, съ устраненіемъ толпы безшабашныхъ крикуновъ, съ чѣмъ вмѣстѣ возстановится очевидно и прежнее значеніе главы семьи.

4) *Ввести обязательное страхованіе посѣвовъ, скота и построекъ, но при этомъ организовать страхованіе, по которому въ случаѣ бѣды крестьянинъ получилъ-бы страховую премію, достаточную для того, чтобы вновь подняться на ноги.*

Въ этой формѣ наилучшимъ образомъ осуществится кредитъ, необходимый въ самыя трудныя минуты, переживаемыя крестьянскимъ хозяйствомъ.

5) *По примѣру выкупной операціи 1861 г. правительство должно придти на помощь крестьянству для покупки земли, сдѣлавши ему на этотъ предметъ ссуду. Средство для этого правительство можетъ найти выпускомъ 6% земельныхъ листовъ. Для того, чтобы они получили большее распространеніе и удобства обращенія, желательно было бы видѣть билеты мелкой стоимости, а некрупные, какъ это практикуется всегда у насъ съ % бумагами. На уѣздныя земскія коммиссіи, о которыхъ говорится въ*

§ 1, должна быть возложена и провѣрка цѣны, предварительно сторгованной крестьянами, земли.

Если сдѣлка окажется выгодною для послѣднихъ, въ такомъ только случаѣ выдается продавцу квитанція на полученіе упомянутыхъ земельныхъ листовъ, по исполненіи самыхъ необходимыхъ при продажѣ земли формальностей.

Раньше было говорено о томъ, что многія помѣщичьи земли переходятъ теперь въ другія руки; для правительства важно именно, чтобы подобныя имѣнія миновали рукъ кулаковъ, которые проходятъ по землѣ подобно саранчѣ и выжавши, изъ нея всѣ соки, разоривши окончательно, сбываютъ ее. Чѣмъ скорѣе имѣнія попадутъ въ руки не эксплуататора, а дѣйствительнаго работника хозяина, тѣмъ лучше для благосостоянія страны. Если оцѣнки продаваемыхъ земель будутъ сдѣланы не выше дѣйствительной стоимости, то нѣтъ сомнѣнія, что долгъ правительству погасится во время и безъ недоимокъ. Очень важно, чтобы ссуды выдавались полностью, иначе крестьянину придется добывать остальныя деньги у растовщиковъ и тѣмъ опять-таки закабалить себя. Покупка земель должна быть дозволена не только въ своей губерніи, но гдѣ приглянется земля. Понятно, что не можетъ быть рѣчи ни о принудительной продажѣ, ни о такой же покупкѣ.

6) *Въ связи съ покупкою земли не въ окрестностяхъ своей деревни, находится переселеніе на ненаселенныя пространства нашихъ обширныхъ юго-восточныхъ окраинъ; для этой-же цѣли могутъ быть отведены и во внутреннихъ губерніяхъ участки земли, находящейся въ вѣденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ.*

Правильная, наивозможно упрощенная организація переселенія дастъ самыя благія послѣдствія.

7) *Какъ покупка земель, такъ и переселеніе положительно должны быть освобождены отъ той длинной процедуры и тѣхъ формальностей гражданскаго суда, казенной палаты и мѣстнаго управленія государственными имуществами, которыя удерживаютъ отъ сдѣлокъ даже и не крестьянъ.*

Вопросъ объ этихъ затрудненіяхъ достаточно выясненъ въ печати.

8) *Арендованіе земель, находящихся въ вѣденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, для крестьянскихъ общинъ должно быть облегчено.*

При нынѣ существующей системѣ послѣднія арендуютъ изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, переплачивая при этомъ лишнія деньги.

9) *Необходимыя постройки, извѣстная норма скота и другой домашней живности, всѣ земледѣльческія орудія, извѣстное количество запасовъ хлѣба не должны быть продаваемы за недоимки.*

Правило это должно строго соблюдаться. Разорить такимъ путемъ возможно мгновенно, поправлять же придется годами. Слѣдуетъ отказаться отъ поощренія чиновниковъ путемъ наградъ и изъявленія благодарности взыскивать подати во что бы то ни стало, съ рискомъ оставить послѣ такого сбора разоренную деревню. Дѣйствовать такъ—значитъ рѣзать курицу, несущую золотыя яйца.

10) *Не позволять замѣнять хлѣбные запасы въ общественныхъ магазинахъ соотвѣтствующей суммой денегъ.*

Неурожайные годы показывали всю непрактичность этой мѣры. При этомъ запасъ озими, какъ общее правило, долженъ состоять изъ ржи, что же касается яроваго, то родъ его можетъ быть опредѣленъ только мѣстнымъ земствомъ, сообразно съ экономическими условіями даннаго края.

Общій подъемъ уровня благосостоянія сельскихъ обывателей обусловливается какъ принятіемъ чисто-экономическихъ мѣръ, часть которыхъ выше я старался намѣтить, такъ и реформой сельскаго управленія, которое въ настоящемъ своемъ положеніи неудовлетворяетъ самой снисходительной критикѣ.

11) *Все наблюденіе за благоустройствомъ деревни передать въ руки исключительно земства, ограничивъ дѣятельность органовъ полиціи функціями чисто исполнительными.*

Мотивировать подобное предложеніе незачѣмъ.

Связь уѣзднаго земства съ волостнымъ правленіемъ могла бы быть осуществлена въ лицѣ мировыхъ посредниковъ. Въ настоящее время уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія признаются учрежденіями вполнѣ неудовлетворяющими своему назначенію. Съ большою пользою можно ихъ замѣнить съѣздами мировыхъ посредниковъ, передавъ имъ всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію вышеупомянутыхъ присутствій, за исключеніемъ судебныхъ, переносимыхъ изъ волостныхъ судовъ. Если принять за принципъ раздѣленіе административной власти отъ судебной, то слѣдуетъ послѣдній родъ дѣлъ передать всецѣло мировымъ судьямъ, предоставивъ обывателямъ право подавать къ нимъ

апелляціонныя и кассаціонныя жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ.

Мировые посредники въ количествѣ трехъ или четырехъ смотря по мѣстнымъ условіямъ, должны быть избираемы уѣздными земскими собраніями. Избираются на три года и притомъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ по крайней мѣрѣ средняго учебнаго заведенія. Именованіе этихъ лицъ именно мировыми посредниками желательно потому, что многіе изъ послѣднихъ при введеніи реформы 1861 года оставили послѣ себя добрую память; должность эта стала популярна въ народѣ, чего далеко нельзя сказать о непремѣнныхъ членахъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Въ назначенные сроки посредники каждаго уѣзда собираются на съѣздъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ. Съѣздъ мировыхъ посредниковъ представляетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ уѣздному земскому собранію. Кругъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ въ своемъ участкѣ составится изъ дѣлъ, лежащихъ теперь: на непремѣнномъ членѣ уѣзднаго присутствія и чинахъ уѣзной полиціи, за исключеніемъ только мѣропріятій строго полицейскихъ. Со введеніемъ института мировыхъ посредниковъ и преобразованіемъ волости (о чемъ сказано ниже) должности становыхъ приставовъ и урядниковъ будутъ подлежать упраздненію. Въ распоряженіе-же исправника, который главнымъ образомъ останется начальникомъ городской полиціи, было бы полезно дать конную стражу, которая въ случаѣ нужды являлась бы въ различныхъ частяхъ уѣзда для поимки воровъ, конокрадовъ, разбойниковъ, и т. п.

Сношенія исправника съ органами намѣченнаго мною земскаго управленія всего лучше организовать чрезъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ.

Тутъ кстати-же сказать о волостномъ правленіи, которое имѣетъ важное значеніе для развитія деревенской жизни. Въ настоящее время во главѣ волости стоятъ по большей части люди неразвитые, способные только эксплуатировать крестьянъ. Писаря, играющіе роль деревенскихъ оракуловъ во всемъ, что касается законоположеній, за малымъ исключеніемъ люди весьма сомнительной нравственности, при этомъ еще, вслѣдствіе отсутствія подготовки, они даже и при желаніи помочь крестьянину только путаютъ дѣло. Мірскіе приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ подъ вліяніемъ подобнаго волостнаго старшины и подъ перомъ неуча-писаря часто являются

верхомъ безобразія. Благодаря этому крестьяне совершенно несознательно, съ помощью различныхъ контрактовъ, отдаютъ себя въ кабалу міроѣдовъ. Нужно другихъ людей. Отсюда ясно, что

12) *Необходимо преобразованіе волости во всесословное учрежденіе. Тогда явятся достойные кандидаты на важный постъ волостнаго старшины.*

13) *На должность писаря слѣдовало-бы дозволять выбирать только лицъ съ среднимъ или высшимъ образованіемъ, отнюдь, впрочемъ, не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ министерства.*

Для того-же, чтобы пріохотить молодыхъ людей идти на эти, въ сущности довольно выгодныя для начинающей молодежи, должности (такъ какъ содержаніе можетъ быть доведено при готовой квартирѣ до 500—600 и болѣе рублей), слѣдуетъ

14) *На службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ принимать только лицъ, успѣвшихъ ознакомиться съ деревней въ теченіе по крайней мѣрѣ 2-хъ лѣтъ, въ качествѣ писаря, волостнаго старшины, мироваго судьи или посредника.* О громадной пользѣ, которую могутъ принести подобныя лица сначала въ деревнѣ, а затѣмъ и въ центральныхъ органахъ управленія, нечего распространяться. Понятно, эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе только исподволь.

ПИСЬМО XI.

Обязанъ дополнить прежнія письма краткимъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, возбужденныхъ ими. Въ дѣлѣ столь необычномъ недоразумѣніе легко возникаетъ изъ каждаго недоговореннаго предложенія, а я могъ писать не иначе, какъ кратко, довольствуясь наброской мыслей, не имѣя возможности развить ни одну изъ нихъ до конца.

Я не считалъ бы себя въ правѣ придавать въ другихъ глазахъ важность личному мнѣнію, но я знаю, что въ письмахъ этихъ изложено не одно личное мнѣніе, а сводъ заключеній, высказываемыхъ, хотя не совсѣмъ отчетливо, большимъ числомъ людей. Я только свелъ эти заключенія въ связное цѣлое. Въ такомъ трудѣ, взятомъ мною на себя по чувству русскаго человѣка, я не могъ вдаваться въ личныя измышленія и придумывать остроумные исходы въ противность коренной русской пословицы «выше міра не станешь».

Такіе выводы и такія практическія мѣры, которыхъ большинство мыслящихъ людей не предвидитъ, а толпа не предчувствуетъ, могутъ доказать изобрѣтательность своихъ творцовъ, но не принесутъ живаго плода. Исторія не складывается по личному усмотрѣнію, она вызрѣваетъ въ темномъ сознаніи массъ и осуществляется по мѣрѣ того, какъ находятся правители или государственные люди, умѣющіе обратить стремленіе большинства въ дѣйствительность безъ перерыва теченія государственной жизни. Когда такихъ людей нѣтъ, назрѣвшее стремленіе вторгается въ исторію собственною силой и совершается революція. Потому я считалъ достойнымъ вниманія и изложилъ въ запискѣ лишь тѣ заключенія, въ которыхъ по личному опыту видѣлъ зачатокъ вызрѣвающаго общественнаго

мнѣнія, то есть складывающуюся силу, съ которой нельзя не считаться, сколько бы она ни противорѣчила привычнымъ взглядамъ отживающей эпохи.

Очевидно, что письма такого содержанія не могутъ имѣть значенія въ текущіе дни, дни исключительныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ. Всякій понимаетъ, что безобразное положеніе дѣлъ, до котораго мы дошли, требовало исключительныхъ внѣшнихъ мѣръ и что прежде всего эти мѣры должны произвести свое дѣйствіе, разчистить наши трущобы. Но какъ исключительное положеніе, даже по грамматическому смыслу слова, не можетъ обратиться въ постоянное, то и чрезвычайнымъ мѣрамъ придетъ конецъ. Я писалъ въ виду этого конца, въ виду предстоящаго намъ новаго переходнаго часа. Едва ли кто повѣритъ въ возможность простаго возвращенія къ прежнему, т. е. къ нынѣшнему государственному и общественному обычному порядку, итогомъ котораго оказываются неслыханно безобразныя явленія, требующія исключительныхъ мѣръ.

Высказавъ съ общаго голоса, насколько умѣлъ къ нему прислушаться, рядъ причинъ, вызвавшихъ такія явленія, я долженъ былъ изложить и заключеніе, выводимое изъ нихъ тѣмъ множествомъ людей всякаго званія, съ которыми входилъ въ соприкосновеніе. Всякій, не отгороженный отъ современныхъ русскихъ людей своимъ исключительнымъ положеніемъ, знаетъ, что у насъ вызрѣли въ этомъ отношеніи два мнѣнія: одно, распространенное преимущественно въ чиновномъ и инородческомъ кругу, хочетъ конституціи, т. е. договора между властію и народомъ; второе, мнѣніе большинства земскихъ и частныхъ людей, выраженіе дѣйствительной почвы, насколько почва можетъ у насъ выразиться, желаетъ только развитія земскихъ учрежденій до ихъ законнаго предѣла, съ сохраненіемъ единства власти, ищетъ обезпеченія будущаго не въ огражденіи, а въ соглашеніи, основанномъ на полномъ взаимномъ довѣріи. Но ни одна живая душа въ Россіи не вѣритъ, чтобы, сдвинувшись въ 1861 году со старыхъ основаній, опиравшихъ весь государственный строй на исключительномъ преобладаніи одного сословія, сдерживавшаго для сохраненія своихъ правъ и себя и всѣхъ прочихъ, можно было бы остаться на воздухѣ, безъ всякой иной общественной опоры, и ограничиться однимъ фактомъ этого перелома, отклоняя или замедляя чрезъ мѣру его естественныя послѣдствія.

Сознательно убѣжденный въ томъ, что конституція, желаемая одною только частію объевропеившагося слоя, который даже въ полномъ объемѣ лишенъ у насъ самостоятельнаго значенія, привела бы къ смутѣ гораздо худшей нынѣшней, я вѣрю и могу сочувствовать только второму исходу. Долженъ сказать болѣе: я считаю его неизбѣжнымъ.

Но каждое живое дѣло содержитъ въ себѣ свои внутреннія условія. Нельзя хотѣть его осуществленія не принимая этихъ условій.

Развитіе земства, какъ основаніе нашего будущаго, ставитъ два условія, и только два. Все остальное не болѣе какъ средство, видоизмѣняемое по волѣ власти на тысячу ладовъ.

Первое условіе: гласный приступъ къ развитію земскихъ учрежденій съ постепенностію, но безъ перерыва, для того, чтобы каждая выяснившаяся потребность могла одна за другой облекаться въ соотвѣтствующую ей форму, чтобы русская жизнь могла сложиться естественнымъ порядкомъ, сообразно ея дѣйствительнымъ нуждамъ, съ устраненіемъ всякихъ канцелярскихъ измышленій. Такая цѣль становится достижимой только при искреннемъ сближеніи власти съ землею, при обращеніи къ землѣ, сначала для выясненія желательныхъ правъ мѣстнаго самоуправленія и для пересмотра нынѣ дѣйствующихъ уложеній городскихъ, земскихъ и судебныхъ, на что нужно не мало времени, потомъ для опредѣленія постоянныхъ отношеній земли къ правительству, возстановляющихъ основныя преданія Русскаго Царствующаго Дома.

Второе условіе: сосредоточеніе прямо правительственнаго дѣйствія (казенной администраціи) на предметахъ, имѣющихъ непосредственное значеніе для самой власти, т. е. возвращеніе заботъ управленія въ предѣлы, изъ которыхъ оно вышло для исключительной и временной задачи, перевоспитанія до-Петровскаго общества, нынѣ уже законченной. Безъ сосредоточенія и сокращенія нынѣшняго правительственнаго механизма невозможно достиженіе трехъ цѣлей, рѣшающихъ все наше будущее: 1) Невозможно высвободить изъ-подъ мелочнаго гнета и сложить сколько нибудь самостоятельное земство, т. е. живую Россію, на которую власть могла бы опираться, какъ обыденно, такъ и въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. 2) Невозможно образовать подъ рукою Верховной власти стройное, единомысленное и вполнѣ владѣющее своими орудіями прави-

тельство, безъ чего можно было обходиться въ прежнее патріархальное время, когда опорой государственному порядку служило все помѣстное дворянство, но не теперь. 3) Невозможно положить конецъ безпредѣльному и безотчетному возрастанію расходовъ на администрацію и облегчить рабочій народъ, хотя вопросъ объ этомъ облегченіи колеблется въ предѣлахъ 8—10% съ текущаго бюджета, восполняемыхъ въ теченіе немногихъ лѣтъ возвышеніемъ доходовъ; а въ такое время какъ наше, при обремененномъ сверхъ силъ народѣ, довольно трудно спокойно глядѣть на будущее.

Едва ли возможно какое либо предварительное начертаніе размѣра вышеприведенныхъ преобразованій, какъ по времени, такъ и по сущности, иначе изъ нихъ вышло бы новое канцелярское измышленіе. Правительство знаетъ, чего оно не можетъ выпустить изъ своихъ рукъ никогда, и этого достаточно для ясности программы; въ отношеніи остальнаго требуется только открыть въ удобное время путь къ преобразованіямъ и вдохнуть этимъ высшимъ рѣшеніемъ новую надежду и иное настроеніе въ русское общество; а затѣмъ, для самой прочности воздвигаемаго зданія, нужна постепенность, предоставляющая законодательству, въ совѣщаніи съ практически опытными людьми, достаточное время для зрѣлаго обсужденія каждаго послѣдовательнаго шага.

Но и нынѣ ясно уже, что для возстановленія русской жизни потребуется не столько обширность круга дѣйствій, сколько прочность мѣстныхъ самоуправленій. Безъ содѣйствія мнѣнія земли едва ли сбыточно и спокойное исправленіе торжественно данныхъ льготъ, изъ которыхъ многія оказались мало соотвѣтствующими нашей дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ данной имъ формѣ, и упрощеніе хаоса нашихъ административныхъ учрежденій, нагроможденныхъ одно на другое различными эпохами и разростающихся собственною силою, вопреки духу новыхъ узаконеній; конечно, не администрація сама упроститъ себя, не она освѣтитъ такой вопросъ передъ властію во всей его полнотѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи пришлось бы гораздо болѣе сокращать безъ остатка (что, однакожъ, недостижимо безъ содѣйствія земскихъ людей), чѣмъ передавать земству. Размѣры передачи на первый разъ не особенно велики, относятся только къ отраслямъ управленія, лишеннымъ всякаго

политическаго значенія, и ограничиваются слѣдующими предѣлами.

1) По сознанію самыхъ либеральныхъ людей и органовъ печати, сухопутныя и морскія силы (не говорю о военномъ хозяйствѣ) нельзя сокращать у насъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе настоящаго столѣтія.

2) Министерства иностранныхъ дѣлъ и Императорскаго двора стоятъ внѣ вопроса.

3) Министерства юстиціи и народнаго просвѣщенія требуютъ приращенія, а не обрѣзыванія.

4) Министерство финансовъ (конечно, и государственный контроль) несомнѣнно подлежитъ большему сокращенію, но сокращенію простому; передавать изъ него земству почти нечего.

5) Съ министерствомъ путей сообщенія и безъ того идетъ тяжба о желѣзныхъ дорогахъ, управлять которыми, внѣ технической стороны, оно положительно не въ состояніи. Остальные счеты съ нимъ также не велики.

6) Передача въ значительныхъ размѣрахъ распространилась бы только на министерства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ; другимъ вѣдомствамъ пришлось бы выдѣлить отрасли управленія, о которыхъ и теперь всякій спрашиваетъ, изъ-за чего правительство обременяетъ себя хлопотами, вовсе для него не нужными и навлекающими на него одни нареканія. По естественному закону, всѣ стоки воды возвращаются въ море и всякая опека, выходящая изъ круга чисто правительственнаго дѣйствія, переходитъ со временемъ къ созрѣвающему обществу. Будетъ ли земское завѣдываніе этими отраслями управленія, преимущественно хозяйствами, лучше или хуже казеннаго,—вопросъ не важный для власти, такъ какъ онъ касается однихъ управляемыхъ; но при томъ произойдутъ большія сокращенія, которыхъ нельзя достигнуть практически инымъ путемъ. Этихъ сокращеній оказалось бы достаточно для сильнаго облегченія податныхъ сословій, чѣмъ разъ навсегда враги порядка были бы лишены даже тѣни надежды на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ возстановленіе внутренней мощи, самодѣятельности и общественной жизни въ Россіи, основанное на связности мѣстныхъ населеній и самоуправленіи ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, ставитъ только два существенныя, вышеназванныя условія: сближеніе власти съ землей и сосредоточеніе правительственной администраціи на предметахъ, имѣющихъ

для нея прямое значеніе. Все же остальное кромѣ этихъ двухъ существенныхъ условій, постепенность, сроки и размѣры преобразованій и переуступокъ, насколько они окажутся пригодными, будутъ зависѣть отъ послѣдовательнаго и неторопливаго освѣщенія этихъ вопросовъ общими силами сверху и снизу, причемъ рѣшающимъ судьей останется, конечно, единая власть и никто иной. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого опасенія увлечься на пути преобразованій такого рода.

Нельзя не предвидѣть того неизбѣжнаго факта, что съ прекращеніемъ нынѣшняго исключительнаго положенія и сопряженныхъ съ нимъ полномочій, наши внутренніе вопросы возникнутъ съ небывалою напряженностію, вслѣдствіе той причины, что личное пользованіе полномочіями накопитъ такую же массу неудовольствій въ большинствѣ и внизу, какую личное злоупотребленіе либеральными учрежденіями накопило недавно въ меньшинствѣ и вверху. Нашъ сановникъ, за рѣдкими исключеніями, такой же русскій человѣкъ, какъ и нашъ мировой судья, и при всѣхъ отличныхъ свойствахъ русской души въ такой же степени лишенъ чувства мѣры, права и законности, что выказалось уже достаточно въ самое короткое время; засвидѣтельствуетъ объ этомъ даже всякій агентъ власти, чистосердечно спрошенный. Возможно еще ужиться съ недовольнымъ меньшинствомъ, хотя не политично пренебрегать имъ; но какъ надѣяться устранить всякія послѣдствія неудовольствія большинства? Я коснулся этого предмета вскользь, насколько онъ относится къ цѣли письма. Выводъ изъ него тотъ, что нельзя откладывать обсужденіе окончательныхъ мѣръ до до часа прекращенія исключительнаго положенія, такъ какъ первый шагъ, предстоящій въ этотъ затруднительный часъ, опредѣлитъ почти роковымъ образомъ дальнѣйшее направленіе государства. Долженъ чистосердечно досказать свою мысль. Я помню, какъ во время моей молодости всякое рѣшеніе власти принималось обществомъ съ полнымъ довѣріемъ и считалось почти безпогрѣшнымъ, въ силу того, что оно правительственное; и вижу, съ какимъ недовѣріемъ и съ какою ѣдкою разцѣнкою принимается теперь всякое подобное рѣшеніе, потому только, что оно правительственное. Если въ четверть вѣка могло такъ измѣниться общее настроеніе, то значитъ мы идемъ по крутому и скользкому склону и къ нашимъ домашнимъ дѣламъ опасно обращаться произвольно. Между тѣмъ многіе, самые

официальные люди, полагаютъ возможнымъ успокоиться неопредѣленное время на чрезвычайныхъ мѣрахъ, не заглядывая въ будущее. Они, очевидно, не отдаютъ себѣ отчета въ томъ всемірномъ фактѣ, что никогда еще не было видано твердаго правительства безъ взаимной поруки съ господствующею въ въ странѣ организованною общественною силою (временною, какъ національная гвардія при Луи Филиппѣ, или постоянною, какъ плательщики прямыхъ податей въ Англіи, это все равно),—невидано ни одного, кромѣ правительства неаполитанскихъ Бурбоновъ и мелкихъ итальянскихъ владѣній. Тѣ, правда, полагались только на штыки и полицію, но потому, что внутренняя опора замѣнялась для нихъ внѣшнею, Австріей, недопускавшей въ Италіи революцій. Какъ только Австрія была вынуждена отшатнуться—ихъ штыки и полиція рухнули прахомъ въ нѣсколько дней.

Надо прибавить къ тому, что неаполитанскіе чиновники и офицеры возрастали въ обще-европейскомъ преданіи, по которому служащіе люди считаютъ себя принадлежащими исключительно власти, выдѣленными изъ народа, преданіи, котораго положительно нѣтъ въ Россіи, незнающей вообще связныхъ корпорацій. Въ этомъ фактѣ было слишкомъ легко убѣдиться во время нашего умственнаго пожара шестидесятыхъ годовъ, пока не выступили наружу подлинные поджигатели, поляки.

Послѣ упраздненія помѣстнаго дворянства опорная и преобладающая русская сила можетъ заключаться только въ земствѣ и ни въ чемъ иномъ, но конечно въ земствѣ организованномъ, а не въ милліонахъ несвязныхъ единицъ. Всѣ—значитъ никто, всѣ—это общее голосованіе, то косное до омертвенія, то, переносимое каждымъ вѣтромъ, какъ сухой песокъ изъ одной крайности въ другую, смотря по повѣтрію времени. Наше же правительство имѣетъ дѣло не съ толпой, а съ общественными группами, представляющими устой, свойственный всякой сплоченной группѣ. Эти группы можно и должно сплотить еще крѣпче, придать имъ твердый устой, связать ихъ съ правительствомъ самымъ тѣснымъ образомъ. Нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что между властію и земствомъ нѣтъ мѣста круговой порукѣ, основанной на вещественномъ интересѣ, какая существовала между нею и дворянствомъ; новая круговая порука должна возникнуть изъ интереса исключительно нравственнаго, группирующаго около правительства

всѣ охранительныя силы страны, что требуетъ полнаго взаимнаго довѣрія. Земства, сплоченныя и властныя въ своей мѣстности, при должной связи между собою и открытомъ общеніи ихъ съ верховною властію, составляетъ силу неодолимую; а какъ огромное большинство русскихъ людей искренно вѣруетъ въ Царскую власть, то земство, непосредственно погруженное въ это большинство, есть вмѣстѣ сила самая благонадежная. Въ нашихъ понятіяхъ существуетъ до сихъ поръ странная сбивчивость: администрацію смѣшиваютъ съ источникомъ власти и все, что ограничиваетъ бюрократическій произволъ, считаютъ ограниченіемъ правительства, какъ будто земскія и всякія выборныя учрежденія, правильно поставленныя, не имѣютъ того же значенія прямаго истеченія Царской власти, не могутъ быть руководимы ею въ такой же степени какъ и учрежденія административныя, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ ея опору, чего въ послѣднихъ не заключается. Но если такъ, то слѣдуетъ гласно признать значеніе земства, обращаться съ нимъ и его органами какъ съ опорною силою государства, какъ обращались съ прежнимъ дворянствомъ; оказывать ему полное довѣріе, не опасаться расширенія его правъ и не отказывать ему въ способностяхъ, признаваемыхъ за каждымъ начальникомъ отдѣленія. Всякій знаетъ предметы, которые не могутъ подлежать вѣдѣнію земства; объ этомъ нечего и говорить.

Зная нынѣшнее русское общество, нельзя надѣяться, чтобы какія бы ни было новыя права скоро обратили Россію въ земной рай, чего недостигло и казенное управленіе; чтобы они искоренили скоро наши наслѣдственные недостатки; но дѣло идетъ не о всеобщемъ благополучіи, а о чисто государственномъ вопросѣ, о правительственномъ устоѣ, не о насажденіи земнаго рая, а о томъ, чтобъ Россія не обратилась въ адъ, что становится довольно возможнымъ. Упроченіе на долгое будущее Россіи исторической, съ привычною цѣльностію власти, съ нашими домашними преданіями и внѣшними стремленіями, оживленными внутреннею самодѣятельностію, кажется многимъ дѣломъ вовсе не мудренымъ при вѣрной оцѣнкѣ современнаго положенія, но нѣсколько сомнительнымъ при томъ нежеланіи додумываться до сущности текущихъ явленій, какое замѣчается въ значительной части нашей офиціальной среды.

Многія высокія лица, напримѣръ, начинаютъ опасаться у насъ чего-либо въ родѣ революціи 1789 г. и не скрываютъ

своего опасенія, между тѣмъ какъ ни одинъ смышленый мѣщанинъ не считаетъ того возможнымъ. Дѣйствительно, возстаніе черни въ 1789 г., безъ котораго свѣтскія и литературныя утопіи того времени не имѣли бы существеннаго значенія, было направлено противъ своевольнаго гнета феодальнаго дворянства и духовенства, а на короля попало только рикошетомъ, какъ на наслѣдственнаго главу привиллегированныхъ сословій; но мыслимо ли у насъ, при монархическомъ настроеніи освобожденнаго народа, насиліе снизу противъ власти всесословнаго и земскаго Царя? Намъ дѣйствительно грозитъ опасность, но совсѣмъ инаго рода, въ случаѣ если затянется еще на долго переходное состояніе между государственнымъ переломомъ 1861 г. и осуществленіемъ его естественныхъ послѣдствій, если мы не скоро еще осядемся, — опасность невозможности законнаго управленія и постоянной необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ; но опасность такого рода наводитъ на память не французскую, а англійскую революцію, искусственно и добровольно вызванную властію. Прошу позволенія высказать свою мысль откровенно. Правительство Стюартовъ не имѣло въ началѣ никакихъ личныхъ династическихъ интересовъ, какъ не имѣетъ ихъ и наше, что чрезвычайно облегчаетъ согласіе со страной; оно внесло смуту въ государство не въ спорѣ за какія либо исключительныя цѣли, которыхъ при Карлѣ I-мъ совсѣмъ не было, а за способы и пріемы управленія, изъ-за недовѣрія къ странѣ, вслѣдствіе чего между верхомъ и низомъ возникъ рядъ недоразумѣній, всякій день все болѣе спутывавшихся. Общественная опорная сила Англіи отшатнулась отъ правительства, которое оперлось тогда, сначала даже охотно, на внѣшнюю силу исключительно, на офицеровъ и чиновниковъ, чего многіе желали бы и у насъ. Дошло до управленія посредствомъ насильственныхъ мѣръ, становившихся поневолѣ все круче, и которымъ не предвидѣлось конца. Одинъ изъ самыхъ монархическихъ народовъ въ свѣтѣ, англійскій, не выдержалъ и совершилъ двукратную революцію, а какъ только прекратилась для него причина опасаться насилія, сталъ снова самымъ монархическимъ народомъ. Россія, разумѣется, не похожа на Англію и я привелъ этотъ примѣръ не въ видѣ примѣненія къ намъ, но онъ рисуетъ наглядно безвыходное положеніе, къ которому приводятъ недоразумѣнія между властію и землею, не выясненныя во время.

Но если невозможенъ слишкомъ долгій роздыхъ въ нынѣшнемъ переходномъ состояніи и если очевидно, что конституція на французскій ладъ, чиновничья опека подъ надзоромъ представительныхъ собраній, дала бы у насъ навѣрное тѣже плоды, какіе она постоянно приноситъ во Франціи (не говоря уже о томъ, что конституція есть не болѣе какъ форма, ничего не рѣшающая въ отношеніи сущности, вопросъ же идетъ объ опорной силѣ государства взамѣнъ прежняго дворянства), если оба эти исхода, *status quo* и конституція одинаково не годятся, то что же остается кромѣ организованнаго и тѣсно связаннаго съ правительствомъ земства? Мысль эта такая древняя въ Россіи, что еще Иванъ Грозный началъ было переносить въ земство центръ государственнаго тяготѣнія и остановился только потому, что Сильвестръ и Адашевъ замѣнились Малютой Скуратовымъ. Значеніе земскихъ соборовъ при первыхъ государяхъ нынѣ Царствующаго Дома достаточно извѣстно.

Опорной силы нельзя искать, выбирая между нѣсколькими. Та сила, которую приходится отыскивать, не есть сила. Общее народное чувство, хотя бы несомнѣнное, также не составляетъ политическаго обезпеченія; имъ нельзя управлять, съ нимъ нельзя объясняться. Значеніе русскаго земства въ настоящемъ и будущемъ, какъ единственной силы органической, ясно всякому, а потому естественно, что громадное большинство людей, желающихъ спокойнаго развитія отечеству, видятъ въ поставленномъ на ноги и устроенномъ земствѣ единственное основаніе, на которомъ наша историческая Верховная власть можетъ стоять незыблемо до скончанія вѣка.

При такомъ условіи, налагаемомъ на насъ не случайными обстоятельствами, а исторической послѣдовательностью, вопросъ о способности русскаго земства къ задачѣ, удачно исполняемой нѣсколькими другими земствами на свѣтѣ, становится, смѣю думать, безцѣльнымъ. Дѣла пойдутъ для разныхъ частныхъ лицъ, вообще не избалованныхъ отличнымъ управленіемъ, немного лучше или немного хуже, пока сами они пріучатся заботиться о себѣ—вотъ и все. Когда дѣла, интересующія власть, удержаны ею въ своихъ рукахъ, къ чему остальная опека? Вообще же вопросъ идетъ только о времени, такъ какъ ранѣе или позже нашей государственной власти придется основаться на земствѣ, по неимѣнію инаго выбора. Опасность

заключается для насъ въ томъ, чтобъ это рѣшеніе не состоялось слишкомъ поздно.

Въ нашей государственной средѣ высказывается еще такое мнѣніе, что ослаблять прямое правительственное дѣйствіе въ какомъ либо отношеніи опасно въ томъ смыслѣ, что новосозданное общество, предоставленное собственнымъ силамъ, не устоитъ противъ революціоннаго напора; но въ подобномъ мнѣніи каждое слово есть не иное что какъ недоразумѣніе. Ни о какихъ собственныхъ силахъ нѣтъ рѣчи. Развѣ новосозданное общество будетъ стоять особнякомъ, а не подъ рукой и ежечаснымъ надзоромъ власти? Развѣ предоставятъ въ его распоряженіе политическую полицію? Развѣ правительственное дѣйствіе не усилится, напротивъ, вслѣдствіе сосредоточенія на предметахъ, имѣющихъ для него прямое значеніе? Развѣ наше революціонное броженіе есть нѣчто существенное и самостоятельное, есть выраженіе стремленій какихъ либо общественныхъ силъ, сословій, сектъ, областей или городовъ, которые имѣли бы въ виду злоупотребить своими правами для ниспроверженія существующаго порядка? Развѣ это броженіе выкидышей и школьниковъ не истекаетъ изъ нынѣшней нашей несвязности частной и изъ безсилія казенной администраціи, развѣ оно возникло бы и удержалось бы при обществѣ, сплоченномъ для самозащиты, и развѣ оно могло бы выказаться въ дѣйствіи и возбуждать опасенія, еслибъ власть покоилась у насъ, какъ прежде, на организованной, преобладающей силѣ страны?

Исторія не останавливается ни передъ какими затрудненіями. Если люди живущаго поколѣнія не соотвѣтствуютъ налагаемой ею задачѣ, она топчетъ ихъ и замѣняетъ иными, возникающими неизвѣстно откуда. Я же сужу по примѣрамъ нашей исторіи, по перелому Петра Великаго и по послѣднему, совершенному нынѣшнимъ царствованіемъ, что русская самодержавная власть можетъ рѣшиться на все и сломить всякое препятствіе, при ясно сознанной потребности. Весь современный вопросъ сводится, стало быть, на сознаніе необходимости новыхъ основаній, и ни на что иное.

ПИСЬМО XII.

6-го АПРѢЛЯ 1880 г.

Еслибъ можно было перечислить всѣ явныя и тайныя недоразумѣнія, возникающія между офиціальной средой и русскимъ чувствомъ, то чаша далеко не была бы еще исчерпана; еслибъ можно было даже разомъ устранить ихъ, то единодушіе не было бы еще тѣмъ возстановлено. Слѣдующій день принесъ бы опять кучу недоразумѣній того же рода, какія вчера были устранены. Пока не изсякнетъ источникъ недоразумѣній, послѣдствія его будутъ постоянно обнаруживаться; источникъ же тотъ, что большинство нашихъ властныхъ людей не знаетъ или не хочетъ знать современной Россіи, что они продолжаютъ смотрѣть на нее (и это еще въ наилучшемъ случаѣ) взглядомъ начала шестидесятыхъ годовъ. Не говоря о людяхъ старыхъ порядковъ, взявшихъ верхъ вскорѣ послѣ упраздненія крѣпостнаго права и отступившихъ только на дняхъ (не складывая однакожъ оружія), большая часть облеченныхъ властію людей, даже изъ числа искренно сочувствующихъ преобразованіямъ царствованія, не замѣчаютъ, что Россія совсѣмъ уже не та, въ которой они проводили свою молодость, прежде чѣмъ высокое положеніе отгородило ихъ отъ толпы. Несомнѣнно однакожъ, что съ Россіей произошли съ тѣхъ поръ три крупныя перемѣны, съ которыми надобно считаться чтобы не завести власть и всѣхъ насъ въ безвыходное положеніе.

Во-первыхъ, прежняя опорная сила правительства, стоявшая за него для своихъ собственныхъ интересовъ, при которой никакія враждебныя обществу попытки не могли прояв-

ляться въ широкомъ размѣрѣ, помѣстное дворянство—рухнула и не замѣнилась ничѣмъ, оставляя между правительствомъ и подданными пустое поле, какъ пріютъ для всякихъ злоумышленій.

Во-вторыхъ, несмотря на твердую органическую связь между Верховною властью и землею, прежнее общественное довѣріе къ правительству въ его совокупности, какъ органу власти, пошатнулось до крайности еще съ Крымской войны и послѣдовавшаго за ней умственнаго разброда. Всякій пятидесятилѣтній человѣкъ хорошо знаетъ глубокую разницу въ настроеніи, съ которымъ принимаются и принимались правительственныя рѣшенія теперь и четверть вѣка тому назадъ. Крутой наклонъ, по которому мы идемъ съ тѣхъ поръ, мало замѣтенъ на ходу, но крутизна его поражаетъ, когда оглянешься назадъ.

Въ третьихъ, въ послѣднія двадцать лѣтъ произошла та перемѣна, что за это время Россія обрусѣла, правительственная же среда осталась на прежней переходной почвѣ,—явленіе, обнаружившееся особенно ярко со времени послѣдняго поднятія восточнаго вопроса. Русскій складъ понятій, уцѣлѣвшій отъ иноземной закваски воспитательной эпохи въ одномъ простомъ народѣ, снова проросъ вверхъ. Чуткіе люди давно уже ожидали наступленія этого поворотнаго и неизбѣжнаго часа, но обнаружился онъ въявь только съ наступленіемъ послѣдняго десятилѣтія. Хотя стремленія къ заноснымъ, вычитаннымъ политическимъ идеаламъ и до сихъ поръ держатся упорно въ нѣкоторыхъ слояхъ и группахъ населенія, но вѣрно то, что громадная часть людей, непосредственно соприкасающихся съ земскою жизнію, не вѣритъ больше въ пригодность для насъ готовыхъ выводовъ чужой исторіи, а какъ этотъ второй разрядъ людей составляетъ прямой плодъ русской жизни и народнаго сознанія, и какъ весь приростъ идетъ въ эту сторону, то будущее, очевидно, принадлежитъ ему. Въ официальной средѣ нѣтъ до сихъ поръ отзыва новому запросу жизни, но въ этой косности виновата еще болѣе ея обстановка, чѣмъ ея вѣрность преданіямъ. Всѣ виды власти сосредоточены въ Петербургѣ, который самъ есть исключительное произведеніе переходной эпохи и естественно проникнутъ ея духомъ. Пестрое столпленіе людей, привлеченныхъ въ эту искусственную столицу, не только наименѣе русское изъ городскихъ населеній, разрозненное съ общей почвой и воспитанное исключи-

тельно въ книжномъ духѣ, но кромѣ того, оно въ полномъ составѣ своемъ живетъ подъ казенною крышею, связано съ отживающими порядками безчисленными личными интересами, а потому въ большинствѣ желаетъ не замѣщенія этихъ устарѣвшихъ порядковъ инымъ, русскимъ складомъ государства, а напротивъ, увѣнчанія ихъ на западный образецъ бюрократической конституціей. О степени русской закваски Петербурга можно судить по тому наглядному примѣру, что даже ближайшее сельское населеніе окрестностей столицы до сихъ поръ нисколько ни обрусѣло, до сихъ поръ остается такимъ же чухонскимъ, какимъ засталъ его Петръ Великій. Въ глухихъ областяхъ финскія населенія растворились въ нѣдрахъ владычествующаго народа, подъ Петербургомъ—нѣтъ. Этотъ городъ совершенно лишенъ силы русскаго притяженія, потому что русскій духъ замѣняется въ немъ духомъ казеннымъ. Но это казенное населеніе стоитъ передъ глазами властной среды и заслоняетъ Россію. Однакожъ Россія не Петербургъ, она просыпается. Въ наши дни повторяется явленіе, знаменовавшее петровскую эпоху, только въ обратномъ смыслѣ: теперь, какъ и тогда, направленіе большинства офиціальной среды встрѣчаетъ отпоръ въ русскомъ чувствѣ, но тогда жизнь была въ первой, крѣпость во второмъ, теперь наоборотъ. Изъ такого раздвоенія истекаетъ то послѣдствіе, что между органами власти и мнѣніемъ земли (котораго, надо сказать, эти органы не признаютъ) все болѣе усиливается взаимное непониманіе, точно между турками и болгарами, то есть, говоря образно, раздвигается бездна. Въ темнотѣ трудно ходить большими шагами.

Современное настроеніе тѣмъ болѣе серьезно, что долгій опытъ открылъ наконецъ глаза всѣмъ поголовно, что ни одна душа не вѣритъ, какъ вѣрили прежде, возможности улучшить тягостное положеніе посредствомъ какихъ бы ни было передѣлокъ въ административныхъ порядкахъ, перестановокъ казенныхъ органовъ. Исчезла вѣра въ самые эти органы.

Въ виду будущаго опасенъ не напъ безмысленный нигилизмъ, явленіе далеко не самостоятельное, опасно недоразумѣніе, проникающее всю современную русскую жизнь и его причина. Мы выдвинуты изъ прежняго связнаго государственнаго порядка, при которомъ худо ли, хорошо ли, всякая подробность соотвѣтствовала духу цѣлаго и теперь, въ ожиданіи чего либо окончательнаго, ни одна изъ наружныхъ формъ нашего

устройства не приложена къ лежащей подъ нею сущности. Кромѣ того, отчужденная отъ почвы казенная среда въ большинствѣ остается проникнутой космополитскимъ духомъ отжившей эпохи, идущимъ прямо въ разрѣзъ возникающимъ стремленіямъ земли. Въ итогѣ оказывается безвыходный кругъ. Всѣ уродливыя явленія текущаго времени, вся дерзость горсти общественныхъ поддонковъ, мечтающихъ о передѣлкѣ государства, выростаютъ изъ общаго чувства неудовлетворенности, перетолковываемаго на извѣстный ладъ. Ни власти, ни намъ всѣмъ невозможно выбраться на свѣтъ, на путь дѣйствительно спокойнаго развитія, не отрекшись отъ привычныхъ взглядовъ и преданій воспитательной эпохи, не покончивъ съ двухъ-вѣковымъ неуваженіемъ къ самимъ себѣ. Нельзя указать ни одного изъ нынѣшнихъ неудовольствій на власть, источникъ которыхъ не коренился бы въ искусственной оцѣнкѣ явленій нашей жизни, глубоко въѣвшейся въ офиціальный слой и среду, въ которой онъ погруженъ.

Я не раздѣляю ни въ какой степени мнѣнія, повторяемаго многими, что петровское преобразованіе принесло намъ столько же зла какъ и добра; я думаю, что единственная ошибка великаго преобразователя заключалась въ церковномъ вопросѣ, все же остальное едва ли могло быть совершено иначе какъ онъ сдѣлалъ; но думаю также, что всему на свѣтѣ есть мѣра и срокъ. Мы не могли стать великимъ историческимъ народомъ не пріобщившись къ преемственному обще-человѣческому просвѣщенію, знавшему, до сихъ поръ, только прямыхъ наслѣдниковъ, не видавшему ни одного пріемыша, ни одного народа, который, не бывши воспитанъ имъ съ колыбели, съ безсознательныхъ своихъ годовъ, захотѣлъ бы вдругъ стать просвѣщеннымъ. Мы явились первымъ въ свѣтѣ пріемышемъ такого рода, а потому должны были подчинить временно свой природный складъ иноземному, прожить періодъ обезличенія и космополитства, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность сознательно заявить передъ міромъ свою народную личность. Дѣло шло не объ однихъ техническихъ знаніяхъ, намъ недостававшихъ, а о всестороннемъ воспитаніи русской мысли въ общемъ источникѣ просвѣщенія. Губернская барышня, ломавшая всю жизнь французскій языкъ на саратовскій ладъ, была смѣшнымъ образцомъ перевоспитанія, но являлась неизбѣжнымъ звеномъ между односторонникъ, хотя и крѣпко закаленнымъ москвичемъ 17-го вѣка,

и русскимъ европейцемъ нашего времени. Но трудный переломъ пройденъ, воспитательная задача нынѣ, очевидно, исчерпана, новая задача состоитъ не въ пріобрѣтеніи знаній изъ чужаго источника, а въ приложеніи ихъ къ родной почвѣ, мало сходной съ европейскою. Въ существенныхъ предметахъ нѣтъ больше мѣста подражательности, какъ явно доказывается подъемомъ самороднаго русскаго мнѣнія. Но по свойству переходныхъ эпохъ отжившее направленіе, отрицаемое духомъ времени, упорно держится въ средѣ, служившей ему первымъ и главнымъ проводникомъ, и вслѣдствіе того глубоко имъ проникнутой. Надо прибавить еще рядъ иностранныхъ вліяній, для которыхъ возникновеніе русскаго духа гораздо страшнѣе ветлянской чумы. Но казенная среда, по самой сущности своей почти двухъ-вѣковой задачи, не знала въ Россіи ничего кромѣ себя одной, а потому у нея не оказывается теперь ни орудій, ни умѣнья для пригоднаго обращенія съ общественными силами, начинающими складываться внѣ ея; она видитъ въ нихъ нѣчто чуждое своимъ преданіямъ, и не умѣя направлять ихъ, старается не давать имъ ходу. Въ нашей народной жизни очевидно произошло, или, правильнѣе сказать, теперь только выказалось раздвоеніе, источникъ всѣхъ современныхъ затрудненій. Задача текущаго времени заключается въ возстановленіи цѣльности нашего внутренняго быта. Понятно, почему все непріязненное намъ въ Европѣ боится возстановленія такой цѣльности сто-милліоннаго народа пуще всего на свѣтѣ.

Надо сказать прямо: упроченіе нашего будущаго зависитъ отъ одного главнаго условія, начинающаго отчетливо выясняться въ умахъ большинства, отъ того условія, чтобы русское правительство въ полномъ своемъ объемѣ стало вполнѣ русскимъ, чтобы оно невынужденно, по внутреннему чувству шло въ ту же сторону, куда растетъ русское мнѣніе. Можно показать практическое значеніе этихъ словъ двумя наглядными примѣрами изъ нашей внѣшней и внутренней дѣятельности.

Первый примѣръ, международный.

Послѣ долгой слѣпой вѣры во все европейское, послѣ заговоровъ и бунтовъ для пересадки къ намъ западной конституціи, у насъ стали выясняться наконецъ свои народные политическіе идеалы. Никто ихъ не сочиняетъ, они выливаются сами собою изъ историческаго склада русскаго человѣка, смутно помнятся ему, присущи всей славянской породѣ, развивалась

своеобразно, но въ томъ же общемъ духѣ, во всякомъ славянскомъ племени достигавшемъ самобытности, отъ древнихъ Кіева и Новгорода, отъ старой Чехіи и старой Польши, не исказившей еще родовыхъ основъ, до нынѣшнихъ Сербіи и Черногоріи. Нашъ племенный государственный идеалъ, начинающій очерчиваться довольно отчетливо въ современныхъ русскихъ умахъ какъ цѣль будущаго, хотя бы отдаленнаго, есть—полновластный Государь въ свободномъ народѣ, выдѣленіе земскаго самоуправленія со всѣми его мѣстными интересами—порядка и нравственности, торговыми, промышленными, сельскохозяйственными, просвѣтительными, церковными и прочее, изъ функцій обще-государственной власти, остающейся всецѣло въ рукахъ главы народа; взаимное довѣріе, установленное привычкою и силою мнѣнія, вмѣсто искусственнаго, обратно переплетеннаго контроля на западный ладъ между правительствомъ и подданными, связывающаго руки обѣимъ сторонамъ вмѣстѣ. Иными словами: Государь для государства, свободно располагающій средствами, выдѣленными на общее дѣло; граждане съ своими частными дѣлами невступно для самихъ себя. Вмѣсто одновременнаго и обоюднаго вмѣшательства верха и низа во всякое, даже самомалѣйшее отправленіе общественныхъ дѣлъ, какъ при конституціонномъ порядкѣ, раздѣленіе ихъ по природѣ каждаго между обѣими сторонами. Конечно, и при такомъ разверстаніи народной жизни вліяніе власти и мнѣнія, правительства и мѣстныхъ самоуправленій, будутъ на каждомъ шагу проникать себя взаимно, связываться въ одно цѣлое; но вліяніе это съ той и другой стороны станетъ въ концѣ концовъ нравственнымъ, а не формальнымъ. Мы видимъ слабый образчикъ такого выдѣленія функцій общественной дѣятельности въ нашемъ сельскомъ самоуправленіи, при которомъ, какъ бы оно ни шло покуда, простой народъ, въ отличіе отъ другихъ сословій, не заявляетъ неудовольствій на власть по своему управленію, оставаясь самъ себѣ судьей; при прежнемъ чиновничьемъ руководствѣ было бы теперь совсѣмъ иное. Видимъ то же самое, въ болѣе полномъ объемѣ, въ нововоскресшихъ славянскихъ княжествахъ, устроившихся внѣ нашего руководства и начинающихъ понемногу устанавливать у себя этотъ порядокъ почти безсознательно. Въ плохенькой Сербіи, напримѣръ, возникшей изъ возстанія мужиковъ, между которыми не было даже народныхъ учителей, какихъ мы нашли между болгарами, въ настоящее

время внѣ столицы почти не видно чиновниковъ. Не смотря на сочиненную по западному образцу, но не входящую въ народные нравы конституцію, собирающаяся на короткій срокъ скупщина блюдетъ тамъ права и интересы населенія, не мѣшая князю править государственными дѣлами по своей мысли и не навязывая ему министровъ изъ краснобаевъ большинства; а между тѣмъ общественное мнѣніе достаточно вліятельно для того, чтобы министръ, вызвавшій положительное неудовольствіе, могъ удержаться на мѣстѣ. При такомъ дѣленіи правъ и обязанностей, народный сеймъ нуженъ лишь на нѣсколько дней въ году; онъ не направляетъ рѣшеній власти, а только повѣряетъ въ важныхъ случаяхъ ихъ цѣлесообразность, утверждаетъ налоги и выражаетъ желанія страны; отношенія его къ Государю совсѣмъ иныя, чѣмъ европейскаго парламента. Главное же, при этомъ полюбовномъ размежеваніи, государственная власть сохраняетъ свою цѣльность неприкосновенной, не въ теоріи только, а на практикѣ, что при парламентарныхъ формахъ мы видимъ въ одной лишь Англіи, потому, что тамъ и контролируетъ, и управляетъ одна и та же общественная сила; на материкѣ же эта спорная и всегда шаткая цѣльность достигается — или обращеніемъ конституціонныхъ учрежденій въ праздное зрѣлище, или временнымъ насиліемъ одной партіи надъ всѣми прочими, за которымъ неизбѣжно слѣдуетъ ожесточенная реакція.

Надо имѣть въ виду еще слѣдующее: при нынѣшнемъ нашемъ складѣ вызвать дѣйствительное русское мнѣніе можно не сословными выборами, по старинному, и не чуждымъ общинному устройству всенароднымъ голосованіемъ, по западному; его можно добыть только отъ земствъ, поставленныхъ въ правильныя отношенія къ крестьянскому населенію. Кромѣ того, въ одномъ земскомъ самоуправленіи можетъ заключаться впредь опорная сила государства, а потому нельзя будетъ обращаться къ землѣ иначе какъ черезъ него. Но въ земствахъ, какъ въ тѣсно сплоченныхъ группахъ, непремѣнно сложится заранѣе опредѣленное мнѣніе по каждому выдвигаемому вопросу и они не пошлютъ представителемъ иначе какъ члена своего большинства; а потому обязательное мнѣніе выборнаго (mandat impératif), не допускаемое на западѣ, станетъ у насъ основнымъ правиломъ. Но по нашимъ условіямъ это послѣдствіе приведетъ не къ затрудненію, а къ вящшей прочности общаго

устоя. Нельзя, конечно, допустить сбродную толпу избирателей навязывать депутату свое проходящее увлеченіе; наши же земскія собранія представляютъ узаконенную власть, истеченіе и продолженіе власти общегосударственной; каждое рѣшеніе ихъ и безъ того требуетъ полной обдуманности; при должной постановкѣ они будутъ вѣрно отражать мнѣніе и интересы своей мѣстности. Очевидно, что обязательное мнѣніе выборнаго (во всякомъ случаѣ обязательное только нравственно) послужитъ при такой обстановкѣ залогомъ двойной обдуманности, предохраненіемъ отъ случайнаго увлеченія партіями и личными интересами. Въ основаніе нашихъ совѣщательныхъ соборовъ, какъ то было и прежде, ляжетъ задатокъ той особенности, что они представятъ гораздо болѣе дѣловой характеръ чѣмъ западные парламенты (въ буквальномъ переводѣ — говорильни), занимающіеся въ девяти случаяхъ на десять пустымъ болтаніемъ обо всемъ на свѣтѣ; тѣмъ болѣе, что наши соборы должны быть непремѣнно краткосрочными и, кромѣ разсмотрѣнія бюджета, созываться не иначе, какъ по предустановленнымъ вопросамъ; а кромѣ того, выдѣленіе мѣстнымъ самоуправленіямъ всѣхъ заботъ, лишенныхъ прямо политическаго характера, поставитъ вопросы, возникающіе между землею и властію, въ болѣе тѣсный и опредѣленный кругъ, чѣмъ на западѣ. Нѣтъ повода ожидать столкновеній тамъ, гдѣ вѣковое, укорененное въ народномъ сознаніи правительство, совѣщается съ собраніемъ, подчиняющемъ по сущности своей задачи личныя стремленія вызрѣвшимъ и заранѣе взвѣшеннымъ желаніямъ страны, гдѣ выборный долженъ отчитываться въ своихъ дѣйствіяхъ, и гдѣ столько взаимныхъ *мѣстныхъ* интересовъ и взглядовъ будутъ уравновѣшиваться взаимно. Политическое собраніе такого рода невозможно тамъ, гдѣ населеніе не сгруппировано органически по мѣстностямъ, а потому Европа его не знаетъ; но нельзя не видѣть, что развитіе народнаго представительства на этомъ основаніи дастъ новый залогъ прочности, намъ свойственный.

Никакое земное учрежденіе не можетъ, конечно, обладать ненарушимостію математической формулы, всякое находится подъ вліяніемъ такого измѣнчиваго фактора, какъ людское настроеніе; но хотя мы видѣли до сихъ поръ типъ славянскаго государства лишь въ его зародышныхъ формахъ, нельзя не признать однакожъ, что въ немъ гораздо болѣе правды,

простоты и прочности, чѣмъ въ европейскомъ конституціонномъ, особенно же пересаженномъ на материкѣ. Одинъ Богъ знаетъ, когда племенной идеалъ государства осуществится въ Россіи въ своей полнотѣ; но складывающееся народное сознаніе ведетъ постепенно къ нему, и неможетъ вести ни къ чему иному, хотя бы потому, что въ немъ одномъ выражается наша дѣйствительность, подлинное и укоренившееся, а не сочиненное отношеніе народа къ власти.

Въ то время когда московскій фабрикантъ, поволжскій купецъ и дѣльный земецъ начинаютъ сознавать болѣе или менѣе ясно наше естественное направленіе, Русская имперія даетъ конституцію освобожденной ею Болгаріи. По этой конституціи иностранцы судятъ теперь о нашихъ политическихъ идеалахъ; но есть ли въ ней хоть тѣнь возникающаго на нашихъ глазахъ русскаго сознанія? Вмѣсто учрежденій, выростающихъ безъ посѣва на всякой предоставленной себѣ славянской почвѣ—владыки или князя и краткосрочной скупщины, каждаго по своей части, Болгаріи даютъ ту самую конституцію, которую офранцуженные заговорщики 14 декабря 1825 года хотѣли навязать нашему правительству, и отъ которой, къ счастію будущихъ поколѣній, оно отбилось картечью.

Второй примѣръ изъ внутренной жизни.

Съ тѣхъ поръ какъ переломъ 19 февраля 1861 года привелъ офиціальную среду въ непосредственное соприкосновеніе съ почвою, оказывается, что взаимное пониманіе между правящими и управляемыми, въ томъ видѣ, какъ оно существовало недавно между тою же средою и дворянствомъ, положительно у насъ порвалось. Въ правительственныхъ кругахъ перестали понимать съ достаточною ясностію значеніе новыхъ общественныхъ стремленій; тамъ переводятъ ихъ на европейскія понятія и изъ бѣлаго выходитъ черное. Все, чего желаетъ современная Россія и чѣмъ она будетъ довольствоваться очень долго, можетъ быть всегда, все что нужно для устраненія нынѣшней смуты въ умахъ, до такой степени не умаляетъ обаянія Верховной власти, что желанія эти навѣрное не встрѣтили бы, не могли бы встрѣтить отпора свыше въ московской Руси, еслибъ до нихъ отчетливо додумались въ тѣ времена. Мало того, самая власть стремилась въ старину къ тому же, чего хочетъ нынѣ большинство, Иванъ Грозный приступалъ къ устройству земли на коренныхъ русскихъ на-

чалахъ, онъ же созывалъ земскихъ людей для писанія законовъ, первые вѣнценосцы дома Романовыхъ собирали вокругъ себя народъ какъ свою семью. Взаимность была полная. Со временъ Петра исчезли формы, въ которыхъ проявлялась взаимная связь, съ царствованія же императора Павла исчезъ самый духъ прежнихъ отношеній, хотя перемѣна обнаружилась въявь только съ упраздненіемъ помѣстнаго дворянства, разъединявшаго до тѣхъ поръ власть съ почвою непроницаемой перегородкой. Но именно съ тѣхъ поръ коренная Россія стала явно проростать сквозь наслойку воспитательной эпохи и естественныхъ образомъ возвращается къ своимъ основнымъ преданіямъ, хочетъ примѣнять учрежденія къ народному духу болѣе отчетливо чѣмъ прежде, въ силу высшей сознательности. Офиціальная же среда смотритъ на это проростаніе иными глазами и объясняетъ его примѣрами западнаго революціоннаго движенія. Надо сказать: у насъ дѣйствительно возникаетъ великая распря, но не между духомъ вѣка и историческою властію, отстаивающею свои наслѣдственныя права, какъ думаютъ, кажется, въ большинствѣ чиновныхъ кружковъ, а между самыми вѣрноподданными *русскими* стремленіями и *нерусскою* закваскою казенной среды, чуждой духу нашей исторіи, видящей революцію тамъ, гдѣ русскіе люди ищутъ только самоустройства подъ покровомъ вѣковой власти. У насъ до сихъ поръ не мало вліятельныхъ людей, считающихъ все русское въ Россіи контрабандою и заговоромъ, людей о которыхъ покойный Самаринъ сказалъ, что любители европеизма и покровители противо-государственныхъ интересовъ на окраинахъ всегда оказываются душителями всякаго проявленія жизни на непосредственно русской почвѣ. Умомъ и чутьемъ страна начинаетъ понимать эту суть дѣла, начинаетъ подмѣчать въ средѣ правительства и администраціи многочисленныхъ противниковъ народнаго духа, стоящихъ вразрѣзъ самымъ естественнымъ и законнымъ ея стремленіямъ—убѣжденіе въ которомъ несомнѣнно заключается великая опасность, но опасность отъ которой можно погибнуть только по доброй волѣ.

Очевидно, что главное побужденіе нашихъ офиціальныхъ западниковъ, старающихся затормозить развитіе народной жизни, заключается въ желаніи удержать въ своихъ рукахъ бюрократическій произволъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ несомнѣнно что они именно пошли бы охотнѣе всѣхъ на конституцію, что-

весьма понятно, такъ какъ она нигдѣ не препятствуетъ бюрократическому преобладанію и затѣмъ, одна только эта форма окончательнаго исхода понятна людямъ, оторвавшимся отъ русской почвы. Очевидно однакожъ что въ понятіи большинства (которое при нынѣшнихъ порядкахъ не имѣетъ возможности явно высказаться), нашъ основной вопросъ идетъ не о Самодержавіи, ограждаемомъ положительною народною волею, а о формахъ Самодержавія, о замѣнѣ пріемовъ воспитательной эпохи коренными русскими отношеніями верха съ низомъ. Ежедневный опытъ за одно съ здравымъ смысломъ убѣждаютъ, что съ истеченіемъ подражательнаго вѣка нашей исторіи, въ виду зачинающагося самостоятельнаго развитія, правительство не можетъ больше вести русскаго человѣка къ неизвѣстнымъ цѣлямъ безъ его вѣдома, ни предрѣшать этихъ цѣлей въ кружкѣ должностныхъ лицъ, какъ не считало того возможнымъ и прежде, до Петра Великаго; что оно не въ силахъ опекать болѣе безчисленныя, постоянно усложняющіяся мѣстныя потребности, посредствомъ своей бюрократіи, не въ состояніи даже сдерживать наружный порядокъ безъ опоры связной и признанной общественной силы; но во всемъ томъ не заключается вопроса о Самодержавіи, какъ источникъ власти. Самодержавная власть какъ и конституціонная, можетъ выражаться весьма различнымъ образомъ. Со времени миѳологическихъ династій боговъ никакой Государь не управляетъ и не можетъ управлять лично; онъ стоитъ въ главѣ даннаго государственнаго устройства и рѣшаетъ общее направленіе дѣлъ, предварительно подготовленныхъ въ духѣ установленныхъ порядковъ, господствующей и правящей средой; вся сила стало быть въ этихъ порядкахъ и этой средѣ. Государственная власть въ полномъ своемъ объемѣ вездѣ необходимо самодержавна и умѣряется только нравами. По коренной англійской поговоркѣ «король въ парламентѣ« неможетъ лишь одно: сдѣлать изъ мущины женщину и изъ женщины мущину. Все остальное зависитъ вездѣ отъ склада и предѣловъ правительственнаго дѣйствія, отъ взаимности его съ общественной средой и объема принимаемой имъ на себя задачи. Личное самодержавіе въ тѣсномъ единеніи съ землею представляетъ совершенно иной образъ правительства, чѣмъ самодержавіе бюрократическое, руководящее, или, правильнѣе, руководимое отрѣзаннымъ отъ земли чиновнымъ со-

словіемъ. При нынѣшнихъ нравахъ никто не считаетъ возможнымъ личнаго насилія со стороны Государя, какъ бывало прежде; а въ общихъ дѣлахъ правительство, не отгороженное отъ населенія всевластной бюрократіей, преслѣдующей свои личные интересы, стоящее передъ страной лицомъ къ лицу, не можетъ имѣть никакого побужденія противодѣйствовать сознательнымъ стремленіямъ народа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что земство, ставшее опорною силою государства, будетъ пользоваться по необходимости полнымъ довѣріемъ власти, а земство — это Россія. По духу основнаго начала, къ которому ведетъ насъ исторія, «полновластный Государь въ свободномъ народѣ» облеченъ самодержавіемъ для обще-государственнаго дѣла, не стѣсняя правъ ни общества, ни отдѣльныхъ лицъ.

Послѣдовательный ходъ исторіи ставитъ передъ Россіей вопросъ не объ источникѣ власти, а о перенесеніи центра государственнаго тяготѣнія съ обветшалой табели о рангахъ на самую почву, въ земство. Россія сдвинута уже властію съ прежнихъ основаній, дѣло это безповоротное, такъ какъ сломанъ самый фундаментъ, на которомъ стояли старые порядки. Слишкомъ долгая остановка на пути ведетъ къ тому лишь, что вмѣсто послѣдствій, одинаково желательныхъ для блага народа и спокойствія власти, являются несвойственныя народному духу анархическія попытки, раздвоеніе и рядъ недоразумѣній, грозящихъ окончательно сбить насъ съ вѣковаго пути на путь, вовсе намъ несвойственный. Мы не установимся вновь, пока не будетъ положено видимое для всѣхъ начало новому порядку, выдвигаемому не людскою волею, а исторіей, пока Россія, не утрачивая привычной цѣльности Верховной власти, не начнетъ обращаться изъ государства чиновничьяго въ государство земское.

Въ жизни народовъ главное зло времени становится почти всегда источникомъ и причиною всѣхъ золъ второстепенныхъ; они излѣчиваются не иначе какъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Первый шагъ приведетъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ къ разрѣшенію всѣхъ нашихъ затрудненій. Раздѣленіе съ землею нынѣшнихъ непосильныхъ правительственныхъ заботъ возвращаетъ власть въ свойственный и подобающій ей кругъ дѣйствій, ведетъ къ сокращенію казеннаго управленія до предѣловъ, указываемыхъ дѣйствительною потребностію, позволяетъ очистить его составъ отъ неподходя-

щихъ примѣсей, сосредоточиваетъ его въ рукахъ власти; рядомъ съ тѣмъ станетъ уменьшаться непроизводительный расходъ государства, вслѣдствіе чего откроется возможность облегчить рабочій народъ отъ подавляющей его тяготы. Всѣ запросы русской жизни, исчисленныя въ предъидущихъ письмахъ, въ томъ числѣ и церковный, укладываются въ однѣ и тѣ же рамки, осуществленіе всѣхъ ихъ зависитъ отъ одного и того же рѣшенія, возстановляющаго цѣльность нашего народнаго развитія.

По моему твердому убѣжденію, согласному съ убѣжденіемъ очень многихъ, исправленіе настоящаго и упроченіе будущаго зависятъ у насъ главнѣйше отъ одного условія: ничего не сочинять, чѣмъ исключается въ основаніи всякое помышленіе о сочиненной конституціи. Это условіе поставитъ явную грань между нашимъ грядущимъ и пережитою воспитательною эпохою, которая только сочиняла, не оставляя мѣста никакому органическому развитію. Я думаю, какъ высказался еще ранѣе, что «Россіи нужно покуда не окончательное рѣшеніе, а достаточный просторъ общественной дѣятельности и мысли, и достаточное сближеніе ея съ властію, для того, чтобы назрѣвающія потребности могли свободно облекаться, одна за другою, соотвѣтствующими формами, выдерживая повѣрку опыта и дополняя себя взаимно, пока изъ нихъ сложится постепенно нѣчто цѣлое; что намъ нужны учрежденія, выработанныя жизнію, а не измышленныя канцеляріями».

Независимо отъ сущности, никакія внезапныя, а тѣмъ болѣе отвлеченныя постройки общественныхъ порядковъ не годятся намъ по той уже причинѣ, что для нихъ не оказывается покуда соотвѣтствующаго личнаго состава. Вслѣдствіе многовѣковыхъ усилій сверху, русская почва возращаетъ покуда однихъ чиновниковъ, какимъ названіемъ ихъ ни окрещивай. Легко создать суды безъ судейскаго сословія и земства, отъ которыхъ бѣгутъ лучшіе земцы, но всякій видитъ, что теперь не этого уже нужно. Ничто не препятствуетъ правительству призвать для совѣта, хоть завтра, благонадежныхъ людей русской земли, это даже принесетъ большую пользу, но во всякомъ случаѣ плодотворное дѣло, прочная закладка нашихъ народныхъ учрежденій, возникнетъ не изъ петербургскихъ совѣщаній. Въ государствѣ, стоящемъ на 82-хъ процентахъ крестьянъ собственниковъ, все, что существуетъ на

верху, обусловливается правильною постановкою народнаго быта въ органической связи съ мѣстными просвѣщенными силами; при разнообразіи нашихъ бытовыхъ условій такіе вопросы не рѣшаются обще-государственною программою; когда же они будутъ рѣшены на мѣстѣ, тогда возникнутъ и суды, и земства, и соборы, удовлетворяющіе запросамъ русской жизни, а вмѣстѣ съ ними явятся люди, соотвѣтствующіе учрежденіямъ, тѣ люди, которые добросовѣстнымъ трудомъ, на мѣстѣ, подготовятъ для нихъ почву. Русская Россія можетъ сложиться только въ уѣздѣ и области.

По этому поводу надо прибавить еще слѣдующее:

Какъ ни странно доказывать, что Россіи предстоитъ развиваться въ русскомъ духѣ, но привычка думать по чужой указкѣ, усвоенная въ теченіе воспитательнаго періода, до того внѣдрилась во многихъ изъ насъ, что эту первоначальную истину приходится выяснять вовсе не узкимъ умамъ и не своекорыстнымъ людямъ, а вообще людямъ, не привыкшимъ провѣрять всякую мысль собственною головою.

Такіе люди часто серьезно повторяютъ: проведеніе коренныхъ русскихъ началъ въ нашу политическую жизнь, стоящую почти два вѣка на началахъ обще-государственныхъ (читай: космополитскихъ), можетъ повліять крайне невыгодно на нерусскія окраины. Какъ поступить въ такомъ случаѣ съ окраинами?

По здравому разсудку такое разсужденіе примѣняется, изо всѣхъ европейскихъ державъ, къ одной только Австріи.

Легко высчитать изъ статистики, что на осьмидесятимилліонное населеніе Европейской Россіи (въ настоящее время никакъ не менѣе), мѣстности, называемыя окраинами, то-есть Привислинскій край, Остзейскія губерніи и Финляндія составляютъ не болѣе 10% всего числа жителей. За исключеніемъ Италіи въ Европѣ нѣтъ ни одного большаго государства, заключающаго въ себѣ меньшую пропорцію сплошнаго инородческаго населенія; даже во Франціи наберется такой же процентъ кельтовъ и басковъ, а недавно еще вмѣстѣ съ эльзасцами, было больше. Азіатскія окраины, очевидно, не идутъ въ расчетъ, мы представляемъ тамъ высшее просвѣщеніе, и никому, вѣроятно, не приходило въ голову видоизмѣнять учрежденія коренной Россіи для сближенія ихъ съ потребностями туркестанскаго управленія. Далѣе. Всякій, даже изъ числа

тѣхъ, у которыхъ наибольше болитъ сердце объ окраинахъ, засмѣется, если у него спросить: могло ли бы наше правительство, сдерживающее окраины русскою силою, устоять при поддержкѣ этихъ окраинъ противъ владычествующаго народа, который естественно хочетъ прежде всего жить для себя и никакъ не пожелаетъ подчинять свою судьбу удобствамъ немногихъ инородцевъ? Взрывъ смѣха рѣшаетъ такой вопросъ лучше всякихъ разсужденій. Но за тѣмъ слѣдуетъ еще спросить: въ виду какой именно окраины наше народное развитіе называется особенно неудобнымъ? Конечно, не въ виду Финляндіи. При своемъ самоуправленіи эта страна остается довольною нами, какъ мы остаемся довольными ею; наши внутренніе вопросы до нея не касаются. Тоже, хотя по другой причинѣ, и съ царствомъ Польскимъ. Для людей, необольщающихся несбыточною мечтою объ обрусеніи этого края, единственное возможное разрѣшеніе польскаго вопроса, удовлетворяющее обѣ стороны, принадлежитъ къ области внѣшней, а не внутренней русской политики; покуда же остается только пріисканіе временнаго, сноснаго modus vivendi съ поляками.— Слишкомъ очевидно, что пригонять наши основныя учрежденія къ временнымъ мѣрамъ, потребнымъ въ этомъ отношеніи, было бы нелѣпицей. Остаются три прибалтійскія губерніи. Но кто не понимаетъ, что прочность владѣнія этими губерніями основывается до сихъ поръ исключительно на русской силѣ и потому все, укрѣпляющее насъ внутри, усиливаетъ эту прочность, все ослабляющее насъ ослабляетъ и её. — Еслибъ помѣстнымъ условіямъ оказалось необходимымъ видоизмѣненіе обще-государственныхъ установленій въ примѣненіи къ остзейскому краю, то никто, конечно, не станетъ особенно торговаться изъ-за него и обрекать Россію на неподвижность или ложное направленіе ради единообразія губернскихъ учрежденій въ Казани и Ригѣ.

Окраина, тормозящая развитіе русской жизни, существуетъ несомнѣнно, мы слишкомъ хорошо это чувствуемъ; но она находится не тамъ, гдѣ на нее указываютъ, она лежитъ во Петербургѣ и заключается въ обезличенной, на половину инородческой, фрачной и вицъ-мундирной средѣ, пріютившейся прямо или косвенно подъ казенною крышею, и ратующей изо всѣхъ силъ за увѣковѣченіе формъ воспитательнаго періода, который

произвелъ её на свѣтъ и порядками котораго она живетъ почти исключительно.

Среда эта очень сильна. Она составляетъ, можно сказать, домашнюю обстановку всѣхъ правительственныхъ отправленій; она располагаетъ большею половиною петербургской печати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что сдвинуться съ мѣста по желательному для нея направленію совершенно невозможно, на это не послѣдуетъ согласія ни сверху, ни снизу; и нельзя также не видѣть, что пришла пора на что-нибудь рѣшиться. Надобно поэтому надѣяться, что верховная власть, не поколебавшаяся сломать еще недавно свою явную многовѣковую опору, помѣстное дворянство, не остановится передъ скрытымъ сопротивленіемъ и умышленными отводами, исходящими отъ его собственныхъ орудій. —

ПРИПИСКА.

Долженъ сказать въ заключеніе: знаю впередъ, что многіе офиціальныя лица сочтутъ мысли, проводимыя въ этихъ письмахъ, непозволительнымъ вмѣшательствомъ въ права власти, которыя они считаютъ своими собственными правами. Въ ихъ глазахъ, не только дѣйствіе, но даже мнѣніе въ области государственныхъ порядковъ составляетъ неотъемлемую принадлежность правительства и должно быть возбранено частному человѣку; но подобный взглядъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о существующемъ у насъ раздвоеніи. Большинство офиціальной среды до сихъ поръ живетъ всѣми помыслами въ воспитательной эпохѣ, которая ограничивалась одною задачей: пересадкою къ намъ западныхъ формъ по своему выбору, для чего не было надобности въ содѣйствіи народнаго сознанія; оно и устранялось какъ излишнее своеволіе. Но срокъ пересадкѣ кончился и теперь надо забыть не только исторію, но законы природы, чтобы продолжать держаться такого взгляда. Развитіе сознанія и поступательное движеніе въ области мысли возможны лишь для сборнаго разума, для милліоновъ умовъ провѣряющихъ себя взаимно и выработывающихъ постепенно этимъ путемъ новые взгляды въ наукѣ, въ общественныхъ дѣлахъ, даже въ вѣрованіяхъ, во всемъ на свѣтѣ. Правительству принадлежитъ только дѣйствіе, оцѣнка вызрѣвшихъ народныхъ воззрѣній и признаніе за ними права на практическое осуществленіе. Внѣ исключительныхъ задачъ, подобныхъ прожитой нами воспитательной задачѣ, правительство не можетъ идти впередъ самостоятельно и разработывать зарождающіеся соціальные вопросы въ своихъ канцеляріяхъ.

Задача его состоитъ въ томъ, чтобы зорко слѣдить за созрѣвающими общественными убѣжденіями и явно выказавшимися потребностями, не отставая отъ народнаго сознанія.

Нашему переходному состоянію и нашему раздвоенію придетъ конецъ въ тотъ лишь день, когда не для кого будетъ доказывать такихъ простыхъ истинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПИСЕМЪ

О современномъ состоянiи Россiи.

	стр
Письмо I	1
» II	13
» III	25
» IV	32
Приложеніе къ письму IV	40
Письмо V	45
» VI	57
» VII	62
» VIII	70
» IX	80
» X	90
» XI	96
» XII	109
Приписка	125